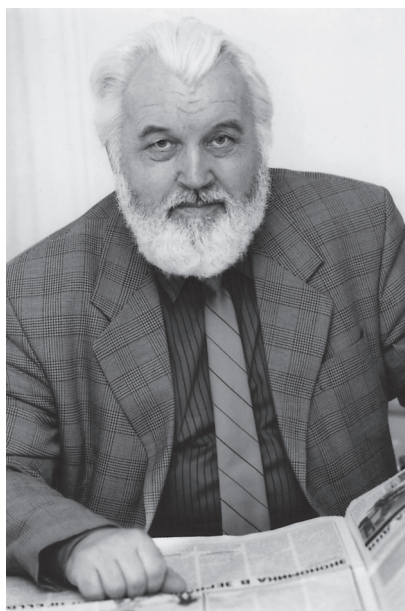

С. Г. Исаков

Культура русской эмиграции в Эстонии
1918-1940

С. Г. ИСАКОВ

КУЛЬТУРА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В ЭСТОНИИ
1918-1940

СТАТЬИ.
ОЧЕРКИ.
АРХИВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Книга печатается при финансовой поддержке фонда Eesti Kultuurkapital
(Эстонский капитал культуры)

Издание книги профессора Тартуского университета С. Г. Исакова приурочено к его 80-летию. Это сборник избранных статей, очерков, архивных публикаций известного ученого, написанных им за последние десять лет и посвященных истории культуры русской эмиграции в Эстонской Республике (1918-1940). В книге освещены общие проблемы русской эмиграции в Эстонии тех лет, даны биографические очерки – портреты незаслуженно забытых русских деятелей, приведены архивные документы, характеризующие положение эмигрантов в Эстонской Республике 1920-1930-х гг. с точки зрения современников.

Ответственный редактор Т. К. Шор
Обложка: Perioodika Repro
Макет и верстка: Нелли Котова

ISBN 978-9949-9130-4-6

© С. Г. Исаков. 2011
© Издательство «Aleksandra». 2011

Содержание

От автора 7

Русские в Эстонии (1918-1940) как этнокультурный феномен 11

Источники и история изучения русской эмиграции в Эстонии (1918-1940). *Обзор* 23

Русские в Эстонии 1920-1930-х гг. в мемуарной литературе 60

Вклад русских в становление государственности, в экономику и культуру Эстонии (1918-1940) 80

Советская литература в восприятии русских читателей в Эстонии 1920-1930-х гг. 99

Русский фашизм в Эстонии 1920-1930-х гг. 120

БИОГРАФИКА. Портреты русских деятелей в Эстонии

Базилевские: отец и сын 149

Новое о Борисе Вильде 165

Борис Вильде. Русские в Эстонии 183

Многоликий К. К. Гершельман 188

Леонид и Лидия Пумпянские. *Опыт биографии* 220

О жизни и творчестве Н. И. Франк 248

Б. В. Энгельгардт. *Опыт жизнеописания* 274

АРХИВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Записка М. И. Соболева «Русские беженцы в Эстонии» 305

М. И. Соболев. Русские беженцы в Эстонии 309

Записка А. К. Байова «Русская эмиграция в Эстонии» 320

А. К. Байов. Русская эмиграция в Эстонии 328

Библиографические примечания 348

Именной указатель 350

ОТ АВТОРА

Книга включает избранные работы, выполненные за последние десять лет. Это статьи, биографические очерки и публикации архивных материалов о русской эмиграции в Эстонии 1918-1940 гг. Большая часть их уже была опубликована, но есть и исследования, предлагаемые читателю впервые. Почти все работы из числа перепечаток прежних изданий исправлены и дополнены, некоторые даются в обновленной редакции и фактически представляют собой новый текст. К тому же надо обязательно иметь в виду, что большинство этих работ появилось в изданиях, которые выходили малым тиражом в разных странах и отсутствуют в наших библиотеках, недоступны или малодоступны читателям, даже исследователям.

Сборник является своеобразным продолжением более ранних работ автора этих строк¹ и, до известной степени, подведением итогов исследования русских в Эстонии 1920-1930-х гг. вообще (см. обзор «Источники и история изучения русской эмиграции в Эстонии»). Но хотя в центре внимания автора по-прежнему остаются русские в Эстонии в межвоенные десятилетия, тем не менее ракурс исследовательской работы изменился. В прежних трудах освещались все стороны жизни русских в Эстонской Республике, при этом речь шла прежде всего о русском национальном меньшинстве в стране, а не об эмигрантах, составлявших не более одной пятой части здешней русской общины. Прделанная работа, с одной стороны, позволяет перейти к более глубоким, аналитическим обобщениям имеющегося материала (см. статью «Русские в Эстонии (1918-1940) как этнокультурный феномен»). С другой же стороны, это позволяет сосредоточиться на более основательном рассмотрении именно эмигрантов, далеко не самой многочисленной группы русского населения республики, но очень важной во многих отношениях: именно эмигранты в первую очередь определяли культурный уровень русского национального меньшинства в Эстонии, составляли своего рода местную интеллектуальную элиту (см. статью «Вклад русских в становление государственности, в экономику и культуру Эстонии (1918-1940)»).

¹ См.: *Исаков С. Г.* Русские в Эстонии, 1918-1940. Историко-культурные очерки. Тарту, 1996; *Он же.* Очерки истории русской культуры в Эстонии. Таллинн: «Aleksandra», 2005; *Он же.* Путь длиною в тысячу лет. Русские в Эстонии. История культуры. Ч. I. Tallinn: INGRID, 2008. См. также: Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918-1940) / Под ред. проф. С. Г. Исакова. Тарту; СПб., 2001.

В первом разделе читатели также найдут ряд работ, посвященных культурным процессам в среде эмигрантов («Советская литература в восприятии русских читателей в Эстонии 1920-1930-х гг.»), отдельным политическим объединениям русских в Эстонии («Русский фашизм в Эстонии»; в соавторстве с В.А. Бойковым), мемуарной литературе о них и др.

Второй раздел – «Биографика». Его можно назвать и как «Литературные портреты русских деятелей в Эстонии». Появление этого раздела не случайно, так же как закономерно обращение исследователей к новой научной дисциплине – *биографика*. Оно связано с глубокими изменениями в общественном сознании людей второй половины XX в., с процессом усилившейся гуманизации научного знания, с всё обострившимся интересом ученых к личности человека, к сохранению его индивидуальности в условиях всеобщей стандартизации. На смену преимущественному вниманию к социально-экономической проблематике в исторических исследованиях всё чаще приходит интерес к отдельной человеческой личности, к ее индивидуальному жизненному опыту, к ее биографии, к «микроистории». Биографии рассматриваются как соединительное звено проблемной и событийной истории, как одна из возможностей более глубокого постижения прошлого и настоящего. Через биографии, как выясняется, можно раскрыть очень многие стороны жизни общества.

Среди шести биографических очерков, представленных в книге, пожалуй, лишь один принадлежит сравнительно широко известному лицу. Остальные же – деятели, до сих пор не привлекавшие особого внимания исследователей. Автора интересуют не только «руководящие» деятели, но и рядовые труженики, жизненный путь которых порою даже лучше раскрывает своеобразие описываемой эпохи. Впрочем, рассматриваемые в этом разделе книги фигуры не столь уж незначительные; просто они незаслуженно забыты, еще не стали объектом научного исследования.

Третий раздел – архивные публикации. В него включены две «Записки» деятелей русской эмиграции в Эстонии 1920-1930-х гг. из Архива Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете в США. Эти «Записки» принадлежат двум видным деятелям русской эмиграции в Эстонии М. И. Соболеву и А. К. Баиову, хорошо осведомленным о жизни в стране, но принадлежавшим к разным лагерям эмигрантской ответственности. Для нас в этих «Записках» как раз особенно интересно различие в оценке положения русских эмигрантов в Эстонской Республике. «Записки» М. И. Соболева и А. К. Баиова дают ценный дополнительный материал для понимания русской эмиграции в Эстонии.

Поскольку книга составлена в значительной мере из уже ранее опубликованных текстов, то в ней оказалось немало повторов. Автор старался их свести к минимуму, но это не всегда удавалось без ущерба для понимания текста. Это особенно касается «Записок» М. И. Соболева и А. К. Баиова, где

в комментариях повторяются одни и те же факты. Мы, конечно, могли бы во второй «Записке» (А. К. Баиова) вместо ряда комментариев сделать просто отсылки к примечаниям первой записки (М. И. Соболева). Но это весьма затруднило бы, замедлило бы чтение текста, и мы решили отказаться от этого.

Приносим также извинение читателям за то, что из-за технических затруднений не придерживались единой системы постраничных сносок.

Сведения о более ранних публикациях включенных в это издание работ читатель найдет в разделе «Библиографические примечания».

Автор выражает глубокую благодарность ответственному редактору книги dr. phil. Татьяне Шор, проделавшей действительно огромную работу по редактированию текста, а также Миральде Коор, составившей именную указатель.

Русские в Эстонии (1918-1940) как этнокультурный феномен

Писательница Тамара Петровская-Халили в своей мемуарно-очерковой книге «Рассказы о русских людях» вспоминала первый послевоенный год, который она провела в лагерях для перемещенных лиц в Западной Германии. Там ей впервые пришлось столкнуться с русскими из разных стран русского рассеяния. «Я легко узнавала, откуда они. Как бывших советских граждан, так и эмигрантов из Парижа, Югославии или Польши легко узнавать по их манере говорить, по иностранным словам, которые они вставляли в разговор, по звуку их речи и построению фраз».¹ Но дело было не только в языке. Язык был лишь отражением более глубоких социо-этнических различий у русских разных стран.

Показательно также, что Т. Петровская-Халили отмечает сходство русских из Эстонии, Латвии и Литвы: они «все же чем-то были схожи друг с другом и чем-то объединяющим нас отличались от «парижан» или «югославов»».²

Представление о том, что Русское зарубежье далеко не гомогенно в плане региональном, географическом, в принципе, признается всеми, но очень слабо учитывается при рассмотрении русского эмигрантского общества 1920-1930-х гг. в целом.³ Чаще всего это сообщество предстает как некое единое целое. Если и заходит речь о его расслоении, то, в основном, имеется в виду идеологическая политическая дифференциация. Между тем региональные различия в русской диаспоре уже в 1930-е гг. были очень значительны. Они находили отражение во всех сферах жизни русских за рубежом, в их самосознании, менталитете.

¹ *Петровская-Халили Т.* Рассказы о русских людях. В Эстонии. «По дороге оттуда». В Америке. Нью-Йорк, 1994. С. 77.

² Там же.

³ Хотелось бы здесь выделить несколько работ, представляющих, скорее, исключение, нежели правило: *Йованович, Мирослав.* Русская эмиграция на Балканах, 1920-1940. М., 2005; *Савицкий, Иван.* Специфика Праги как духовного центра эмиграции // *Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1919-1939): (Méně známé aspekty) / Pod red. L. Běloševské.* Praha, 1999. С. 47-95.

Данная статья – это попытка рассмотреть русских в независимой Эстонской Республике 1918-1940 гг. как особый социально-исторический и культурный феномен.

Сразу же сформулируем основные положения статьи. В 1920-1930-е гг. в Эстонской Республике шел постепенный процесс формирования особой этнокультурной общности «эстонские русские» со своей субкультурой. Эта этнокультурная группа отлична как от русских в Советском Союзе, так и от русских, скажем, во Франции или в Америке. В то же время у нее много общего с русскими в Латвии, в какой-то мере в Литве и Финляндии, поэтому с известной долей условности можно говорить и еще об одной этнокультурной общности – русские стран Балтии. Ее мы здесь касаться не будем – это должно стать предметом специального исследования.

Процесс формирования особой этнокультурной группы «эстонские русские» интенсивно шел в 1930-е гг., но он не был завершен из-за событий лета 1940 г., советской аннексии Эстонии. В силу этого еще только формирующаяся общность была далека от таких признанных ныне классическими этнокультурных общностей, как шведы в Финляндии или французы в Канаде. Но, по моему глубокому убеждению, процесс шел именно в этом направлении, и это отличало русских в Эстонии от русских в других странах Европы.

Теперь, когда сформулирован главный тезис работы, можно приступить к более подробному изложению темы.

Указанная этнокультурная общность складывалась постепенно. На начальном этапе, в 1918-1920 гг., о ней не могло быть и речи. Был пестрый конгломерат бывших военных, северо-западников, беженцев из Петрограда, еще не считавших себя эмигрантами, русских, проживавших в Эстонии и до 1917 г., крестьян Печорского края и Занаровья, присоединенных к Эстонской Республике только после Тартуского мирного договора с Советской Россией в феврале 1920 г., старообрядцев Причудья, живущих здесь с XVIII века, и т. д. Пестроту этого конгломерата усиливали также идеологические различия, очень обострившиеся в годы революции и гражданской войны, когда восторжествовал принцип: «Тот, кто сегодня поёт не с нами, тот против нас». Сохранялись и старые, идущие от предреволюционной поры классовые социальные противоречия.

Различия между «коренными» русскими, гражданами Эстонской Республики, и эмигрантами, как правило, апатридами-нансенистами, весьма ограниченными в своих политических правах, сохранялись и далее. Они проявлялись еще и в начале 1930-х гг. Тем не менее шел, быть может, не очень быстрый, но непрерывный, постоянный процесс сближения разных прослоек русской общины, стирания граней между ними. На первый

план выступала этническая, языковая и культурная общность русских: все они говорили по-русски, чувствовали себя носителями русской культуры. Все они встали перед проблемой сохранения своего национального идентитета, сохранения себя как русских. Лишь немногие из них «обэстонивались». Это было первое, что всех сближало.

При этом очень важно, что русские осознавали себя именно как национальное меньшинство, а не как общество эмигрантов. Это как раз то, очень существенное, что отличало в плане социально-психологическом и этно-психологическом, в плане менталитета русских в Эстонской Республике от эмигрантов в других странах. Эмигранты, как правило, не воспринимают себя как национальное меньшинство. Точно также власти того государства, где они проживают, не считают их таковыми. Это другой тип самосознания. Правда, он был свойственен и части русских в Эстонии, но все же характерен не для большинства.

Никому бы в голову не пришла, например, во Франции или в Югославии идея культурной автономии русских, создания государственной системы культурного самоуправления русского национального меньшинства. В Эстонии эта идея нашла законодательное воплощение; другое дело, что русские так и не воспользовались предоставившимися им возможностями в этом направлении. Но свою субкультуру они все же попытались создать. Для эмигрантов вряд ли представляла в таком виде сама проблема национальной культуры. Эмигранты во Франции или в Чехословакии, конечно, считали себя хранителями, выразителями общерусской национальной культуры, уничтожаемой в Советском Союзе. Однако понятие особой субкультуры, обслуживающей только русских во Франции, для них было, скорее всего, нонсенсом. Для русских в Эстонии оно было реальностью.

С другой стороны, сближало и то, что практически все русские были бедны, старые социальные, классовые перегородки теряли свою силу. Идеологические расхождения сохранялись и даже порою проявлялись в резкой форме (в качестве примера можно привести неудачи в создании единого избирательного блока русских при выборах в эстонский парламент), но все-таки и они в целом не усиливались, а слабели. К тому же в среде русских возобладало негативное отношение ко всем видам политики, равнодушие к идеологическим установкам, поэтому проблемы идеологии – монархической, евразийской, младоросской, фашистской, коммунистической – вызывали интерес, находили отклик лишь в сравнительно узком кругу русских.

Русских сближала система образования на родном языке: в отличие от ряда стран Запада русские в Эстонии не отдавали детей в школы титульной нации; как раз наоборот – в первые годы независимости эстонцы

предпочитали отдавать своих детей в русские гимназии, так что властям даже пришлось прибегнуть к административным мерам, дабы прекратить это, с их точки зрения, «безобразие». В Эстонской Республике сохранялась единая система русского образования: функционировало около ста русских начальных школ, финансируемых государством, несколько русских гимназий, работали Русские высшие политехнические курсы. Такой законченной системы русского образования – за исключением стран Балтии – больше нигде в Русском зарубежье не было.

Русских сближала деятельность на удивление многочисленных культурно-просветительных, благотворительных, профессиональных, спортивных, религиозных обществ – по подсчетам Т. К. Шор⁴ их было зарегистрировано 541 – цифра колоссальная! Общества объединяли русских именно по этнокультурному, а не политическому принципу. Всё это стимулировало постоянно идущий процесс формирования принципиально новой этнокультурной общности – «русские в Эстонии». Этот процесс находил выражение и в многочисленных общенациональных мероприятиях – прежде всего в ежегодных Днях русского просвещения, общереспубликанских русских певческих праздниках, русских выставках, фольклорных и театральных фестивалях, праздновании юбилея А. С. Пушкина и т.д., и т.п.

Это был, конечно, стихийный процесс, который вначале не очень осознавался русскими в Эстонии, занятыми заботами о хлебе насущном. Но уже с конца 1920-х,⁵ в особенности же в 1930-е годы наиболее дальновидные и склонные к анализу местные русские деятели всё чаще начинают задумываться над своим положением, над вопросом: «Кто мы такие?». К этому времени им было уже ясно, что русские в Эстонии отличаются от русских в СССР (их все-таки здесь знали лучше, чем в Париже или Брюсселе), и от русских, например, во Франции.

Созданию особой этнокультурной общности «эстонские русские» способствовало множество факторов. На некоторые из них я уже указал. Необходимо обратить внимание еще на отдельные, очень существенные моменты.

Это прежде всего специфический состав русской общины в Эстонской Республике, очень отличный по своей структуре от русского населения в других странах. Собственно эмигранты (эмигранты в точном смысле этого слова) составляли не более пятой части русского населения

⁴ Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918-1940). С. 153.

⁵ См., напр., редакционную статью в сб.: Русский Дом. Сборник статей, посвященных идее «Русского Дома». Таллин-Ревель, 1929. С. 1.

Эстонской Республики. Большинство русских, проживавших в Эстонии, принадлежало к так называемому «старожильческому» русскому населению, обитавшему здесь еще до революции.

Эмигрантские общины в странах Европы и Америки были очень неполными по своей демографической, половой, социальной структуре. В них чаще всего преобладали бывшие военные. Так, в Югославии в начале 1920-х годов 69 % русских составляли мужчины, главным образом в возрасте от 18 до 40 лет.⁶ Это, в свою очередь, крайне отрицательно сказывалось на общей демографической ситуации, приводило к постоянному и быстрому сокращению числа русских, чему, правда, способствовал и процесс ассимиляции. Русская община Эстонии как раз была «нормальной», полной. В ней было широко представлено крестьянство (около 70 % русского населения), практически отсутствовавшее в других странах (за исключением Латвии). У эстонских русских был «нормальный» возрастной состав, обычное соотношение полов (в 1922 г. 44 590 мужчин и 46 519 женщин⁷). Рождаемость была относительно высокой, по крайней мере, выше, чем у эстонцев. Благодаря этому, несмотря на постоянный отток русского населения в другие страны, число русских в Эстонии не уменьшалось, правда, особенно и не увеличивалось.

Русские в Эстонии были расселены довольно компактно. Большая часть русского населения проживала на восточных окраинах республики – в Печорском крае, Принаровье, Причудье. Там в ряде волостей было сплошное русское население, была русская многослойная национальная среда со своими школами, церквями, монастырями, памятниками древнерусской старины и архитектуры (Печерский монастырь, Старый Изборск, Ивангородская крепость и др.). Да и в больших городах был солидный процент русских (в Нарве, например, около трети населения).

На эмигрантов из других стран эти русские очаги в Эстонии производили впечатление чудом уцелевших осколков старой Руси. Не случайно И. А. Лаговский, посетивший Эстонию в 1930 г., назвал свой очерк о ней «Почти на родине»,⁸ а писатель В. Оболенский заметил, что он ощущал себя здесь «просто в России», добавляя, что здесь больше подлинной

⁶ Раев, Марк. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции, 1919-1939. М., 1994. С. 39.

⁷ Eesti Riiklik Statistika. Rahva demograafiline koosseis ja korteriolud Eestis. 1922. Üldrahvalugemise andmed. Vih. I. Tallinn, 1924. Lk. 31.

⁸ Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. 1930. № 10. С. 23-36. Ср.: Седых, Андрей. Там, где была Россия. Париж, 1930.

Руси, чем в Стране Советов.⁹ Эту же мысль позже высказала и Зинаида Шаховская, вспоминая свою поездку в Эстонию в начале 1930-х гг.: «Три дня провела в Печорах – в России – не скрою, почувствовала себя там больше на родине, чем в Москве в 1956 году».¹⁰

Среди факторов, способствовавших формированию особого сообщества, – наличие в здешней русской диаспоре весьма многочисленной сильной прослойки интеллигенции, состоявшей прежде всего из эмигрантов, причем это были по преимуществу беженцы из столицы империи – Петербурга-Петрограда, которые пришли сюда вместе с отступающей белой Северо-западной армией Н. Н. Юденича. Образовательный, культурный уровень этой прослойки был высок. Она составляла своего рода местную русскую интеллигентную элиту.

Нельзя не отметить и сравнительно благоприятный для русских внутренний климат в Эстонской Республике. Почти все, кто имел возможность сравнивать положение русских в Эстонии с их положением в других странах русского рассеяния, отмечали, что здесь было лучше¹¹. Права национальных меньшинств на свой язык и на образование на родном языке гарантировались конституцией, был закон о культурной автономии. Правда, эти законодательные акты формально не относились к эмигрантам, не имевшим эстонского гражданства, но число апатридов-нансенистов всё время сокращалось и в 30-е годы было уже невелико (в 1934 г. их оставалось менее 8 000 из 92 000 русских). Эстонские власти толерантно относились к русским и не препятствовали их культурной деятельности (с политической деятельностью дело обстояло сложнее...).

Всё старшее и среднее поколение эстонцев хорошо знало русский язык; в силу этого не возникало особых языковых проблем в общении большинства русских с большинством эстонцев. Т. Петровская-Халили имела основание писать: в городах Эстонии «русский не чувствовал себя чужим, нежелательным иностранцем, отщепенцем».¹² Среди этнических эстонцев (особенно оптантов) было немалое число лиц, считавших себя людьми русской культуры. Из их среды вышел ряд видных русских обще-

⁹ *Оболенский В.* Поездка по Прибалтике // От Лифляндии – к Латвии. Прибалтика русскими глазами. Т. II / Сост. Ю. Абызов. Рига, 1999. С. 16-17 (первопубликация: Последние новости. 1930. № 3223).

¹⁰ *Шаховская, Зинаида.* В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 289.

¹¹ В 1927 г. Б. А. Никольский, организатор Постоянного бюро русских меньшинств в Женеве, писал: «Справедливость требует указать, что среди стран, в которых оказались русские меньшинства, на первом месте по порядочности отношения к меньшинствам стоит Эстония» (Новый журнал. 1980. Кн. 141. С. 221),

¹² *Петровская-Халили Т.* Цит. соч. С. 78.

ственных деятелей (русский национальный секретарь А. Янсон), писателей (Ю. Иваск, Б. Тагго, Е. Роос-Базилевская и др.), ученых (Л. Пуусепп). Факты русофобии среди эстонцев имели место (странно было бы, если б их не было!), но их все-таки не сравнить с русофобией, например, в Польше или в Румынии. Только с начала 1930-х гг., главным же образом после 1934 г., после утверждения авторитарного режима и ограничения демократических свобод в Эстонии, начал проводиться курс властей на «эстонизацию» русских. Ни к чему хорошему ни для эстонцев, ни для русских это не привело, но это уже предмет другого разговора.

Что же все-таки еще отличало «эстонских русских» от русских других стран российского рассеяния и что позволяет говорить о русских в Эстонии как особом феномене?

Вообще специфику отдельных центров русской диаспоры в самом общем плане определяет два главных фактора: состав русского населения и своеобразие окружения, местной обстановки. В данном случае это было эстонское окружение, эстонская обстановка. Кстати, это как раз тот момент, который отделяет русских в Эстонии от русских в Латвии. Русские, жившие на территории Эстонской Республики, не могли в той или иной мере не испытывать влияния эстонского окружения в самом широком смысле этого слова. Надо было знакомиться с эстонским языком, с эстонским менталитетом, образом жизни, в какой-то степени с эстонской культурой. Происходил процесс интеграции русских в эстонское общество, шел он естественным путем.¹³ Русские кое в чем использовали эстонский опыт даже в области культуры – сошлемся на русские певческие праздники, явно восходящие к эстонской культурной традиции.¹⁴ Вообще же имел место взаимный обмен культурными ценностями. Русские внесли определенный вклад в становление эстонской государственности (активное участие русских юристов в создание системы эстонского законодательства), финансового и банковского дела, в создание сланцедобывающей и сланцеперерабатывающей промышленности, особенно в создание эстонского балета, в развитие эстонского оперного искусства. Всё это эстонская специфика местной русской общины.

Для русской диаспоры в Эстонии был характерен и широкий феномен пограничья – географического (между Россией и Западом), политическо-

¹³ Подр. об этом см.: *Исаков, Сергей*. К проблеме культурной интеграции русских в Эстонии (1918-1940) // *Русские Прибалтики. Механизм культурной интеграции (до 1940 г.)*. Вильнюс, 1997. С. 29-47.

¹⁴ *Исаков С. Г.* Русские в Эстонии, 1918-1940. Историко-культурные очерки. Тарту, 1996. С. 76-83.

го (проживание в стране-«лимитрофе») и культурного.¹⁵ Собственно, этот феномен был свойственен и значительной части Русского зарубежья, но он особенно не осознавался, не акцептировался: акцент делался на других моментах. Русские в Эстонии эту свою «пограничность» ощущали весьма остро.

Специфика русской общины в Эстонии определила и особенности вклада местных русских в сокровищницу культуры Русского зарубежья. У эстонских русских мы не найдем высших художественных достижений мирового масштаба или великих открытий в области науки и техники, подобных тем, что были сделаны выходцами из России во Франции или США. Маленькая «периферийная» Эстония просто не могла предоставить таких возможностей людям русской науки и искусства. Достижения эстонских русских относятся к другой области – к сфере народной культуры.¹⁶

Уже по-своему уникальным явлением в жизни Русского зарубежья была культурно-просветительная работа русских в Эстонии, в частности, деятельность Союза русских просветительных и благотворительных обществ, объединявшего свыше 90 организаций.¹⁷ Одна из его инициатив имела самый широкий – во всей русской диаспоре – резонанс: русские из Эстонии были зачинателями проведения *Дней русской культуры*, ставших своего рода национальным праздником в зарубежье¹⁸. Решение о проведении *Дней русского просвещения* в Эстонии было принято в 1923 г., первые празднества состоялись в 1924 г. Их почин был поддержан на Совещании по борьбе с денационализацией в Праге в 1925 г. На нем было принято предложение об устройстве ежегодного праздника «День русской культуры» повсюду, где проживают выходцы из России. После этого во всей русской диаспоре и стали отмечаться и проводились вплоть до Второй мировой войны *Дни русской культуры*, значение которых для сохранения

¹⁵ Подр.: *Исаков, Сергей*. Русская литература в Эстонии 1920-1930-х годов как феномен культурного пограничья // Радуга. 1997. № 2. С. 105-117; *Исаков С. Г.* Очерки истории русской культуры в Эстонии. Таллинн, 2005. С.166-177.

¹⁶ Подр. см. об этом: *Исаков, Сергей*. Вклад русских из Эстонии в сокровищницу культуры Русского зарубежья 1920-1930-х гг. // Таллинн. 1998. № 12. С. 159-163.

¹⁷ См.: *Исаков С. Г.* Союз русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии (1923-1940) // Просветители. Сборник к 75-летию Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. Таллинн, 1998. С. 8-42; *Исаков С. Г.* Очерки истории русской культуры в Эстонии. С. 263-295.

¹⁸ См. предисловие к сб.: *День русской культуры*. Отчет о праздновании «Дня русской культуры» за рубежом в 1925 году. По поручению Педагогического Бюро составил Н. А. Цуриков. Прага, 1926. С. 5-7.

«русскости» в диаспоре очень велико. Правда, к сожалению, «первооткрывательская» роль русских из Эстонии в деле их проведения сейчас всё чаще забывается исследователями.

Важную роль в духовной жизни русских в Эстонии играла православная церковь. Православие, с которым было связано большинство русских в Эстонской Республике, помимо всего прочего помогало им сохранять свой национальный идентитет. Это, впрочем, относится не только к балтийскому региону, но вообще почти ко всем разбросанным по миру русским общинам.

Различие было в другом. Православная церковь за рубежом раздиралась внутренними противоречиями. Часть православного духовенства и вместе с ними часть прихожан вошла в состав Русской зарубежной церкви во главе с митрополитом Антонием (Храповицким) и с центром в Сремских Карловцах (Югославия). Она поддерживала монархизм и призывала вернуться к самодержавным порядкам. Западноевропейская епархия во главе с митрополитом Евлогием (Георгиевским) и с центром в Париже стояла на более либеральных и в плане политическом – более нейтральных позициях. Особое положение занимала американская церковь во главе с митрополитом Платоном (Рождественским). Были отдельные епархии, которые подчинялись московскому патриархату. Всё это (в особенности вопрос о подчинении московскому патриархату) вызывало острые конфликты, крайне отрицательно сказывавшиеся на положении церкви.

Русские в Эстонии не участвовали в этих конфликтах. Они входили в состав автономной Эстонской апостольской православной церкви (ЭАПЦ), в плане юрисдикции подчинявшейся константинопольскому патриарху. В ЭАПЦ во главе с митрополитом Александром (Паулусом) большинство составляли православные эстонцы. Было бы ошибочным утверждать, что в ЭАПЦ не было противоречий и порою весьма острых конфликтов между русской и эстонской частью верующих. Особенно болезнен был конфликт вокруг перехода на новый стиль. Но, по крайней мере, суть, характер конфликтов был совершенно иным, чем в православных приходах других регионов.

Своеобразную объединяющую роль в жизни православных Эстонской Республики играли монастыри – Печерский мужской и Пюхтицкий женский. Приезжие паломники поражались многотысячным крестным ходам здесь по храмовым и великим праздникам. Аналогичную роль в Финляндии играл Валаамский монастырь на Ладожском озере, привлекавший богомольцев и из стран Балтии.

Очень разностороннюю деятельность развернуло РСХД (Русское студенческое христианское движение). Это – общеевропейское объединение, но одним из центров его была Эстония. Только здесь оно расширило

свою деятельность, приступив в 1930-е гг. к созданию деревенских ячеек движения.¹⁹

В конце 1930-х гг. появляются уже основательные декларации своей «особости», своих специфических задач. Весной 1939 г. в обращении редколлегии сборника «Витязь» к читателям говорилось: «Мы, русское меньшинство в Эстонии, состоим в кровном и культурном родстве с русскими людьми всего мира, но у нас есть свои особенности, свои умонастроения, свои интересы, которые важны только для нас и которые, может быть, непонятны даже русским за пределами Эстонии... История соединила нашу судьбу с судьбою эстонского народа и государства. Эта связь с землей и эта воля истории создают нам особое положение и налагают особые обязательства. Вот почему мы не можем довольствоваться тем, что дает нам заграница».²⁰ Эта декларация – внешнее проявление того, что к концу 1930-х гг. процесс формирования особой этнокультурной общности «эстонские русские» уже шел полным ходом. Одновременно шло и становление особой субкультуры русских в Эстонии.

Поскольку конечный вывод был сформулирован мною в начале статьи, то нет необходимости в каком-то подведении итогов. В заключение я просто назову еще некоторые проблемы, которые характеризуют русских из Эстонии 1920-1930-х гг. Создание своих политических партий (Русский национальный союз) и парламентская деятельность русских, что было, правда, и в Латвии, но не было в других странах российского рассеяния. Некоторые особенности русского книгоиздательского дела в Эстонии, отличающие его от других стран (пик активности падает на 1935-1939 гг.).

Нельзя не отметить своеобразия русской литературы в Эстонии. Парижане все время жаловались на отсутствие родной национальной, в особенности языковой среды. Русские литераторы в Эстонии на это жаловаться не могли: они каждодневно слышали живой разговорный *народный* язык, а не только интеллигентную речь собрата по перу. Отсюда некоторые особенности языка местных авторов. Прочитав рассказ печорского поэта Бориса Семёнова, Зинаида Шаховская заметила: «Никто из молодых поэтов, живущих на Западе, не смог бы написать таким языком».²¹

Надо заметить, что в Эстонии мы сталкиваемся с уникальным для Русского зарубежья явлением – с живым интересом к фольклору. Мест-

¹⁹ Шувалова Е. Русское христианское движение крестьянской молодежи в Эстонии (1934-1940) // Труды Русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. II. Таллинн, 2003. С. 129-154.

²⁰ Витязь. 1939. Весна. [Таллинн]. С. 3.

²¹ Шаховская З. Цит. соч. С. 289.

ные деятели занимались собиранием русского народно-поэтического творчества на восточных окраинах республики, населенных русскими. На театральных подмостках ставились инсценировки народных праздников – «Щемерицкой свадьбы», «Городищенского гулянья» и др., имевшие успех у публики. В Печорский край приезжали для собирания и исследования русского фольклора и этнографических материалов ученые из заграницы, причем не только из числа русских эмигрантов. Три года подряд сюда на лето приезжала Эльза Малер из Швейцарии, написавшая позже солидный труд о фольклоре русских в Эстонии.

Тот факт, что большинство русского населения Эстонии проживало в деревне, имел далеко идущие последствия в разных сферах жизни и деятельности местных русских, как крестьян, так и интеллигенции. В среде интеллигенции возрождается интерес к старой русской демократической идеологии: образованный человек должен помочь народу (под ним, прежде всего, понималось крестьянство), поднимать его культурный уровень, утверждать в людях любовь к родной культуре и литературе и т.д. Многие представители русской интеллигентной молодежи прямо считали своим долгом «идти в народ». «У нас был народ, тот самый народ, которого можно и нужно было просвещать и без жертвенного служения которому русский интеллигент не мыслит полноценного существования»,²² – вспоминала Т. Петровская-Халили. Она сама в молодости была примером такого служения народу, завершившемуся, правда, жестоким разочарованием в подобном «народолюбии».

И это далеко не полный перечень вопросов, которые следовало бы еще затронуть при разработке темы данной работы.

Всей разносторонней деятельности русских в Эстонии был положен конец летом 1940 г., когда Эстонская Республика была аннексирована Советским Союзом. Практически все русские общества, организации, органы печати были закрыты, их активные деятели репрессированы, погибли в сталинских застенках и лагерях. Вся сформировавшаяся структура русской культуры в Эстонии была уничтожена. Начался совершенно новый период в жизни русских в Эстонии.

²² *Петровская-Халили Т.* Цит. соч. С. 81.

Источники и история изучения русской эмиграции в Эстонии (1918-1940)

Обзор

Прежде чем перейти к рассмотрению источниковедческой базы изучения русского населения Эстонии 1920-1930-х гг., надо обязательно указать на его специфические черты, очень отличающие здешнюю русскую общину от того, что характерно для других стран Русского зарубежья (за исключением государств Балтии). Как мы уже отмечали, большую часть русских, проживавших в Эстонии в 1918-1940 гг., составляло старожильческое русское население, обосновавшееся здесь еще до 1918 г., когда Эстония была частью Российской империи. Собственно же эмигранты были в Эстонской Республике (ЭР) в меньшинстве. По переписи 1922 г. в ЭР насчитывалось 91 100 русских (8,2 % населения республики). Из них 18 100 не имело эстонского гражданства,¹ это и были в большинстве своем эмигранты. Но они являлись наиболее активной частью русской общины Эстонии, прежде всего из них состояла русская интеллигентная элита и в значительной мере она определяла характер русской культуры в стране. Само собой разумеется, в общественной, культурной и особенно политической жизни ЭР участвовало также старожильческое русское население.

Постепенно сформировалась единая структура русского населения Эстонии, включавшая и «коренных» русских, и эмигрантов. Она фактически представляла своего рода русское национальное меньшинство в ЭР, если рассматривать его с внутриэстонской точки зрения, или же отдельную диаспору, с точки зрения Русского зарубежья. В нашем обзоре речь и пойдет об этой единой структуре русского населения Эстонии 1918-1940 гг., которая, без сомнения, являлась частью широкого Русского зарубежья, но состояла не только из эмигрантов.

¹ Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918-1940). С. 24.

Перейдем теперь к непосредственному рассмотрению источниковедческой базы изучения русских в Эстонии 1920-1930-х гг., какой она предстает исследователям сегодня.

Архивные источники по истории русской эмиграции в Эстонии в целом плохо сохранились. В архивах ЭР наших дней их мало. Это прежде всего следствие событий 1940/41 года – аннексии Эстонии Советским Союзом, установления советской власти, массовых репрессий белоэмигрантов, осуществленных органами НКВД. Некоторые материалы были вывезены из Эстонии эмигрантами (чаще всего немецкого происхождения), уехавшими в 1939-1940 гг. в Германию. По-видимому, часть материалов личных архивов, как и архивов эмигрантских организаций, была уничтожена самими их владельцами еще до аннексии летом 1940 г. и в первые недели после установления советской власти. Конфискованные НКВД при арестах материалы также большей частью пропали. Разбираться в личных архивах отдельных эмигрантов сотрудникам НКВД было некогда, тем более, что материалов для обвинительного заключения, как правило, и так хватало. По завершении следствия имеющиеся документы уничтожались.

По иному обстояло дело с архивами русских эмигрантских организаций и местных русских учреждений. После их закрытия, последовавшего сразу же вслед за установлением летом 1940 г. новой власти, архивы русских обществ и организаций были конфискованы и поначалу сохранялись. Они остались в оккупированном немцами Таллинне, были переданы оккупационными властями в Таллиннский городской архив и там погибли в ночь с 9 на 10 марта 1944 г. в результате пожара, вызванного мощной бомбардировкой города советской авиацией.

Сохранились списки уничтоженных при бомбардировке архивалий.² Погибли архивы трех главных русских организаций в ЭР 1920-1930-х гг.: Русского национального союза (136 ед. хр.), Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии (108 ед. хр.) и Центрального русского учительского союза (47 ед. хр.). Были уничтожены архивы еще целого ряда русских организаций – Русского клуба, считавшегося центром местных русских монархистов, Русского Дома, Таллиннского русского учительского союза, общества «Витязь» (главной русской молодежной организации в столице республики), Общества помощи бывшим русским военнослужащим, Общества помощи больным эмигрантам и др. Погиб небольшой архив Русского частного политехнического института – единственного русскоязычного высшего учебного заведения в

² Tallinn tules. Dokumente ja materjale Tallinna pommitamisest 9./10. märtsil 1944 / Koost. J. Kivimäe ja L. Kõiv. Tallinn, 1997. Lk. 136-143.

ЭР тех лет. Особенно жаль личного архива центральной фигуры в лагере русских эмигрантов-монархистов в Эстонии, руководителя эстонского отдела РОВС'а генерал-лейтенанта А. К. Баиова (сам он скончался до событий лета 1940 г. – еще в 1935 г.).

Что же на сегодняшний день сохранилось в государственных архивохранилищах ЭР?

Исповедующие православие русские входили в состав Эстонской апостольской православной церкви (ЭАПЦ). Главным источником сведений о православных приходах в ЭР является архив Синода ЭАПЦ, находящийся в Историческом архиве Эстонии (далее – ИАЭ) в Тарту (ф. 1655). В этом фонде сосредоточены и документы Нарвской русской епархии, Нарвского епархиального совета, дела о деятельности русских православных приходов в Печорском крае, Пюхтицкого и Печорского монастырей, метрические книги госпиталей Северо-Западной армии за 1918-1920 гг. В ИАЭ хранятся фонды некоторых православных приходов, в том числе и русских. Документы за 1918-1940 гг. содержатся в фондах Олешницкой, Лохусууской (Логозской), Нинаской, Тартуской Успенской и других православных церквей Эстонии, но в большинстве своем – это метрические книги с 1918 по 1926 год. С содержанием всех этих фондов можно познакомиться на сайте ИАЭ (www.eha.ee), а также через общую электронную поисковую систему эстонских архивов (<http://ais.ra.ee>). Сведения биографического характера о православных священниках Эстонии собраны в личном фонде Давида Паппа, принятом на хранение в 2008 г. (ф. 5410).

Из архивов центральных эмигрантских организаций до нас дошли отдельные разрозненные документы Комитета русских эмигрантов в Эстонии (Государственный архив Эстонии в Таллинне, далее – ГАЭ, ф. 2944, 11 ед. хр.³). Несколько лучше сохранились документы русских студенческих организаций, фонды которых находятся в ИАЭ в Тарту. Здесь особую ценность представляет архив Общества русских студентов при Тартуском университете, одного из самых значительных русских объединений в ЭР, сыгравшего немаловажную роль в сохранении и развитии русской культуры в стране (ф. 1783, 191 ед. хр.⁴). Из других фондов ИАЭ отметим документы Союза русских студентов Эстонии (ф. 1784, 29 ед. хр.), Объединения русских студенческих организаций в Эстонии (ф. 1636, 6 ед. хр.), корпорации «Аэтерна» (ф. 1749, 91 ед. хр.), Христианского союза русских студентов (ф. 1659, 10 ед. хр.), а также архивы некоторых, преимуще-

³ Eesti Riigiarhiivi fondide teatmik. I osa. 1917-1944. Tallinn, 1993. Lk. 383.

⁴ Arhiivijuht. II. Haridus. Teadus. Kirik / Koost. L. Teedema. Tartu: Eesti Ajalooarhiiv, 2006. Lk. 275.

ственно тартуских организаций (Русское благотворительное общество в Тарту, русские общественные собрания в Тарту и Пярну).⁵

В ГАЭ и в Таллиннском городском архиве (далее ТГА) сохранились фонды русских гимназий и школ в Таллинне и других городах Эстонии.

Документы, касающиеся легальных русских обществ и организаций самого разного типа (политические, военные, культурно-просветительные, религиозные, молодежные, профессиональные и пр.), можно найти в ГАЭ в обширном фонде Министерства внутренних дел (ф. 14). На каждую официально зарегистрированную организацию заводилось особое «дело», откуда можно получить самые общие сведения о ней: когда она была зарегистрирована, устав, изменения в уставе, закрытие организации, если оно имело места, и пр. К сожалению, сведений о реальной повседневной деятельности обществ мы, как правило, в этих «делах» не находим.

Теперь об архивалиях, посвященных отдельным лицам. Другими словами: где мы можем найти биографические сведения об отдельных эмигрантах, оказавшихся в 1920-1930-е гг. в Эстонии, об их деятельности.

Как показала в специальном исследовании Т. К. Шор, отдельных личных фондов эмигрантов в государственных архивах очень мало. К ним можно отнести в ИАЭ фонд ученого и писателя, по национальности коми Каллистрата Жакова (ф. 1433, 7 ед. хр.); в Отделе рукописей и редких книг Библиотеки Тартуского университета – известного русского библиографа и библиофила Удо Иваска (ф. 33, 198 ед. хр.) и профессора-юриста Юрия Филиппова (ф. 44, 6 ед. хр.); в Эстонском литературном музее в Тарту – поэта Игоря Северянина (ф. 216. 70 ед. хр.),⁶ кстати, там же находится ценная личная библиотека Игоря Северянина. Часть личного архива даровитого писателя и художника из среды русской эмиграции К. К. Гершельмана, сохраненный его потомками, передан в рукописный отдел Тартуской университетской библиотеки автором этих строк.⁷ К при-

⁵ Подр. см.: Arhiivijuht. III. Haridus. Teadus. Vabad ühendused. Ettevõtted. Kollektioonid / Koostaja Lea Teedema. Tartu: Eesti Ajalooarhiiv, 2010.

⁶ Шор Т. Личные фонды русских деятелей в эстонских архивохранилищах // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. I. Таллинн: Авенариус, [1996]. С. 7-25.

⁷ Отдел рукописей биб-ки Тартуского университета (ОР б-ки ТУ). Фонд 182: К. К. Гершельман (1899-1951). 77 ед. хр. 1927-2007. В фонде собраны оригиналы и копии стихотворений, рассказов, пьес, философских и литературоведческих работ К. Гершельмана, обширная семейная переписка. Особую ценность представляют оригиналы и списки, в том числе неопубликованных текстов, писателей Русского зарубежья таких, как Елизавета и Иван Базилевские, Ирина Борман, Владимир Варшавский, Юрий Галь, Юрий Иваск, Борис Новосадов. Отметим также два карандашных портрета К. Гершельмана и его друга Ю. Иваска работы Е. Розендорф-Гершельман (ед. хр. 55, 56), а также фотокопию с картины К. Гершельмана «Сражение» (ед. хр. 44).

веденному выше списку можно еще добавить частный архив мемуаристки Т. П. Милютиной (1911-2004), находящийся в фондах Русского музея Эстонии в Таллинне.

Сведения о жизни и деятельности русских эмигрантов в Эстонии приходится искать в других архивных источниках.

Самую элементарную информацию о многих из них можно найти в ГАЭ в фондах Министерства внутренних дел и Полиции (Полицейского ведомства, ф. 1). В фонде МВД находятся личные дела лиц, получающих эстонское гражданство (надо иметь в виду, что большая часть русских эмигрантов, осевших в Эстонии, в конце концов получила эстонское гражданство). В фонде Полиции находятся регистрационные карточки иностранцев (к которым относились и русские эмигранты-нансенисты), их прошения о проживании в Эстонии, о разрешении на работу, списки лиц, пересекших эстонскую границу – приехавших сюда или, наоборот, покидающих Эстонию, и т.д. Из этих документов можно получить некоторые биографические сведения об отдельных эмигрантах, в частности о том, когда они оказались в Эстонии, где проживали и род их занятий. Кстати, весьма хорошо документированы как раз эмигранты-нансенисты. На каждого, кто получал нансеновский паспорт, заводилось специальное «дело» с фотографией и общими биографическими данными. Сохранилось 7069 подобных личных дел, причем при продлении срока действия старый паспорт с отметками о передвижении оставался в деле. Но все же эти архивалии дают мало данных о деятельности интересующих нас лиц. Отметим еще, что фотографии, адреса и некоторые биографические сведения об эмигрантах, проживающих в Таллине и Нымме, за период с 1919 по 1940 год имеются в специальной коллекции ТГА (ф. 186. 119 ед. хр.).

Если известно место работы или учебы эмигранта, то можно обратиться к фондам соответствующих предприятий, учреждений, учебных заведений. Так, в обширном фонде Тартуского университета в ИАЭ (ф. 2100) находятся большие по объему, основательные личные дела преподавателей и студентов, в которых содержатся ценные и достоверные данные об их жизненном пути, в том числе автобиографии, библиографии работ преподавателей, фотографии и метрические документы студентов и т.д. В университете работало 12 русских преподавателей⁸ и учился 821 русский студент.⁹ Данные об учащихся русских школ и

⁸ См.: *Танклер Х. Л.* Выходцы из России – преподаватели Тартуского университета 1919-1940 гг. // *Биографика. I. Русские деятели в Эстонии XX века / Сост. и отв. ред. С. Исаков. Тарту, 2005. С. 16-78.*

⁹ *Album Academicum Universitatis Tartuensis 1918-1944. I / Koost. L. Lindström, T. Hiio jt. Tartu, 1994. Lk. 98-99.*

гимназий и их преподавателях можно найти в фондах русских учебных заведений.¹⁰

Кое-какие материалы о деятелях искусства есть в Музее театра и музыки в Таллинне. Там имеются подборки материалов о русских театральных и музыкальных обществах, о русской музыкальной жизни в Нарве, где около трети населения составляли русские, а также подборки материалов о руководителе оркестров русских народных инструментов Георгии Медведеве и пианисте Владимире Падва. Копия альбома Степана Рацевича о театральной жизни Нарвы 1920-1930-х гг. хранится в ИАЭ в составе коллекции документов о культуре.¹¹

Наибольшие трудности возникают с выявлением материалов о политических деятелях, особенно тех, кто был связан с нелегальными объединениями. Напомним, что большая часть организаций монархистов, да и младороссов, сторонников Национально-трудового союза нового поколения, местных фашистов действовала нелегально. Их архивы, если они и были, не сохранились. Русскими деятелями, правда, интересовалась эстонская Политическая полиция, выполнявшая в ЭР функцию органа госбезопасности. В 1920-е гг. она весьма активно работала в двух направлениях: прежде всего против коммунистов, но также и против русских монархистов, поскольку они выступали за восстановление «единой и неделимой Российской империи», в которой не было места для независимой Эстонской Республики. Проводились обыски в организациях монархистов, аресты и высылки их членов.

Отдельные документы Политической полиции, касающиеся монархистов 1920-х гг. и борьбы с ними, находятся в ГАЭ.¹² Но в целом документы Политической полиции также сохранились плохо, очень выборочно. Как это ни парадоксально, больше всего сведений о русских политических и

¹⁰ В частности, хорошо сохранились архивы Тартуской русской гимназии (ГАЭ. Ф. 3319. 138 ед. хр.), Таллиннской гимназии общества «Русская школа в Эстонии» (ТГА. Ф. 155. 83 ед. хр.), Таллиннской русской торговой школы (ТГА. Ф. 156. 94 ед. хр.), Русской эмигрантской школы в Нымме (ТГА. Ф. 370. 74 ед. хр.) и др.

¹¹ ИАЭ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 264. Альбом С. В. Рацевича. Театральная и общественная Нарва. Труппы. Актеры. Сцены. Роли. 1920-1940.

¹² В основу нескольких работ Аурики Меймре о деятельности русских монархистов в ЭР положены документы эстонской Политической полиции, см.: *Меймре А.* «За веру, царя и отечество»: эпизод из деятельности русских монархистов в Эстонии // *Диа-спора: Новые материалы.* Вып. III. СПб.: Феникс, 2002. С. 267-292; *Она же.* Политическая деятельность А. В. Чернявского в Эстонии // *Балтийско-русский сборник.* Кн. 1 / Под ред. Б. Равдина и Л. Флейшмана. Stanford, 2004 (Stanford Slavic Studies. Vol. 27). С. 57-72.

общественных деятелях в Эстонии можно найти в фондах бывшего архива КГБ. Дело в том, что в 1940/41 году, в первый год советской власти в Эстонии, почти все русские политические, общественные, да и многие культурные деятели были арестованы органами НКВД. Сохранились с почти исчерпывающей полнотой их следственные дела, в которых содержатся протоколы их допросов и их признания. Эти документы хранились в последние десятилетия существования СССР в архивах КГБ, большей частью в Таллинне, но в некоторых случаях в Ленинграде (следствие по делу наиболее видных белоэмигрантских деятелей велось именно там ленинградскими сотрудниками НКВД) и в Пскове. Основной массив документов КГБ был вывезен перед восстановлением независимости Эстонской Республики в 1991 г. в Россию, но следственные дела арестованных в 1940/41 году деятелей, видимо, были сочтены уже не относящимися к разряду особо секретных и оставлены в Эстонии. В настоящее время они находятся в Таллинне в *Филиале Государственного архива Эстонии* и доступны исследователям.

Показания репрессированных дают исследователям множество ценных сведений о всех сторонах жизни и деятельности русских в Эстонии 1920-1930-х гг., причем таких, каких невозможно найти в других источниках, в частности, о белогвардейских организациях и их работе. Русские эмигранты были очень откровенны на следствии; к тому же они, люди совершенно иного социально-психологического склада и воспитания, незнакомые с НКВД и его методами работы, не считали свою деятельность преступной. Следователи всячески поощряли эту наивную откровенность подследственных и предоставляли им все возможности для «чистосердечных признаний». Наш исследовательский опыт показал, что при известной осторожности эти документы можно использовать, из них можно извлечь много ценных сведений.¹³ Они легли в основу как ряда источниковедческих публикаций (о них ниже), так и многих исследований.

Если материалы следственных дел арестованных, хранящиеся в Таллинне, более или менее изучены исследователями (хотя, без сомнения, там можно обнаружить еще много нового, интересного), то документы, находящиеся в архивах России, еще мало использовались учеными.

Это же можно сказать и о находящемся в Таллинне *Частном архиве русских в Эстонии* Александра Дормидонтова, весьма пестром по своему составу, но представляющем безусловный интерес для науки.¹⁴ То же мож-

¹³ См. об этом: *Исаков С. П.* А. Богданов и дело эстонской группы Русской трудовой крестьянской партии // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. III. Таллинн: Авенариус, 1997. С. 5-7.

¹⁴ Давно назрела потребность в описании этого архива или хотя бы в публикации обзора его материалов.

но сказать по поводу частного архива Владимира Верзунова, собирающего материалы о деятелях морского флота и русских военнослужащих.

Отдельные документы о русской эмиграции в Эстонии можно найти и в архивохранилищах других стран: помимо России также в США, Чехии, Англии и др.

Некоторые материалы о русских в ЭР 1918-1940 гг. имеются в фондах пражского *Русского заграничного исторического архива* (РЗИА), ныне хранящихся в Москве, главным образом в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Там, в частности, находится личный фонд Р. С. Ляхницкого, документы нескольких русских кооперативных организаций в Эстонии и пр.¹⁵ Нельзя, однако, не отметить, что в фондах РЗИА материалов об Эстонии оказалось немного.

Некоторые архивные материалы, имеющие отношение к русской эмиграции в Эстонии, остались в Праге.¹⁶ Например, в фонде А. Л. Бема, хранящемся в Литературном архиве Музея национальной письменности, есть документы о Б. К. Семенове, видном общественном и политическом деятеле в ЭР, литераторе.

Материалы о русских писателях, проживавших в Эстонии, есть и в других архивах Москвы и Петербурга. Так, в Москве в Российском государственном архиве литературы и искусства хранится фонд Игоря Северянина (ф. 1152; другая часть его, как мы уже указывали, находится в Эстонском литературном музее в Тарту). В С.-Петербурге в Отделе рукописей Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома) имеется фонд крупнейшего русского прозаика В. Е. Гузика (Ф. 820), погибшего в сталинском лагере.

Довольно много материалов о русских в Эстонии мы находим в обширнейшем архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете в США. Там находится ценный архив белой Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича, воинские чины которой составляли основной костяк русского эмигрантского общества в Эстонии. В Гуверовском институте хранятся также автобиографии ряда русских ученых, членов Русской академической группы в Эстонии, записки А. К. Баиова и М. И. Соболева о русских эмигрантах в ЭР¹⁷, материалы о положении православной церкви в ЭР и пр.

¹⁵ См.: Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М.: РОССПЭН, 1999; Путеводитель. Т. 4: Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории Белого движения и эмиграции. М.: ГА РФ, РОССПЭН, 2004.

¹⁶ Русская и украинская эмиграция в Чехословацкой республике, 1918-1939. Путеводитель по архивным фондам и собраниям в Чешской Республике. Прага, 1995.

¹⁷ См. наст. изд. С. 305-347.

За последние 15 лет часть архивных материалов была опубликована в разных изданиях.¹⁸ В печати появились публикации архивных документов об отдельных русских политических объединениях (в частности, о фашистских группах в ЭР¹⁹) и эмигрантских организациях (в том числе о Союзе северо-западников²⁰), сообщения о хранящихся в архивах мемуарах,²¹ как и тексты некоторых воспоминаний, и т. п.

Пожалуй, больше всего публикаций архивных материалов и воспоминаний, как и исследовательских работ по истории русских в странах Балтии, появилось на страницах издающихся с 1996 г. сборников «Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике». Их выпускают поочередно исследователи Эстонии, Латвии и Литвы. Первые три тома (1996-1997) вышли в Таллинне (составитель и ответственный редактор проф. И. З. Белобровцева), тома IV-VI (1999-2000), VIII (2004) и X (2005) – в Риге (Ю. И. Абызов, сыгравший важную роль в налаживании издания «Балтийского архива»), а тома VII (2002) и IX (2005) – в Вильнюсе (П. М. Лавринец). Последний изданный к настоящему времени выпуск сборника – XI (2006) – вновь вышел в Таллинне (С. Н. Доценко). Публикации в сборниках чаще всего освещают историю культуры русских в странах Балтии, хотя целый ряд публикаций касается общественной и политической их жизни. При этом большая часть публикуемых работ посвящена именно 1920-1930-м гг., русской эмиграции в Прибалтике. Пу-

¹⁸ См.: Докладная записка ревельского благочинного А. П. Аристова министру исповеданий Северо-западного правительства (1919 г.) / Публ. и коммент. С. Г. Исакова // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. IX. Вильнюс, 2005. С. 163-174; Русские в Эстонии (по материалам ОГПУ СССР) / Публ. и примеч. В. Бойкова // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. V. Рига: Даугава, 1999. С. 73-104; Обзор Г. И. Тарасова «Русские в Эстонии» (1927) / Вступит статья, публ. и коммент. С. Г. Исакова // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. VI. Рига: Даугава, 2000. С. 94-164; Извлечения из показаний П. А. Богданова 12-31 июля 1940 / Публ. и коммент. С. Исакова // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. IV. Рига: Даугава, 1999. С. 48-87; 1939 год: русские в независимой Эстонии. Обращение председателей правлений Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии и Русского национального союза к Президенту Эстонской республики // Родина (Москва). 1993. № 3. С. 50-52.

¹⁹ Русские фашистские группы в Эстонии (1930-е гг.) / Вступит. статья, публ. и примеч. В. Бойкова // Труды РИЦ. Вып. II. Таллин, 2003. С. 70-120.

²⁰ Бойков В. А. Союз северо-западников // Белое движение на Северо-западе и судьбы его участников. Материалы междунар. Научно-ист. конференции в Пскове 10-11 окт. 2003 г. Псков, 2004. С. 96-108; *Он же*. Архивные материалы о Союзе северо-западников // Труды РИЦ. Вып. III. Таллин, 2004. С. 149-178.

²¹ Шор Т. Неопубликованные мемуары профессора Давида Гримма // Балтийский архив. Т. VI. С. 76-92.

бликации очень разнообразны по тематике и жанрам. Наряду с работами исследовательского типа, изданиями архивных документов, мемуаров, дневников, эпистолярного наследия русских деятелей, в «Балтийском архиве» можно найти рецензии, библиографические материалы.

Немаловажным компонентом источниковедения по интересующей нас теме является мемуаристика, но мы не будем здесь ее рассматривать, поскольку мемуарной литературе о русских в Эстонии 1918-1940 гг. в нашей книге посвящена отдельная статья. Отсылаем читателей к ней.

Очень важным источником сведений о жизни русских в ЭР являются материалы местной русскоязычной периодической печати, прежде всего газет, на страницах которых освещались все стороны жизни русского населения. Здесь печатались аналитические и юбилейные статьи об обществах, приводились сведения о русских политических, общественных и культурных деятелях, их некрологи и т. д. В ЭР выходило большое число газет (особенно в первые годы ее существования) – всего примерно сто, правда, многие из них были «однодневками», издавались очень короткий срок.²² Большинство исследователей русской диаспоры в Эстонии 1918-1940 гг. широко использует газетные материалы в своих работах.

К сожалению, у нас фактически нет указателей содержания русских периодических изданий, что крайне затрудняет работу с ними, отнимает у исследователей много времени, которое они вынуждены вновь и вновь тратить на их постраничный просмотр в поисках нужных материалов. Вышедший в 1998 г. в Москве опыт био-библиографии Ольги Фигурновой²³ содержит такое множество фактических ошибок, неточностей и пропусков, что пользоваться этой книгой опасно.²⁴

Наиболее часто исследователи обращаются к ежедневным газетам, выходившим в Ревеле (Таллинне): «Свободная Россия» («Свобода России»), «За свободу России»; 1919-1920), «Последние известия» (1920-1927),

²² См. библиографии русских периодических изданий, выходивших в ЭР: Eestis ilmunud saksa-, vene- ja muukeelne perioodika 1675-1940 / Toimetanud E. Annus. Tallinn, 1993 (Eesti retrospektiivne rahvusbibliograafia. V osa). Lk. 273-368; Никаноров А. Б. Предварительный список периодических изданий русского зарубежья Латвии и Эстонии (1919-1940 гг.) // Историко-библиографические исследования. Сб. научных трудов / Российской нац. б-ка. Вып. 5. СПб., 1995. С. 211-233.

²³ Русская печать в Эстонии, 1918-1940. Био-библиографические и справочные материалы к изучению культурной жизни русской эмиграции. В двух выпусках / Сост. О. Фигурнова (РАН. Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького). М.: Наследие, 1998.

²⁴ См. рецензии на книгу О. Фигурновой: Балтийский архив. Т. V. С. 166-226 (С. Исаков); Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 421-423 (Г. Пономарева); Akadeemia. 2000. Nr. 2. Lk. 406-409 (G. Ponomarjova).

«Вести дня» (1926-1940), «Наша газета» (1927-1928). Из еженедельников важен «Таллинский русский голос» (1932-1934), а из не таллинских газет – «Старый нарвский листок» (1925-1940). Впрочем, обращение к тому или иному периодическому изданию обусловлено обычно темой исследования. Естественно, что исследователь эмигрантов-монархистов в Эстонии обратится к монархистским органам печати – это «Ревельское время», «Ревельское слово», «Час», «Наш час» (1925-1927), а исследователь эсеров – к их прессе, т. е. к газетам «Народное дело», «За народное дело», 1920-1921, и т. д.

До сих пор почти не использовались публикации о русских в Эстонии в печати других стран, в особенности в рижской «Сегодня», имевшей широкое распространение в ЭР. Они пока в полном объеме и не выявлены.

Еще одним важным источником при изучении русской общины в Эстонии 1918-1940 гг. являются всевозможные справочные издания. Такого типа издания стали появляться еще в 1920-1930-е гг., хотя их было немного. К справочным изданиям тех лет можно отнести сборник, выпущенный к 10-летию Общества русских студентов при Тартуском университете, включавший краткую историю объединения и перечень его членов.²⁵ Заслуживает внимания юбилейное издание к 10-летию Русской академической группы в Эстонии (объединение русских ученых в ЭР) с весьма подробным обзором ее деятельности за этот период, со списком ее членов и с перечнем их научных трудов.²⁶ Большую ценность представляет книга, выпущенная к 10-летию Таллиннской русской городской гимназии. В ней можно найти список 643 ее абитуриентов, причем указывается, как далее сложилась их судьба.²⁷ В книгу включены и материалы о внеклассной деятельности гимназистов, в частности о замечательном литературном кружке при гимназии.

Затем в советский период в течение полувека новых справочных изданий, содержащих сведения об эмигрантах в Эстонии, не появлялось. Положение коренным образом меняется с конца 1980-х – начала 1990-х гг. И в Эстонии, и в России один за другим выходят всевозможные справочники – это биографические и энциклопедические словари, списки репрессированных, хроники литературной жизни и прочие издания, содержащие также сведения о русских деятелях в Эстонии 1920-1930-х гг.

²⁵ Общество русских студентов при Дерптском университете, 1920-1930. Тарту, 1930.

²⁶ Русская академическая группа в Эстонии. Очерк деятельности академической группы за десять лет (9-го декабря 1920-1930 г.). Юрьев, 1931.

²⁷ Городская русская гимназия. 1923-1933 / Под ред. З. Н. Дормонтовой. Таллин, 1933.

Начнем их обзор с эстонязычных справочников. За последние двадцать лет были выпущены в свет специализированные биографические словари о деятелях музыки,²⁸ изобразительного искусства и архитектуры,²⁹ театра,³⁰ эстонской школы (педагогах),³¹ писателях,³² спортсменах³³ и ученых.³⁴ К этой же типологической группе можно отнести и полный перечень студентов Тартуского университета за 1918-1944 гг. с краткими биографическими справками о них,³⁵ включающий сведения о более чем 20 000 студентов.

Если в биографическом словаре эстонской школы русские педагоги вообще не представлены, то в остальных справочниках можно найти заметки о некоторых, чаще всего наиболее известных русских деятелях, проживавших и трудившихся в Эстонии. Особой системы в отборе имен русских деятелей не видно,³⁶ но все-таки сдвиги к лучшему заметны. Укажем в этой связи еще на вышедшую в 2000 г. в качестве дополнительного 14-го тома «Эстонской энциклопедии» книгу «Эстонские биографии».³⁷ В ней можно обнаружить имена отдельных русских деятелей, в том числе и таких, которых не было в основных томах «Эстонской энциклопедии». На базе этого издания был подготовлен и в 2002 г. вышел из печати русскоязычный «Эстонский биографический словарь».³⁸ В нем, в основном, вкратце охарактеризованы деятели титульной нации, но все же читатель может найти справки и о ряде местных русских деятелей, их список был

²⁸ Eesti muusika biograafiline leksikon. Tallinn: Valgus, 1990; Eesti muusika biograafiline leksikon. Kd. 1-2. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2007-2008.

²⁹ Eesti kunsti ja arhitektuuri biograafiline leksikon. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 1996.

³⁰ Eesti teatri biograafiline leksikon / Koost. K. Haan, H. Aassalu, V. Paalma. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, Eesti Teatriliit, 2000.

³¹ Eesti kooli biograafiline leksikon / Koost. H. Rannap. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 1998.

³² Eesti kirjanduse leksikon / Koost. ja toimetanud O. Kruus. Tallinn: Eesti Raamat, 1995; Eesti kirjanike leksikon / Koost. O. Kruus, H. Puhvel; Toimetanud H. Puhvel. Tallinn: Eesti Raamat, 2000.

³³ Eesti spordi biograafiline leksikon / Koost. H. Saarmann, E. Teemägi. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2001.

³⁴ Пока вышло два тома «Биографического словаря эстонской науки» из четырех запланированных: Eesti teaduse biograafiline leksikon / Peatoimetaja K. Siilivask. Kd. 1-2. Tallinn: Entsüklopeediakirjastus, 2000-2005.

³⁵ Album Academicum Universitatis Tartuensis 1918-1944. I-III / Koost. L. Lindström, T. Hiio jt. Tartu, 1994.

³⁶ См. об этом: *Исаков С.* Русские в эстонских биографических словарях // Таллинн. 2001. № 21-22. С. 181-189.

³⁷ Eesti Entsüklopeedia. [Kd.] 14: Eesti elulood. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2000.

³⁸ Эстонский биографический словарь. Таллинн: KRK, 2002.

расширен сравнительно с эстонским изданием.³⁹ Однако в эти издания, естественно, вошли только самые крупные русские деятели, да и справки о них предельно кратки.

Из эстоноязычных справочников для реконструкции биографий русских деятелей 1920-1930-х гг. в Эстонии особую ценность представляют списки репрессированных в годы советской власти лиц с краткими сведениями о них.⁴⁰ В них указываются даты жизни и смерти осужденных, если они известны, местожительство в момент ареста, дата ареста, по какой статье осужден, в каком лагере отбывал наказание или где был расстрелян. Хотя исследователи уже обратили внимание на недостатки указанного трехтомного труда, тем не менее этот справочник остается важным источником сведений о многих русских деятелях в ЭР.

На русском языке выходили выборочные списки репрессированных с более подробными справками о них и с публикацией материалов из фондов НКВД (протоколы их допросов, показания).⁴¹

Появлялись также списки русских эмигрантов в Эстонии из числа военных с биографическими данными об их службе. Здесь надо отметить работы В. В. Верзунова (посвящены русским военным морякам⁴²), Р. А. Абисогомяна (посвящены генералам Российской армии⁴³) и в особенности книгу В. А. Бойкова.⁴⁴

³⁹ Круг персоналий, с одной стороны, был расширен, но, с другой стороны, к сожалению, из русскоязычного словаря выпали некоторые имена русских деятелей, имевшиеся в «Эстонских биографиях». Так, в нем мы не находим знаменитой певицы З. Юрьевской. Это следствие недосмотра составителей и редакторов русского издания.

⁴⁰ *Poliitilised arreteerimised Eestis 1940-1983. Kd. 1-3 / Koost. L. Õispuu. Tallinn, 1996-2005.*

⁴¹ См.: *Мартиролог. Перечень деятелей русской культуры в Эстонии, подвергшихся репрессиям после установления советской власти / Сост. и публ. В. А. Бойкова // Балтийский архив. Т. I. С. 122-153; Т. II. С. 5-56. Перепечатан в кн.: Бойков В. А. Два десятилетия русской культуры в Эстонии (1918-1940). Tallinn, 2005. С. 87-212.*

⁴² *Офицеры флота и чины морского ведомства, служившие в отдельном Северном корпусе – Северо-Западной добровольческой армии или пребывавшие в пределах Эстляндии после Октябрьского переворота и Гражданской войны в России / Автор-составитель В. В. Верзунов // Балтика. 2006. № 2. С. 233-249; № 3. С. 204-230; 2007. № 1. С. 201-229.*

⁴³ *Абисогомян Р. Краткие биографические сведения о некоторых генералах Русской армии, проживавших в Эстонии 1920-1930-х годов // Труды РИЦ. Вып. III. С.179-197; Он же. Биографические справки о генералах и адмиралах Российской императорской армии и флота, проживающих в Эстонии в 1920-1930-е гг. // Биографика. I. С. 238-257.*

⁴⁴ *Бойков, Виктор. Биографический словарь офицеров, чиновников и служащих белой Северо-Западной армии (1918-1920 гг.). Tallinn, 2006. 375 с.*

Наибольшее число персоналий представлено в словнике профессора Тартуского университета С. Г. Исакова, вышедшем уже тремя изданиями.⁴⁵ В первом издании насчитывалось примерно 1500 персоналий, во втором – 1900 и в третьем – 2400. Правда, следует учесть, что в книгу включены и русские деятели, связанные с Эстонией до 1918 г. В ней представлены лица, жившие и работавшие в ЭР, либо бывавшие здесь и оставившие след в общественной и культурной жизни страны, в науке, литературе и искусстве. Русские государственные, политические и военные деятели вводились в словник лишь в том случае, если они одновременно так или иначе участвовали в культурной и общественной жизни русских в Эстонии. Приводятся следующие сведения об отдельных деятелях: фамилия, имя, отчество, годы жизни, краткое определение рода его деятельности и как он связан с Эстонией. Вообще словник был задуман как подготовительное звено на пути к созданию биографического словаря русских деятелей в Эстонии, но он стал выполнять функцию справочника.

В поисках данных о русских деятелях в Эстонии исследователи обращаются и к справочникам, вышедшим в свет в России. Материалы о них есть в биографических словарях военных, прежде всего северо-западников,⁴⁶ деятелей искусства,⁴⁷ литераторов,⁴⁸ а также в многотомном справочнике некрологов Российского Зарубежья.⁴⁹

К числу важнейших справочников по Русскому Зарубежью обычно относят и разного рода хроники жизни русских в отдельных странах (чаще всего культурные хроники).⁵⁰ Хроники культурной, научной и об-

⁴⁵ Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. I. (до 1940 г.). Словник / Сост. С. Г. Исаков. Тарту, 1994 (РИЦ при Союзе славянских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии); Изд. 2-е, испр. и доп. Таллинн, 1996; Изд. 3-е, испр. и доп. Таллинн, 2006.

⁴⁶ См.: Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб.: Нева; М.: Олма-Пресс, 2002 (2003); *Он же*. Офицеры флота и морского ведомства. Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2004; Рутыч Н. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М.: Русский путь, 2002.

⁴⁷ См.: Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я. Художники Русского Зарубежья, 1917-1939. Биографический словарь. СПб.: Нотабене, 1999.

⁴⁸ См.: Словарь поэтов Русского Зарубежья / Под ред. В. Крейда. СПб.: РХГИ, 1999. См. также 4-х томную «Литературную энциклопедию Русского Зарубежья, 1918-1940» (ИНИОН РАН. Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 1997-2006).

⁴⁹ Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1997 (2001) в 6 томах / Сост. В. Н. Чуваков. М., 1999-2007 (Росс. гос. б-ка. Отдел лит-ры рус. зарубежья). Т. 1-6.

⁵⁰ См., напр.: Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920-1940. Франция. Т. 1-4 / Под общей ред. Л. А. Мнухина. М.: ЭКСМО, 1995-1997; Хроника культур-

щественной жизни русских в ЭР 1918-1940 гг. пока нет, но есть сравнительно недавно вышедшая в свет хроника русской литературной жизни в Эстонии тех лет, составленная коллективом авторов (С. Исаков, Т. Шор, Р. Абисогомян, Е. Шувалова, Г. Пономарева; научный руководитель – проф. С. Г. Исаков).⁵¹ К сожалению, по независящим от авторов причинам в публикации не указываются источники приводимых сведений. Другая беда: ни одна библиотека Эстонии не выписывает «Литературоведческий журнал», поэтому данная публикация практически недоступна читателям ЭР. Справочник надо бы выпустить отдельным изданием, дополнив его библиографическими данными об источниках всех приводимых сведений.

Весьма распространена в справочной литературе о Русском Зарубежье и такая ее разновидность как некрополи. Приходится констатировать, что настоящих, научно подготовленных некрополей по местам захоронения русских в Эстонии нет. На это, правда, претендует составленное Владимиром Илляшевичем описание таллинского Александро-Невского кладбища, центрального места захоронения русских деятелей в столице Эстонии.⁵² Действительно, в этой работе можно найти много сведений о захороненных на кладбище лицах, среди которых есть и русские политические, церковные, общественные и культурные деятели 1920-1930-х гг. К сожалению, в описаниях нередко фактические ошибки и поэтому приводимые Вл. Илляшевичем данные о захороненных нуждаются в проверке. В приложении к книге приводится впервые публикуемый труд местного старожила-краеведа И. Столейкова «Очерк истории храмов и кладбищ Таллина» (1953).

Функцию своеобразного справочника по Нарве выполняет коллективный труд сотрудников Нарвского музея, охватывающий все стороны жизни города и его прошлого, включая характеристику населения, системы образования, архитектуры, культуры, издательской деятельности, общественных организаций и пр.⁵³ Приводимые в книге данные касаются и периода первой ЭР, 1918-1940 гг.; в этом отношении особенно полезен

ной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Т. I: 1919-1929; Т. II: 1930-1939 / Под ред. Л. Белошевой. Прага: Слав. ин-т АН ЧР, 2000-2001; Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918-1941 / Hrsg. K. Schlögel, K. Kucher, B. Suchy, G. Thum. Berlin: Akademie Verlag, 1999.

⁵¹ Хроника литературной жизни русского зарубежья. Эстония (1918-1940) // Литературоведческий журнал (Москва). 2004-2005. № 18. С. 370-418; 2007. № 21. С. 265-436.

⁵² «...Своим присутствием животворили...». Таллинский Александро-Невский некрополь: имена и судьбы // *Илляшевич, Владимир*. Русские судьбы Эстонии. Таллин, 2007. С. 85-381.

⁵³ Нарва. Культурно-исторический справочник / Сост. Г. Смирнова. [Нарва:] Нарвский музей, 2001.

последний раздел с биографическими справками о нарвских деятелях прошлого.

Некоторые официальные акты и материалы, касающиеся национальных меньшинств и их культурной жизни в ЭР, опубликованы в подготовленном Анни Мацулевич эстоноязычном сборнике документов из фондов ГАЭ.⁵⁴ Подборка их не отличается репрезентативностью.

Поскольку значительную часть старожильского русского населения Эстонии 1920-1930-х гг. составляли старообрядцы, с конца XVII в. поселившиеся в эстонском Причудье, на западном берегу Чудского озера, то в ряде случаев возникает потребность обращаться к справочникам, посвященным местным староверам и их языку.⁵⁵

Обратимся теперь к исследовательской литературе, к истории изучения русских в Эстонии 1918-1940 гг.⁵⁶

До конца 1980-х гг. история русского населения в период первой ЭР была практически не исследована. На то были свои причины. Русским 1920-1930-х гг. было не до изучения своего недавнего прошлого, которое к тому же и не осознавалось как объект исторического исследования, было слишком «горячим», злободневным. В советский период, охватывающий полвека, изучение истории русской общины в Эстонии находилось под запретом или полузапретом. Власть предрешающие очень подозрительно относились к русской диаспоре в первой ЭР. Это было вызвано прежде всего тем, что наиболее активную ее часть составляли «белоэмигранты» и те местные русские, которые отнюдь не разделяли идей коммунизма. Не случайно весь цвет русского образованного общества Эстонии 1918-1940 гг. был репрессирован в сталинскую эпоху и почти полностью уничтожен, о чем нельзя было говорить и писать.

После смерти И. Сталина, начиная с хрущевской «оттепели», в уже несколько более либеральной обстановке, стало возможным изучение жизни и творчества Игоря Северянина, самого крупного русского поэта в первой ЭР, тем более, что он приветствовал установление советской власти

⁵⁴ О русском национальном меньшинстве см.: Vähemusrahvuste kultuurielu Eesti Vabariigis 1918-1940. Dokumente ja materjale / Koost. A. Matsulevitš. Tallinn: Olion, 1993 (Eesti Riigiarhiiv). Lk. 123-159.

⁵⁵ Пономарева Г., Шор Т. Eesti vanausulised. Väike kirikuloo teatmik = Староверы Эстонии. Краткий исторический справочник = The Old Believers of Estonia. A Brief Historical Survey. Tartu, 2006; Паликова О. Н., Ровнова О. Г. Словарь говора староверов Эстонии. Тарту, 2008.

⁵⁶ Подробнее об этом см.: Исаков С. Проблемы изучения истории русского национального меньшинства в Эстонии (итоги исследований) // Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Сб. статей / Сост. В. Бойков, Н. Бассель. Таллинн: РИЦ в Эстонии, 2000. С. 7-20.

в Эстонии.⁵⁷ Правда, большая часть работ о нем появилось уже в период перестройки.⁵⁸ Л. Тормис в монографии, посвященной истории эстонского национального балета, указала на роль русских балетных студий 1920-1930-х гг. в его становлении.⁵⁹ В монографии этнографа Е. В. Рихтер сохранились данные о жизни и быте старообрядцев в Эстонии, в том числе и в предвоенные годы.⁶⁰ Публикации же о политической и общественной деятельности русских в Эстонии 1918-1940 гг. по-прежнему оставались под запретом.

За рубежом, на Западе, до середины 1980-х гг. также незаметно интереса к теме «Русские в Эстонии». В общих трудах о русской эмиграции можно было встретить кое-какие данные о русских в Эстонии (см., напр., известный труд П. Е. Ковалевского «Зарубежная Россия», 1971-1973), однако это были обрывочные и зачастую случайные сведения, не дающие почти никакого представления о русской диаспоре в ЭР.

Только в 1988 г. появляется книга на английском языке профессора Иллинойского университета в США Темиры Пахмус (эмигрантки из Эстонии), посвященная русской литературе в странах Балтии в период между двумя мировыми войнами.⁶¹ В этой книге много ошибок и странных пропусков,⁶² но, при всем том, в ней впервые были даны обзор русской литературы в Эстонии 1920-1930-х гг., характеристика крупнейших местных русских авторов, приведены в переводе на английский язык образцы их творчества. Т. Пахмус первой попыталась определить место русских авторов из Эстонии, Латвии и Финляндии в истории русской эмигрантской литературы, постаралась показать, что их творчество отнюдь не было второразрядным провинциальным ответвлением этой литературы.⁶³

⁵⁷ См.: *Adams, Valmar*. Igor Severjanin Eestis // V. Adams. Vene kirjandus, mu arm. Kirjandusteaduslikke artikleid ja esseesid. Tallinn: Eesti Raamat, 1977. Lk. 320-327; *Адамс В.* Утопия Игоря Северянина // Там же. С. 328-338.

⁵⁸ См.: *Круус Р.* Новые данные о жизни и творчестве Игоря Северянина // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 683. 1986. С. 32-37; *Исаков С.* Игорь Северянин и Эстония // Таллин. 1987. № 3. С. 79-86; *Kruus, Rein*. Postuumne Severjanin // Keel ja Kirjandus. 1987. Nr. 5. Lk. 285-297; *Kruus, Rein*. Eesti ja Igor Severjanin // Looming. 1987. Nr. 5. Lk. 682-693; *Issakov, Sergei*. Eesti Igor Severjanini loomingus // Keel ja Kirjandus. 1987. Nr. 7. Lk. 395-404.

⁵⁹ *Tormis, Lea*. Eesti balletist. Tallinn: Eesti Raamat, 1967. Lk. 29-44.

⁶⁰ *Рихтер Е. В.* Русское население Западного Причудья (Очерки истории материальной и духовной культуры). Таллин, 1976.

⁶¹ *Pachmuss, Temira*. Russian Literature in the Baltic between the World Wars. Columbus, Ohio, 1988. P. 13-50, 59-251.

⁶² См. рецензию С. Исакова и П. Торопа на книгу Т. Пахмус: *Akadeemia*. 1990. Nr. 7. Lk. 1501-1509.

⁶³ См. также другие работы Т. Пахмус: *Russian Culture in the Baltic States and Finland, 1920-1940* // *Journal of Baltic Studies*. Vol. XVI. 1985. № 4. P. 383-402; Tallinn: Die russische Emigration

С конца 1980-х гг. у русских, проживающих в Эстонии, пробуждается интерес к своему культурному прошлому, начинаются поиски своих национальных корней, культурных традиций, преемственная связь с которыми была искусственно прервана в советский период. Нет основания утверждать, что это было массовым явлением, но оно все же характерно для части местной русской интеллигенции. Возрастает число публикаций произведений русских писателей, живших и работавших в Эстонии 1920-1930-х гг. В 1989 г. в журнале «Радуга» по инициативе выпускника Тартуского университета, рано скончавшегося литературоведа Рейна Крууса появляется цикл публикаций в серии «Антология русской поэзии 20-30 годов», в которой помимо статей о жизни и творчестве отдельных авторов приводились и образцы их произведений.⁶⁴

Более разностороннее изучение всех основных аспектов жизни русской диаспоры 1918-1940 гг., как мы уже отмечали, начинается в 1990-е гг. в уже независимой ЭР. Надо отметить преимущественный интерес к исследованию культуры, литературы, искусства русских. Авторы работ чаще всего филологи по своей научной специализации; впрочем, многие из них теперь обращаются к культурологии. Такое положение сохраняется вплоть до наших дней. Профессиональных русских ученых-историков в Эстонии очень мало и они чаще всего не у дел – не входят в штат финансируемых государством научных институтов. Эстонские же историки к проблематике, связанной с русским национальным меньшинством, за малым исключением особого интереса не проявляют. Всем этим объясняется сравнительно слабая изученность социальной и политической истории русских в ЭР 1920-1930-х гг.

Но это, конечно, не значит, что работ по этой тематике не появлялось. Первую общую этногеографическую, демографическую и социальную характеристику русского населения ЭР 1918-1940 гг. дал политолог и социолог Рейн Руутсоо в своей появившейся сначала на немецком, а затем

in Estland // *Der grosse Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941* / Hrsg. von Karl Schlögel. München: Verlag C. H. Beck, [1994]. S. 141-164.

⁶⁴ Круус, Рейн. Вальмар Адамс – Владимир Федорович Александровский // *Радуга*. 1989. № 1. С. 59-63; *Он же*. Леопольд Петрович Акс // Там же. 1989. № 2. С. 52-54; *Он же*. Алексей Алексеевич Байов – А. де Готвиль // Там же. 1989. № 3. С. 61-66; *Он же*. Иван Дмитриевич Беляев // Там же. 1989. № 4. С. 64-74; *Левин, Александр, Шумаков, Юрий*. Ирина Борман // Там же. 1989. № 5. С. 72-77; *Круус, Рейн*. Борис Вильде // Там же. 1989. № 6. С. 58-60; *Морев, Глеб*. Юрий Иваск // Там же. 1989. № 7. С. 70-73; *Шмидт, Вера*. Мария Владимировна Карамзина // Там же. 1989. № 8. С. 44-49; *Круус, Рейн*. О Шумакове // Там же. 1989. № 9. С. 52-56; *Он же*. Владимир Вейдле // Там же. 1989. № 10. С. 47-49; *Он же*. Елизавета Роос-Базилевская // Там же. 1989. № 11. С. 36-40.

и на эстонском языке статье о формировании русского национального меньшинства в Эстонии.⁶⁵ В работе содержатся самые общие данные о культурной деятельности русских в Эстонии, об их политических организациях, о системе образования, о православной церкви и даже о национальном идентитете русских. В процессе формирования русской диаспоры Р. Руутсоо выделяет три периода: 1920-1922 гг. – «период фрустрации и возмущения, потеря почвы под ногами»; 1923 – первая половина 30-х годов – «период адаптации, налаживании структур разных организаций, школьной сети и т. д.»; вторая половина 30-х гг. – «период возникновения определенного симбиоза русского национального меньшинства и эстонского государства, <...> период формирования прибалтийских русских».⁶⁶ Не со всеми положениями статьи Р. Руутсоо можно согласиться, но в целом это была полезная работа.

Интенсификации научно-исследовательской работы в интересующей нас области способствовало основание в марте 1993 г. (на заключительном заседании научной конференции «Русские в Эстонии 1918-1940») *Русского исследовательского центра* (РИЦ), который должен был объединить исследователей русской общины в ЭР.⁶⁷ Основной целью его деятельности стало систематическое изучение русских в Эстонии, их истории, культуры. Хотя центр работает на общественных началах, не имеет постоянной финансовой поддержки от государства, тем не менее, за прошедшие годы он провел три больших научных конференции, материалы двух из них опубликованы.⁶⁸ С 2001 г. начали выходить «Труды Русского исследовательского центра в Эстонии». Вышло уже 5 выпусков «Трудов». В этих изданиях большинство работ посвящено русским 1918-1940 гг.⁶⁹

⁶⁵ *Ruutsoo, Rein*. Die Herausbildung einer russischen Minderheit in der Republik Estland 1918-1940 // Nordost-Archiv. Zeitschrift für Regionalgeschichte. N. F. B. IV. 1995. H. 2. S. 551-575; *Ruutsoo, Rein*. Vene rahvusvähemuse ja tema identiteedi kujunemine Eesti Vabariigis 1920-1940 // Eesti Teaduste Akadeemia Toimetised. Humanitaar- ja Sotsiaalteadused. 1996. Kd. 45. Nr. 2. Lk. 183-204.

⁶⁶ *Ruutsoo R*. Vene rahvusvähemuse ja tema identiteedi kujunemine. Lk. 203-204.

⁶⁷ См.: *Исаков С. Г.* Создан Русский исследовательский центр в Эстонии // Молодежь Эстонии. 1993. 6 мая. № 101. С. 3; *С. Г. Исаков*. Русский исследовательский центр в Эстонии // Национальный комитет славистов Эстонии (НКСЭ). 1996 [Бюллетень]. Тарту, 1996. С. 97-99.

⁶⁸ Просветители. Сборник к 75-летию Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии / Сост. Н. В. Соловей; науч. ред. С. Г. Исаков. Таллинн, 1998 (включает работы 11 авторов); Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее (22 работы 18 авторов).

⁶⁹ О работе центра за прошедшие годы см.: *Исаков С.* Взгляд в прошлое и настоящее. Русскому исследовательскому центру в Эстонии – 10 лет // Эстония. 2003. 28 марта. № 72 (Соотечественник. С. 2).

Исследовательские работы публиковались не только в изданиях РИЦ'а и в «Балтийском архиве», но и во многих других сборниках, на страницах местных русских журналов. Все три издававшихся в 1990-е – 2000-е гг. в Эстонии журнала на русском языке – «Вышгород» (с 1994 г.), «Радуга» (1986-2006), «Таллинн» (1978-1991; после перерыва издание журнала было возобновлено в 1995 г.) – охотно предоставляли свои страницы публикациям, посвященным прошлому русских в Эстонии, их культуре и литературе. Отдельные работы были опубликованы и за рубежом – в России, Финляндии, США, Польше, Чехии и в других странах. К сожалению, нет библиографии печатных трудов о русских в Эстонии.

Первой попыткой подытожить результаты исследований русской общины в ЭР 1920-1930-х гг. была книга С. Г. Исакова (председателя правления и научного руководителя РИЦ) «Русские в Эстонии, 1918-1940. Историко-культурные очерки» (Тарту, 1996). В книге были собраны статьи, уже опубликованные до этого в периодической печати и во всевозможных сборниках. Но вместе с тем, как отмечалось и в критике,⁷⁰ эти работы в совокупности давали читателю представление об интенсивной и богатой общественной, культурной и литературной жизни русских в Эстонии. Фактически это был первый обзор разносторонней культурной деятельности русских 1920-1930-х гг. В книгу, помимо работ более общего характера, были также включены исследования некоторых русских периодических изданий, жизни и творчества отдельных русских писателей и певцов. В ней был и специальный раздел «Портреты (История в лицах)» с краткими биографиями 21 русского деятеля, среди которых были ученые, художники, композиторы, музыканты, литераторы, общественные и культурные деятели.

Однако подлинным итогом начального периода изучения русских в Эстонии явилась вышедшая в 2001 г. (на обороте титульного листа ошибочно указан 2000 г.) коллективная монография «Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918-1940)». Она была подготов-

⁷⁰ См.: *Шор Т.* Книга о русских в первой Эстонской республике // Таллинн. 1996. № 5-6. С. 189; *Пономарева Г.* Русские в Эстонии // Русская газета (Тарту). 1996. 19 нояб. № 89. С. 5; *Бассель Н.* «Материк культуры», возвращенный к жизни // Эстония. 1996. 11 дек. № 290. С. 3; *Баханов Евг.* Вернуть бы те времена // Книжное обозрение (Москва). 1997. 14 янв. № 2. С. 19; *Иванен А.* Новая книга о русских в Эстонии // Северное побережье. Нарвское издание. 1997. 12 февр. № 29. С. 4; *Бойков В.* Чтоб мы так жили... // Молодежь Эстонии. 1997. 10 апр. № 81. С. 2; *Шор Т.* Русские в первой Эстонской Республике // Даугава (Рига). 1997. № 4. С. 155-157; *Звонарева, Лола.* Русские в Эстонии – раки на суше // Книжное обозрение. 1998. 21 июня. № 29. С. 15; *Она же.* Новая книга о русских в Эстонии // Русская мысль (Париж). 1998. 10-16 дек. № 4249.

лена коллективом авторов из Тартуского университета, Исторического архива Эстонии и других высших учебных заведений и научных учреждений ЭР в рамках проекта Эстонского научного фонда. В ней впервые в исследовательской литературе раскрывались все аспекты жизни русских в Эстонии 1918-1940 гг.: их политическая, общественная и культурная жизнь, система образования, книгоиздательство, периодика, литература, театр, музыка, балет, изобразительное искусство, архитектура. Профессор С. Г. Исаков был руководителем проекта и научным редактором монографии. Им же написаны «Введение», разделы (главы) «Книгоиздательское дело», «Периодическая печать», «Литература», «Музыка», а также «Заключение». Историк И. Раясалу принадлежит основная часть раздела «Русские в Эстонии 1918-1940. Общий обзор». Раздел «Политическая жизнь» написан В. Бойковым совместно с С. Исаковым и И. Раясалу. Г. Пономарева – автор подразделов о православной церкви и старообрядчестве в общем обзоре, главы «Культурная жизнь» и части раздела «Система русского образования». Т. Шор принадлежит глава «Общественная жизнь», а также подразделы о культурной автономии, высшем образовании и балете. Авторы глав «Театр» – Н. Синдецкая, «Изобразительное искусство» – Ю. Хайн, «Архитектура» – Л. Генс. Примечательно, что среди авторов были и русские, и эстонские исследователи. Книга была положительно оценена в критике⁷¹ и до сих пор остается наиболее основательным сводным исследованием русских в Эстонии 1920-1930-х гг.

После выхода в свет этой монографии за последние годы появилось немало новых работ, посвященных самым разным вопросам жизни и деятельности русских в Эстонии. Среди них есть книги (в том числе моно-

⁷¹ См. рецензии: *Снегова, Варвара*. Большинство, ставшее меньшинством // Книжное обозрение. 2001. 16 марта. № 12. С. 4; *Зирин С. Г.* О русских белых в Эстонии // Наша страна (Буэнос-Айрес, Аргентина). 2001. 3 июня. № 2651-2652. С. 4; *Kasack, Wolfgang*. [Rezension] // Osteuropa. 2001. № 7. S. 870-871; *Егоров Б. Ф.* Новинки из глубинки // Филологические записки. Вып. 17. Воронеж, 2001. С. 262; *Бассель, Нафтолий*. Возвращенная «Атлантида» русской культуры в Эстонии // Таллинн. 2001. № 24. С. 156-165 (перепечатка в кн.: *Бассель Н.* Диалог культур. Статьи и доклады 1991-2006 годов. Таллинн, 2007. С. 171-182); *Сладек, Зденек* (Прага) [Рецензия] // Rossica. Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике [Ежегодник]. V-VI. Praha, 2000-2001. С. 188-189; *Богомолов Н. А.* Послание из Прибалтики (Заметки о новинках прибалтийской русистики) // Новое литературное обозрение. 2002. № 53. С. 372-373; *Полчанинов Р.* Русское национальное меньшинство в Эстонской республике (1918-40 гг.) // Православная Русь (Jordanville, США). 2002. 1/14 июля. № 13. С. 14-15; *Taal, Kersti* [Rezension] // Jahrbuch des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im Östlichen Europa. Bd. 10. 2002. S. 186; *Lukšić, Irena*. „Naši” Rusi v Estoniji // Književna smotra. 2004. Broj 131 (1). S. 110.

графии), но преобладают публикации в журналах и сборниках. Далее мы постараемся охарактеризовать основные направления исследовательской работы в этой области, при этом объектом рассмотрения будут и более ранние – до 2001 г. – публикации.

Прежде всего, остановимся на сравнительно новой сфере научных знаний – *биографике*, приобретающей всё большую значимость. Симптоматично, что при создании РИЦ и при выработке программы его будущей деятельности первым встал на повестку дня как раз вопрос о необходимости подготовки «Биографического словаря русских деятелей в Эстонии». В 1993-1994 гг. на страницах газеты «Эстония» печатался большой цикл статей о русских деятелях под общим названием «История в лицах» (основные авторы – В. А. Бойков и С. Г. Исаков). В 2005 г. в Тарту вышел специальный сборник «Биографика. I. Русские деятели в Эстонии XX века». Он включал преимущественно работы о русских культурных и политических деятелях 1920-1930-х гг.⁷² Статьи о них появлялись и на страницах других изданий.⁷³ Заметим, что и большинство статей о русских ученых, живших и работавших в ЭР, относится не столько к истории науки, сколько к сфере биографики.⁷⁴ Ряд биографий – нарвитян из рода Надпорожских, дирижера и композитора К. Г. Вережникова, краеведа А. И. Макаровского, актрисы Стеллы Арбениной, эзотерика и литератора Н. П. Рудниковой, общественного деятеля и поэта Б. К. Семенова, певицы Милицы Корьюс – можно найти в книге профессора С. Г. Исакова «Очер-

⁷² Кроме указанной выше статьи Х. Л. Танклера (см. сноску 6) также: *Шор Т. К.* Педагог Григорий Васильевич Бархов // Биографика. I. С. 104-148; *Она же.* Первый русский депутат от старообрядцев Петр Петрович Баранин // Там же. С. 183-203; *Исаков С. Г. Б. В.* Энгельгардт. Опыт жизнеописания // Там же. С. 204-237.

⁷³ См.: *Калкин О.* Участники белого движения в Печорском крае (1920-1940 гг.) // Труды РИЦ. Вып. III. С. 24-39; *Шувалова Е. И. А.* Лаговский // Там же. С. 198-221; *Белобровцева, Ирина. А. С.* Изгоев в Эстонии // Балтийско-русский сборник. Кн. I. С. 111-122.

⁷⁴ *Пономарева Г., Шор Т.* Сергей Штейн: миф и реальность // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. III. С. 317-331; *Шор Т.* Федор Корсаков – Teodor Korssakov (1883-1932) // Радуга. 1999. № 4. С. 55-67; *Она же.* Михаил Анатольевич Курчинский. К вопросу об интеграции русских ученых в Эстонской республике // Там же. 2000. № 1. С. 24-44; *Она же.* Профессор Игорь Тютрюмов (1865-1943) // Там же. 2003. № 1. С. 91-97. О М. А. Курчинском см. также: *Smith, David J.* Retracing Estonia's Russians: Mikhail Kurchinskii and Interwar Cultural Autonomy // Nationalities Papers. Vol. 27. № 3. 1999. P. 455-474; *Бойков В.* Общественно-политические взгляды М. А. Курчинского // Русские в Эстонии на пороге XXI века. С. 60-67.

ки истории русской культуры в Эстонии» (Таллинн: Aleksandra, 2005).⁷⁵ Эти публикации одновременно относятся и к области биографики, и к соответствующим научным дисциплинам – культурологии, истории общественной жизни, литературы, искусства.

Работ, посвященных общественной и особенно политической жизни русских в ЭР 1918-1940 гг., в целом немного,⁷⁶ причем преобладают статьи об отдельных русских обществах. Особенно хорошо освещена история Русского студенческого христианского движения (РСХД), одним из центров которого в 1930-е гг. была Эстония. РСХД посвящена книга Б. В. Плюханова⁷⁷ и ряд отдельных журнальных публикаций.⁷⁸ Появились исследования и других русских религиозных объединений в Эстонии тех лет.⁷⁹

Изучением культурно-просветительных организаций, в которых принимали участие эмигранты, и объединений бывших военнослужащих Российской армии в Эстонии занимается профессиональный историк, профессор Эстоно-американского бизнес-колледжа (ныне Академии) в Таллинне Виктор Алексеевич Бойков. В его книгу «Два десятилетия русской культуры в Эстонии (1918-1940)» (Таллинн, 2005) вошли: обзорная работа «Русские культурные и просветительные общества в Эстонии (1918-1940)» и статьи «Русское просветительное общество в Тарту», «Культурно-просветительные организации Нарвы в 1920-1930-е гг.».

⁷⁵ Эти статьи раньше были уже опубликованы в периодической печати, но для отдельного издания большей частью переработаны, дополнены.

⁷⁶ *Шор, Татьяна*. Социальная структура и культурная ориентация русского меньшинства в Эстонской Республике (1918-1940) // Русские вне России. История пути / Ред. И. Белобровцева. Tallinn, 2008. С. 94-105.

⁷⁷ *Плюханов Б. В.* РСХД в Латвии и Эстонии. Материалы к истории Русского Студенческого Христианского движения. [Paris, 1993].

⁷⁸ *Лаговский И., Киселев А.* Возникновение РСХД крестьянской молодежи (1934) // Вестник Русского Христианского Движения. Т. 168. 1993. С. 99-114; *Шувалова Е.* Начало деятельности Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД) в Эстонии // Русские в Эстонии на пороге XXI века. С. 193-199; *Она же.* Русское христианское движение крестьянской молодежи в Эстонии (1934-1940) // Труды РИЦ. Вып. II. С. 129-154; *Плюханова М.* Живая память. Из истории РСХД в Эстонии // Таллинн. 2007. № 4-5. С. 160-171; *Она же.* Подвижники. Русское христианское движение крестьянской молодежи в Эстонии // Таллинн. 2007. № 6. С. 137-152.

⁷⁹ См.: *Белобровцева И.* Тартуский Русский богословский кружок «Логос» и подпоручик Кижэ // Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация. Материалы международного семинара. [Tartu:] Tartu Ülikooli Kirjastus, [1997]. С. 354-366; *Шор Т.* Христианский союз русских студентов при Тартуском университете (1922-1934) // Просветители. С. 43-57.

В. А. Бойков также автор статей о РОВС'е в Эстонии и об обществе «Белый крест».⁸⁰ Представляет также интерес статья Р. Абисогомяна о Союзе русских увечных воинов-эмигрантов.⁸¹

С. Г. Исакову принадлежат статьи об эстонских евразийцах, о Союзе русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии – центральной «зонтичной» организации русских в ЭР, о Русской академической группе в Эстонии.⁸² Он же был автором работы об общественной и политической жизни русских в эстонской «глубинке» – в сланцевом бассейне.⁸³ Такого рода «региональные» исследования еще редки в нашей исследовательской литературе.

Что же касается собственно изучения политической деятельности русских в ЭР 1920-1930-х гг., то этому посвящено мало работ. Несколько публикаций А. Меймре характеризуют деятельность монархистов в Эстонии в 1920-е гг.⁸⁴ Есть работы и о главе монархистов в Эстонии, руководителе РОВС'а А. К. Баиове.⁸⁵ Появлялись публикации о русских фашистских группах в Эстонии.⁸⁶

У нас до сих пор нет четкого представления об идеологической дифференциации русских в Эстонии в рассматриваемый период. Мы пока что плохо знаем политическую жизнь русских, слабо осведомлены о русских политических партиях в Эстонии, как и о ряде действовавших здесь нелегально или полуполюгально русских эмигрантских объединениях (кирилловцы, младороссы и др.). До сих пор нет специальных трудов о, пожалуй, главной организации русских 1920-1930-х гг. в ЭР – Русском

⁸⁰ *Бойков В.* Русский Обще-воинский Союз (РОВС) и Эстония // Русские в Эстонии на пороге XXI века. С. 68-77; *Он же.* Благотворительная организация «Белый крест» (1920-1940) // Труды РИЦ. Вып. I. С. 54-57.

⁸¹ *Абисогомян Р.* Союз русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии // Труды РИЦ. Вып. 5. Tartu, 2010. С. 8-35.

⁸² *Исаков С.* Евразийцы в Эстонии // Радуга. 1995. № 5-6. С. 73-81 (вошла в книгу «Русские в Эстонии, 1918-1940. Ист.-культ. очерки»); *Он же.* Союз русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии (1923-1940) // Просветители. С. 8-42 (перепечатана в кн. «Очерки истории русской культуры в Эстонии»); *Он же.* Русская академическая группа в Эстонии (1920-1940) // Вестник Русского академического общества. № 1. Таллин, 2008. С. 21-29.

⁸³ *Исаков С.* Из истории русской общины в эстонском сланцевом бассейне в 1920-1930-е годы // Радуга. 2001. № 2. С. 91-106 (перепечатана в кн. «Очерки истории русской культуры в Эстонии»).

⁸⁴ См. сноску 9.

⁸⁵ *Абисогомян Р.* Деятельность А. К. Баиова в Эстонии // Труды РИЦ. Вып. II. С. 49-69.

⁸⁶ Отметим публикацию В. Бойкова (см. сноску 16) и статью: *Белобровцева И.* Русская эмиграция: ось Тарту – Оксфорд – Харбин // Балтийский архив. Т. I. С. 154-186.

национальном союзе, о деятельности русских депутатов в эстонском парламенте (Рийгикогу).

Недостаточно освещена и судьба православной церкви в ЭР, в которую входило большинство русского населения 1920-1930-х гг.⁸⁷ В сводных трудах по истории православия в Эстонии, правда, этот период в общих чертах охарактеризован.⁸⁸ Есть обзоры истории некоторых приходов.⁸⁹ Но все же сложная внутренняя борьба, частые конфликты эстонского руководства церкви с духовенством и прихожанами русской национальности еще нуждаются в основательном изучении. Этому посвящено лишь несколько работ.⁹⁰

Часть русского населения ЭР, как мы уже указывали, составляли старообрядцы. В последние годы их изучение активизировалось, появилось много публикаций о прошлом эстонских староверов, в которых в той или иной степени затрагивался и период 1918-1940 гг.⁹¹ Особого

⁸⁷ Пономарева Г., Шор, Т. Особенности конфессиональной структуры в Эстонской Республике в период становления государственности // Балтийские перекрестки: Этнос, конфессия, миф, текст. СПб., 2005. С. 99-115.

⁸⁸ Патриарх Алексий II. Православие в Эстонии. [М.:] Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия», 1999. С. 373-398; Прекуп И. Православие в Эстонии. Краткий ист. очерк. Б. м., 1998. С. 15-21.

⁸⁹ См., напр.: Сияжова Г. Приход Нарвской Свято-Троицкой церкви (1920-1940) // Сборник статей Нарвского музея. Нарва, 1999. С. 46-80; Она же. Приход Нарвской Знаменской церкви (1920-1940) // Там же. С. 82-112

⁹⁰ Пономарева Г. Бунт епископа Иоанна Печорского // Русские в Эстонии на пороге XXI века. С. 118-125; Исаков С. Г. К истории конфликта в православной церкви Эстонии. Попытка высылки русских православных священнослужителей из страны в 1920 г. // Балтийский архив. Т. IX. С. 134-162; Шор Т. Крестный путь епископа Иоанна Печерского (Булина, 1893-1941) // Русский мир и Латвия: диалог культур. Seminarium Hortus Humanitatis. Almanach. XIV. Riga, 2008. С. 117-121. См. также: *Lõuna, Kalle. Petserimaa integreerimine Eesti Vabariiki 1920-1940.* Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2003.

⁹¹ См.: Пономарева Г. Русские староверы Эстонии = Vene vanausulised Eestis = Russian Old Believers in Estonia. [Tartu, 1999]; Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. IV: Русские староверы за рубежом. [Tartu], 2000 (Тартуский ун-т. Каф. рус. яз.); Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I. Tartu, 2004 (Тартуский ун-т. Каф. рус. яз.); То же. Т. II. Tartu, 2007; Шор Т. К. Основные проблемы старообрядческих съездов в Эстонии // Староверие Латвии – Vesticība Latvija – Old Believers in Latvia / Отв. ред. и сост. Илларион Иванов. Riga, 2005. С. 412-420; Морозова Н., Ноииков Ю. Чудное Причудье. Фольклор староверов Эстонии. Tartu, 2007; Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. статей к XIV международному съезду славистов / Отв. ред. Л. А. Касаткин. М.: Языки славянских культур, 2008 (РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова).

упоминания заслуживают работы, посвященные иконописи причудских староверов.⁹²

Здесь мы, собственно, уже перешли к трудам о духовной культуре русских в Эстонии. Культура (в широком смысле этого слова) местных русских 1920-1930-х гг., пожалуй, наиболее изученная сфера их жизнедеятельности, ей посвящено наибольшее количество опубликованных работ, правда, не все ее области исследованы с одинаковой полнотой.

В печати появились как общие обзоры культурной жизни русских в Эстонии 1918-1940 гг.,⁹³ так и более подробные описания отдельных ее периодов,⁹⁴ последующей судьбы эстонских русских.⁹⁵ Безусловный интерес представляют исследования, в которых рассматриваются более общие теоретические проблемы культурного наследия русских: русская культура Эстонии как феномен пограничья⁹⁶ или русские Эстонии как социально-исторический и культурный феномен.⁹⁷ К этому же разделу относятся работы, посвященные коммуникации русских Эстонии с Советской Россией,⁹⁸ их культурной интеграции,⁹⁹ их месту в мультикультурном эстонском обществе¹⁰⁰ и т. д.

⁹² *Erikson, Külli*. Ikoonide maalimisest Peipsiääre vanausuliste juures // *Kleio. Ajaloo ajakiri*. 1997. Nr. 3. Lk. 18-22; *Куускемаа Ю.* Весть причудской иконы // *Вышгород*. 1998. № 4. С. 94-100.

⁹³ См.: *Исаков С.* Культурная жизнь русских в Эстонской Республике в 1920-1940 гг. // *Записки Русской академической группы в США*. Т. XXVII. New York, 1995. С. 65-88.

⁹⁴ См., напр.: *Исаков С.* Начало нового этапа. Русская общественная и культурная жизнь в Эстонии в 1919-1921 гг. // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. III: Проблемы русской литературы и культуры. Helsinki, 1992 (*Slavica Helsingiensia* 11). С. 103-154 (статья вошла в книгу С. Исакова «Русские в Эстонии, 1918-1940»).

⁹⁵ *Исаков С. Г.* О судьбе русского «старожильческого» населения Эстонии после событий лета 1940 г. // *Исаков С. Г.* Очерки истории русской культуры в Эстонии. С. 403-419.

⁹⁶ *Исаков С.* Русская литература в Эстонии 1920-1930-х годов как феномен культурного пограничья // *Радуга*. 1997. № 2. С. 105-117. Ср.: *Пономарева Г.* Граница и проволока // *Sign Systems Studies*. Vol. 26. Tartu, 1998 (University of Tartu). С. 186-199.

⁹⁷ *Исаков С.* Русские в Эстонии (1918-1940) как социально-исторический и культурный феномен // *Труды РИЦ*. Вып. II. С. 121-128.

⁹⁸ *Пономарева Г.* Проблема коммуникации русских Эстонии и России в межвоенный период (1920-1930-е гг.) // *Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись* / Ред. В. Хазан, И. Белобровцева, С. Доценко. Иерусалим, Таллинн, 2004. С. 266-276.

⁹⁹ *Исаков С.* К проблеме культурной интеграции русских в Эстонии (1918-1940) // *Русские Прибалтики: Механизмы культурной интеграции (до 1940 г.)* / Сост. Т. Ясинская. Вильнюс, 1997. С. 29-47.

¹⁰⁰ *Исаков С.* О мультикультурности эстонского общества: прошлое и настоящее // *Радуга*. 1998. № 4. С. 121-134.

Русские Эстонии 1918-1940 гг. внесли, с одной стороны, немаловажный вклад в сокровищницу культуры Русского Зарубежья вообще: были зачинателями проведения (с 1924 г.) *Дней русской культуры*, получивших распространение во всех странах русского рассеяния, создали единую систему русских обществ, организовали общереспубликанские певческие праздники и пр. С другой же стороны, они внесли заметный вклад и в становление эстонской государственности, в развитие экономики и культуры ЭР, в частности в создание и развитие сланцедобывающей и сланцеперабатывающей промышленности, в формирование эстонского балета и т. д. Всему этому посвящены специальные исследования.¹⁰¹

Сравнительно хорошо изучена русская периодическая печать в Эстонии 1920-1930-х гг. В докторской диссертации Аурики Меймре, вышедшей отдельным изданием, есть специальный раздел «Система русской периодики в Эстонии в 1918-1940 гг.», в которой дается обзор развития русской журналистики и характеризуются отдельные газеты и журналы.¹⁰² Среди приложений к диссертации – ценная роспись «Потенциальные издания» 1918-1940 гг. (Издания, не увидевшие света)». А. Меймре принадлежит и несколько статей, посвященных отдельным вопросам истории русской журналистики в ЭР.¹⁰³

В изданной в Москве «Литературной энциклопедии Русского Зарубежья, 1918-1940», в томе, знакомящем читателей с периодикой и литературными центрами эмиграции, помещены статьи с краткой характеристикой всех основных русских газет и журналов в Эстонии 1920-1930-х гг. (авторы статей – С. Г. Исаков, Г. М. Пономарева).¹⁰⁴ Специальные работы посвящены газете «Свободная Россия» («Свобода России», «За сво-

¹⁰¹ *Исаков С.* Вклад русских из Эстонии в сокровищницу культуры русского зарубежья 1920-1930-х гг. // Таллинн. 1998. № 12. С. 159-163; *Он же.* Достойные дела. Вклад русских в становление государственности, в экономику и культуру Эстонии (1918-1940) // Таллинн. 2007. № 4-5. С. 142-159 (то же: Нансеновские чтения. 2007. СПб., 2008. С. 353-373).

¹⁰² *Меймре А.* Русские литераторы-эмигранты в Эстонии 1918-1940. На материале периодической печати. Tallinn: TPÜ Kirjastus, 2001 (Таллиннский пед. ун-т. Диссертации по гуманитарным наукам. 6). С. 14-66. См. также: *Меймре А.* Периодические издания Эстонии // Балтийский архив. Т. V. С. 227-236.

¹⁰³ *Меймре А.* Русская периодика в Эстонии: газетная борьба середины 1920-х годов // Учен. зап. Таллиннского пед. ин-та. А 13. Humaniora: Русская литература XX века в контексте европейской культуры. Tallinn: TPÜ Kirjastus, 1998. С. 85-98; *Она же.* Русские юмористические периодические издания Эстонии // *Studia Slavica.* Сб. науч. трудов молодых филологов. I. Tallinn: TPÜ Kirjastus, 1999. С. 155-161.

¹⁰⁴ См.: Литературная энциклопедия Русского Зарубежья, 1918-1940. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000 (РАН. ИНИОН).

боду России») и эсеровским изданиям,¹⁰⁵ а также двуязычной – русско-эстонской – газете «Petserlane-Печерянин»¹⁰⁶ и «Нашей газете».¹⁰⁷ Имеется отдельное исследование нарвских русских газет 1920-1930-х гг.¹⁰⁸ (Нарва, наряду с Таллинном, была одним из центров русской журналистики, как и центром общественной и культурной жизни русских в Эстонии).

Впрочем, и в области истории русской журналистики есть свои белые пятна. Не до конца ясна общественно-политическая позиция ряда газет. Нет специального исследования главной русской газеты 1920-1927 гг. – «Последние известия». Нет анализа изменений в журналистике после переворота 1934 г. и установления в стране авторитарного режима. Нет и биографических портретов крупнейших русских журналистов, работавших в Эстонии (за исключением П. Пильского¹⁰⁹).

В исследовательской литературе слабо представлены работы о русском образовании в Эстонии, о русских учебных заведениях, молодежных (скаутских) организациях¹¹⁰.

Собственно, это же можно сказать и о публикациях, посвященных различным видам русского искусства в Эстонии 1920-1930-х гг. Их немного.

Среди изданий о русской музыке надо прежде всего отметить монографию об одном из крупнейших теноров первой трети XX в. Дмитрие Смирнове, биография которого оказалась тесно связанной с Эстонией:

¹⁰⁵ См. раздел «Из истории русской периодической печати в Эстонии» в кн.: *Исаков С.* Русские в Эстонии, 1918-1940. С. 143-176. См. также: *Новиков А. П.* Издательско-публицистическая деятельность В. М. Чернова в Эстонской Республике (1920-1922) // *Биографика*. I. С. 149-182.

¹⁰⁶ *Шор Т.* Газета «Petserlane-Печерянин» как первый опыт интеграционного издания в Эстонии // *Балтийский архив*. Т. VII. С. 8-26; *Она же.* Газета «Petserlane-Печерянин» и ее первый редактор Вальмар Адамс (Владимир Александровский) // *Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись*. С. 277-288.

¹⁰⁷ *Шор Т.* «Наша газета» – действительно наша? // *Журналистика национальных меньшинств в Европе: Вчера. Сегодня. Завтра*. Сб. в честь Виталия Ивановича Белобровцева. К 60-летию со дня рождения. Таллинн: TLÜ Kirjastus, 2007. С. 47-66.

¹⁰⁸ *Исаков С.* Нарвские русские газеты 1920-1930-х гг. // *Narva in the Mirror of History. A Conference Narva 17-20 November 2000. Contributions / Ed. T. Lundén.* [Stockholm, 2001] (Swenska Institutet). P. 1-22. Статья вошла и в книгу «Очерки истории русской культуры в Эстонии».

¹⁰⁹ См. главу о П. Пильском в докторской диссертации А. Меймре (*Меймре А.* Цит. соч. С. 98-110). См. также: *Меймре А. П.* Пильский в Эстонии: 1922-1927 // *Балтийский архив*. Т. I. С. 202-217.

¹¹⁰ См.: *Пономарева Г.* Нарвская эмигрантская гимназия // *Радуга*. 1992. № 12. С. 56-57; *Она же.* Возможность получения образования русскими в Эстонии (1918-1940) // Там же. 1996. № 4. С. 98-104; *Она же.* Русские скауты в Эстонии // Там же. 1999. № 2. С. 111-115.

он многократно выступал на эстонской сцене, в 1932 г. получил эстонское гражданство и во второй половине 1930-х гг. некоторое время проживал в Таллинне.¹¹¹ Опубликованы также статьи о прекрасной русской певице родом из Тарту Зинаиде Юрьевской, рано и загадочно ушедшей из жизни,¹¹² и о гастролях Ф. И. Шаляпина в Таллине в 1920 г. (первые выступления певца за рубежом после революции).¹¹³

Из публикаций о русских художниках Эстонии, конечно, в первую очередь, надо назвать альбом с репродукциями их работ и с биографическими справками о них.¹¹⁴ В альбоме представлены работы 25 художников, почти все они жили и трудились в Эстонии в 1920-1930-е гг. Книгу открывает краткий обзор русского изобразительного искусства в Эстонии тех лет, принадлежащий искусствоведу Май Левин. В альбом не попал интересный мастер, художник и поэт К. К. Гершельман, выставка картин которого состоялась в 2004 г. в Таллине. К. К. Гершельману посвящено несколько статей той же М. Левин.¹¹⁵

Отдельные работы посвящены русскому театру в Эстонии 1920-1930-х гг.¹¹⁶, русскому балету.¹¹⁷

Хотя – прежде всего благодаря обзорным главам в книге «Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918-1940)» – мы

¹¹¹ *Исаков С. Г.* Чародей звука. Певец Дмитрий Смирнов и Эстония. Таллинн: Aleksandra, 2004.

¹¹² *Исаков С.* На вершине триумфа... Чёртов мост. О певице Зинаиде Юрьевской // Вышгород. 1994. № 1. С. 120-125. Вошла в книгу «Русские в Эстонии, 1918-1940» в переработанном виде и под другим названием – «Храните память обо мне...» (О певице Зинаиде Юрьевской).

¹¹³ *Исаков С.* Страсти вокруг Шаляпина. О событиях более чем 80-летней давности // Таллинн. 2002. № 28. С. 60-77. Статья перепечатана в книге «Очерки истории русской культуры в Эстонии».

¹¹⁴ *Vene kunstnikud Eestis XX sajandi algupoolel = Русские художники Эстонии первой половины XX века = Russische Künstler in Estland in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts / Сост. Н. Кормашов; Биографии С. Исакова. [Tallinn, 2006].*

¹¹⁵ *Левин, Май.* Возвращение Гершельманов // Новый Таллинн. 2004. № 5-6. С. 117-120; *Она же.* Идеал и реальность. Карл фон Гершельман – поэт и художник // Вышгород. 2005. № 1-2. С. 43-52.

¹¹⁶ *Синдецкая Н. Б.* Таллиннский театр (1919-1940) // Просветители. С. 64-75; *Губергриц А.* Русский театр в Эстонской республике 1918-1940 // Русская сцена в Эстонии. Очерки истории русского театра. Ч. I. Таллинн, 1998. С. 33-53; *Исаков С.* Из истории русского театра в Эстонии // Таллинн. 1999. № 13. С. 140-144; *Исаков С., Рогачевский А.* Актриса Стелла Арбенина. Опыт жизнеописания // Таллинн. 2004. № 5-6. С. 54-78 (перепечатано в книге «Очерки истории русской культуры в Эстонии»).

¹¹⁷ *Шор Т.* Балерина и педагог Евгения Литвинова // Труды РИЦ. Вып. II. С. 213-224.

имеем представление о русском искусстве в Эстонии 1920-1930-х гг., но в этой области еще многое заслуживает специальных исследований.

Без сомнения, один из наиболее изученных разделов наследия русских эмигрантов в Эстонии – это литература, творчество местных русских писателей. В ЭР в 1920-1930-е гг. работало, по меньшей мере, тридцать русских авторов, заслуживающих внимания историков литературы (число пишущих и печатающихся было, естественно, значительно больше). Из них лишь Игорь Северянин был известен широкому кругу читателей. Многие талантливые молодые авторы так и не дождались выхода в свет отдельных изданий своих сочинений, ограничившись публикациями в газетах и – реже – в журналах и альманахах.

За последние двадцать лет появился ряд изданий произведений авторов из Эстонии. Правда, по-прежнему доминирует Игорь Северянин. Мы не будем перечислять все многочисленные издания его произведений. Отметим лишь наиболее важные. Вышло 5-томное собрание его сочинений,¹¹⁸ в которое были включены в свое время не опубликованные сборники его стихов «Литавры солнца. Стихи 1922-1934 гг.» и «Очаровательные разочарования» (стихи 1930-х гг.), а также сборник прозы Игоря Северянина «Уснувшие вёсны» и его «Теория версификации (Стилистика поэтики)». В 2004 г. увидело свет, по существу, первое научное издание стихотворений Игоря Северянина с основательными комментариями, включавшее два сборника стихов эмигрантского периода («Соловей», 1923; «Классические розы», 1931).¹¹⁹ Ценны первоиздания эпистолярного наследия поэта.¹²⁰ Пожалуй, лишь теперь творчество, да и личность

¹¹⁸ *Игорь Северянин. Сочинения в пяти томах / Сост., подготовка текста, вступит. статья и коммент. В. А. Кошелева и В. А. Сапогова. СПб.: Logos, 1995-1996. Т. 1-5.*

¹¹⁹ *Игорь Северянин. Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы / Изд. подготовили В. Н. Терёхина, Н. И. Шубникова-Гусева. М.: Наука, 2004 (РАН. Литературные памятники).*

¹²⁰ *Игорь Северянин. Письма к Г. А. Шенгели // Игорь Северянин. Стихотворения и поэмы, 1918-1941. М., 1990. С. 401-430; Игорь Северянин. Письма к С. И. Карузо (1931-1940) / Публ. Л. Н. Ивановой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С. 219-287; Письма Игоря Северянина 1932-1935 гг. к Ирине Борман (Из архива Рейна Крууса) / Вступит. статья и публ. Г. Пономаревой; коммент. С. Исакова // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV. Новая серия. [Tartu:] Tartu Ülikooli Kirjastus, [2001] (Каф. рус. лит-ры Тартуского ун-та). С. 260-281. См. также более раннюю публикацию: *Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой, 1916-1938 / Сост., подготовка текста, введение и коммент. Б. Янгфельдта и Р. Крууса. Stockholm, 1988. Наиболее полная «сводная» подборка писем Игоря Северянина (вместе с автобиографическими материалами и с отзывами критиков о его творчестве) в кн.: Игорь Северянин. Царственный паяц. Авто-**

Игоря Северянина 1920-1930-х гг. в полной мере раскрылись перед читателем.

С изданиями сочинений других русских авторов из Эстонии положение не столь благополучное. Самым важным событием в этой области был выход в свет антологии русской литературы Эстонии 1918-1940 гг.¹²¹ В антологию было включено около 240 произведений 23 авторов, большинство которых неизвестно современным читателям – любителям литературы. Антология открывается обзором «О русской литературе в Эстонии 1918-1940 гг.». Публикации произведений предваряются биографическими справками об авторах. В комментариях указываются первопубликация произведения (если она известна) и источник, по которому произведение печатается в антологии. Дан также реальный и словарный комментарий к текстам.

Произведения некоторых авторов выходили отдельными изданиями. Первым был издан любопытный прозаик В. А. Никифоров-Волгин, творчество которого посвящено судьбе православия, православного духовенства и верующих в старой и в Советской России. В. А. Никифоров-Волгин был, быть может, единственным из писателей Русского зарубежья, который сосредоточился именно на этой тематике.¹²² В 1992 г. в Москве вышла книга его избранных сочинений,¹²³ которая явилась основой ряда новых изданий, зачастую пиратских.¹²⁴

Недавно вышел том «Избранного» уже упоминавшегося выше писателя, художника, автора философских эссе К. К. Гершельмана,¹²⁵ разносторонне талантливого человека из эмигрантов, чей жизненный путь завершился в Германии. При жизни К. К. Гершельман печатался очень мало, отдельным изданием его произведения не выходили. В названной книге собраны его стихи, миниатюры, рассказы, пьесы, эссе, литературно-

биографические материалы. Письма. Критика / Сост., вступит. статья и коммент. В. Н. Терёхиной и Н. И. Шубниковой-Гусевой. СПб.: Росток, 2005.

¹²¹ Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918-1940 гг. Антология / Сост., вступит. статья, биограф. справки и коммент. С. Г. Исакова. Таллинн: KPD, 2002.

¹²² См. о нем: *Исаков С.* Забытый писатель В. А. Никифоров-Волгин // *Structure and Tradition in Russian Society* / Ed. R. Reid, J. Andrew, V. Polukhina. Helsinki, 1994 (*Slavica Helsingiensia*, 14). P. 29-50. В переработанном виде статья вошла в книгу «Русские в Эстонии, 1918-1940».

¹²³ *Никифоров-Волгин В.* Дорожный посох. Избранное / Сост., послесл. и коммент. С. Исакова. М.: Рус. книга, 1992.

¹²⁴ См., напр.: *Никифоров-Волгин В. А.* Алтарь затворенный. М.; СПб.: Лествица; Диоптра, 1998.

¹²⁵ *Гершельман К. К.* «Я почему-то должен рассказать о том...». Избранное / Сост., подготовка текста, вступит. статья и примеч. С. Г. Исакова. Таллинн: INGRI, 2006.

критические и историко-литературные статьи, среди которых немало ранее не публиковавшихся. Они печатаются в книге по автографам, хранившимся у его сына и дочери. Книга иллюстрирована рисунками и репродукциями картин автора.

Наконец, в 2008 г. появилась книга одной из лучших русских поэтесс в Эстонии 1920-1930-х гг. Марии Карамзиной,¹²⁶ как и В. А. Никифоров-Волгин, павшей жертвой сталинских репрессий. Это была удивительная по уму и обаянию женщина, незаурядная и цельная натура, одаренная поэтесса, которой восхищался такой строгий в суждениях человек, как И. А. Бунин. В книгу вошли единственный вышедший при жизни поэтессы сборник ее стихов «Ковчег» (1939), давно уже ставший библиографической редкостью, стихотворения, не вошедшие в этот сборник, ее очень интересное эпистолярное наследие (переписка с И. А. Буниным, с В. Ф. Ходасевичем и др.), некоторые воспоминания о М. В. Карамзиной.

Мы вправе ждать новых изданий книг старых авторов. В первую очередь следовало бы издать однотомник крупнейшего русского прозаика в Эстонии 1920-1930-х гг. В. Е. Гущика, автора пяти объемистых сборников рассказов, о творчестве которого высоко отзывались А. И. Куприн, И. С. Шмелев, Н. К. Рерих и др. Он погиб в сталинском лагере. Из поэтов надо бы выпустить книги Ю. П. Иваска,¹²⁷ после Второй мировой войны оказавшегося в новой эмиграции в США, где он выдвинулся в число лучших поэтов послевоенной волны в Русском зарубежье. Без сомнения, интерес читателей мог бы вызвать и том «Избранного» Б. К. Семенова (о нем ниже).

Довольно много произведений русских авторов, проживавших в Эстонии 1920-1930-х гг., публиковалось на страницах периодики последних двух десятилетий. Среди них и первопубликации, и перепечатки произведений – забытых или же опубликованных в свое время в изданиях, ныне ставших недоступными читателю. Мы не будем приводить полного списка этих публикаций. Скажем лишь несколько слов о тех, которые значительно обогатили наше представление об их авторах, в сущности очень интересных, но относящихся к категории малоизвестных.

К их числу относится Борис Семенов, литератор и одновременно видный русский общественный и культурный деятель 1920-1930-х гг., также

¹²⁶ *Карамзина, Мария*. Ковчег. Стихотворения. Судьба. Памятные встречи. Письма И. А. Бунина к М. В. Карамзиной / Сост. Л. Глушковская. Таллинн: Eesti Kultuurikeskus Vene Entsüklopeedia, 2008.

¹²⁷ У нас вышел в свет том его литературоведческих эссе американского периода жизни: *Иваск, Юрий*. Похвала российской поэзии. Эссе / Сост. У. Шульц; предисл. Дм. Бобышева; рисунок Ю. Иваска. Таллинн: Aleksandra, 2002.

погибший в застенках НКВД.¹²⁸ В эстонский период своей жизни он редко публиковал свои художественные произведения. Большая часть литературного наследия Б. К. Семенова стала известна лишь недавно,¹²⁹ перед нами открылся самобытный мастер слова, идущий своим путем.

Борису Вильде посвящена обширная литература на многих языках, но это чаще всего работы о нем как герое французского Сопротивления, которое обязано русскому поэту с эстонской фамилией даже своим названием. Значительно меньше известно об эстонском и германском периодах жизни Б. Вильде. Интересный материал об этом можно найти в письмах Б. Вильде к матери.¹³⁰

Здесь мы, собственно, подошли к новой и весьма многочисленной группе публикаций, связанных с анализом, осмыслением литературного процесса, творчества отдельных писателей, литературных контактов и пр. – в общем, к тому, что относится к области литературоведения. Публикаций о русской литературе и о русских авторах в Эстонии 1920-1930-х гг., действительно, много, и они разнообразны по тематике и проблематике. Это, вероятно, объясняется в числе прочего и тем, что среди исследователей прошлого русских в Эстонии, как мы уже отмечали, много филологов.

Общие обзоры истории русской литературы Эстонии уже были выше отмечены: это раздел «Литература» в коллективной монографии «Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918-1940)» и вступительная статья к антологии «Русская эмиграция и русские писатели

¹²⁸ О нем см.: *Исаков С. Г.* Marche funèbre. Б. К. Семенов – общественный деятель и поэт // Вышгород. 1999. № 6. С. 16-27. С дополнениями перепечатана в кн.: *Исаков С. Г.* Очерки истории русской культуры в Эстонии. С. 354-377.

¹²⁹ *Семенов, Борис.* Стихотворения / Вступит. заметка, подготовка текста и публ. Н. Лесной и О. Титовой // Звезда (СПб.). 1993. № 7. С. 126-127; *Он же.* Стихи. Письма // Вышгород. 1994. № 3. С. 67-74; *Он же.* Успение. Стихи // Вышгород. 1998. № 4. С. 92-93; *Он же.* Неведомый невод [Стихотворения] / [Публ.,] Вступление, примеч. и коммент. С. Г. Исакова // Вышгород. 1999. № 6. С. 16-27; Письма Б. К. Семенова к А. Л. Бему // Там же. С. 47-49; *Семенов Б.* [Стихотворения.] Повесть о благоверном Царе и верноподданном Василии // «Скит». Прага, 1922-1940. Антология. Биографии. Документы / Вступит. статья, общая ред. Л. Н. Белошевской; сост. Н. Белошевская, В. П. Нечаева. М.: Рус. путь, 2006. С. 266-295.

¹³⁰ См.: *Вильде, Борис.* Рижский эпилог / Публ. Ю. Абызова // Балтийский архив. Т. III. С. 58-109; Письма Бориса Вильде к матери. Ч. I / Вступит. статья и публ. Б. Плюханова; коммент. Л. Киселевой // Труды по рус. и слав. филологии. Литературоведение. IV. С. 282-338. Из других работ о Б. Вильде см.: *Исаков С.* «Ничего подозрительного не замечено». Новое о Борисе Вильде // Вышгород. 2004. № 5-6. С. 15-34. См. также настоящее издание. С. 164-187.

Эстонии 1918-1940 гг.». Но в печати появлялись и обзоры литературной жизни отдельных периодов,¹³¹ в том числе исследование конца русской литературы в Эстонии как части литературы Русского зарубежья.¹³² Имеются работы о русских литературных объединениях¹³³ и органах печати.¹³⁴ Заслуживают внимания и публикации, в которых рассматриваются более общие теоретические проблемы, встающие перед исследователями при изучении творчества русских писателей из Эстонии. Здесь особенно актуальна проблема отражения русско-эстонской бикультурности и билингвизма в литературе,¹³⁵ в некоторых случаях и русско – эстонско – прибалтийско-немецкой мультикультурности. Интерес представляет изучение русской литературы Эстонии 1920-1930-х гг. как особого «регионального» феномена.¹³⁶ Нечто схожее мы отмечали уже выше в связи с рассмотрением проблем русской культуры в ЭР.

Много публикаций посвящено жизни и творчеству отдельных русских писателей, живших и работавших в Эстонии в 1918-1940 гг.

Продолжается исследование биографии и творческого пути Игоря Северянина. Новые работы о нем (в том числе монографии, отдельные издания) появляются не только в Эстонии и в России,¹³⁷ но и в странах

¹³¹ *Исаков С.* Листая пожелтевшие страницы: Русская литературная жизнь в Эстонии в 1920-е гг. // Таллинн. 1991. № 4. С. 128-137.

¹³² *Исаков С.* Конец одной литературы. Русская литература Эстонии и события 1939-1945 годов // Радуга. 1998. № 1. С. 85-97; То же // *Исаков С. Г.* Очерки истории русской культуры в Эстонии. С. 390-402.

¹³³ *Исаков С.* Русские литературные объединения в Эстонии (1919-1940) // Радуга. 1993. № 6. С. 33-48; № 7. С. 44-50; *Белобровцева И.* К истории раскола ревельского Цеха поэтов и конца сборника «Новь» // Балтийский архив. Т. IX. С. 165-190.

¹³⁴ *Костанди О.* Литературные особенности сборника «Новь» // Балтийский архив. Т. II. С. 147-157; *Башмакофф Н., Пономарева Г.* Из истории эмигрантской литературной провинции. «Ревельский цех поэтов» в «Журнале Содружества» // Балтийский архив. Т. IX. С. 57-72.

¹³⁵ См.: *Пономарева Г.* Проблема национального самоопределения писателей-оптантов (случай Юрия Иваска) // Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация. С. 339-353; *Она же.* Вальмар Адамс: граница двух культур // Радуга. 2001. № 1. С. 23-32.

¹³⁶ *Исаков С.* Русская литература Эстонии 1920-1930-х гг. как историко-культурный феномен // *Studia Helsingiensia et Tartuensia.* VIII: История и историософия в литературном преломлении. [Tartu:] Tartu Ülikooli Kirjastus, 2002. С. 306-321. Вошла в книгу «Очерки истории русской культуры в Эстонии».

¹³⁷ Не перечисляя всех вышедших в ЭР и РФ многочисленных работ об Игоре Северянине, отметим книгу: *Шаповалов Мих.* Король поэтов Игорь Северянин. Страницы жизни и творчества (1887-1941). М.: Глобус, 1997.

Западной Европы.¹³⁸ Вышедшие в Эстонии книги Мих. Петрова, правда, рассчитаны на читателя – любителя «клубнички», сенсаций и «эксцесов», но все же в них можно найти и новые материалы о жизни поэта и его ближайшего окружения.¹³⁹ Объектом анализа стали и критические отзывы русской эмигрантской критики о творчестве Игоря Северянина.¹⁴⁰ Большую научную ценность представляет словарь литературного окружения Игоря Северянина (составитель – Д. С. Прокофьев),¹⁴¹ охватывающий как дореволюционный, так и послереволюционный период.

Появились исследовательского типа работы и о ряде других русских литераторов, живших и трудившихся в ЭР рассматриваемого периода, причем не только о наиболее известных, включенных в выше охарактеризованную антологию «Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918-1940 гг.», но и о тех, которые там не представлены и которых обычно относят к второразрядным. Отдельные статьи посвящены, с одной стороны, таким авторам, как В. Е. Гущик,¹⁴² Ю. П. Иваск,¹⁴³ Б. А. Нарциссов,¹⁴⁴ Н. П. Рудникова,¹⁴⁵ Б. Х. Тагго-Новосадов,¹⁴⁶ И. К. Борман,¹⁴⁷ с другой

¹³⁸ См., напр.: *Lauwers, Lenie. Igor'–Severjanin. His Life and Work – The Formal Aspects of His Poetry.* Leuven, 1993 (*Orientalia Lovaniensia Analecta*, 49); *Vykoupil, Susanna. Die romanischen Gedichtarten Igor' Severjanins. Zwischen Tradition und Innovation.* Wiesbaden, 1997 (*Opera Slavica. Neue Folge.* 32); *Городницкий, Лазарь. О бессмертье своем не забочусь...* Рассказы, очерки, эссе об Игоре Северянине. Hannover: ALEXPRESS Verlag GmbH, 1999.

¹³⁹ *Петров, Михаил. Дон-Жуанский список Игоря-Северянина. История о любви и смерти поэта.* Таллинн: Изд. автора, 2002; *Он же. Бокал прощенья. Материалы к биографии Игоря-Северянина.* Нарва: Изд. автора, 2004.

¹⁴⁰ *Исаков С. Игорь Северянин в русской эмигрантской критике 1920-х – начала 1930-х гг. // Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись. С. 70-87.*

¹⁴¹ *Словарь литературного окружения Игоря-Северянина (1905-1941): Био-библиографическое издание / Вступит. статья, сост., коммент. Д. С. Прокофьева.* Псков, 2007. Т. I-II.

¹⁴² *Исаков С. Портрет с двойною тенью. О писателе В. Е. Гущике // Вышгород. 1995. № 5-6. С. 138-151. Статья вошла в книгу «Русские в Эстонии, 1918-1940».*

¹⁴³ *Пономарева Г. Юрий Иваск как переводчик // Радуга. 1999. № 2. С. 44-54.*

¹⁴⁴ *Исаков С. Борис Анатольевич Нарциссов // Радуга. 1996. № 1. С. 154-163. Статья вошла в книгу «Русские в Эстонии, 1918-1940».*

¹⁴⁵ *Исаков С. На волнах безнадежного реализма. Два лика Нины Рудниковой // Вышгород. 2002. № 3-4. С. 40-62. Статья вошла в книгу «Очерки истории русской культуры в Эстонии».*

¹⁴⁶ *Исаков С. Борис Христианович Тагго-Новосадов // Радуга. 1993. № 12. С. 49-51. Статья включена в книгу «Русские в Эстонии, 1918-1940».*

¹⁴⁷ *Пономарева Г. Ирина Борман и ее современники // Радуга. 2002. № 4. С. 45-52.*

же стороны, Г. Н. Сосунову,¹⁴⁸ И. А. Шеферу¹⁴⁹ и даже автору бульварных романов Н. И. Франк.¹⁵⁰ В указанной выше докторской диссертации А. Меймре можно найти подразделы, рассказывающие о В. М. Белове, П. М. Пильском, А. В. Чернявском. В. И. Крыжановской-Рочестер.¹⁵¹ Все эти публикации в совокупности дают представление о пестрой, но, вместе с тем, по-своему яркой картине русской литературной жизни в ЭР 1920-1930-х гг., о ее своеобразии на фоне литературы Русского зарубежья в целом.

В исследовательской литературе рассматривалось также кратковременное пребывание в Эстонии русских литераторов-эмигрантов (для многих из них Эстония была «транзитной» страной, откуда начинался их путь за рубеж),¹⁵² как и приезды сюда советских писателей, нашедшие отражение в их творчестве (Б. Пильняк¹⁵³). Имели место и другие контакты с литературой Советской России: произведения советских авторов, в первую очередь М. Зощенко, входили в круг чтения местных русских, происходил сложный процесс рецепции эмигрантами русской советской литературы. Появились первые работы, посвященные этой интересной проблеме.¹⁵⁴

Немало любопытных публикаций, так или иначе связанных с русскими в Эстонии 1918-1940 гг., надо отнести к разряду *Varia*. В этом разделе могли бы быть представлены самого разного рода работы, как, например, статья А. Меймре «Образ русского эмигранта в эстонской литературе 1920-1930-х гг.».¹⁵⁵

¹⁴⁸ *Исаков С.* Григорий Сосун: «Седого утра странник одинокий...» // Радуга. 1994. № 11. С. 28-36. Статья включена в книгу «Русские в Эстонии, 1918-1940».

¹⁴⁹ *Шор Т.* Русский литературный Таллинн: Бард Игорь Шефер (1902-1934) // Балтийский архив. Т. XI. С. 78-111.

¹⁵⁰ *Исаков С.* Три забытых романа... и повесть о судьбе нарвского мальчика // Вышгород. 2007. № 6. С. 108-129. См. настоящее изд. С. 278-302.

¹⁵¹ См. также: *Меймре А.* «Из мрака к свету»: По поводу пребывания В. И. Крыжановской-Рочестер в Эстонии // Балтийский архив. Т. VI. С. 315-322.

¹⁵² *Меймре А.* Русские литераторы-эмигранты в Эстонии 1918-1940. С. 67-84. См. также: *Доценко С. А.* М. Ремизов в Эстонии: начало эмиграции // Балтийский архив. Т. II. С. 171-194.

¹⁵³ *Шор Т.* Борис Пильняк и Эстония // Балтийский архив. Т. IX. С. 38-56; *Пономарева Г., Шор Т.* Образы эмигрантов в повести Б. Пильняка «Третья столица» // Toronto Slavic Quarterly. 34. [2010]. С. 75-95.

¹⁵⁴ *Пономарева Г.* Рассказы М. М. Зощенко как зеркало советского языка и быта (восприятие творчества Зощенко в Эстонии) // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. VII. Helsinki, 2000 (Slavica Helsingiensia. 20). С. 265-278.

¹⁵⁵ Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись. С. 289-295.

Из исследовательских работ этого разряда хотелось бы отметить статьи Ю. П. Мальцева о русских изобретателях в ЭР¹⁵⁶ и братских захоронениях белой Северо-западной армии на территории Эстонии.¹⁵⁷ Ю. П. Мальцев – организатор и председатель Общества охраны памятников русской культуры в Эстонии (создано в 1988 г.); он много лет занимается поисками захоронений северо-западников и приведением их в порядок.

Своеобразным итогом всей проделанной работы по изучению русского населения Эстонии 1920-1930-х гг. может служить раздел «Период независимой Эстонской Республики (1918-1940)» в новой, вышедшей в конце 2008 г. книге профессора С. Г. Исакова «Путь длиною в тысячу лет. Русские в Эстонии. История культуры. Часть I», где в сжатой конспективной форме рассмотрено прошлое русских в Эстонии, начиная с конца X века и кончая 1940 годом,¹⁵⁸ когда начался совершенно новый период в истории страны.

За прошедшие 20 лет была проделана большая работа по изучению русских и их культуры в Эстонии за период между двумя мировыми войнами XX века. При этом надо учесть, что их исследованием занималась численно небольшая группа ученых (В. Бойков, И. Белобровцева, А. Меймре, Г. Пономарева, Т. Шор, Ю. Мальцев, Р. Абисогмян и некоторые другие), чаще всего не получавших финансовой поддержки от государства, если не считать нескольких грантов.

Как мы видели, сделано не так уж мало. Но все-таки остается еще много нерешенных проблем, которыми следует заняться в будущем. На некоторые из них мы уже указывали выше. До сих пор нет серьезных работ о юридическом статусе русских в период первой ЭР, о политике властей в отношении русской диаспоры, о ее эволюции. Хотя в общих чертах мы представляем себе, почему русские не воспользовались законом о культурной автономии 1925 г., но научное исследование проблемы

¹⁵⁶ Мальцев Ю. П. Русские изобретатели в Эстонской республике (1918-1940) // Просветители. С. 80-85.

¹⁵⁷ Мальцев Ю. Братские военные захоронения Северо-Западной армии на территории современной Эстонии // Труды РИЦ. Вып. I. С. 123-136; *Он же*. Военные кладбища Северо-Западной армии на территории современной Эстонии // Труды РИЦ. Вып. II. С. 155-174; Некрополь северо-западников на территории современной Эстонской Республики. Братские захоронения воинов армии, медицинского персонала и русских беженцев / Сост. Ю. П. Мальцев // Михайлов день 1-й. Журнал исторической России. Ямбург, 2005. С. 60-80. См также: *Абисогмян Р. А.* К вопросу о братских могилах и кладбищах Северо-Западной армии на территории Эстонии // Там же. С. 81-92.

¹⁵⁸ Исаков С. Г. Путь длиною в тысячу лет. Русские в Эстонии. История культуры. Ч. I. Tallinn: INGRI, 2008 (РИЦ в Эстонии). С. 203-268. Дополнительный тираж вышел в 2010 г.

«Русские Эстонии и вопрос о культурной автономии» не может считаться завершенным. Нет специальных исследований экономического положения русских в рассматриваемый период. Нет полной библиографии содержания русских изданий в ЭР 1918-1940 гг. Надо продолжить издание сочинений местных русских авторов. Творческая деятельность большинства русских художников, певцов, музыкантов, ряда писателей еще не изучена. Надо довести до конца работу над «Биографическим словарем русских деятелей в Эстонии», создать хронику общественной, культурной и научной жизни русских в ЭР. Вот далеко не полный перечень того, что предстоит еще сделать.

Русские в Эстонии 1920-1930-х гг. в мемуарной литературе

Мемуарная литература, посвященная русским в Эстонии 1918-1940 гг., весьма многочисленна; она отображает почти все наиболее существенные стороны жизни русских в Эстонской Республике тех лет. Среди ее образцов есть выдающиеся в художественном отношении воспоминания, достойные занять почетное место в русской мемуарной литературе последних десятилетий. К сожалению, эта литература еще даже в полной мере не выявлена, нет ее библиографии. Она до сих пор не была предметом специальных исследований.

В рамках данной, сравнительно небольшой по размеру статьи мы не имеем возможности даже упомянуть все мемуары, посвященные русским в Эстонии 1920-1930-х гг. В ней будут вкратце охарактеризованы лишь наиболее важные мемуары, интересные, как с познавательной, фактографической, так и с художественной стороны. Главную же свою задачу автор видит в том, чтобы наметить основные тенденции развития мемуарной литературы о русских в первой Эстонской Республике (1918-1940).

Мемуары сравнительно редко пишутся по свежим следам произошедших событий. Обычно нужен какой-то интервал между временем, когда описываемое событие имело место, и временем написания воспоминаний. Однако бывают и исключения – чаще всего тогда, когда только что произошедшее остается злободневным, остро воспринимается, продолжает вызывать ожесточенные споры, полемику, живое обсуждение в обществе. Так было в начале 1920-х гг. в Русском зарубежье с темой только что прошедшей Гражданской войны. В эмиграции шла оживленнейшая и по-своему драматическая полемика по вопросу, почему белые проиграли войну и что делать дальше.

Гражданская война 1918-1920 гг. непосредственно затронула Эстонию и проживавших в ней русских. В Эстонии формировалась белая Северо-западная армия генерала Н. Н. Юденича, отсюда она начала в 1919 г. наступление на Петроград, сюда же она отступила и здесь же

была разоружена.¹ Именно на территории Эстонии находилось белое Северо-западное правительство, весьма левое по своему идеологическому облику.² Большинство русских эмигрантов в Эстонии составляли бывшие северо-западники и отошедшие вместе с Северо-западной армией беженцы.

Мемуары, посвященные Гражданской войне на северо-западе России, составляют как бы предысторию темы нашей статьи. Они стали появляться почти сразу же после описываемых событий. Их авторами были офицеры и генералы, реже рядовые и унтер-офицеры Северо-западной армии, министры Северо-западного правительства, журналисты, освещавшие ход военных действий под Петроградом³. Это прежде всего воспоминания командующего Северо-западной армией генерал-лейтенанта А. П. Родзянко,⁴ редактора газеты «Свободная Россия» (фактически органа Северо-западного правительства) Г. Л. Кирдецова,⁵ видного политического деятеля Н. Н. Иванова,⁶ журналиста К. А. Башкирова,⁷ министра Северо-западного правительства В. Л. Горна⁸ и др. Вслед за тем появилось еще множество воспоминаний о Северо-западной армии. Недавно в серии «Белое движение в России» (т. 10) вышла в свет своего рода сводная антология этой мемуарной литературы, включающая большинство воспоминаний о Гражданской войне на северо-западе России (всего 34

¹ См. об этом: Интервенция на северо-западе России 1917-1920 гг. СПб., 1995; *Смолин А. В.* Белое движение на северо-западе России 1918-1920 гг. СПб., 1999.

² См. о нем: *Смолин А. В.* Цит. соч. С. 253-297. См. также: *Зимина В. Д.* Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны 1917-1920 гг. М., 2006. С. 160-170.

³ См. далеко не полные перечни мемуаров: Опыт библиографии Северо-западной добровольческой армии генералов Н. Н. Юденича и А. П. Родзянко. Ямбург [Кингисепп]: Братство Святого Архистратига Божия Михаила «Михайлов день», 2000. С. 15-17; Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Аннот. указ. кн., журн. и газ. изд. за рубежом в 1917-1991 гг.: В 4 т. / Гос. публ. ист. б-ка России, Стэнфордский ун-т; Науч. ред. А. Г. Тартаковский, Т. Эммонс, О. В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 2. С. 93-101.

⁴ *Родзянко А. П.* Воспоминания о Северо-западной армии. Берлин, 1920 (переиздание: М., 2000).

⁵ *Кирдецов Г. Л.* У ворот Петрограда (1919-1920 гг.). Берлин, 1921.

⁶ *Иванов Н. Н.* О событиях под Петроградом в 1919 году: Записки Н. Н. Иванова, бывшего члена Северо-западного правительства // Архив гражданской войны. 1922. № 1. Берлин, 1922. С. 9-175.

⁷ *Башкиров К. А.* Под Белым Крестом (Чему я был свидетелем). Рига, 1922.

⁸ *Горн В. Л.* Гражданская война на Северо-западе России. Берлин, 1923.

произведения или отрывков из них).⁹ Почти одновременно вышел и седьмой номер альманаха «Белая гвардия», полностью посвященный белому движению на северо-западе, где также был опубликован ряд мемуаров.¹⁰ Публикация воспоминаний северо-западников продолжается и в наши дни.¹¹

Правда, в этих воспоминаниях преимущественно идет речь о боевых действиях Белой армии на территории России и мало говорится о повседневной жизни русских в Эстонии. Эти мемуары, как правило, носят сугубо документальный характер, они, в первую очередь, дают богатый материал для истории Гражданской войны, белого движения. При этом заметно разнятся воспоминания рядовых участников боевых действий, младшего офицерского состава – и мемуары генералов и старших офицеров. Первые правдиво рисуют повседневные окопные будни с фронтовой неразберихой, с непонятными действиями начальства, с отсутствием элементарно необходимого – одежды и обуви, с дезертирством солдат, с расстрелом пленных красных и т. д., и т. п. Эти воспоминания обычно очень критичны по своему тону, в них доминирует «окопная правда». Укажем здесь хоты бы на мемуары А. Гершельмана.¹² Генеральские же воспоминания носят иной – более широкий, «штабной» характер, они рисуют картину сложных взаимоотношений в верхах, повествуют о планах командования и пр. В них обычно много места занимает самооправдание авторов и критика вышестоящего начальства и коллег. Почти для всех мемуаров характерна антиэстонская направленность: подчеркивается возмутительное отношение эстонцев к северо-западникам. В ряде мемуаров этим обосновывается поражение белых под Петроградом. При этом мемуаристы даже не упоминают о более глубоких причинах конфликта, восходящих к непризнанию белыми независимости Эстонии. Характерно также негативное отношение северо-западников к Англии и – шире – к Антанте за то, что они не оказали достаточной помощи белым.

Для нашей статьи наибольший интерес представляют мемуары, где дается характеристика крайне запутанной политической ситуации в Эстонии тех лет, сложных отношений Северо-западной армии с эстонскими властями и военными, конфликтов внутри местного русского общества.

⁹ Белая борьба на северо-западе России / Сост. С. В. Волков. М., 2003.

¹⁰ Белое движение на северо-западе России. М., 2003 (Белая гвардия. Альманах. № 7).

¹¹ См. воспоминания, опубликованные в издании: Михайлов день 1-й. Журнал исторической России. Ямбург [Кингисепп], 2005. См. также: *Реден Н.* Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарина 1914-1919. М., 2006

¹² *Гершельман А.* В рядах Северо-западной армии // Белая борьба на северо-западе России. С. 329-441.

Весь этот клубок противоречий, в котором нелегко разобраться и который связан не только с идеологическими разногласиями, но нередко также со сложными личными взаимоотношениями людей, представлен, в частности, во второй и третьей книгах воспоминаний еще одного министра Северо-западного правительства – М. С. Маргулиеса (это фактически обработка его дневников).¹³

В этом плане важны также небольшие по объему воспоминания русского общественного и политического деятеля, бывшего депутата Государственной Думы князя С. П. Мансырева «Пятнадцать месяцев в Ревеле», написанные в 1923 г., но опубликованные лишь в 1992 г.¹⁴ С. П. Мансырев был некоторое время председателем Временного русского совета в Эстонии и редактором газеты «Ревельское слово», хорошо знал местную обстановку, лично общался с К. Пятсом и Й. Лайдонером. В его воспоминаниях раскрыто отношение местных русских к независимой Эстонской Республике, как и отношение эстонцев к русским эмигрантам. Впрочем, обо всем этом в какой-то мере идет речь и в упомянутых выше мемуарах Г. Л. Кирдецова, Н. Н. Иванова, В. Л. Горна.

Нас особенно интересующие события: трагедия отступившей на территорию Эстонии и разоруженной Северо-западной армии, ужасы тифозной эпидемии в нарвском карантине, отправка северо-западников на лесоповал, первые месяцы трудной жизни русских беженцев в Эстонской Республике, – к сожалению, сравнительно слабо отражены в мемуаристике. Между тем, именно таким было начало жителя-бытия большинства русских эмигрантов в Эстонии. Самое яркое описание трагедии северо-западников мы находим в воспоминаниях журналиста Г. И. Гроссена, обычно выступавшего под псевдонимом *Нео-Сильвестр*.¹⁵ Из мемуаров беженцев отметим, написанные в 1936 г., но лишь сравнительно недавно вышедшие в свет воспоминания С. Н. Сидякова.¹⁶

Итак, первый комплекс мемуаров, имеющих отношение к интересующей нас теме, посвящен событиям Гражданской войны 1918-1920 гг. Это вполне закономерно. Трудно предположить, чтобы в начале 1920-х гг. какая-то другая тематика могла бы выдвинуться на первый план. События Гражданской войны в значительной мере оставались в центре всей

¹³ *Маргулиес М. С.* Год интервенции. Кн. 2 (апрель-сентябрь 1919 г.). Кн. 3 (сентябрь 1919 – декабрь 1920). Берлин, 1923.

¹⁴ Вышли под другим названием: Русские в Эстонии (1918-1920 гг.). Из воспоминаний князя С. П. Мансырева // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 54-72.

¹⁵ *Нео-Сильвестр (Гроссен Г. И.)*. Агония Северо-западной армии: Из тяжелых воспоминаний // Историк и современник. Т. V. Берлин, 1924. С. 132-167.

¹⁶ См.: *Сидяков С. Н.* Летопись беженства / Публ. Ю. Сидякова // Балтийский архив. Т. II. Таллинн: Авенариус, [1996] С. 269-319.

жизни русских за рубежом. Для них всё начиналось оттуда – с событий революции и Гражданской войны.

Написанные по свежим следам кровавой войны воспоминания в большинстве своем не блещут особыми художественными достоинствами. Это прежде всего образцы документальной прозы и именно в этом плане они и интересны.

Жизнь русских в Эстонии 1920-1930-х гг. на фоне ужасов только что прошедших революции и Гражданской войны представлялась людям той поры мирной и тихой. Она не была «экстремальной», не вызывала острых споров в обществе и в силу всего этого не привлекала особого внимания мемуаристов. В 1920-1930-е гг. воспоминаний о жизни местных русских в Эстонии практически не появлялось. В первый год советской власти (1940/41), изобиловавший непривычными для здешнего населения сталинскими репрессиями, которые обрушились на эмигрантов, как и в годы немецкой оккупации (1941-1944), людям было не до мемуаров; затем наступила советская эпоха, продолжавшаяся полвека.

В советский период тема жизни русских в Эстонии двух межвоенных десятилетий фактически была поначалу запретной, а после смерти Сталина полузапретной. Как известно, всё, что имело отношение к белой эмиграции, в те времена в печать не допускалось. Между тем интеллектуальную жизнь русских в Эстонии 1920-1930-х гг. во многом определяли именно эмигранты. В результате вся общественная и культурная (не говоря уже о политической!) деятельность русских в Эстонской Республике воспринималась в официальных кругах как враждебная советским порядкам, противостоящая господствующей коммунистической идеологии и поэтому вредная. Конечно, можно было говорить о капиталистической эксплуатации трудящихся в буржуазной Эстонии, о классовой и революционной борьбе в ней. Но русских мемуаристов, готовых писать об этом, – за малым исключением¹⁷ – не находилось.

После смерти Сталина, особенно в годы «оттепели», стало возможным публиковать воспоминания об Игоре Северянине, поскольку он не считал себя эмигрантом и в 1940 г. приветствовал установление советской власти в Эстонии, но и тут надо было проявлять осторожность. Позже к нему добавилось еще несколько имен, о которых можно было говорить в печати (среди них Борис Вильде, герой французского Сопротивления, расстрелянный гестаповцами), однако их было немного. Имена же боль-

¹⁷ Одним из таких исключений были воспоминания Б. Пшеничникова «И наступило утро» (изданы на эстонском языке: *Pšeničnikov, Boriss. Ja õöst sai hommik*. Tallinn: Eesti Raamat, 1981). Они не лишены интереса, поскольку раскрывают деятельность Коммунистической партии Эстонии в подполье.

шинства русских политических, общественных и культурных деятелей в Эстонии 1920-1930-х гг. по-прежнему оставались под запретом.

Это, правда, не значит, что в постсталинскую эпоху, начиная с периода хрущевской оттепели, не создавалось воспоминаний, рисовавших более широкую картину жизни русских в «буржуазной» Эстонии. Нам известно несколько прекрасных образцов такого рода мемуарной литературы, написанных в тот период. Но это были произведения, которые не могли попасть в печать. Они создавались их авторами в надежде на будущее, как тогда говорили, «в стол».

После Второй мировой войны за рубежом оказалась небольшая группа местных русских, покинувших Эстонию в 1944 г., перед приходом Советской Армии, в огромном потоке эстоноземельцев, бежавших на Запад. Они в конечном итоге чаще всего оседали в США, пополнив русскую эмиграцию так называемой «второй волны» (для многих из них это была уже вторая эмиграция...). В нью-йоркской газете «Новое русское слово» и в некоторых журналах изредка печатались их небольшие по объему воспоминания, преимущественно о русской культурной и литературной жизни в Эстонии 1920-1930-х гг. Это мемуарные статьи поэтов Ю. П. Иваска и Б. А. Нарциссова, русского общественного и культурного деятеля, театрала К. Е. Аренсбургера (обычно выступавшего под псевдонимом *К. Аренский*)¹⁸ и некоторых других. Таких публикаций было немного. Это объясняется, с одной стороны, немногочисленностью русской эмиграции «второй волны» из Эстонии, с другой же стороны, невостребованностью в ту пору их мемуаров. Читателям в Эстонии они были недоступны, а русских американцев вряд ли интересовала эмиграция в «лимитрофной» Эстонии 1920-1930-х гг. В силу этого и некоторые уже готовые мемуарные произведения не попадали в печать (Н. Е. Андреев, о нем далее). Появление заслуживающих внимания воспоминаний русских из Эстонии, обосновавшихся на Западе, относится уже к 1980-1990-м гг., когда ожили русская мемуаристка и на родине, в Эстонии.

Отметим, что был и один мемуарист из Эстонии в третьей волне русской эмиграции. Это известный диссидент Сергей Иванович Солдатов (1933-2003), арестованный в 1975 г. и в 1981 г. высланный за границу. Однако надо учесть, что С. И. Солдатов на основе личных воспоминаний

¹⁸ См.: *Иваск Ю. П.* Игорь Северянин // Новое русское слово (далее – НРС). 1950. 16 июля. № 13960. С. 8; *Аренский К. Е.* Встречи // Возрождение. 1969. № 211. С. 51-69; *Иваск Ю. П.* Русская литературная жизнь в Эстонии // НРС. 1979. 14 дек. № 25065. С. 4; *Нарциссов Б. А.* Цехи русских поэтов в Эстонии // НРС. 1980. 29 февр. № 25131. С. 6; *Аренский К.* Театральные заметки // НРС. 1981. 12 марта. № 25454. С. 8; 7 мая. № 25502. С. 4; и др.

мог рассказать лишь о периоде конца 1930-х гг.¹⁹ При этом события тех лет мемуарист описывает не столько глазами ребенка, сколько с точки зрения взрослого, умудренного жизненным опытом человека 1980-х гг.

Мемуарный «бум», который привел к появлению выдающихся образцов русскоязычной мемуаристики в Эстонии, начинается в период перестройки, во времена либерализации советских порядков во второй половине 1980-х гг. Он достигает своего расцвета в первые годы существования независимой Эстонской Республики, т. е. в 1990-е гг., когда появилась возможность публиковать воспоминания о жизни русских в Эстонии в прошлом. Более того – редакции журналов «Таллинн» и «Вышгород» (в меньшей мере «Радуги»), издательство «Aleksandra», возглавляемое Н. Д. Мельц-Абашинной, проявляют большую заинтересованность в них, охотно печатают мемуары. Появляется небольшая – по отношению к общему, почти полумиллионному русскоязычному населению Эстонии – группа русской интеллигенции, которую волнует проблема собственных корней, возврата к старым культурным традициям, насильственно прерванным в годы советской власти. Она живо интересуется прошлым русской диаспоры в Эстонии, ощущает свою причастности к нему. Именно из числа этих интеллигентов выходят благодарные читатели (можно сказать и почитатели) интересующей нас мемуарной литературы.

В высшей степени показательно, что почти все наиболее ценные и большие по объему воспоминания вышли из-под пера авторов, побывавших в сталинских тюрьмах и лагерях, в ссылке и на поселении («спецпереселенцы»). Даже удивительно, как схожи биографии многих мемуаристов, вернее мемуаристок – среди них преобладают женщины. Это свидетельствует о своеобразной «типичности» их: именно таков был жизненный путь большинства старой русской интеллигенции в Эстонии. Воспоминания Т. Б. Кашневой, Т. П. Милютиной, К. С. Хлебниковой-Смирновой, М. С. Плюхановой, С. В. Рацевича обычно и строятся как противопоставление (иногда имплицитное, чаще – как явное, эксплицитное) прежней жизни и жизни лагерной. Прежняя долагерная жизнь тоже была трудной, часто полунищей, голодной, но это была жизнь на воле. Эти люди, русские эмигранты, особенно остро воспринимали советский авторитарный режим, тюрьмы, лагерную повседневность.

Мемуаристов сближает не только общность судьбы, но и, во многом, общий взгляд на мир и на человека, какие-то общие черты в психологическом складе личности. Это типичные представители старой русской интеллигенции, десятилетиями третируемой, осмеиваемой и ныне уже

¹⁹ См.: *Солдатов С.* Зарницы возрождения: Опыт политической борьбы и нравственного просветительства. London, 1984. С. 9-68; 2-е изд.: Таллинн, 2005. С. 17-70.

почти исчезнувшей. Эти люди были воспитаны на старой русской культуре XIX – начала XX в., искренне религиозны. Они с детства впитали в себя такие понятия, как порядочность, совесть, доброта, милосердие, уважение к другим людям, уважение к культуре, толерантность, отсутствие идеологического фанатизма. Очень характерно, что они и в лагерях сумели сохранить силу духа, не озлобиться. Их воспоминания – это не только рассказ о себе, но всегда и рассказ об очень многих людях, с которыми сталкивала их судьба.

Поражает прекрасная память большинства мемуаристов. Некоторые из них оказались талантливыми рассказчиками, чья писательская одаренность лишь теперь смогла проявиться. Не случайно их произведения удостоивались литературных премий: книге Т. П. Милютиной «Люди моей жизни» была присуждена премия имени Игоря Северянина, «Моим воспоминаниям» К. С. Хлебниковой-Смирновой – парижская премия имени В. И. Даля, «невдуманной повести» Т. Б. Кашневой «Земная коротка наша память...» – Литературная премия Культурного капитала Эстонии.

Вообще лучшие образцы русско-эстонской мемуарной литературы интересны и ценны в двух отношениях: с точки зрения документалистики (обилие фактического материала, часто, так сказать, впервые вводимого в читательский оборот) и с точки зрения художественной – как порою превосходные образцы художественной прозы. Последнее особенно относится к книге Т. Б. Кашневой «Земная коротка наша память...».

Большинство рассматриваемых далее мемуаров достоверно, в них нет сознательной фальсификации прошлого, подчинения мемуарного материала каким-либо идеологическим догмам. Конечно, эпоха не могла не оказывать влияния на авторов, особенно на воспоминания, создававшиеся еще в советское время (мемуары С. В. Рацевича); к счастью, это почти никогда не приводило к откровенному искажению прошлого. Фактические ошибки иногда встречаются в интересующих нас воспоминаниях, но они практически неизбежны в мемуарной литературе. Неточности как плоды авторской фантазии, если и попадают, то в разумных пределах (исключение – мемуарные или полумемуарные сочинения Ю. Д. Шумакова: его фантазии – это своего рода феномен, заслуживающий специального изучения).

Обратимся к более подробному рассмотрению отдельных мемуаров с точки зрения темы нашей статьи: как в них отразилась жизнь русских в Эстонии в 1920-1930-е гг. Надо отметить, что этому посвящена обычно лишь часть воспоминаний русских авторов. Много места в них занимает лагерная тема, на которой мы особо останавливаться не будем, хотя она неразрывно связана с интересующей нас тематикой и проблематикой.

Начнем с уже называвшейся выше книги Татьяны Борисовны Кашневой «Земная коротка наша память...», написанной в 1965-1974 гг.²⁰ и изданной в 1993 г. (2-е изд. – Таллинн: Aleksandra, 2008). Она не случайно имеет подзаголовок «Невыдуманная повесть». Это художественное произведение высокой пробы, оригинальное по композиции: в книге всё время чередуются жуткие картины ссылки, быта спецпоселенцев в Приуралье с воспоминаниями автора о прежней жизни в Эстонии, о поездках во Францию, Нидерланды, Германию, Бельгию, о жизни совершенно иной. При этом в книге нет последовательного рассказа о прошлом: Т. Б. Кашнева каждый раз повествует о том, что ей сейчас вспомнилось. Такие импрессионистически выстроенные отрывки придают особое очарование рассказу, заставляют читателя как бы сопереживать вместе с автором. В этих отрывках мемуаристка не затрагивает сложных политических проблем, идеологических споров эмиграции. Её, в 1930-е годы молодую женщину, это тогда не очень интересовало. В своих воспоминаниях она обращается прежде всего к повседневной, личной, семейной жизни русских эмигрантов, но Т. Б. Кашнева умеет передать духовную атмосферу этой жизни, мироощущение людей той поры, психологический склад их личности. «Всё это теперь вспоминается, как глава из прочитанной когда-то, полузабытой книги», – пишет Т. Б. Кашнева.²¹ И эта полузабытая книга» хватает читателя за душу... Воспоминания недавно скончавшейся Т. Б. Кашневой (в год смерти – 2009 – ей исполнилось сто лет!) принадлежат к лучшим образцам русской мемуарной литературы.

Книга Тамары Павловны Милютиной (1911-2004) «Люди моей жизни» (1997) богата фактическим материалом. Она, собственно говоря, относится к новому жанру «гибридных» мемуаров: помимо «чистых» воспоминаний включает письма, документы, сведения из печатных источников и т. д.²² Они как бы дополняют мемуарный материал. Т. П. Милютина подробно рассказывает о своих предках и родственниках, о деятелях русской эмиграции в Париже, с которыми она встречалась во время трехлетнего пребывания в этом городе (Н. А. Бердяев, В. Н. Ильин, В. В. Зеньковский, Е. Ю. Кузьмина-Караваева – Мать Мария, Б. В. Вильде и др.). Для

²⁰ Годы создания указаны в тексте книги: *Кашнева, Татьяна*. «Земная коротка наша память...». Невыдуманная повесть. Таллинн: Aleksandra, 1993. С. 214, 220.

²¹ Там же. С. 93.

²² См. об этом в моем предисловии к книге: *Милютина, Тамара*. Люди моей жизни. Тарту: Крива, 1997. С. 6. О том, какой интерес вызвали эти воспоминания в среде эстонских читателей, свидетельствует перевод книги Т. П. Милютиной на эстонский язык и второе их издание: *Miljutina, Tamara*. Inimesed minu elus: [Mälestused] / Vene keelest tõlkinud Maie Raitar. Tallinn: Varrak, 2007; *Miljutina, Tamara*. Inimesed minu elus / Tõlkinud Maie Raitar. Tallinn: Eesti Päevaleht; Akadeemia, 2010 (Sari *Eesti mälu*, 32).

нас особенно ценно уникальное описание русской культурной и общественной жизни в Тарту 1920-1930-х гг., местного русского общества и его представителей, деятельности Русского студенческого христианского движения (Т. П. Милютинна была замужем за руководителем движения в Прибалтике И. А. Лаговским и сама принимала в нем активное участие). Воспоминания включают и подробный рассказ о судьбе многих деятелей русской культуры в Эстонии.

Воспоминания Ксении Сергеевны Хлебниковой-Смирновой (1914-2004)²³ интересны описаниями населенного русскими Печорского края (ныне Печорский район Псковской области Российской Федерации, в 1920-1930-е гг. входивший в состав Эстонской Республики), где прошло детство мемуаристки и где она училась в Печорской русско-эстонской гимназии. Интерес представляет и рассказ о деятельности кружков РСХД в Таллинне. Очень любопытны размышления К. С. Хлебниковой-Смирновой о своеобразном раздвоении личности, которое испытывала русская молодежь в первый год советской власти в Эстонии. Для этой молодежи, чаще всего никогда не видевшей России, приход русских в лице Красной Армии иногда представлялся радостным восстановлением утраченных связей с родиной, но этому противоречили страшные сталинские репрессии, идущие отсюда же. Жертвами этих репрессий становились лучшие представители местной русской интеллигенции. Выхода из этих противоречий не было видно, оставалось только надеяться, что всё «образуется». К. С. Хлебникова-Смирнова, как и многие местные русские, с началом войны в 1941 г. эвакуировалась в советский тыл, в Россию, где её ожидали арест и тюрьма. Там уже пришел конец раздвоенности... Воспоминания К. С. Хлебниковой-Смирновой характеризует внешне объективная манера повествования, они написаны просто, но эта простота естественна и по-своему привлекательна.

Богаты фактами воспоминания Марии Сергеевны Плюхановой «Мне кажется, что мы не расставались...».²⁴ В них дана широкая панорама русского общества в Ревеле (Таллинне) в 1920-1930-е гг., яркие меткие характеристики его представителей, большей частью эмигрантов, «Обще-

²³ *Хлебникова-Смирнова, Ксения*. Мои воспоминания. Таллинн: Александра, 1994.

²⁴ *Плюханова М. С.* Мне кажется, что мы не расставались... Воспоминания. Таллинн: Alexandra, 1999. Большая часть воспоминаний ранее была опубликована в журнале «Таллинн» (1997-1999. № 8-9,10, 11, 12, 13). Перевод на эстонский язык: *Kirschbaum-Pljuhhanova, Maria*. Mälu hoiab meid eluaeg koos: Meenutusi / Vene keelest tõlkinud Virve Krimm. Tallinn, 2007 (Loomingu Raamatukogu. Nr. 13-16). См. также: *Sor, Tatjana*. Eesti Vabariik ja okupatsioonide aeg ühe riialanna mälestustes // Akadeemia. 2007. Nr. 9. Lk. 2032-2038.

ства помощи больным беженцам», которое возглавляла мать мемуаристки, РСХД и его деятелей. Очень интересны главы, посвященные первому году советской власти в Эстонии и в особенности годам немецкой оккупации, которая, по воспоминаниям М. С. Плюхановой, для местных русских мало чем отличалась от советской: те же репрессии, те же лагеря. Надо заметить, что жизнь русских в оккупированной немцами Эстонии очень слабо отражена в мемуарной литературе.²⁵

Поражает объективность М. С. Плюхановой как мемуаристки, над ней не тяготеют никакие внешние идеологические установки. Она всегда полагается лишь на свои собственные наблюдения и впечатления, отложившиеся в ее памяти. Так, например, она хорошо отзывается о Йоханнесе Лауристане, эстонском коммунисте, возглавлявшем в 1940/41 годах Совнарком Эстонской ССР. Добавим еще, что М. С. Плюханова – великолепный рассказчик.

Вышедшие первоначально тиражом в 25 экземпляров, но, к счастью, не так давно переизданные воспоминания нарвской учительницы Веры Михайловны Кругловой (1914-2000)²⁶ содержат исключительно подробный основательный рассказ о населенном русскими городе Нарве и курортном поселке Усть-Нарва (Нарва-Йыэсуу) 1920-1930-х гг. с экскурсами, с одной стороны, в еще более далекое прошлое, а с другой, в сегодняшний день. Описываются практически все стороны жизни нарвитян и усть-наровцев: сами эти населенные пункты, их улицы, дома, магазины, театральные залы, кино, развлечения, культурная жизнь и т. д. Таких подробных описаний мы, пожалуй, не находим больше ни в одних других мемуарах. Отдельные главы посвящены Игорю Северянину, театралу и врачу А. И. Круглову (супругу автора мемуаров), Нарвской русской гимназии 1928-1933 гг. Это взгляд интеллигентной старой русской нарвитянки на свой родной и любимый город и на его спутник – дачный поселок Усть-Нарва.

Безусловный интерес представляют воспоминания Кирилла Мурумеса «Годы. Люди. События...». Их автор – инженер по специальности,

²⁵ Кое-какой материал об этом имеется в книге: Жизнь в оккупации: Пушкин. Гатчина. Эстония. Дневник Люси Хордикайнен / Публ. и коммент. С. А. Нуриджановой. СПб., 1999. Она в числе прочего любопытна, как отражение взгляда советского человека на положение в Эстонии в годы немецкой оккупации. Отметим также недавно опубликованные воспоминания представителя младшего поколения русской эмиграции А. А. Бельгарда (1898-1945): *Бельгард, Алексей*. Как Эстония стала советской (История одного переворота) / Публ. Е. Андреевой // Балтийский архив. Т. IX. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та, 2005. С. 177-234.

²⁶ 1-ое изд.: *Круглова В. М.* Тепло прошедших дней. Б. м., 1998. 2-ое изд.: *Круглова В. М.* Записки старой нарвитянки. М., 2009.

позже директор большого сланцеперерабатывающего комбината в Кивиыли, причем директор необычный – К. Муруметс писал стихи, выпустил сборник стихотворений «Слово и камень». Одна треть книги мемуаров К. Муруметса – это рассказ об одном из малых «провинциальных» гнезд русской культуры в Эстонии 1920-1930-х гг. – рабочем поселке Кивиыли, о труде русских шахтеров и инженеров, об их роли в создании и развитии сланцеперерабатывающей промышленности Эстонии, об интеллектуальной и культурной жизни Кивиыли, о здешних русских деятелях (среди них замечательная поэтесса М. В. Карамзина). «В небольшом и довольно тихом Кивиыли образовалось сообщество любителей русской культуры. Оторванные от своей Родины, они сумели сохранить высокий духовный потенциал, честь и человеческое достоинство, – пишет К. Муруметс. – Их трудами и заботами интеллектуальная и культурная жизнь в поселке находилась на очень высоком качественном уровне».²⁷

Особо надо остановиться на больших по объему, поистине монументальных, охватывающих огромный промежуток времени воспоминаниях С. В. Рацевича «Глазами журналиста и актера». Их автор – Степан (Стефан) Владимирович Рацевич (1903-1987) был журналистом, актером, видным русским общественным и культурным деятелем в Эстонии 1920-1930-х гг. Он работал репортером и редактором ряда нарвских газет, эпизодически играл на сцене Нарвского русского театра, являлся одним из инициаторов создания и секретарем местного культурно-просветительного общества «Святогор», ряд лет стоявшего в центре всей русской культурной жизни Нарвы. В 1929-1940 гг. С. В. Рацевич работал инструктором Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии по Принаровью и Причудью, он прекрасно знал эти населенные, в основном, русскими крестьянами регионы Эстонской Республики. Позже С. В. Рацевич дважды подвергался репрессиям, побывал в сталинских лагерях.

Всё это в совокупности дало ему богатый материал для воспоминаний, которые С. В. Рацевич начал писать в 1960-е гг., после реабилитации и возвращения в родную Нарву. Работа над первым томом, посвященным жизни в Эстонии до ареста, до 1940 г., он завершил в 1966 г. Последующие – лагерные – тома были закончены позже. По-видимому, С. В. Рацевич все же питал некоторые надежды на возможность публикации своих воспоминаний уже в те годы, при советской власти. Кое-какие черты самоцензуры видны в тексте, но, к счастью, они маргинальны, да их и немного. Отрывки из воспоминаний С. В. Рацевича стали появляться в

²⁷ *Муруметс, Кирилл.* Годы. Люди. События. Таллинн: ИНГРИ, 2000. С. 15.

печати уже посмертно, в 1990-е гг.²⁸ Лишь недавно усилиями сына мемуариста, наконец-то, воспоминания С. В. Рацевича вышли отдельным изданием в трех объемистых выпусках.²⁹

Для нас наибольший интерес имеет первый и самый большой по объему том первой части его воспоминаний, посвященный, в основном, 1920-1930-м гг. Здесь мы находим описание довоенной Нарвы, нарвской русской общественной и культурной жизни, здешнего русского театра, нарвских газет, обществ, кружков, русских деятелей культуры и искусства, бывавших в Нарве. Единственным в своем роде является основательный рассказ о почти всех русских деревнях Причудья и Принаровья с характеристикой местных культурно-просветительных обществ и местных общественных и культурных деятелей. Это очень ценное уникальное описание. В какой-то мере С. В. Рацевич останавливается и на социальных проблемах русского крестьянства в Эстонии.

Собственно, и лагерные тома воспоминаний С. В. Рацевича представляют интерес для темы «Эстония 1920-1930-х гг.». В тюрьмах и лагерях он встречался и общался со многими репрессированными русскими и эстонскими деятелями, в частности, С. В. Рацевич был одним из последних, кто видел крупнейшего эстонского государственного и политического деятеля XX века Яана Тыниссона, арестованного и бесследно пропавшего в 1941 г.

Обо всем виденном С. В. Рацевич, опытный журналист, пишет со знанием дела. К тому же, всё-таки не доверяя своей памяти, мемуарист в работе над воспоминаниями обращался и к газетным публикациям прежних лет, как и к другим печатным источникам 1920-1930-х гг. Это помогло ему избежать обычных для мемуаристов ошибок, особенно ошибок в хронологии.

Большой период времени охватывают и интересные мемуары ученого-историка, преподавателя русской истории в знаменитом Кембриджском университете Н. Е. Андреева «То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний». Николай Ефремович Андреев (1908-1982) в 1919-1927 гг. жил в Эстонии, окончил Таллиннскую русскую городскую гимназию, вслед за тем учился в Праге и там начал свою научную деятельность в Археологи-

²⁸ Наиболее крупная из более ранних публикаций: *Рацевич С. В. Глазами журналиста и актера. Из виденного и пережитого (отрывки) // Просветители. Сборник к 75-летию Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. Таллинн, 1998. С. 96-143.*

²⁹ *Рацевич, Степан. Глазами журналиста и актера (Из виденного и пережитого). Т. 1. Б. м., 2007; Глазами журналиста и актера (Из виденного и пережитого). Т. 2, ч 1: 58 статья. Нарва, 2005; Глазами журналиста и актера (Из виденного и пережитого). Т. 2, ч. 2: Высылка на вечные времена. Б. м., б. г.*

ческом институте им. Н. П. Кондакова (значительная часть его мемуаров и посвящена Праге, пражскому периоду жизни). Он часто бывал в Эстонии и в последующие годы, в частности в 1937-1938 гг. изучал древности Печорского края. В мемуарах Н. Е. Андреева мы находим еще одну полноценную картину русского общества и русской культурной жизни в столице Эстонской Республики 1920-х гг., а также описание Печор, Печорского края, его достопримечательностей.

Воспоминания Н. Е. Андреева были продиктованы мемуаристом и записаны на диктофон в Англии в 1978-1982 гг. После смерти ученого эти записи были расшифрованы его вдовой и изданы в двух томах в Таллине в 1996 г.³⁰ К сожалению, воспоминания не лучшим образом подготовлены к печати, плохо отредактированы: не исправлены явные ошибки, вполне естественные, если вспомнить, что мемуарист диктовал свои воспоминания о давно прошедших годах, полагаясь лишь на свою хорошую память; полностью отсутствуют комментарии.

Из вышедших в Эстонии за последние полтора десятка лет отдельными изданиями мемуаров воспоминания Всеволода Губина³¹ менее интересны и не столь богаты фактами, как выше охарактеризованные. Все же и в них можно найти представляющие интерес отрывки.

В воспоминаниях В. В. Губина обращает на себя внимание своеобразный социально-психологический феномен их автора, очень отличающийся от того, что мы видели в мемуарах Т. Б. Кашневой, Т. П. Милутиной или М. С. Плюхановой. В нем нашла отражение смена взглядов мемуариста на происходившее, описываемое. В восприятии прошлого в мемуарах В. В. Губина парадоксальным образом сочетаются элементы советского менталитета, советской официальной идеологии со старыми «досоветскими» воззрениями, характерными для русских эмигрантов в Эстонии. Получился весьма пестрый конгломерат разного типа жизненных ориентаций, жизненных установок. За этим стоит биография их автора да и вся обстановка Советской Эстонии, в которой оказались русские «старожилы». Всеволод Владимирович Губин – сын русского эмигранта, осевшего в Эстонии, позже, в 1940 г., арестованного органами НКВД и умершего в ссылке в Сибири. В годы Второй мировой войны старший брат мемуариста Марк воевал в рядах Красной Армии, имел боевые награды, а младший брат Святослав полудобровольно-полупринудительно

³⁰ То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908-1982). Т. I-II. Таллинн: Авенариус, 1996. Переиздание: СПб.: Буланин, 2008.

³¹ Его воспоминания выходили дважды, см.: *Губин, Всеволод. Времена не выбирают...* Таллинн: Александра, 1992; 2-е изд., доп. и испр. Таллинн: Aleksandra, 1995.

оказался в немецкой армии и погиб на фронте. Сам мемуарист в 1941 г. был эвакуирован вместе с заводом в советский тыл, с большими трудностями приспособившись к советскому образу жизни, но в общем, как будто, усвоил его основные принципы, однако все равно в январе 1953 г. был арестован и отправлен в ссылку в Красноярский край. Впрочем, вскоре последовала смерть И. Сталина, и В. В. Губин был освобожден, смог вернуться на родину. Такова была судьба части эстонских русских.

Из других мемуарных произведений, в которых 1930-е гг. – это период детства и отрочества их авторов и поэтому он занимает в них сравнительно скромное место, безусловный интерес представляют воспоминания митрополита Таллиннского и всея Эстонии Корнилия (в миру Вячеслава Якобса).³² Это рассказ о судьбе русского мальчика из Эстонии, о его пути к вере, к православию, об окружающей его церковной среде. Вместе с тем из рассказа о Корнилии постепенно раскрывается перед читателем удивительно привлекательный образ автора – священнослужителя, свято придерживавшегося христианских принципов жизни.

Совсем в ином роде воспоминания заслуженного мастера спорта, выдающегося баскетболиста мирового класса, яркого спортсмена и тренера Иоанна Лысова.³³ Они были записаны с его слов журналистом П. Кивине на эстонском языке. Воспоминания И. Лысова это рассказ о пути русского юноши из Эстонии в большой спорт, о его умении, оставаясь по натуре русским, интегрироваться в эстонское общество, стать там «своим». Во всех отношениях мемуары И. Лысова – единственные в своем роде.

Помимо мемуаров, вышедших отдельными книгами, довольно много небольших по объему, но интересных воспоминаний публиковалось на страницах местных газет, журналов, всевозможных сборников.

Автором многочисленных мемуарных очерков и статей был поэт и переводчик Юрий Дмитриевич Шумаков (1914-1997). Его мемуарные произведения чаще всего посвящены Игорю Северянину (они начали появляться еще в советский период),³⁴ но также и другим деятелям русской культуры, литературы, искусства, бывавшим в Эстонии.³⁵ В публикациях Ю. Д. Шумакова сложным образом сочетаются *Dichtung*

³² *Митрополит Таллиннский и всея Эстонии Корнилий*. О моем пути. Таллин, 1998.

³³ *Lõssov, Joann; Kivine, Paavo*. Elu on mäng. [Tallinn:] Olympia, 1998.

³⁴ Свод его воспоминаний об Игоре Северянине наиболее полно представлен в книге: *Шумаков, Юрий*. Пристать бы мне к родному берегу... Игорь Северянин и его окружение в Эстонии. Таллинн, 1992.

³⁵ Не перечисляя всех мемуарных очерков и статей Ю. Д. Шумакова, отметим их большую подборку в кн.: *Шумаков, Юрий*. Избранное. Таллинн, 1997. С. 147-252.

und Wahrheit, отделить одно от другого крайне затруднительно, порою и невозможно.³⁶

Совершенно иное сочетание мемуарно-документального и художественного мы находим в повестях, рассказах и очерках писателя Вадима Николаевича Макшеева, сына русского эмигранта из Эстонии, из Кивиыли, видного деятеля местного русского скаутского движения, погибшего в сталинских застенках. Вся семья Макшеевых в 1941 г. была депортирована в Сибирь. В. Н. Макшеев не вернулся в Эстонию, остался жить в Сибири, в Томске, стал литератором. В своих произведениях он часто обращается к судьбе репрессированных русских из Эстонии, к судьбе своих родителей, к их жизни, как в эстонских краях, так и в местах заключения и ссылки.³⁷ В этих произведениях В. Н. Макшеева очень много мемуарного, некоторые из них, по существу, и являются своего рода воспоминаниями, очень достоверными, пронизанными тонким лиризмом, чувством грусти и скрытого возмущения: сколько искалеченных человеческих судеб, сколько страшных трагедий, сколько незаслуженных страданий!³⁸

С отдельными мемуарными очерками выступали и авторы названных выше книг – К. Хлебникова-Смирнова³⁹ и Т. Кашнева.⁴⁰ Достойны внимания воспоминания о школьных и гимназических годах в Нарве Е. Тальберг,⁴¹ о Ревельской гимназии – Е. Фоминых,⁴² об Обществе русских студентов при Тартуском университете – В. Шмидт⁴³ и др.

³⁶ См. об этом: *Городницкий, Лазарь*. О бессмертье своем не забочусь... Рассказы, очерки, эссе об Игоре Северяnine. Hаnnover, 1999. С. 114-118.

³⁷ См.: *Макшеев, Вадим*. По муромской дорожке... Повести и рассказы. Томск: Мемориал, 2000; Он же. Последнее перепутье. Повесть, рассказы, очерки. Томск; М.: Водолей, 2003. См. также: Нарымская хроника: Трагедия спецпереселенцев. Документы и воспоминания / Сост. и коммент. В.И.Макшеева. М.: Рус. путь, 1997.

³⁸ См.: *Макшеев, Вадим*. Венчальные свечи // Таллинн. 1997. № 8-9. С. 143-150; *Он же*. Свои и чужие // Там же. 1999. № 14. С. 151-165.

³⁹ *Хлебникова-Смирнова, Ксения*. Секретная рукопись // Таллинн. 1996. № 1. С. 138-141; *Она же*. Воспоминания об однокласснике Михаиле Никитине // Там же. 1996. № 3-4. С. 200-202; *Она же*. Воспоминания об Ирине Борман (псевдоним ИрБор) // Там же. 1996. № 5-6. С. 186-188.

⁴⁰ *Кашнева, Татьяна*. Дом на Салонной // Вышгород. 1999. № 4-5. С. 166-194.

⁴¹ *Тальберг Е.* Воспоминания о детстве и школьных годах в Нарве (1922-1939) // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. III / Тартуский ун-т. Каф. рус. лит.-ры. 1999. С. 255-273.

⁴² *Фоминых Е.* Из жизни гимназии на Никольской улице // Учитель. 1997. № 7. С. 8-9.

⁴³ *Шмидт В.* Из воспоминаний об Обществе русских студентов // Труды по рус. и слав. филологии. Литературоведение. III. С. 274-316.

Весьма активны проживающие в Эстонии бывшие печеряне. Появились воспоминания Л. М. Гордеева о Печорском русском обществе просвещения, о Печорской смешанной гимназии и ее педагогах,⁴⁴ А Селюгина – о печорских скаутах.⁴⁵ Долгие годы русские «старожилы», оставшиеся в Печорском уезде, отошедшем в 1944 г. к Российской Федерации, не обращались к прошлому края в тот период, когда он входил в состав Эстонской Республики. В последнее время положение изменилось. Интерес к своему недавнему прошлому стали проявлять и краеведы нынешних Печор. Ими подготовлено два сборника «Не прервется связь времен. Материалы Общества краеведов при Печорской районной библиотеке» (вып. 1. Печоры, 2004; вып. 2. Печоры, 2007), в которые включено и несколько воспоминаний.⁴⁶

Приходится сожалеть, что нет аналогичных «региональных» сборников, посвященных русскому Причудью и Принаровью.

Выше мы уже указывали, что появление заслуживающих внимания мемуаров русских эмигрантов из Эстонии, обосновавшихся после Второй мировой войны прежде всего в США, относится уже к 1980-1990-м гг. Здесь значительный интерес представляют две книги. Это, во-первых, «Повесть о стихах» упоминавшегося выше Юрия Павловича Иваска (1907-1986),⁴⁷ крупного поэта и литературоведа, эмигрировавшего из Эстонии на Запад в 1944 г. и позже ставшего профессором русской литературы в американских университетах.⁴⁸ Это и повесть, и мемуары одновременно. Жанр повести позволяет Ю. П. Иваску не отказываться от «присочиненного», придуманного, но в основе произведения всё же лежат реальные события и реальные лица – русские в Эстонии, местные литераторы, деятели культуры. Более всего Ю. П. Иваск пишет о себе, в

⁴⁴ *Гордеев Л. М.* Одной семьей. Воспоминания о Петсерском русском обществе просвещения (1922-1940) // *Просветители*. С. 144-148; *Он же.* О Петре Владимировиче Нестерове // *Биография*. 1. Русские деятели в Эстонии XX века / Тартуский ун-т; Нац. архив Эстонии. Тарту, 2005. С. 258-263.

⁴⁵ *Селюгин, Арсений.* Осколки скаутских воспоминаний бывшего начальника Печорской (тогда Петсерийской) дружины скаутов, бывшего скаутмастера // *Радуга*. 1999. № 2. С. 116-130.

⁴⁶ См. также: *Дятлов, Петр.* Вспомним всех поименно // *Труды РИЦ в Эстонии*. Вып. 1. Таллинн, 2001. С. 174-177; *Семенова А. Г.* Воспоминания о моем отце // *Белое движение на Северо-западе и судьбы его участников*. Материалы междунар. научно-ист. конф. в Пскове 10-11 окт. 2003 г. Псков, 2004. С. 152-161.

⁴⁷ *Иваск, Юрий.* Повесть о стихах / Послесловие Дм. Бобышева. New York: Russica Publishers, Inc., 1987.

⁴⁸ О связях Ю. П. Иваска с Эстонией см.: *Пономарева, Галина.* Проблема национального самоопределения писателей-эмигрантов (случай Юрия Иваска) // *Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация*. Материалы междунар. семинара. [Тарту], 1997. С. 339-353.

то же время о многом в своей биографии он сознательно умалчивает. Так, например, он умалчивает о своем участии в просоветском кружке молодежи в Таллинне, за что был выслан в Печоры. Не упоминает Иваск и о своей вынужденной службе в немецкой армии, но зато ярко и подробно рассказывает об увлечении литературой, о круге чтения, об общении с писателями и т. д. Значителен мемуарный элемент и в известной поэме Ю.П. Иваска «Играющий человек» («Homo ludens»).⁴⁹

Вторая заслуживающая самого пристального внимания мемуарная книга – «Рассказы о русских людях...» Тамары Петровны Петровской-Халили (1913-2001).⁵⁰ Автор её – эмигрантка из Эстонии, в свое время закончившая Таллиннский педагогический институт и работавшая в 1936-1941 гг. учительницей в сельских школах русского Печорского края. Первый раздел книги «В Эстонии» открывается своеобразным введением, где речь идет о русских в Эстонской Республике вообще, об их истории и всех сторонах их жизни. В одиннадцати же очерках или мемуарных рассказах (они составляют подраздел «Картинки из жизни русских в Эстонии. Рассказы деревенской учительницы») описывается жизнь печорских крестьян, здешней детворы, местная школа, педагоги. Мемуаристка, в ту пору молодая девушка, приехала в деревню сеять «разумное, доброе, вечное», просветить народ – всё на деле оказалось не столь простым. Очень любопытно описание первого года советской власти в крае, массовых репрессий, неожиданно проявившейся неприязни народа к интеллигенции. У Т. П. Петровской-Халили нет никакой идеализации крестьянства. В следующих разделах книги идет речь о пути русских из Эстонии в новую эмиграцию на Запад. В подразделе «Мы – из Прибалтики», пожалуй, впервые в эмигрантской литературе сделана попытка выявить своеобразие, специфику русских из Эстонии, их особую «русскость», отличающую их от своих сородичей из других стран.

Известны и некоторые другие воспоминания русских американцев, касающиеся Эстонии. Можно отметить страницы, посвященные Печорскому краю и замечательному здешнему краеведу А. И. Макаровскому, в воспоминаниях художника из Риги Е. Е. Климова,⁵¹ после Второй мировой войны поселившегося в Канаде. Он был автором прекрасного альбома

⁴⁹ *Иваск, Юрий*. Играющий человек. Поэма. Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1988.

⁵⁰ *Петровская, Тамара*. Рассказы о русских людях. В Эстонии. «По дороге оттуда». В Америке. Нью-Йорк, 1994.

⁵¹ *Климов Е. Е.* Встречи в Петербурге, Риге, русском зарубежье: Из воспоминаний художника. Рига: Улей, [1994]. С. 45-49 и др. Воспоминания Е. Е. Климова первоначально были опубликованы в нью-йоркской газете «Новое русское слово» в 1977-1983 гг.

ма рисунков «По Печорскому краю» (1937) и признавался, что, побывав здесь, он на всю жизнь полюбил этот край.

Особую небольшую группу русскоязычных мемуаров, описывающих Эстонию 1920-1930-х гг., составляют воспоминания евреев. Немногочисленная еврейская община в Эстонии была довольно тесно связана с русской, поэтому в воспоминаниях ее представителей – по крайней мере, в тех, которые написаны по-русски, – немало места уделено положению местных русских. У них, в сущности, чаще всего была одна судьба. Правда, это касается прежде всего мирного времени, в годы Гражданской войны ситуация порою бывала и иной – остроконфликтной⁵².

Из вышедших в последние годы мемуаров этого рода, в первую очередь, следует назвать книгу воспоминаний Инны Генс-Катанян,⁵³ дочери Юлиуса Генса, крупного русско-еврейского библиофила, библиографа, коллекционера и искусствоведа. В ее мемуарах можно найти любопытное описание русско-еврейской общественной и культурной жизни Тарту и Таллинна 1930-х гг. и, конечно, личности и разносторонней деятельности отца мемуаристки.

Как видим, мемуарная литература о русских в Эстонии 1920-1930-х гг. уже весьма многочисленна и разнообразна, охватывает почти все стороны их жизни. Правда, надо признать, что политическая деятельность русских в Эстонии после Гражданской войны слабо отражена в мемуарах. На то были свои причины. Почти все потенциальные авторы мемуаров, русские политические деятели в Эстонской Республике 1918-1940 гг. были расстреляны или погибли в сталинских лагерях, так и не успев приступить к воспоминаниям. Заметим, что их показания на следствии часто являлись своеобразными воспоминаниями. Так, один из крупнейших русских общественных и культурных деятелей в Эстонии А. А. Булатов в тюремной камере написал настоящую историю русских в Эстонской Республике 1920-1930-х гг. с подробной характеристикой основных русских обществ и организаций, отдельных лиц. Откровенность русских подследственных из Эстонии, изумлявшая поначалу чекистов, объясняется не стремлением облегчить чистосердечными признаниями свою участь. Они были людьми иного социально-психологического склада, наивно считавшими, что в их деятельности не было ничего противозаконного, преступного. Впрочем, в случае с А. А. Булатовым мы, возможно, имеем

⁵² См.: *Иоктон К.* «Работа белой армии Юденича по еврейскому вопросу». Готовившийся погром над евреями Петрограда. На основании личных переживаний очевидца, участника Северо-западной армии и документальных данных. Тарту, 1928.

⁵³ *Генс-Катанян, Инна.* Дома и миражи. Нижний-Новгород, 2005.

дело с сознательным стремлением старого русского интеллигента сохранить для потомства историю жизни русской общины в Эстонии, которую невозможно будет позже восстановить по другим источникам.⁵⁴

Явно недостаточно охвачена мемуарной литературой жизнь старообрядческого Причудья 1918-1940 гг. и некоторых русских культурных очагов в «провинции» (Пярну, Хаапсалу и др.). Впрочем, надо учесть, что далеко не все мемуары выявлены и опубликованы.

В целом же уже опубликованные мемуары русских из Эстонии представляют большой интерес и для исследователей, и для более широкого круга читателей.

Нельзя не заметить, что на фоне многочисленных и разнообразных воспоминаний, посвященных русским в Эстонии 1920-1930-х гг., крайне бедным в плане мемуаристики предстает следующий период в истории здешних русских – советский. Он охватывает полстолетия, но мемуаров, ему специально посвященных, очень мало. Приходится обращаться к рассмотренным выше воспоминаниям «старожилов» 1920-1930-х гг., которые в своих мемуарных произведениях, помимо лагерной темы, иногда касались и послевоенной жизни русских в Эстонии.

⁵⁴ *Исаков С. П. А. Богданов и дело эстонской группы Русской трудовой крестьянской партии // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. III. Таллинн: Авенариус, [1997]. С. 5-6.*

Вклад русских в становление государственности, в экономику и культуру Эстонии (1918-1940)

Русские составляли значительную часть населения независимой Эстонской Республики (ЭР) 1920-1930-х гг. По переписи 1934 г. их было 92 656 человек (8,2 % от общего числа жителей Эстонии). Среди них преобладали «коренные» русские, старожильческое русское население, проживавшее здесь и до 1918 г. Собственно эмигрантов было 15 000 – 18 000, но русская интеллигентная элита состояла преимущественно именно из них. Это была наиболее образованная, высококультурная часть русской диаспоры в Эстонии, принимавшая активное участие в ее общественной и культурной жизни, несмотря на то, что положение русских эмигрантов было нелегким.¹

Русские внесли заметный вклад в становление эстонской государственности, в развитие экономики и культуры Эстонии. К сожалению, их роль в этом процессе незаслуженно забыта, она еще никогда не была предметом специального исследования и, в сущности, не изучена. Настоящая статья представляет собой первую попытку определить ее хотя бы в самых общих чертах.

Сразу же оговоримся, что мы не будем касаться сложного вопроса о том, какую роль объективно сыграли белый Северный корпус и Северо-западная армия, союзники эстонцев в борьбе с большевиками, в окончательном утверждении независимости ЭР. Нам она представляется весьма значительной, но этот вопрос заслуживает особого исследования. Обратимся к отдельным группам и отдельным представителям русской эмиграции в Эстонии.

Среди русских эмигрантов да и среди «коренных» русских в Эстонии было немало представителей технической интеллигенции, инженеров, опытных администраторов, юристов, ученых, литераторов, деятелей искусства. В первые годы существования ЭР ее властные структуры до-

¹ Подробнее см.: Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918-1940). С. 21-22.

вольно широко привлекали русских специалистов к делу строительства государственной системы молодой республики, начинавшегося, по существу, с нуля (у эстонцев до 1918 г. не было своей государственности). В коренных преобразованиях нуждалась и экономика ЭР, после 1917 г. оторванная от общероссийской. Многие области национальной культуры и искусства находились еще в зачаточном состоянии. Своих специалистов – представителей титульной нации не хватало. Это заставляло власти обращаться к опыту и знаниям русских специалистов. Позже, когда появились свои, от услуг русских довольно быстро отказались, но об этом пойдет речь далее.

Широкому привлечению русских специалистов к процессу формирования новой государственной и экономической системы ЭР, как будто, должны были мешать широко распространенные в эстонском обществе конца 1910-х – начала 1920-х гг. антирусские настроения, вызванные в числе прочего тем, что и «красные», и «белые» первоначально выступали против эстонской государственности, не признавали независимости Эстонии. Однако прагматизм молодых эстонских государственных деятелей брал здесь вверх. К тому же были и факторы, способствовавшие привлечению русских. Нельзя забывать о том, что Эстония до 1918 г. была частью Российской империи. Абсолютное большинство эстонской интеллигенции, эстонских специалистов в области техники, науки, военного дела получило образование в университетах, технических вузах, военных учебных заведениях России, свободно владело русским языком. Им было легко общаться, находить общий язык с русскими специалистами, которые к тому же хорошо знали ту основу, ту почву, на которой вырастала новая эстонская государственность, новая система экономики страны. Высокий профессиональный уровень русских специалистов сомнению не подлежал. В то же время их труд можно было оплачивать более чем скромно – не в пример специалистам с Запада...

Пожалуй, ранее всего нашли применение своим знаниям и опыту русские юристы высшей квалификации, оказавшиеся в Эстонии. Среди них были и ученые-правоведы, профессора и преподаватели петербургских высших учебных заведений, и опытные практики, судебные чиновники с многолетним стажем работы, и лица, успешно сочетавшие научную и преподавательскую деятельность с практической, администраторской.

ЭР хотя и была провозглашена в феврале 1918 г., но реально стала функционировать, причем в трудных условиях продолжавшихся военных действий, только с конца 1918 – начала 1919 г. Перед властями ЭР сразу же стали сложнейшие правовые проблемы, в особенности опасность правового вакуума. Создать за короткий срок новый свод законов, в том числе гражданских и судебных, было невозможно. Старое же, еще царского

времени российское законодательство, конечно, уже не соответствовало новым порядкам в стране. В этих условиях эстонские власти приняли, видимо, единственное верное решение: сохранить в силе многие законоположения Российской империи, но незамедлительно приступить к их кодификации. С этой целью при Министерстве юстиции в 1919 г. был создан особый Кодификационный отдел. Многие ведущие эстонские юристы, ставшие теперь государственными деятелями, были выпускниками юридического факультета Петербургского университета.² Вполне естественно, что они стали приглашать в комиссии Кодификационного отдела русских правоведов, эмигрировавших в Эстонию.

Осенью 1919 г. сотрудником отдела по разряду судопроизводства стал Ф. И. Корсаков, выпускник Петербургского университета, специалист по государственному и международному праву, преподававший в высших учебных заведениях столицы и одновременно служивший сначала в одном из департаментов Правительствующего Сената, а затем товарищем (т.е. заместителем) председателя Петроградского окружного суда.³ Ф. И. Корсаков выполнил ряд важных поручений эстонских властей по кодификации законодательных актов, относящихся к сфере финансов (бюджетное законодательство) и собственно юстиции (свод законов государственного права). Система государственного контроля ЭР в значительной мере была создана усилиями Ф. И. Корсакова.⁴

В декабре 1919 г. советником Кодификационного отдела Министерства юстиции ЭР стал профессор И. М. Тютрюмов, крупный специалист по административному и процессуальному праву, автор объемистых трудов по юриспруденции, преподававший до революции в Петербургском университете и в других столичных высших учебных заведениях и в то же время работавший прокурором II департамента Правительствующего Сената.⁵ 1 января 1920 г. Тютрюмов был назначен председателем Комиссии по составлению проекта Гражданского уложения.⁶ В состав комиссии входили почти исключительно русские юристы: С. Кальманович, Ю. Филиппов, В. Срезневский, Д. Лерхе, С. Шиллинг, Ф. Корсаков, В. Павлов-

² См.: *Pullat, Raimo*. Lootuste linn. Peterburi ja eesti haritlaskonna kujunemine kuni 1917. Tallinn, 2004. Lk. 123-130.

³ См. о нем: *Шор, Татьяна*. Федор Корсаков / Teodor Korssakov (1883-1932): К вопросу об интеграции русских ученых в Эстонской Республике // Радуга. 1999. № 4. С. 55-67; *Танклер Х. Л.* Выходцы из России – преподаватели Тартуского университета 1919-1940 гг. // Биографика. I. Русские деятели в Эстонии XX века. Тарту, 2005. С. 33-34.

⁴ *Шор Т.* Федор Корсаков. С. 58-59.

⁵ См. о нем: *Шор Т.* Профессор Игорь Тютрюмов (1865-1943) // Радуга. 2003. № 1. С. 91-97; *Танклер Х. Л.* Цит. соч. С. 34-35.

⁶ Государственный архив Эстонии (ГАЭ). Ф. 76. Оп. 5-с. Ед. хр. 1. Л. 1-2; Оп. 2. Ед. хр. 333. Л. 6.

ский, затем также А. Черниловский-Сокол, А. Горцев (вместо В. Павловского) и С. Шидловский.⁷ Известно, что бывший директор Департамента земледелия Министерства внутренних дел России, позже товарищ председателя Государственной Думы С. Шидловский занимался также составлением земельного кодекса ЭР.⁸

В выработке законодательства ЭР (в частности, организации прокурорского надзора в Эстонии) участвовал в начале 1920-х гг. бывший прокурор Псковского окружного суда А. Л. Грин.

Профессор финансового права в Петербургском университете, ярославском Демидовском лицее и в столичном Училище правоведения Э. Н. Берендтс в середине 1920-х гг. принимал участие в законодательном оформлении системы государственных финансов ЭР, в разработке закона о Государственном банке ЭР.⁹ Надо заметить, что к этому времени в высшей номенклатуре эстонской юриспруденции русских уже почти не оставалось...

Но русские эмигранты участвовали не только в создании эстонского законодательства, но и в организации, в налаживании работы отдельных министерств и других государственных учреждений ЭР, особенно Министерства финансов. В самом конце 1910-х – начале 1920-х гг. короткое время советником-консультантом Министерства финансов был ученый-финансист и государственный деятель Н. Н. Покровский, бывший в 1906-1914 гг. товарищем министра финансов Российской империи и позже, в 1916-1917 гг., министром иностранных дел России.¹⁰ В первой половине 1920-х гг. консультантом Министерства финансов ЭР работал известный ученый-финансист проф. А. Н. Зак – до революции директор Центрального банка обществ взаимного кредита в Петрограде, автор солидных научных трудов по проблемам финансов, позже работавший во Франции, член Гагской академии международного права. Он принимал участие в составлении ежегодных государственных бюджетов, в окончательном формировании системы финансов ЭР. Известен его доклад «Государственный бюджет 1922 г. и задачи финансовой реформы Эстии».¹¹ В середине 1920-х гг. советником Министерства финансов ЭР был П. Н. Яхонтов, до революции директор Крестьянского земельного банка.¹² Он и в

⁷ Там же. См. также: ГАЭ. Ф. 76. Оп. 2. Ед. хр. 333. Л. 18, 19, 40.

⁸ *Бойков, Виктор*. Сергей Илиодорович Шидловский // *Эстония*. 1994. 7 окт. № 230. С. 4.

⁹ *Leesment L. Kõige mitmekülgsemast Tartu juura professorist // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi*. Kd. IV. Tartu, 1977. Lk. 101.

¹⁰ См. о нем: *Политические деятели России 1917*. Биографический словарь. М., 1993. С. 257-258.

¹¹ *Объявление // Последние известия*. 1921. 15 дек. № 301. С. 1.

¹² *Краткая справка о П. Н. Яхонтове: Российский зарубежный съезд 1926, Париж. Документы и материалы*. М., 2006. С. 838.

Эстонии, в основном, занимался банковским делом, принимал участие в организации Земельного банка. Бывший управляющий Ревельской казенной палаты, крупный знаток податного дела Н. П. Бильбасов был приглашен эстонскими властями на службу в Главное податное управление ЭР, в составе которого он оставался до самых последних дней своей жизни (Н. П. Бильбасов умер в 1925 г.). Он был одним из организаторов податной инспекции в республике. Выше мы уже отметили законодательную деятельность проф. Э. Н. Берендтса в сфере финансов.

В 1920-1927 гг. в почтовом ведомстве ЭР работал А. Я. Хреновский, известный и как деятель церкви (был членом Нарвского епархиального совета, объединявшего русские православные приходы).¹³ Он принимал ближайшее участие в организации почтового дела в Эстонии.

В разработке системы местного транспорта эстонским коллегам помогал И. Г. Пшеницын, в 1919-1921 гг. старший инженер Министерства путей сообщения ЭР, позже профессор Латвийского университета в Риге.¹⁴

В 1919-1934 гг. начальником гидрографической службы ЭР и руководителем гидрографических экспедиций на Чудском и Псковском озерах и Финском заливе был В. Е. Мурашев-Петров.¹⁵

Автор этих строк далек от мысли, что именно русские специалисты сыграли решающую роль в создании государственной системы ЭР. Но, без сомнения, работая вместе с эстонскими коллегами, они способствовали становлению этой структуры. К сожалению, вопрос о роли русских специалистов в данном процессе до сих пор в исследовательской литературе даже не ставился.

Русские эмигранты внесли значительный вклад и в развитие высшего образования в Эстонии 1920-1930-х гг.

Это прежде всего касается главного, с богатыми традициями высшего учебного заведения ЭР – Тартуского университета, пришедшего на смену дореволюционному Дерптскому-Юрьевскому императорскому университету. Эстонский Тартуский университет начал функционировать с осени 1919 г. (официальное открытие его состоялось 1 декабря 1919 г.). Спе-

¹³ А. Я. Хреновский [Некролог] // Вести дня. 1940. 6 июня. № 126. С. 1.

¹⁴ См. о нем некрологи: Сегодня (Рига). 1926. 21 янв. № 16; 22 янв. № 17; Последние известия (Таллинн). 1926. 24 янв. № 18; 26 янв. № 19; Старый нарвский листок. 1926. 26 янв. № 9; Нарвский листок. 1926. 26 янв. № 8; Руль (Берлин). 1926. 29 янв. № 1568.

¹⁵ ИАЭ. Ф. V 241. Оп. 2 к. Ед. хр. 793. См. также: Mey, Joh. Lühi-ke ajaloolik ülevaade hüdrograafilisest meremõõtmisest Eesti vetes ja mis sel alal Eesti iseseisvuse ajal tehtud // Kindralstaabi IV. osakonna Topo-Hüdrograafia Aastaraamat. Tallinn, 1924. Lk. 26-36.

циалистов эстонской национальности не хватало, и поэтому к преподавательской деятельности поначалу широко привлекались немецкие и русские ученые. В первом семестре 41,4 % лекционных курсов читался на эстонском языке, 5,4 % – на немецком и 53, 2 % – на русском.¹⁶ Впрочем, на русском языке преподавали не только русские профессора и доценты. Первоначально многие немцы и эстонцы, как правило, в свое время окончившие российские высшие учебные заведения и более привычные именно к этому языку. Большая часть преподавателей-эстонцев были воспитанниками петербургских вузов. Однако с каждым годом число читавшихся на эстонском языке лекционных курсов, как и число преподавателей-эстонцев, стремительно возрастало, а количество преподавателей русской и немецкой национальности наоборот сокращалось. К концу 1920-х – началу 1930-х гг. уже абсолютное большинство предметов университетского курса читалось на эстонском языке преподавателями-эстонцами.

В 1919-1940 гг. в Тартуском университете работало 12 русских преподавателей и профессоров. Особенно много их было на юридическом факультете. В деле подготовки эстонских национальных кадров в области юриспруденции русские специалисты сыграли очень важную роль.

Вообще-то по закону русские преподаватели обязаны были через пять лет перейти к чтению лекций на эстонском языке. Однако это требование практически не было выполнено: русские профессора и доценты – за малым исключением – до конца своей преподавательской деятельности в университете читали лекции по-русски, иногда прибегая на экзаменах к помощи ассистентов, выступавших в роли переводчиков.

На юридическом факультете Тартуского университета в 1921-1939 гг. работал сначала профессором политической экономии и статистики, а позже профессором теории народного хозяйства М. А. Курчинский, один из крупнейших в мире специалистов по правовым проблемам национальных меньшинств и их культурной автономии, до сих пор должным образом не оцененный.¹⁷ Он же был дважды избран членом эстонского парламента, где представлял русское национальное меньшинство в ЭР.

На юридическом факультете Тартуского университета преподавал и ряд специалистов, о которых уже шла речь выше в связи с их участием в кодификации эстонского законодательства. С 1921 г. до кончины в 1932 г. сначала преподавателем, а позже доцентом административного права был Ф. И. Корсаков. И. М. Тютрюмов в 1920-1935 гг. занимал пост профессо-

¹⁶ *Танклер Х. Л.* Цит. соч. С. 20.

¹⁷ *Smith, David J.* Retracing Estonia's Russians: Mikhail Kurchinskii and Interwar Cultural Autonomy // *Nationalities Papers*. 1999. Vol. 27. № 3. P. 455-474; *Шор Т.* Михаил Анатольевич Курчинский // *Радуга*. 2000. № 1. С. 24-44.

ра гражданского права и гражданского процесса, издал солидные учебники по этим дисциплинам. Он же был одним из инициаторов создания и председателем правления Русской академической группы в Эстонии (1920-1940), объединявшей русских ученых, проживавших в ЭР.¹⁸ В кодификационной работе участвовал и Ю. Д. Филиппов, в 1922-1926 гг. и. д. профессора политической экономии. Он читал курсы по банковскому и биржевому делу. Э. Н. Берендтс был в 1919-1930 гг. профессором финансового права.

Профессором римского права в 1927-1934 гг. был крупный специалист в этой области Д. Д. Гримм, до революции профессор римского права Петербургского-Петроградского университета и некоторое время его ректор, член Государственного совета Российской империи. В Эстонии он был членом Национальной палаты ЭР.¹⁹ С 1921 г. в Тартуском университете работал А. П. Мельников, в 1928-1934 гг. штатный преподаватель криминалистики по кафедре уголовного права, создатель кабинета криминалистики.²⁰ Интересно, что он был автором и двух любопытных детективных романов, «уголовных былей», как он их характеризовал.

Из русских преподавателей, трудившихся на других факультетах Тартуского университета, в первую очередь надо отметить математика В. Г. Алексеева. Он был как бы связующим звеном между старым русским Юрьевским императорским университетом и новым эстонским: дело в том, что В. Г. Алексеев с 1895 по 1918 г. – с небольшим перерывом – работал профессором чистой математики Юрьевского университета, ряд лет выполнял обязанности ректора. В эстонском Тартуском университете В. Г. Алексеев числился приват-доцентом. Это был удивительно разносторонний ученый: помимо математики (теория инвариантов) он увлекался философией и теорией педагогики.²¹

На философском факультете лектором русского языка работал Б. В. Правдин, поэт, друг Игоря Северянина, который в университете, помимо практических занятий, читал и многочисленные лекционные курсы по русскому языку и литературе. Он сыграл немаловажную роль в уста-

¹⁸ *Исаков С. Г.* Русская академическая группа в Эстонии // Исаков С. Г. Русские в Эстонии 1918-1940. Историко-культурные очерки. Тарту, 1996. С. 121-127.

¹⁹ *Ein E.* Prof. D. D. Grimmi elukäik ja teaduslik tegevus // *Õigus*. 1934. Nr. 6. Lk. 283-288.

²⁰ *Õunap R.* Tartu ülikooli õigusteaduskonna kriminalistikaõpetaja A. P. Melnikov † // *Eesti Vabariigi Tartu Ülikooli Toimetused = Acta et commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis)*. Seeria C. 1935. XVII-4. Lk. 3-4.

²¹ *Костин В. А., Сапронов Ю. И., Удоденко Н. Н.* Виссарион Григорьевич Алексеев – забытое имя в математике // *Вестник МГУ. Серия физика, математика*. 2003. № 1. С. 132-151.

новлении более близких контактов между русской и эстонской интеллигенцией Тарту. Б. В. Правдин выучил эстонский язык и принимал участие в создании первого основательного русско-эстонского словаря.²²

Высшее техническое образование в Эстонии можно было получить в Таллинском политехникуме (основан в 1919 г., с 1936 г. – Таллиннский технический институт). В нем также работал ряд русских преподавателей. Из них самым известным был архитектор и инженер-строитель А. А. Полешук, уроженец Эстонии (Сааремаа), до революции профессор и академик Академии Художеств в Петербурге. Из других преподавателей отметим еще Р. П. Холостова и Д. П. Рузского, до приезда в Эстонию работавших в технических высших учебных заведениях Петрограда.

О русских преподавателях в музыкальных вузах Эстонии пойдет речь чуть позже.

Особого разговора заслуживает преподавательская деятельность русских специалистов в военных учебных заведениях ЭР.²³

Проблема пополнения эстонских офицерских кадров и их профессиональной подготовки была очень актуальна в конце 1910-х – начале 1920-х гг. Командный состав молодой Эстонской армии, в основном, состоял из офицеров военного времени, окончивших российские школы прапорщиков с ускоренным курсом обучения. Из 2132 офицеров Эстонской армии периода Освободительной войны только 117 имели полноценное офицерское образование, а лиц с высшим (академическим) военным образованием насчитывалось всего лишь тринадцать.²⁴

В целях формирования высококлассного эстонского офицерского состава уже весной 1919 г. было создано Государственное военное училище, в 1920 г. открыты Военно-техническое и Военно-морское кадетские училища, в 1921 г. – Курсы Генерального штаба, дававшие высшее военное образование. Однако эстонское командование при организации военных учебных заведений столкнулось с проблемой нехватки профессиональных преподавателей. В этих условиях решено было обратиться за помощью к русским военным специалистам, проживавшим в это время в Эстонии. После отступления Северо-западной армии на территорию ЭР их было немало. Среди них оказались профессора и преподаватели российских военных академий и училищ (генерал-лейтенант Г. М. Ван-

²² См. о нем: *Исаков С. Г.* Б. В. Правдин – педагог, ученый, поэт // *Исаков С. Г.* Русские в Эстонии 1918-1940. С. 222-238.

²³ Ее мы характеризуем далее на основе работы: *Абисогомян Р.* Преподавательская деятельность русских военных специалистов в военных учебных заведениях Эстонской Республики (20-е годы XX века) // *Humanitārās fakultātes XIII starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture VII. Daugavpils, 2004. С. 7-12.*

²⁴ *Eesti Vabadussõda 1918-1920. Kd. 1. Tallinn, 1996. Lk. 56.*

новский, генерал-майор Д. К. Лебедев, полковник П. П. Маресьев и др.). Самой крупной фигурой среди них был генерал-лейтенант А. К. Баиов, профессор и правитель дел Николаевской военной академии Генерального штаба, крупный военный историк, автор 23 книг, в их числе фундаментального, 7-томного «Курса истории русского военного искусства».²⁵ Учениками А. К. Баиова по академии были многие виднейшие эстонские военачальники, в том числе главнокомандующий Эстонской армией генерал Й. Лайдонер.

Русские военные специалисты с 1920 г. начинают преподавать во всех эстонских военных учебных заведениях. В частности, штат преподавателей Военно-технического училища поначалу состоял почти исключительно из русских. А. К. Баиов фактически был организатором учебного процесса на Курсах Генерального штаба. Он определил характер и структуру курсов, разработал их учебные планы и программы. А. К. Баиов читал лекции по истории военного искусства, военной стратегии и военной географии соседних с Эстонией стран, Г. М. Ванновский – по тактике кавалерии и по службе Генерального штаба, Д. К. Лебедев – по тактике пехоты, военно-технической тактике, военной администрации, П. П. Маресьев – по военно-инженерному делу, генерал-майор В. Л. Драке – по артиллерии, полковник русского Генерального штаба А. В. Кушелевский вел практические занятия по ряду предметов, военный врач профессор С. А. Острогорский – по военной медицине, полковник В. Н. Рославлев – по военно-судебному делу и т. д. Среди преподавателей были также уже нам знакомый Ф. И. Корсаков, генерал-майор А. А. Ден и др. Им всем приходилось работать одновременно в нескольких учебных заведениях. Они готовили к изданию литографированным способом свои лекции. И всё это за ничтожную зарплату. Попытки добиться повышения зарплаты особым успехом не увенчались.

Вскоре в эстонской националистически настроенной прессе начинается критика создавшегося в военно-учебных заведениях ЭР положения: авторы публикаций считали недопустимым, что основной их преподавательский контингент составляют русские, а не представители титульной нации. По мере того, как появлялись эстонские специалисты по военному делу, они стали заменять русских преподавателей. Увольнения последних начались в 1922 г. и завершились в 1926-1927 гг., когда почти все

²⁵ См. о нем: *Штубендорф А. О.* Памяти генерал-лейтенанта Алексея Константиновича Баиова. Таллинн, 1935; *Штейфон Б. А.* Национальная военная доктрина: Профессор генерал А. К. Баиов и его творчество. Таллин, 1937; *Исаков С. Г.* Русские в Эстонии 1918-1940. С. 305-308; *Абисогомян, Роман.* Деятельность А. К. Баиова в Эстонии // Труды Русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. II. Таллинн, 2003. С. 49-69.

русские специалисты вынуждены были покинуть посты преподавателей эстонских военных учебных заведений. Но твердую основу военного образования в Эстонии они успели к этому времени заложить.

А. К. Баиов с горечью писал в 1931 г.: «Русские эмигранты в Эстонии оставили огромный след. В 1920 г., когда здесь осела русская эмиграция и когда, с другой стороны, молодая Эстонская республика еще не успела наладить все отрасли своей государственной, общественной и торгово-промышленной жизни, то эстонские руководящие сферы охотно привлекали к себе на службу русских эмигрантов и весьма широко пользовались их трудами <...>».

С течением времени, используя в полной мере знания, опыт, навыки русских, эстонцы всюду и везде постарались избавиться от них. Они всё взяли от них и затем выбросили их как выжатый лимон». ²⁶

Обратимся теперь к вопросу о вкладе русских в развитие эстонской экономики. ⁴⁴

Прежде всего, надо отметить заслуги русских инженеров в создании и развитии сланцедобывающей и сланцеперерабатывающей промышленности Эстонии. В эстонской энергетике горючий сланец играет исключительно важную роль. В стране нет ни каменного угля, ни нефти, но зато есть богатые залежи горючего сланца. Длительное время на него не обращалось никакого внимания. Положение изменилось в связи с событиями I мировой войны, когда в стране наступил острый топливный кризис. Созванное в 1916 г. в Петрограде Особое совещание по топливу направляет в северную Эстонию геолога Н. Ф. Погребова для исследования залежей сланца и возможностей его применения в качестве топлива. Непосредственно геологоразведочные работы проводил П. Ф. Крутиков. В 1916-1917 гг. закладывается первый сланцевый карьер и начинается пробная добыча горючего сланца. ²⁷ Этим было положено начало сланцедобывающей промышленности Эстонии.

События революции и Гражданской войны временно приостановили ее становление. В независимой же ЭР горючий сланец стал основным видом «отечественного» промышленного топлива. Быстро растет добыча сланца. П. Ф. Крутиков продолжил геологоразведочные работы. Встает вопрос не только о непосредственном использовании сланца в энергетических целях, но и о термической его переработке с целью получения жидких нефтеподобных продуктов. Однако существовавшие в то вре-

²⁶ Записка А. К. Баиова «Русская эмиграция в Эстонии» / Публ., вступит. статья и коммент. С. Г. Исакова // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. VII. Вильнюс, [2002]. С. 231-232. См. настоящее издание. С. 320-347

²⁷ См.: Кузнецов Д. Т. Очерки развития сланцевой промышленности Эстонской ССР. Л., 1960. С. 10-16.

мя печи по термической перегонке сланца были малоэффективными. Важный вклад в развитие сланцеперерабатывающей промышленности Эстонии внесли русские специалисты. Инженер М. С. Кулжинский (в 1922-1931 гг. директор Сланцеперерабатывающего комбината в Кивиыли) и конструктор профессор П. М. Шелоумов (преподаватель Русских высших политехнических курсов в Таллинне) создают новый тип туннельной печи по перегонке сланца.²⁸ «Проектирование таких агрегатов требовало сложных и объемных технологических, теплотехнических и других расчетов, решения многих сложных технических проблем. Блестящий талант, высокая инженерная квалификация и интуиция позволили М. С. Кулжинскому и П. М. Шелоумову решить все эти головоломные задачи и создать самые по тем временам современные и высокопроизводительные установки, дававшие лучшую по своему составу сланцевую смолу. Одновременно с созданием туннельных печей пришлось решать целый комплекс технологических и технических задач по производству продуктов переработки сланцевой смолы, что из-за отсутствия опыта было достаточно объемной и сложной задачей, но и она решалась оперативно и успешно».²⁹

В Эстонии прежде всего усилиями русских инженеров создается несколько заводов по переработке сланца с целью получения жидкого топлива. Директором сланцеперерабатывающего завода в Силламяэ и в 1930-е гг. главой Сланцевого консорциума Эстонии был профессор-экономист Л. М. Пумпянский. Он из числа тех русских ученых и общественных деятелей, которые были высланы по указанию В. И. Ленина из Советской России в 1922 г. Л. М. Пумпянский принимал активное участие в местной русской общественной и культурной жизни, некоторое время был товарищем председателя Русского национального союза в Эстонии.³⁰ Он был автором статьи о международном значении сланцеперерабатывающей промышленности Эстонии.³¹

Жидкое топливо из сланца становится немаловажным предметом эстонского экспорта. Сланцеперерабатывающая промышленность Эстонии привлекает в страну иностранный капитал.

²⁸ Там же. С. 17-34. См. также: The life of an engineer (In Remembrance of Pyotr M. Sheloumov) // *Oil Shale*. 1997. V. 14. Nr. 4. P. 633-636. О П. М. Шелоумове см.: *Исаков С. Г.* Русские в Эстонии 1918-1940. С. 373-376.

²⁹ *Муруметс, Кирилл.* Годы. Люди. События... Таллинн, 2000. С. 9

³⁰ *Eesti majandustegelased.* Tallinn, 1938. Lk. 163; см. также наст. изд. С. 220-247.

³¹ *Pumpjansky L.* Internationale Bedeutung der Ölschieferindustrie // *Meie Majandus.* Экономический обзор газеты «Старый нарвский листок». 1936. 16 окт. № 116.

Но был во всем этом еще один немаловажный момент. «Одаренные русские инженеры-эмигранты, ставшие во многом первопроходцами в сланцедобыче, переработке и химии сланцевых смол, стояли у истоков промышленности города <Кивиыли>. Высокообразованные, интеллигентные, яркие люди из русской эмиграции создали в небольшом поселке Кивиыли особый удивительный духовный мир, который не только сформировал окружающую его ауру, но и предопределил его судьбу на долгие годы».³²

Что же касается П. М. Шелоумова, то он в 1928 г. стал техническим директором большого машиностроительного завода «Франц Круль» в Таллинне. В 1930-е гг. завод под руководством П. М. Шелоумова наладил производство самой разнообразной сельскохозяйственной техники – всего того, что было нужно эстонскому хуторянину. П. М. Шелоумов лично участвовал в ее проектировке. Созданные на заводе «Франц Круль» машины неоднократно получали золотые медали на эстонских и международных выставках. По инициативе П. М. Шелоумова на заводе была создана лаборатория, что в те годы было еще редкостью в Эстонии.

П. М. Шелоумов, М. С. Кулжинский, Л. М. Пумпянский были не единственными специалистами из эмигрантов, внесшими значительный вклад в развитие эстонской экономики. В 1921-1927 гг. в Эстонии трудился один из крупнейших в мире специалистов по холодильным установкам М. Т. Зароченцев, личность и деятельность которого также до сих пор не привлекали внимания наших исследователей.

Главным предметом эстонского экспорта, как известно, были свинина и другие продукты животноводства. Но с их экспортированием за рубеж всегда возникали трудности, связанные с несовершенством холодильников. Опытнейший специалист, построивший в России до революции около 50 холодильных предприятий, автор ценных пособий по холодильному делу, М. Т. Зароченцев сразу же по приезду в ЭР начинает заниматься проектированием новейших холодильников в Эстонии. Он был инициатором постройки большого государственного холодильника и ряда частных холодильных установок, сооруженных по последнему слову техники. М. Т. Зароченцевым было создано в Таллинне первое акционерное общество экспортных боен и холодильников «Külmetus» («Охлаждение»), директором-распорядителем которого он стал. Оно быстро превратилось в крупное предприятие, где за неделю можно было отправлять на убой до 1500 единиц крупного рогатого скота и до 2000 овец. Зароченцев предпринял шаги по интенсификации экспорта эстонских мясных продуктов за границу. Как отмечалось в печати, именно благо-

³² Мурумets К. Цит. соч. С. 5.

даря его энергии и знаниям английский рынок познакомился с эстонским беконом.³³ М. Т. Зароченцев выписывал породистых свиней из-за границы, наладил доставку свиней на убой из России. Он явился учредителем Эстонского комитета по холодильному делу при Министерстве земледелия, много занимался усовершенствованием холодильников. Начав с холодильных установок, предназначенных для хранения свинины, он позже разработал проекты холодильников специально для рыбы, масла, птицы и др. М. Т. Зароченцев предложил новый способ быстрого охлаждения и быстрого замораживания в пульверизованном рассоле.³⁴ Этот способ привлек внимание специалистов во всем мире.³⁵ М. Т. Зароченцев был автором статьи, посвященной холодильному делу в Эстонии и его государственному значению.³⁶

М. Т. Зароченцев в эстонский период своей жизни часто бывал за границей, где знакомился с новейшими образцами западной холодильной техники и в то же время предлагал свои. В 1927 г. он уехал во Францию, а в 1930-е гг. оттуда в США, где продолжил свою деятельность в области холодильных установок, еще более усовершенствовал технику быстрого замораживания, получившую известность как процесс «Z». Зароченцев стал вице-президентом «American Z. Corporation» и видным членом руководства других корпораций. Он много разъезжал по странам мира с целью внедрения в холодильную практику своих изобретений, их было запатентовано около двухсот.³⁷

Очень активны были русские изобретатели в Эстонии. Если верить данным, представленным патентным поверенным Ренненкампом организаторам Русской выставки в Таллинне в 1931 г., более одной трети всех запатентованных в Эстонии изобретений принадлежало русским специалистам.³⁸ Среди местных авторов запатентованных изобретений

³³ Отъезд М. Т. Зароченцева // Наша газета. 1927. 15 нояб. № 199. С. 3. См. также: *Удельный К.* «Кюльметус» // Последние известия. 1923. 22 марта. № 75. С. 3.

³⁴ *E. V<eberman>*. Ülem ülesleidus kalakülmetamise tehnika alal Eestis // Laevandus ja Kalaasjandus. 1927. Nr. 1. Lk. 21-22.

³⁵ -i. Tallinnas leiutatud kala kiirkülmutusviisil kõigis, maailma jagudes suur edu // Laevandus ja Kalaasjandus. 1933. Nr. 1-2. Lk. 18.

³⁶ *Zarotschentsev M.* Külmetusasjandus Eestis ja tema riikline tähtsus // Eesti Majandus. 1926. Nr. 4. Lk. 122-131.

³⁷ См. краткие биографические справки о нем: *Александров Е. А.* Русские в Северной Америке. Биографический словарь. Хэмден, Сан-Франциско, СПб., 2005. С. 207; *Забытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1997 в 6 т. / Сост. В. Н. Чуваков.* Т. 2. М., 1999. С. 584.

³⁸ *Б.* Участие русских в изобретениях, патентованных в Эстонии // Вестник Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. 1931. № 3-7. С. 91.

известно 50-60 лиц с русскими именами и фамилиями.³⁹ Из русских изобретателей отметим известного врача, медика-бактериолога Б. П. Цитовича, ставшего позже жертвой немецких оккупантов и их эстонских пособников. Некоторые изобретения Б. П. Цитовича связаны с его врачебной практикой (приборы по распознаванию ревматизма), некоторые же носили более общий характер (особый способ замораживания молока).

В заключение скажем несколько слов о вкладе русских в развитие культуры и искусства Эстонии. Прежде всего, надо отметить исключительно важную роль русских балерин, балетмейстеров и балетных студий в становлении эстонского национального балета.⁴⁰

Фактически в Эстонии до 1910-х гг. не было балета как особого отдельного вида искусства. Первый коротенький балет-пантомиму «Сон в мастерской ваятеля» поставила в сезоне 1913/14 года в театре «Эстония» русская балерина Н. Смирнова. Начало же формирования балетной труппы театра «Эстония» можно отнести к сезону 1918/19 года, когда прима-балериной и руководительницей еще только создававшейся труппы была С. Смиронина-Севун. Окончательное становление балетной труппы «Эстонии» падает на сезон 1922/23 года, художественным руководителем ее в это время была известная русская балерина Викторина Кригер. Первые же выдающиеся мастера эстонского балета (Л. Лооринг, Э. Хольц, Р. Ольбрей, Р. Роод и др.) вышли из балетной студии Е. В. Литвиновой.

Вообще возглавляемые русскими частные балетные студии в городах Эстонии стали своеобразной кузницей кадров профессионального эстонского танцевального искусства. Особенно велика тут роль балетной студии Е. В. Литвиновой, существовавшей с 1918 г. до 1930-х гг. Евгения Литвинова окончила балетное училище при Мариинском театре в Петербурге и выступала на сцене этого знаменитого театра. Как танцовщица, она принадлежала к поколению, представленному именами Анны Павловой, Тамары Карсавиной, Михаила Фокина. Ее идеалом был классический русский балет.

Свой вклад в формирование эстонского балета внесли и другие балетные студии, возглавляемые русскими мастерами: Галины Чернявской и Тамары Бек в Таллинне, Надежды Таарна (урожд. Цыганковой) и Эльфриды Кочневой в Нарве, Кристины Каппер (урожд. Лебедевой) в Тарту.

³⁹ *Мальцев Ю. П.* Русские изобретатели в Эстонской республике (1918-1940) // Просветители. Сборник к 75-летию Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. Таллинн, 1998. С. 81.

⁴⁰ См. об этом: *Tormis, Lea.* Eesti balletist. Tallinn, 1967. Lk. 29-44; *Шор Т.* Балет // Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918-1940). С. 361-366.

Ученицы студии К. Каппер положили начало балетной труппы тартуского театра «Ванемуйне».

На эстонской профессиональной сцене 1920-1930-х гг. выступали и русские танцоры. Отметим солиста театра «Эстония» Бориса Блинова, работавшего в нем много лет – с 1926 по 1960 год.

В 1920-1930-е гг. в Эстонии гастролировали многие звезды русского балета (Т. Карсавина, О. Преображенская, М. Фокин, В. Каралли, Е. Люком, Н. Легат, Т. Вечеслова, А. Мессерер, В. Чабукиани и др.). Их выступления также оставили свой след в истории эстонского балета.

Существенен и вклад русских мастеров в музыкальную культуру Эстонии 1920-1930-х гг.⁴¹

В двух высших музыкальных учебных заведениях Эстонии – Таллиннской консерватории (до 1923 г. Таллиннской высшей музыкальной школы) и Тартуской высшей музыкальной школы (в 1925-1927 гг. Тартуской консерватории) в эти годы работало много русских преподавателей. Не менее важно, что во главе этих высших учебных заведений стояли выпускники Петербургской консерватории, где получило образование большинство эстонских певцов, музыкантов, композиторов дореволюционной поры. Они же поначалу составляли большую часть преподавательского состава этих учебных заведений. В основу учебных программ Таллиннской консерватории и Тартуской высшей музыкальной школы были положены учебные планы Петербургской консерватории, методика преподавания основных музыкальных дисциплин следовала петербургской.

В Таллиннской консерватории преподавали: по классу фортепиано – А. Сегаль, З. Бакановская, С. Гейнрихс, по классу пения – Г. Назимова, А. Мальцев, С. Мамонтов, по классу духовых инструментов – А. Шутинский (флейта), А. Михайлов (фагот), М. Прокофьев (гобой), а также З. Валк-Богдановская (арфа), которая считается первой эстонской арфисткой. Немало русских преподавателей было и в Тартуской высшей музыкальной школе (Л. Сибирцев-Кассис, Д. Бровкин, В. Замыко, В. Гамалея и др.), из них наиболее длительный срок – Ангелина Махотина (преподавала пение в 1922-1939 гг.), всегда имевшая много учеников.

В деле развития эстонского музыкального искусства в период первой ЭР немаловажную роль сыграли частные музыкальные студии и школы, которые были в ряде городов страны. Известна фортепианная школа А. Сегаль, музыкальная студия пианистки и композитора В. Виноградовой-Бик в Таллинне. Особенно много и успешно работали вокальные студии. Заслуженную популярность приобрела школа-студия Варвары Маламы в Таллинне. Ее учениками были выдающиеся эстонские певцы и певицы

⁴¹ См. об этом: *Исаков С.* Музыка // Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918-1940). С. 340-353.

М. Корьюс, В. Нелус, Г. Талеш. Следует отметить также вокальные студии Н. Бориной и Н. Зеля (Селья).

Особое место в истории эстонской музыкальной культуры занимает Сергей Мамонтов, учившийся в Московской и Петербургской консерваториях и вслед за тем работавший концертмейстером в Большом театре в Москве. В 1920 г. он эмигрировал в ЭР и в 1923 г. был приглашен концертмейстером в оперную труппу театра «Эстония». С. Мамонтов пришел в этот театр, когда оперный коллектив его только складывался, большинство певцов имело очень малый опыт выступлений в опере, уровень вокальной подготовки солистов не всегда был высок, отсутствовала настоящая режиссура, оркестр был невелик. С. Мамонтов сделал очень много для того, чтобы поднять художественный уровень эстонской оперы, создать из оперного коллектива «Эстонии» настоящий, высококвалифицированный ансамбль, способный с успехом ставить самые трудные оперные вещи. Впоследствии это признавали многие эстонские деятели, в частности известный дирижер Р. Кулль.⁴² Некоторое время С. Мамонтов преподавал оперный ансамбль в Таллиннской консерватории.

Значительному повышению уровня режиссуры оперных представлений театра «Эстония» способствовали русские постановщики, приглашавшиеся из-за рубежа. В сезоны 1929-1930 гг. Д. Ф. Арбенин поставил оперы «Русалка» А. С. Даргомыжского и «Борис Годунов» М. П. Мусоргского, в 1933 г. П. И. Мельников – «Демон» А. Г. Рубинштейна. В состав оперной труппы театра «Эстония» входили отдельные певцы и музыканты русской национальности, в частности бас Николай Суурсэет (Пономарев), позже погибший в сталинском концлагере.

В ЭР проживало и несколько крупных русских певцов, не входивших в состав труппы «Эстонии», но принимавших участие в музыкальной жизни республики. Это были бас Мариинки И. Ф. Филиппов, замечательное сопрано З. П. Юрьевская, получившая всеевропейскую известность; правда, она ненадолго останавливалась в Эстонии (1921-1922).⁴³ В конце 1930-х гг. в Таллинне проживал знаменитый русский тенор Дмитрий Смирнов, уже до этого очень часто – чуть ли не ежегодно, начиная с 1921 г., – выступавший с концертами в городах Эстонии и участвовавший в качестве гастролера в оперных представлениях театра «Эстония». В 1932 г. он получил эстонское гражданство.⁴⁴

⁴² *Kraav M. Sergei Mamontov // «Estonia» lauluteatri rajajaid. Tallinn, 1981. Lk. 79-81; Исаков С. Г. Русские в Эстонии 1918-1940. С. 331-334.*

⁴³ *Исаков С. Г. «Храните память обо мне...» (О певице Зинаиде Юрьевской) // Русские в Эстонии 1918-1940. С. 285-294.*

⁴⁴ См. о нем: *Исаков С. Г. Чародей звука. Певец Дмитрий Смирнов и Эстония. Таллинн, Aleksandra, 2004.*

Кроме них в Эстонию приезжали на гастроли многие выдающиеся русские певцы и музыканты – Ф. И. Шаляпин (первые выступления великого певца за рубежом после Октябрьской революции), Л. В. Собинов, А. В. Нежданова, В. В. Барсова, М. М. Куренко, А. К. Глазунов, С. С. Прокофьев, И. Ф. Стравинский, скрипачи М. Б. Полякин и Д. Ф. Ойстрах, пианисты Н. К. Метнер и Г. Г. Гинзбург, а также эстрадные исполнители А. Н. Вергинский, Н. В. Плевицкая и многие другие. Следует заметить, что именно русские гастролеры занимали в музыкальной жизни Эстонии первенствующее положение. Концерты всех этих выдающихся мастеров привлекали внимание, как широкой публики, так и специалистов, местных знатоков музыкального искусства, и, подобно гастролям звезд русского балета, не оставались без влияния на эстонских исполнителей.

Собственно, это же можно сказать и о драматическом театре. В Эстонии гастролеровали, действительно, выдающиеся мастера сцены и театральные коллективы: в 1922 г. 1-я студия МХТ при участии великого русского актера Михаила Чехова, в 1923 г. – зарубежная труппа МХТ и 3-я студия МХТ, из которой вырос Театр им. Е. Вахтангова, со знаменитым спектаклем – «Принцессой Турандот». М. Чехов вновь с огромным успехом выступал со своим ансамблем в Таллинне в 1932 г. С 1926 г. до середины 1930-х гг. в Эстонии регулярно по нескольку раз в год приезжала на длительные гастроли труппа Рижской русской драмы, одного из самых известных театров в Русском зарубежье с прекрасным составом актеров. Их спектакли неизменно посещались эстонскими актерами и режиссерами. Достижения русского театрального искусства использовались ими в своей творческой деятельности (на этот счет имеются признания эстонских авторов).⁴⁵

В Эстонии в 1920-1930-е гг. проживало и работало, по меньшей мере, три десятка заслуживающих внимания русских художников.⁴⁶ Они принимали участие в многочисленных художественных выставках, в том числе и в репрезентативных выставках работ мастеров кисти Эстонии за рубежом. В 1929 г. на такой репрезентативной выставке в Хельсинки и вслед за тем в Париже, в ряде городов Германии и в Копенгагене были представлены работы восьми русских художников; в 1939 г. на выставке в Риме, Будапеште, Варшаве и Кракове, правда, лишь трех – А. Кайгородова, А. Гринева и А. Егорова. Последний из названных – Андрей

⁴⁵ О значении Рижской русской драмы для эстонского театрального искусства см.: *Adson, Artur. Riia Vene teatri osa Eestis // Teater. 1935. Nr. 1. Lk. 25-26.* См. также: *Tormis, Lea. Teatrisuhted üle idapiiri. Tallinn, 1973. Lk. 31-38.*

⁴⁶ См. о них: *Хайн Ю. Изобразительное искусство // Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918-1940). С. 375-400.*

Егоров – вообще стал восприниматься эстонцами как «свой», эстонский художник.

Особо следует сказать несколько слов о творчестве Ольги Оболяниновой-Криммер. Она фактически была одним из первых художников по театральному костюму в Эстонии. Обычно основоположником эстонского искусства театрального костюма принято считать Наталию Мей, но ее работы относятся, в основном, к началу 1930-х гг. Между тем О. Оболянинова успешно занималась им уже в 1920-е гг.: в 1924-1929 гг. она создала костюмы для 19 оперных и ряда балетных постановок театра «Эстония».

Русские зодчие обогатили общую картину эстонской архитектуры 1920-1930-х гг., при этом они до известной степени представляли особое направление в ней, которое иногда называют петербургским.⁴⁷ Самой яркой фигурой среди них был Александр Владовский, воспитанник петербургской Академии Художеств. По его проекту было построено в традициях неоклассицизма величественное здание военного госпиталя в Таллинне, ряд жилых домов в столице ЭР. Иногда А. И. Владовского упрекали в эклектизме, но, как справедливо пишет современный исследователь, «тем не менее в его эклектике было нечто неповторимое; будучи человеком талантливым, он сплавлял разные архитектурные формы в своеобразное, только ему присущее, целое. В Эстонской Республике А. И. Владовский был несомненно самым ярким представителем так называемого *art-deco*, так как *art-deco* уже по своей сущности обуславливал театрализованные эффекты, совмещение разных стилевых приемов».⁴⁸ Без всякого сомнения, избранная Владовским стилевая манера делала более разнообразной, многогранной эстонскую архитектуру тех лет.

В ней успешно выступали и другие русские зодчие, такие как Б. Р. Криммер, А. А. Подчекаев, В. Г. Радлов, Н. П. Опацкий, А. А. Полещук. В 1930-е гг. появилось молодое поколение русских архитекторов (Н. Кузьмин, Б. Чернов, В. Третьякевич и др.). Их духовным вождем и учителем был в значительной степени А. И. Владовский.

Наконец, в историю эстонского спорта свою лепту внесли и русские спортсмены. Боксер Николай Степулов стал серебряным призером Олимпийских игр 1936 г. в Берлине. Успешно выступал на республиканских и международных соревнованиях разносторонний спортсмен – яхтсмен, буерист, велосипедист и конькобежец Николай Чучелов. Семейство Чучеловых вообще вошло в историю эстонского спорта: известными буеристами были братья Николая – Андрей (выступал и как яхтсмен) и Дмитрий.

⁴⁷ См. об этом: *Генс Л.* Архитектура // Там же. С. 401-412.

⁴⁸ Там же. С. 403-404.

Особенно примечательны успехи русских баскетболистов. В 1928 г. мужская команда русского спортивного общества «Витязь», а в 1929, 1932-1933 гг. команда общества «Русь» (Таллинн) становились чемпионами Эстонии. В 1934 и 1936 гг. женская баскетбольная команда «Руси» также выигрывала чемпионат ЭР. Ряд русских баскетболистов входил в состав сборной Эстонии (Георгий Виноградов, Валентин и Павел Клышейко, Тарас Тимченко, Евгений Гайкович), в 1930-е гг. добившейся значительных успехов. Одним из лучших эстонских баскетбольных тренеров считался Алексей Зеленой.⁴⁹ Отметим, что баскетбол, пожалуй, самый популярный вид спорта в Эстонии.

Мы сознательно не упоминали тех русских по своему происхождению деятелей, которые, сменив русские фамилии на эстонские, в 1930-е гг. уже фактически стали носителями эстонского языка и культуры. Некоторые из них внесли заметный вклад в развитие эстонской культуры, науки, искусства. Отметим здесь хотя бы Юри Ярвета (до эстонизации фамилии – Юрия Кузнецова), одного из самых замечательных эстонских актеров XX в.; Пауля Карда (до 1936 г. Павла Кудрявцева), ученого-физика, члена-корреспондента АН ЭССР; поэта и литературоведа Алексиса Раннита (Алексея Долгошева); художника Константина Сювало (до 1936 г. Щербакова); очень популярного эстонского врача Леонхарда Мардна (Мартынова). Такие процессы неминуемы в странах русского рассеяния...

Не подлежит сомнению, что дальнейшие исследования откроют новые, нам сейчас неизвестные пласты деятельности русских специалистов в ЭР 1920-1930-х гг., которые еще более обогатят наше представление о вкладе русских в становление эстонской государственности, экономики и культуры Эстонии.

⁴⁹ См.: Korvpall. Minevikust tänapäevani / Koost. V. Lään. Tallinn, 1988.

Советская литература в восприятии русских читателей в Эстонии 1920-1930-х гг.

Представление о том, что есть две русских литературы – эмигрантская и советская – со своими принципиально различающимися, специфическими чертами, выработалось не сразу. Эмиграция как массовое явление уже было реальностью в 1919-1920 гг., но русская литература – при всей ее идеологической дифференцированности – еще рассматривалась как единая. Характерный пример. Проживавшие в Эстонии русские литераторы В. Е. Гущик и А. А. Баиов в 1921 г. предприняли попытку организовать в Ревеле (Таллинне) издание журнала «Гамаюн». С предложением о сотрудничестве они обратились к писателю-эмигранту А. И. Куприну и к проживавшему в Петрограде А. А. Блоку, а через последнего также к Андрею Белому, А. М. Ремизову, Анне Ахматовой, Михаилу Кузмину, Корнею Чуковскому и др.¹ Другими словами, «Гамаюн», который должен был выходить за границей, мыслился как журнал, объединяющий авторов из Советской России и эмигрантов; еще ни о каком расколе на две литературы речи не шло.

Окончательное разделение на две литературы, по крайней мере, в русской печати Эстонии фиксируется в 1924-1925 гг. К этому времени уже стало ясно, что надежд на скорое возвращение эмигрантов на родину нет. Если в первой половине 1920-х гг. нередко трудно было установить, кто из русских писателей, пребывающих за рубежом, эмигрант, а кто не эмигрант, то к середине 1920-х гг. это уже определилось. Стало ясным и отношение советской власти и партии большевиков к Русскому зарубежью в целом, как и отношение большинства (но не всех!) эмигрантов к тому, что происходит в России, в том числе и в русской советской литературе.

¹ См.: Радуга. 1987. № 4. С. 72; Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог. Вып. 2. Письма к Александру Блоку. М., 1979. С. 499 (письмо «неустановленного лица» А. Блоку от 10 мая 1921 г.).

Сложившаяся в двух противостоящих друг другу полюсах русской культуры и – шире – русской общественности ситуация в корне различалась. В СССР лагерь эмиграции, эмигрантская литература со второй половины 1920-х гг. находились под почти полным запретом, разрешено было лишь «обличать», «разоблачать» их. В 1930-е гг. уже всякого рода связи с границей стали основанием для самых суровых репрессивных мер, даже критика эмигрантов особенно не поощрялась, эмиграция попросту замалчивалась. Если и заходила речь о Русском зарубежье, то в советской печати подчеркивалось, что эмиграция отгородилась каменной стеной от Страны Советов, в ней царит ненависть ко всему советскому (в том числе и к советской литературе, которая игнорируется, очерняется). Между двумя мирами, как и между двумя литературами, нет ничего общего, они развиваются независимо друг от друга. Само собой разумеется, в лагере советском – успехи и подъем, в лагере эмигрантском – упадок, близость конца. Отголоски подобного рода воззрений будут ощущаться еще долго.

В Русском зарубежье ситуация была иной. Здесь в значительной мере сохранялась свобода слова, положение в русской советской литературе не замалчивалось, наоборот, был заметен – по крайней мере, в одной части эмигрантского общества – интерес к творчеству русских авторов в СССР, шли споры о том, что происходит в русской советской литературе. Эти споры находили отражение в печати. На страницах газет и журналов сталкивались разные точки зрения на советскую литературу, разный взгляд на то, что важно и ценно в этой литературе. Эмигрантские оценки произведений русских советских авторов, во-первых, отличались большим разнообразием, а во-вторых, со временем менялись – в отличие от официальной советской позиции.

В советской России в отношении к эмигрантской литературе господствовало единообразие, тотальное единомыслие, не допускающее разброса мнений, и которое – за редким исключением – почти не менялось в течение нескольких десятилетий (только хрущевская оттепель внесла кое-какие изменения).

Это объяснялось, конечно, идеологическим многообразием русского эмигрантского общества, так сказать, его «многопартийностью», в некоторых случаях и неоднородностью самого состава русских общин в разных странах. На интерпретацию творчества советских писателей влияли, как мы увидим далее, и возрастные различия в читательской среде.

Для правого монархического лагеря русской эмиграции характерно полное отрицание новой советской литературы, ее идеологических установок, художественной ценности. Характерно высказывание З. Гиппиус 1924 г. о том, что в Советской России «нет литературы, нет писателей,

нет ничего: темный провал».² Эту точку зрения утверждал в своих публицистических статьях и эссе середины 1920-х гг. М. П. Арцыбашев, проживавший, правда, в Варшаве, но часто публиковавшийся в таллиннских «Последних известиях», самой распространенной русской газете в Эстонии 1920-1927 гг.³ В его статьях мы находим еще один часто повторяющийся мотив: в Советской России уничтожается всё старое как отжившее свой век и идеологически враждебное новому строю. В том числе последовательно истребляется и старая классическая русская литература. Эмигранты – единственные подлинники наследники великой русской классики, хранители ее традиций⁴.

В роли «разрушителей» прежде всего выступают футуристы во главе с В. Маяковским (в первой половине 1920-х гг. он предмет постоянных нападков белой правой прессы⁵), позже еще Пролеткульт и пролетарские поэты.⁶ Впрочем, доставалось и всем «предателям», в особенности же М. Горькому.⁷ М.П. Арцыбашев переносил свое неприятие советской литературы почти на всех оставшихся в СССР русских писателей, не делая между ними особой разницы: от него доставалось даже М. Волошину, Б. Пастернаку, Б. Пильняку.⁸ М.П. Арцыбашев вообще не стеснялся в выражениях по адресу советских авторов: «Гады – они гады и есть. Во всяком случае духовные ничтожества и больше ничего».⁹ В этом же духе в «Последних известиях» выступали Я. В. Воинов¹⁰ (очень любопытная во всех отношениях, ныне совершенно забытая фигура) и порою П. М. Пиль-

² Антон Крайний [З. Гиппиус]. Литературная запись. Полет в Европу // Современные записки. 1924. Т. XVIII. С. 123.

³ См. очень характерные для него выступления: Арцыбашев М. П. О русской интеллигенции // Последние известия (далее сокращенно – ПИ). 1925. 5 янв. № 3. С. 2-3; Он же. Ароськин протест // ПИ. 1925. 18 июня. № 136. С. 2; 19 июня. № 137. С. 3; Он же. Вместо литературного обзора // ПИ. 1926. 10 янв. № 6. С. 2.

⁴ См.: Арцыбашев М. П. Слово о русской литературе // ПИ. 1925. 12 июня. № 131. С. 2; 13 июня. № 132. С. 2; 14 июня. № 133. С. 2; 16 июня. № 134. С. 2.

⁵ См., напр.: Петроний [П. Пильский]. Маяковский // ПИ. 1923. 5 янв. № 4. С. 2; Оредовский Я. [Я. Воинов]. Себя тешат // ПИ. 1923. 15 февр. № 43. С. 2.

⁶ См.: Пильский, Петр. Дураки верхом на дураках // ПИ. 1923. 10 июня. № 138. С. 2-3.

⁷ См.: Арцыбашев М. П. Записки писателя. «История одной провокации» // ПИ. 1925. 18 дек. № 292. С. 2; Он же. Хамелеон // ПИ. 1926. 19 марта. № 63. С. 2.

⁸ Арцыбашев М. П. Литературные заметки. Слово упрека // ПИ. 1926. 29 июля. № 166. С. 2; Он же. «Гады» или «несчастенькие» // ПИ. 1926. 3 авг. № 170. С. 2.

⁹ Арцыбашев М. П. «Гады» или «несчастенькие».

¹⁰ См.: Воинов, Ярослав. Душа не принимает // ПИ. 1922. 7 апр. № 80. С. 2; 2 мая. № 97. С. 2; Воинов Я. В. Пути казенщины и чести // ПИ. 1925. 9 июля. № 153. С. 2.

ский¹¹, позже ведущий критик рижской газеты «Сегодня». Правда, в период работы в «Сегодня» его отношение к советской литературе стало несравнимо более толерантным. Но любопытно, что даже непримиримый враг всего советского М.П. Арцыбашев все-таки признавался, что в литературе Совдепии есть и яркие дарования: «Внимательно вчитываясь в их изуродованные подневольные писания, я, как старый русский писатель, должен свидетельствовать, что среди них имеется очень много, даже чрезвычайно много больших и красивых талантов».¹²

Иной была позиция левой русской эмиграции, тех, кто примыкал или был близок к эсерам и социал-демократам – меньшевикам, а позже к новым идеологическим течениям в Русском зарубежье, как и значительной части эмигрантской молодежи вообще. В целом в эмиграции левых было мало, но в их руках находились очень влиятельные органы печати. Они также критиковали советские порядки, цензуру, партийный диктат в литературе и искусстве Страны Советов, но, вместе с тем, находили, что будущее русской литературы связано именно с ее советской частью, эмигрантская же литература обречена, она уже находится в состоянии упадка. Поэтому взоры левых критиков (в частности, Марка Слонима) были обращены прежде всего к русским писателям в СССР. Именно с ними связаны новые веяния, новации в литературе. В Эстонии выразителем подобных взглядов был театральный критик и журналист Георгий Тарасов, в 1927 г. возвратившийся на родину.¹³ В обзоре «Русская литература», опубликованном в сборнике «День русского просвещения» 1927 года, он проводил мысль о том, что хотя эмигрантскую литературу представляют едва ли не все крупные русские мастера слова, но они идут старым, уже испытанным путем, «молодая же советская ищет и новых форм, и новых тем, намечая постепенно свое национальное лицо».¹⁴ Из наиболее интересных советских авторов Тарасов выделяет И. Бабеля, Б. Пильняка, Е. Замятина, П. Романова, Л. Леонова, К.Федина, Л. Сейфуллину, М. Зощенко. Запомним этот перечень имен.

Без сомнения, на восприятие читателями советской литературы влиял и состав русских общин в разных странах. Он весьма разнился. Если во Франции или Югославии общину составляли именно эмигранты, преиму-

¹¹ Пильский, Петр. Канун гибели // ПИ. 1925. 9 янв. № 6. С. 3; Петроний [П. Пильский]. Падучая звезда // ПИ. 1925. 3 июня. № 123. С. 3.

¹² Арцыбашев М. П. Слово о русской литературе // ПИ. 1925. 16 июня. № 134. С. 2.

¹³ См. о нем: Исаков С. Г. Обзор Г. И. Тарасова «Русские в Эстонии» (1927) // Балтийский архив. Т. VI. Рига, 2000. С. 94-100.

¹⁴ Тарасов Г. Русская литература // День русского просвещения. Сб. статей Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. 5-6 июня 1927. С. 2.

цественно бывшие военные – те, кто сражались в Белой Армии в Гражданскую войну и очень враждебно относились ко всему советскому, то, например, в Эстонии и Латвии русская община состояла прежде всего из старожильского русского населения – из тех, кто проживал на территории этих стран до 1918 г. Эмигранты составляли всего одну пятую часть от общего числа русских в Эстонии. Правда, именно они представляли русскую интеллигентную элиту, в значительной степени определявшую характер русской культуры в крае, по крайней мере, высшего ее слоя. Эмигранты в Эстонии не могли не считаться с воззрениями «коренных» русских, которые не совпадали полностью с эмигрантскими. В частности, для старожильского русского населения, в большинстве своем состоявшего из крестьян, не было характерно агрессивно-негативное отношение к советским порядкам и культуре, их отношение к ним было более терпимым.

Приведем один пример. До конца 1925 г. уже упоминавшаяся газета «Последние известия»¹⁵ ориентировалась, в первую очередь, на читателя-эмигранта и не печатала произведений советских писателей – только авторов из Русского зарубежья. С весны 1926 года редакция стремится сделать газету изданием, рассчитанным не только и, может быть, даже не столько на читателей-эмигрантов, сколько на читателей из «коренных» русских, не эмигрантов. По-видимому, именно с этим связано резкое возрастание числа перепечаток на страницах газеты произведений русских советских писателей – прежде всего М. Зощенко. Первые публикации его юморесок появились еще осенью 1925 г., и с лета 1926 г. до закрытия газеты в мае 1927 г. они идут сплошным потоком. За этот период на страницах «Последних известий» появилось 33 публикации из советской литературы, из них 27 из Зощенко. Кроме того печатались произведения П. Романова, И. Бабея, Н. Никитина, Л. Леонова.

На отношение к советской литературе читателей, в том числе и критиков Русского зарубежья, влиял, без сомнения, и возрастной фактор. Старшее и среднее поколения эмигрантов чаще характеризует традиционализм и консерватизм в восприятии литературы, для них более типично негативное отношение к произведениям советских авторов, в 1920-е гг. очень часто шедших по пути авангардизма, экспериментаторства, новаций. Для младшего же поколения русских, для эмигрантской молодежи, наоборот, характерно несравнимо более толерантное отношение к советской литературе, бóльший интерес к ней, убеждение в том, что в 1920-е гг. именно в творчестве русских советских авторов были очень сильны

¹⁵ О газете см.: *Исаков С. Г., Пономарева Г. М.* «Последние известия» // *Литературная энциклопедия Русского Зарубежья, 1918-1940. Периодика и литературные центры.* М., 2000. С. 317-319.

авангардистско-экспериментальные тенденции, поиски нового, интересовавшие молодежь, близкие ей.

Это хорошо видно по деятельности русских литературных организаций 1920-1930-х гг. в Эстонии, объединявших по преимуществу местную творческую молодежь.¹⁶ Вообще почти все русские литературные объединения в Эстонии были очень плюралистичны в своих симпатиях: в 1920-е – начале 1930-х гг. они проявляли живой интерес как к советской литературе, так и к писателям Русского зарубежья, причем в эмигрантской литературе их симпатии были, скорее, на стороне писателей, шедших новыми путями, – к таким, как В. Набоков или М. Цветаева. Здесь надо учесть, что в Эстонии, если не считать Игоря Северянина, вообще почти не было писателей старшего поколения.¹⁷ Как мы только что отметили, молодежь вообще более склонна к новациям и экспериментаторству. Это справедливо и в отношении русской молодежи в Эстонии 1920-1930-х гг. Она не принимала на веру и правую монархическую идеологию. Ее взоры всё чаще обращались к творчеству советских авторов, которые шли новыми путями.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. успешно работал литературный кружок при нарвском обществе «Святогор». Характерно, что он начал свою деятельность в декабре 1927 г. с доклада «Философия Максима Горького», вызвавшего ожесточенные споры.¹⁸ В 1928-1930 гг. в центре внимания членов кружка – творчество советских авторов, на его заседаниях обсуждались произведения С. Есенина, Б. Пильняка, М. Булгакова, Е. Замятина, П. Романова, И. Эренбурга и др. Это вызвало недовольство правой эмигрантской части здешнего русского общества. В октябре 1929 г. кружку даже пришлось устроить публичный диспут на тему «Почему мы разбираем советскую литературу?».¹⁹ Но при этом в кружке рассматривались и произведения писателей-эмигрантов, замечен интерес к религиозно-философской проблематике, живо обсуждавшейся в эти годы в русской эмиграции.

С осени 1934 г. в Печорах при здешнем Союзе русской молодежи стал работать литературный кружок. «Целый ряд кружковых собраний

¹⁶ См.: Русские литературные объединения в Эстонии (1919-1940) // *Исаков С. Г.* Русские в Эстонии, 1918-1940. Историко-культурные очерки. Тарту, 1996. С. 101-120.

¹⁷ О русской литературной жизни в Эстонии 1920-1930-х гг. см.: *Исаков С. Г.* Литература // Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918-1940). С. 273-320.

¹⁸ *Н<овик>-ов Ст.* «Философия Максима Горького» (На литературном собрании «Святогора» в Нарве) // *Наша газета*. 1927. 29 дек. № 234. С. 5.

¹⁹ *С-ъ.* Советская литература и молодежь // *Вести дня*. 1929. 20 окт. № 285. С. 2; *С-ъ.* Советскую литературу необходимо изучать // *Вести дня*. 1929. 28 окт. № 293. С. 2.

был посвящен поэзии Сологуба, Кузмина, Белого, Ахматовой, Гумилева, Ходасевича, Маяковского, Цветаевой, Пастернака, Есенина, Клюева».²⁰ Кстати, один из активных членов объединения, поэт и позже литературовед (во второй эмиграции – профессор русской литературы в американских университетах) Юрий Иваск в начале 1930-х гг. в Таллинне входил в нелегальный кружок молодежи по изучению СССР, за что был выслан эстонской политической полицией в Печоры. Об этом позже он старался умалчивать... Ю. Иваск был автором статей об Андрее Белом и М. Цветаевой.²¹

Вообще здесь мы сталкиваемся с любопытной антиномией. Как будто аксиоматичным представляется тезис о двух русских литературах – советской и эмигрантской как антагонистах, во всем противостоящих и изолированных друг от друга, развивающихся своими путями. Но в то же время в сознании молодых авторов-эмигрантов и любителей художественного слова живет представление о единой русской литературе, в которой, конечно, есть противостоящие друг другу идеологические «полюса», но они не покрывают всей системы русской литературы. Конечно, такая точка зрения могла иметь место только в литературе Русского зарубежья, но не могла быть представлена в Советском Союзе.

Мысль о единой русской словесности получила реальное воплощение в обзорах русской литературы, которые появились в местной прессе в начале 1930-х годов. Их автором был выпускник Таллиннской русской городской гимназии, молодой студент, а затем докторант Карлова университета в Праге Н. Е. Андреев, в будущем преподаватель русской истории Кембриджского и Лондонского университетов.²² Знаменательно, что в 1931 г. в издании, посвященном Дню русского просвещения в Эстонии, появилась его статья «О новой русской литературе», в которой рассматривались основные тенденции развития всей русской литературы за последние годы – и советской, и эмигрантской. Н. Е. Андреев не склонен был их противопоставлять, находя в лучших образцах и той, и другой некое гуманистическое начало, интерес к личности, подспудное следование

²⁰ Б. С<еменов>. Литературный кружок // Новь. Сб. 8. [Таллинн.] 1935. С. 163.

²¹ Иваск, Юрий. Белый (1880-1934) // Новь. Сб. 6. [Таллинн.] 1934. С. 57-60; Он же. Цветаева // Там же. С. 61-66. О переписке Иваска с Цветаевой и попытке передать ему свой архив на хранение в Эстонию см.: Шор, Татьяна. Отблески ликов Марины Цветаевой в Эстонии // Радуга. 1999. №. 3. С. 64-70.

²² См.: Эстонские годы Н. Е. Андреева: Материалы к библиографии / Сост. И. Белобровцева, А. Рогачевский // Диаспора. III. Новые материалы. Париж; СПб., 2002. С. 687-702. См. также: Андреев Н. Е. То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908-1982). СПб., 2008.

традициям русской классической литературы и т. д. Для Н. Е. Андреева их развитие – это единый литературный процесс, продолжающий то, что было начато еще до революции. При этом советской литературе уделялось в статье больше внимания, чем эмигрантской: в ней обнаруживалось больше новаций, особенно заметных у членов объединения «Серапионовы братья». Обращает на себя внимание перечень авторов, в творчестве которых Н. Е. Андреев прежде всего видел проявления новаторства: «Импессионистическая манера Бабеля или умный и тонкий неподвижный сказ Зощенко, ритмическая стилизация Пильняка или серьезная простота Л. Леонова, сатирический фельетонизм Эренбурга или неорганизованный и пленительный пафос раннего Всеволода Иванова произвели большие сдвиги в самом подходе к материалу и в своей внешней смятенности верно и точно отразили катастрофическое наше время».²³ Как мы увидим далее, этот ряд имен в значительной мере совпадает со списком советских авторов, наиболее часто публиковавшихся на страницах эмигрантских изданий 1920-1930-х гг.

Вслед за тем Н. Е. Андреев опубликовал еще два обзора – «Русская литература в 1931 году»²⁴ и «Русская литература в 1932 году».²⁵ В них он обратил внимание на усилившийся диктат партии большевиков в области литературы в СССР, на преследования инакомыслящих и пр., но основные его установки остались прежними: как и ранее, автор рассматривал в своих обзорах и советскую, и эмигрантскую литературу как единое целое.

В ноябре 1933 г. Н. Е. Андреев прочитал в Русском народном университете в Таллинне лекционный курс «Пути русской литературы после революции в России, 1917-1933».²⁶ С подобными лекциями он выступал и в других городах Эстонии.

Закономерно, что известный русский общественный и культурный деятель П. А. Богданов, прочитав доклад в ревельском Литературном кружке с разбором сборника автобиографий и портретов современных советских писателей, прямо заявил: «Нет «эмигрантской» и «советской» литературы. Есть единая русская литература».²⁷

²³ Андреев Ник. О новой русской литературе // День русского просвещения. Ревель, 1931. С. 12.

²⁴ Вестник Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии (далее сокращенно – «Вестник СРПБО»). 1932. Апрель-июль. № 4-7 (День русского просвещения). С. 68-72. Это был одновременно и очередной номер «Вестника», и отдельный выпуск сборника «День русского просвещения».

²⁵ Вестник СРПБО. 1933. Май-июнь. № 5-6 (День русского просвещения). С. 77-82.

²⁶ См. программу курса: Русская литература // Таллинский русский голос. 1933. 4 нояб. № 52. С. 6.

²⁷ П. И<ртель>. В Ревельском литературном кружке // Таллинский русский голос. 1933. 12 марта. № 18. С. 2.

Вряд ли подобная точка зрения могла иметь распространение в Советском Союзе. Да в начале 1930-х гг. подавляющее большинство писателей (не говоря уже о простых читателях) вообще не имело возможности познакомиться с эмигрантской литературой и, как следствие, иметь какое-то свое суждение о ней.

Иная картина наблюдается за рубежом. Правда, и там были затруднения с получением новых книг советских авторов. В некоторых странах Восточной Европы в 1920-е гг. был даже введен запрет на советские издания – власти боялись коммунистической пропаганды. Но все-таки произведения русских советских писателей попадали в Русское зарубежье и, главное, очень скоро стали появляться их перепечатки. Они публиковались в газетах, выходили отдельными изданиями. Интерес к ним был значительным, при этом он характерен и для «массового» читателя Русского зарубежья, и для многих эмигрантских писателей, хотя, конечно, восприятие теми и другими художественной литературы существенно отличалось и причины интереса к работам русских советских авторов могли быть разными.

Интерес широкого круга читателей-эмигрантов к советской литературе определялся не соображениями эстетического порядка, а прежде всего причинами, если так можно выразиться, информационно-познавательного характера: русским эмигрантам, покинувшим родину, очень хотелось знать, что же происходит в России, какая там жизнь. Русская эмигрантская пресса чаще всего рисовала эту жизнь только мрачными красками, в сугубо негативном духе, с акцентом на продолжающийся в Совдепии террор и нищету, с верой в скорое народное восстание против большевиков. Такая обрисовка жизни в СССР уже во второй половине 1920-х гг. стала казаться многим эмигрантам не вполне достоверной, преувеличенной, не отражающей то, что реально происходило в России. Именно произведения лучших советских авторов, в первую очередь, те, что изображали без прикрас быт, повседневную жизнь «обычного» человека, должны были дать читателям заслуживающее доверие представление об этом. При отборе произведений для перепечатки в эмигрантских изданиях доминировал именно этот принцип.

В подтверждение можно сослаться на уже упоминавшееся выше обсуждение вопроса о необходимости для местных русских знакомства с советской литературой в нарвском обществе «Святогор» в октябре 1929 г. Основным докладчиком был В. Ф. Бухгольц, очень религиозный человек, активист Русского студенческого христианского движения:

«Он сослался на письмо своего родственника из Москвы, который отмечал, что между эмиграцией и оставшимися в России – глубокая бездна. „Если вы когда-нибудь вернетесь в Россию, то найдете всё настолько

изменившимся, что не сумеете нас понять и мы окажемся совершенно чужими“.

„Вот почему, – сказал В. Ф. Бухгольц, – мы должны, насколько возможно, стараться изучать быт и жизнь советской России. Но каким образом? Конечно, не по советским газетам, являющимся органом советской власти, и даже не по газетам эмигрантским, в большинстве случаев органам партийным, освещающим советскую жизнь иногда пристрастно. Выход один: необходимо читать советскую литературу”²⁸.

Т. Кашнева позже вспоминала, что местные русские не были знакомы с положением в Советской России: «Газеты? Слухи? Что в них правда, что ложь? И только книга, книга, на обложке которой незнакомые нам доселе имена Бабеля, Платонова, Булгакова – хрупкий мостик в этот чуждый нам мир»²⁹.

Читатели из числа творческой интеллигенции, прежде всего писатели, конечно, оценивали и художественный уровень образцов советской литературы. В их восприятии литературы, помимо вкуса, очень многое зависело от общественно-политической, «идеологической» позиции писателя. Но сопоставление перепечаток произведений советских авторов, явно рассчитанных на широкого читателя, и статей эмигрантских критиков о советской литературе позволяет утверждать, что у них было немало точек соприкосновения, немало общего.

Обратимся к изданиям произведений советских авторов в русской печати Эстонии 1920-1930-х гг.

Первые перепечатки произведений авторов из Советской России появились в 1921 году в выходившем короткое время «еженедельнике литературы и искусства» «Отклики». В № 2 еженедельника мы находим публикации «Перлы совдепской поэзии (отрывки 1917-1919 гг.)» и «Из Владимира Маяковского (отрывки последней его поэмы)» (имелась в виду поэма «150 000 000»). В первой публикации приведены отдельные стихотворения В. Каменского, В. Шершеневича, И. Ясинского, В. Князева, С. Есенина. Цель публикации: показать, каков уровень поэзии советских авторов, как низко они «пали». Любопытно, что запись отрывков из поэмы В. Маяковского была сделана не с печатного текста, а со слов некоего беженца, знавшего текст поэмы наизусть. Это показывает, что поначалу советские издания с большим трудом доходили до местного читателя. Позже положение все же изменилось к лучшему.

Как бы в противовес первым публикациям, в № 3 «Откликов» были перепечатаны отдельные стихотворения Н. Гумилева, А. Ахматовой,

²⁸ Вести дня. 1929. 28 окт. № 293. С. 2.

²⁹ Кашнева, Татьяна. «Земная коротка наша память...». Невыдуманная повесть. Таллинн, 1993. С. 20.

А. Блока, отрывки из дневника Андрея Белого. Они должны были дать читателю представление о старой «добротной» русской литературе, представители которой остались в Советской России.

Впрочем, и здесь не всё так просто. В том же № 3 «Откликов» напечатан отзыв уже нам знакомого Г. Тарасова о первом номере вышедшего в Петрограде журнала «Дом искусств», в котором представлены почти исключительно старые авторы. Г. Тарасов не находит в их произведениях ничего нового, интересного, эти авторы для него – представители «отжившей культуры», «в их старых мехах лишь остатки прежнего вина, ненужного не им самим, ни жаждущим <так! – С. И.> пришельцам».³⁰

В начале 1920-х гг. в Эстонии функционировало издательство «Библиофил» во главе с А. Оргом, которое специализировалось на выпуске в свет книг голодающих петроградских русских писателей. А. Орг, эстонский консул в Петрограде, скупил за бесценок право на издание произведений русских авторов. В течение 1921-1922 гг. «Библиофил» издал пятнадцать книг, среди них две книги А. Ремизова, А. Амфитеатрова, Федора Сологуба, по одной книге Б. Пильняка, Н. Гумилева (сборник «Шатер» – последняя книга поэта, подготовленная им самим), Н. Евреинова, Вас. Ив. Немировича-Данченко и др.³¹ Издания «Библиофила» привлекли внимание критики и читателей и за пределами Эстонии. Они, собственно, и были рассчитаны на зарубежный русский книжный рынок. Вряд ли эти ценные в историко-литературном отношении издания воспринимались читателем Русского зарубежья как образцы советской литературы (за исключением, может быть, сборника рассказов Б. Пильняка «Быльё»). Скорее, они рассматривались как образцы новых произведений старых «апробированных» авторов, известных еще по своему дореволюционному творчеству.

Лишь с середины 1920-х гг., с 1925-1927 гг., резко возрастает интерес именно к советской литературе, и появляются многочисленные публикации (как правило, перепечатки) произведений советских авторов. В Эстонии это были почти исключительно публикации в газетах, ориентированных на массового читателя. Отдельных изданий книг советских писателей в Эстонской Республике после 1922 г. не выходило. Русский книжный рынок в Эстонии в значительной мере заполнялся изданиями, вышедшими в свет в Латвии. Латвийские же издательства печатали много книг русских советских авторов. Что же они предлагали?

³⁰ Тарасов Г. Бесплодная победа // Отклики. 1921. 6 апр. № 3. С. 2.

³¹ Об издательстве см.: Круус, Рейн. Из истории таллиннского русского издательства «Библиофил» (1921-1922) // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства. Л., 1989. С. 117-120; Исаков С. Г. Книгоиздательское дело // Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике. С. 222-224.

В 1927-1939 гг. латвийскими издательствами было выпущено 17 книг М. Зощенко, причем по четыре книги вышло в 1927 и 1928 гг.³² В ряде случаев издания Зощенко дополнялись предисловиями и сведениями об авторе. Книга «О том, что было и чего не было. Новые рассказы» (1928) была снабжена предисловием В. Гадалина, вступительной статьей П. Пильского, статьей самого М. Зощенко «О себе, о критиках и о своей работе», а также портретом писателя. Такое было крайней редкостью в русском книгоиздательском деле за рубежом. Нельзя не отметить и большие тиражи книг М. Зощенко – вплоть до 10 000 экземпляров.

На втором месте идет Пантелеймон Романов: в 1927-1934 гг. в Латвии вышло 11 его книг, причем в 1927 г. – четыре. Далее следуют Илья Эренбург (5 книг), Леонид Леонов (5, правда, нужно учесть, что роман «Вор» вышел в трех книгах), Мих. Булгаков, Вяч. Шишков, Ник. Никандров (по три книги), Илья Ильф и Евг. Петров, Валентин Катаев, Н. Огнев, Алексей Толстой (по две книги). По одной книге вышло у Б. Пильняка, А. Грина, К. Федина и др. Из поэтов, которых вообще печаталось мало, были представлены С. Есенин и В. Маяковский.³³

Все же многие русские читатели в Эстонии вынуждены были довольствоваться публикациями в газетах, где появилось немалое число перепечаток произведений советских авторов, хотя и здесь заметны свои особенности: были газеты, которые вообще не публиковали образцов советской литературы, и, наоборот, есть такие, где их было много.

Выше мы уже упоминали газету «Последние известия», на страницах которой в 1925-1927 гг. можно найти множество перепечаток произведений советских авторов. С марта 1927 по январь 1928 г. в Таллинне выходила «Наша газета». Она считалась органом всего русского населения Эстонской Республики – как «старожильческого», так и эмигрантского.³⁴ Ни в одном другом русскоязычном периодическом издании не появилось такого большого числа произведений русских советских авторов, как в «Нашей газете». Всего на ее страницах было опубликовано 83 произведения писателей из СССР, из них 15 рассказов М. Зощенко. Из других авторов отметим П. Романова, Б. Пильняка, В. Шишкова, Всев. Иванова,

³² См.: *Абызов, Юрий*. Русское печатное слово в Латвии, 1917-1944 гг. Био-библиографический справочник. Ч. II. Stanford, 1990 (Stanford Slavic Studies. Vol. 3:2). С. 104-109.

³³ Все данные взяты из указанного в предыдущей сноске био-библиографического справочника Ю. Абызова.

³⁴ О ней см.: Исаков С. Г. «Наша газета» // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья, 1918-1940. Периодика и литературные центры. С. 244-245; Шор Т. *Наша газета – действительно наша?* // Журналистика национальных меньшинств в Европе: Вчера. Сегодня. Завтра. Таллин, 2007. С. 47-66.

И. Соколова-Микитова, М. Пришвина, М. Шагинян, К. Тренева, Алексея Толстого, В. Каверина, Л. Никулина и др. Печатались статьи о жизни и творчестве отдельных писателей. Любопытно при этом, что отношение редакции газеты к советским порядкам, к большевикам было сугубо критическим, негативным. В силу специфического отбора произведений для перепечатки одно другому не мешало.

Немало произведений русских советских авторов было напечатано в 1930-е гг. в нарвской газете «Русское слово» (1932-1935). Мы насчитали там 21 публикацию, причем некоторые из них занимали много номеров. Кроме неизменного М. Зощенко на страницах газеты широко представлены Алексей Толстой, И. Ильф и Е. Петров, а также Б. Пильняк, Е. Замятин, Вера Инбер (как прозаик, не как поэтесса), В. Катаев, Н. Никитин, В. Шишков, впервые К. Чуковский и др.

Надо заметить, что нарвские русские газеты вообще печатали много произведений русских советских авторов, учитывая вкусы и потребности своих читателей. Напомним, что в Нарве около одной трети населения составляли в эти годы русские. К тому же это был пограничный город – на самой границе с СССР, куда легче и в большем числе попадали издания произведений советских авторов. Наиболее длительный срок выходила газета «Старый нарвский листок» (1923-1924, 1925-1940).³⁵ На его страницах появилось более 80 рассказов М. Зощенко. В конце 1928 – начале 1929 г. в газете были напечатаны «Дни Турбиных (Белая гвардия)» Мих. Булгакова. В другой нарвской газете, правда, выходившей несравнимо более короткий срок, – «Новый нарвский листок» (1926-1927), кроме М. Зощенко, опять же публиковались произведения П. Романова, В. Катаева, В. Шишкова.

Основной орган русской прессы в Эстонии второй половины 1920-х – 1930-х гг. – выходившая в Таллинне ежедневная газета «Вести дня» (собственно, местное приложение к рижской газете «Сегодня») – уже в силу своего объема (две страницы) публиковала сравнительно мало художественных произведений, отдавая к тому же предпочтение местным авторам. Изредка и на страницах «Вестей дня» печатались произведения всё тех же М. Зощенко, П. Романова, В. Катаева.

Попробуем теперь суммировать наши наблюдения.

Преимущественное внимание к прозе и отсутствие интереса к поэзии у широкого читателя отмечали почти все, писавшие в эти годы о литературе. Это подтверждают и появлявшиеся в печати данные библиотек о

³⁵ См. о ней: Пономарева Г. М. «Старый нарвский листок» // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья, 1918-1940. Периодика и литературные центры. С. 467-468.

том, кого же предпочитает русский читатель.³⁶ Некоторой популярностью у него пользовался Сергей Есенин.

Все же иным было отношение к современной русской поэзии местной пишущей братии. Для нее знаковой фигурой стал Б. Пастернак,³⁷ чье новаторство и высокий уровень мастерства привлекали внимание здешней литературной молодежи. К тому же интеллигентная элита знала об отношении к Б. Пастернаку большинства советской критики, для которой он был скрытым оппортунистом. В печати нередко отмечалось влияние Б. Пастернака на творчество молодых эмигрантских поэтов, но рассмотрение этого вопроса выходит за рамки данной статьи.

Что касается прозы, то тут прежде всего обращает на себя внимание специфический отбор прозаических произведений для публикации и критических отзывов. Он совершенно не совпадает с официальным пантеоном русской советской литературы, определившимся в сталинскую эпоху и сохранявшимся – по крайней мере, в системе учебных заведений, в школах и вузах – вплоть до брежневских времен. Наиболее популярные в эмиграции авторы явно были вне «кардинальной линии» развития советской литературы, как она представлялась до недавнего времени. Считающийся основоположником советской литературы и социалистического реализма М. Горький был объектом острой критики в начале 1920-х гг.; позже его имя не очень часто появлялось на страницах русской печати в Эстонии, да, если и появлялось, то не в связи с его творчеством. Интерес к В. Маяковскому также незначителен. Главный «пролетарский поэт» Демьян Бедный – лишь предмет насмешек эмигрантской печати. Редко заходит речь о романтических балладах Н. Тихонова и Э. Багрицкого. Не заметно никакого интереса к таким знаковым фигурам официальной истории советской литературы, как Д. Фурманов с его романами «Чапаев» и «Мятеж», А. Серафимович с «Железным потоком», А. Фадеев с «Разгромом».

Эмиграции – и правой, и левой – были глубоко чужды основополагающие принципы советской литературы, декларируемые в партийных по-

³⁶ Автор статьи о читателях русских библиотек прямо признавался, что поэзией никто не интересуется (см.: *Бакструб А.* Что читает русский читатель? // *Наша газета.* 1927. 13 мая. № 44. С. 3).

³⁷ Ср. признание Н. Е. Андреева в обзоре «Русская литература в 1931 году»: «В <советской> поэзии, кроме стихов Б. Пастернака, нет ничего интересного» (*Вестник СРПБО.* 1932. Апрель-июль. № 4-7. С. 71). Собственно, это же Н. Е. Андреев повторил и в своем следующем обзоре – «Русская литература в 1932 году»: «По-прежнему, кроме стихов Пастернака, – уныние и запустение в поэзии <...> Остальные или молчат или срочно упрощаются, равняясь на заказы партийной критики» (*Вестник СРПБО.* 1933. Май-июнь. № 5-6. С. 80).

становлениях и в «пролетарской» критике: хорошо всё то, что воспевает революцию и утверждает новый коммунистический порядок; тот, кто сегодня поет не с нами, тот против нас. Эмиграция игнорировала сверхполитизированные произведения советских авторов с романтизированными образами революции и гражданской войны. Ее внимание привлекали, в первую очередь, писатели-«бытовики», правдиво и беспристрастно рисовавшие повседневный быт простых людей Советской России. Эмигрантского читателя привлекали также произведения, раскрывавшие глубокий надлом в русском обществе, особенно в среде интеллигенции, в годы Гражданской войны и НЭП'а, сложные психологические коллизии, сопутствующие этому надлому. Другими словами, читателей-эмигрантов, в том числе и писателей, интересовала не так называемая «кардинальная линия» развития советской литературы (мы оставляем в стороне вопрос, была ли она на самом деле «кардинальной»), а некая иная линия, которая в современной исследовательской литературе всё чаще представляется главной, наиболее интересной в историко-литературном плане. В этом отношении позиция писателей и критиков-эмигрантов оказывается созвучной современным оценкам, современному подходу к истории русской литературы советского периода.

Эта линия уже в 1920-1930-е гг. воспринималась в СССР как оппозиционная – не как открыто диссидентская (таковая вообще вряд ли могла появиться в сталинскую эпоху), но как не совпадающая в той или иной мере с официальной линией партии. Конечно, и подход едва ли не большинства эмигрантских читателей к литературе тоже был в значительной степени идеологизированным, определявшимся политической позицией эмигрантов. Но все же степень политизации в Стране Советов была на много выше, чем в эмиграции, не говоря уже о свободе высказывания своих взглядов.

Обратимся к наиболее известным в Русском зарубежье советским писателям.

Без сомнения, самым популярным да и наиболее известным русским советским автором в эмиграции 1920-1930-х гг. был Михаил Зощенко. Об этом свидетельствует как число изданий его произведений, так и многочисленные признания современников.

До сих пор нет полной библиографии публикаций художественной литературы в русскоязычных органах печати Эстонии, поэтому точное число перепечаток рассказов М. Зощенко нам неизвестно. Но, по меньшей мере, оно исчисляется сотнями, и в этом отношении он далеко опережает всех других советских авторов. Конечно, популярности М. Зощенко способствовал используемый им жанр рассказа-юморески, который легко умещался на страницы газет и был очень любим широким читателем. Но

все же причины его успеха не только в жанре, не только в любви читателя к юмору, к «смешному».

В предисловии к рижскому изданию «Рассказов» М. Зощенко в 1927 г. В. И. Талин (С. И. Португейс) писал: «Зощенко стал чрезвычайно популярным. Его широко и обильно перепечатают газеты, а главное – его охотно и широко читают. Всё чаще и чаще вы можете услышать в обществе, где собралось несколько русских, вопрос: „А вы читали сегодняшний рассказ Зощенко?“. Этот, ставший очень частым, вопрос свидетельствует о том, что Зощенко вошел в литературный обиход прочно, что Зощенко стал своим и любимым <...>

Зощенко нравится, Зощенко читают с упоением, потому что Зощенко талантливо осмеивает советский быт, издевается над ним, вскрывает за всей торжественной напыщенностью советских символов, кличек, наименований, лозунгов, „линий“, „установок“ и т. д. дурацкую, глупую, пошлую и лживую гримасу».³⁸ Вместе с тем критик обратил внимание и на более глубокий смысл зощенковского смеха, его юмора.

Уже упоминавшийся Я. Воинов, правый радикал, ярый враг советских порядков и партии большевиков, видел в М. Зощенко «наблюдателя курьезов советской жизни»: «Он теперь столь же „наш“, сколь советский. Мне пришлось даже слышать, что популярность Зощенко за рубежом гораздо выше, чем в советской России. У нас его больше читают <...> Юморески Зощенко для нас едва ли не внятнее, чем для подсоветского обывателя, говорят в нашу пользу».³⁹ Утверждение Я. Воинова о том, что Зощенко в Русском зарубежье даже более популярен, чем у советских читателей, вряд ли верно. Он был очень популярен и широко известен и в Советском Союзе, но сама постановка вопроса симптоматична.

Как отмечает Г. М. Пономарева, специально изучавшая этот вопрос, пик популярности М. Зощенко в Прибалтике относится к 1927-1933 гг.⁴⁰ О нем пишут в газетах,⁴¹ его книги в библиотеках берут нарасхват.⁴²

³⁸ *Зощенко, Мих.* Рассказы. Рига: Грамату драугс, 1927 (Библиотека новейшей литературы. Т. III). С. 5.

³⁹ *Яровой [Я. Воинов].* Судьба нашего смеха // Наша газета. 1928. 4 янв. № 2. С. 2.

⁴⁰ *Пономарева, Галина.* Рассказы М.М.Зощенко как зеркало советского языка и быта (Восприятие творчества Зощенко в Эстонии в 1920-1930-е гг.) // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. VII: Переломные периоды в русской литературе и культуре.* Helsinki, 2000 (*Slavica Helsingiensia.* 20). С. 268.

⁴¹ См., напр.: *Гадалин В.* Юморист Зощенко. «Царские сапоги», издание «Литература» // Наша газета. 1927. 15 сент. № 147. С. 2.

⁴² Русские библиотеки в Ревеле // Вести дня. 1932. 21 окт. № 246. С. 2. Здесь впервые отмечена также известность М. Шолохова у читателя.

М. Зощенко знаком и невзыскательному деревенскому читателю, который даже относит его к классикам русской литературы вроде Пушкина или Гоголя.⁴³ Его произведения нередко становятся предметом обсуждения в русских литературных кружках,⁴⁴ звучат с эстрады.⁴⁵ Действующими лицами рассказа «Недоговоренность. Проба пера» самого видного русского прозаика в Эстонии В. Е. Гущика становятся советские писатели – Пантелеймон Романов, Вячеслав Шишков и Михаил Зощенко.⁴⁶ В рассказе В. Е. Гущика они с горечью говорят о том, как им трудно жить и творить в атмосфере советской жизни и партийных требований. В газетах появляются пародии на юморески М. Зощенко. Предпринимаются попытки писать «под Зощенко»,⁴⁷ при этом подражания ему не скрываются, а наоборот – подчеркиваются.⁴⁸

Большой популярностью и в Советской России, и в Русском зарубежье пользовался также Пантелеймон Романов, ныне почти забытый писатель, но в свое время – в 1920-е – начале 1930-х гг. – широко известный. Об его известности в Советской России свидетельствует хотя бы тот факт, что в Москве в 1928-1929 гг. вышло его «Полное собрание сочинений» в 12 томах. Особенно любимы читателями были его короткие юмористические (иногда и сатирические) «смешные рассказы», обычно рисовавшие жизнь простых людей в условиях ломки старого быта, старых этических, общественных и культурных основ, когда герой нередко оказывался в абсурдной ситуации. В ряде рассказов, посвященных теме любви, проблемам пола, П. Романов выступал и как тонкий психолог. Русские эмигрантские критики отмечали, что этот писатель, ставший «любимцем широкой читательской публики», умеет ярко изображать живых людей, как бы извлеченных им «с такой поражающей простотой и ясностью из хаоса жизни».⁴⁹

Довольно много публиковался в русских изданиях Эстонии и высоко ценился здешней критикой Вячеслав Шишков. Сейчас его, в основном,

⁴³ Рацевич С. Молодежь о себе // Вестник СРПБО. 1935. № 10. С. 171.

⁴⁴ Так, 21 ноября 1927 г. в ревельском Литературном кружке состоялся доклад Н. П. Алексева «Генеалогия героев Мих. Зощенко». См. изложение доклада: На «понедельнике» Литературного кружка. «Генеалогия героев Зощенко» // Вести дня. 1927. 23 нояб. № 318. С. 2.

⁴⁵ В частности, в 1927 г. в Таллине на вечере юмора Л. О. Утесов исполнял рассказы М. Зощенко (Вечер юмора в Русском театре // Вести дня. 1927. 18 окт. № 282. С.2).

⁴⁶ Гущик Влад. Люди и тени. Сборник рассказов. Книга 3. Таллинн, 1934. С. 73-78.

⁴⁷ См. об этом: Пономарева Г. Цит. соч. С. 273-274.

⁴⁸ См.: Петрова, Зоя. Оптический обман (Подражание Зощенко) // Русское слово. 1933. 9 февр. № 18. С. 4.

⁴⁹ Гадалин В. Пантелеймон Романов. «Вопросы пола», издание «Литература» // Наша газета. 1927. 22 сент. № 153. С. 3.

знают как автора больших исторических романов «Угрюм-река» и «Емелян Пугачев». Но в 1920-е гг. В. Шишков был известен прежде всего как бытописатель жизни русского крестьянства. В. Гадалин (В. Васильев) писал о нем в 1927 г. в таллиннской «Нашей газете»: «Вместе с Зощенкой, вместе с Романовым Вячеслав Шишков является одним из любимых и популярных писателей современной литературы. Признанный бытописатель русской деревни, ее бытовых и психологических укладов, он интересен своей исключительной чуткостью, вдумчивостью и мастерством <...>

Главной и основной темой В.Шишкова является деревня во всей сложности и во всем своеобразии ее социально-бытового уклада <...> Под его пером деревня предстает во всей пестроты и светотени. Прекрасная и страшная, чистая и развращенная, дикая и трудолюбивая, мудрая и беспросветно темная – такой встает деревня в произведениях Вяч. Шишкова <...> Вера в человека, в доброе и светлое начало человеческой жизни лежит в основе всего творчества Вяч. Шишкова и определяет весь его духовный строй».⁵⁰

Борис Пильняк занимает особое место в ряду русских советских писателей, привлечших самое пристальное внимание любителей литературы в Русском зарубежье вообще и в Эстонии, в частности. Он дважды бывал в Эстонии (в 1922 и 1934 гг.), это нашло отражение в его творчестве (повесть «Третья столица», 1922).⁵¹ В Эстонии в 1922 г. вышел в издательстве «Библиофил» сборник рассказов Б. Пильняка «Быльё», который сам автор называл первой в России книгой о революции. Выход в свет этой книги был отмечен местной критикой⁵². Ряд книг Б. Пильняка издавался в Берлине и Париже, что делало их доступными и русскому читателю в Эстонской Республике. Отметим еще, что сборник «Рассказы» (Париж, 1933; «Библиотека „Иллюстрированной России“») был напечатан в Таллинне, в типографии Б. Бейлинсона. Повести и рассказы Б. Пильняка, в

⁵⁰ Гадалин В. Вячеслав Шишков // Наша газета. 1927. 18 сент. № 150. С. 3.

⁵¹ См.: Зайдельсон Е. По следам письма Бориса Пильняка // Таллин. 1989. № 5. С. 113-118; Пономарева Г. М., Трофимов И. В. Балтийский тоpos в повести Б. Пильняка «Третья столица» // Б. А. Пильняк. Исследования и материалы. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. III-IV. Коломна, 2001. С. 54-63; Круус, Рейн. Ремизов, Кусиков, Пильняк и другие // Таллин. 2002. № 26-27. С. 154-182; Шор, Татьяна. Борис Пильняк и Эстония // Балтийский архив. Т. IX. Вильнюс, 2005. С. 38-56; Пономарева Г., Шор Т. Образы эмигрантов в повести Б. Пильняка «Третья столица» // Toronto Slavic Quarterly. 34.[2010]. С. 75-95.

⁵² См.: В<оин>-ов Яр. «Не о жизни, но об искусстве. Бор. Пильняк – «Быльё» // ПИ. 1922. 4 мая. № 99. С. 3; Тарасов Г. Библиография // Жизнь. 1922. 31 июля. № 78. С. 3.

которых раскрывались драматические перипетии революционных лет в России, повседневная уездная жизнь со всеми ее осложнениями, неизменно рассматривались советской критикой как противостоящие официальной коммунистической идеологии и новым порядкам. Б. Пильняк, не боявшийся публично отвергать партийное вмешательство в литературу, подвергался откровенной травле в печати. Это закономерно привело его к аресту в 1937 г. и к расстрелу в 1938 г.

В русской печати Эстонии творчество Б. Пильняка неизменно оценивалось высоко, отмечалась его правдивость, достоверность. «Темы Пильняка: революция, быт – до и после, – но всегда и во всем – человек на первом плане.

Пильняк очень крупный психолог, в разрешении душевных движений человека он видит обоснование многим событиям»⁵³.

Из литературных объединений в Советском Союзе тех лет русским критикам в Эстонии, писавшим о литературе Страны Советов, без сомнения, ближе всего была группа «Серрапионовы братья» (Петроград – Ленинград, 1921-1929). Не случайно уже в 1923 г. в «Последних известиях» появилась очень основательная, представляющая более широкий интерес статья П. Пильского о «Серрапионовых братьях», в которой давалась весьма подробная, написанная со знанием дела, характеристика группы, ее творческих установок.⁵⁴ В группу «Серрапионовы братья» входили М. Зощенко, Всев. Иванов, В. Каверин, Л. Лунц, Н. Никитин, М. Слонимский, К. Федин; одним из духовных отцов серрапионовцев считался Евгений Замятин. Для писателей – «серрапионовых братьев» характерны поиски новых художественных приемов, неприятие примитивности и «плакатности» в литературе, отрицание всякой «тенденциозности», в особенности политической. Группа по преимуществу объединяла так наз. «попутчиков», которых, согласно официальной точки зрения, следовало направить «на истинный путь», путь социалистического реализма.

Именно на писателей из «Серрапионовых братьев» да еще на П. Романова, Б. Пильняка, М. Булгакова, Л. Леонова, В. Катаева, И. Бабеля, Л. Сейфуллину, Н. Никандрова чаще всего указывали авторы критических статей и общих обзоров русской литературы как на наиболее талантливых, интересных и влиятельных современных советских прозаиков.⁵⁵

⁵³ Вступительная заметка к публикации: *Пильняк Бор.* Нижегородский откос. Рассказ // Русское слово. 1933. 7 февр. № 17. С. 3.

⁵⁴ *Пильский, Петр.* Братья без отца. Литературные письма // ПИ. 1923. 4 апр. № 83. С. 2.

⁵⁵ См. уже рассматривавшиеся выше обзоры Г. Тарасова и Н. Андреева.

В начале 1930-х гг. перечень имен несколько расширился. В своей статье «О новой русской литературе» (1931) Н. Андреев упомянул Ю. Олешу. В его обзоре русской литературы 1932 г. появились А. Платонов, Ю. Тынянов, М. Пришвин. Любопытно, однако, что они включены в группу писателей, которые вынуждены в новых условиях замолчать; в эту же группу входили И. Бабель, Е. Замятин, М. Зощенко, Л. Сейфуллина и др. В том же обзоре литературы 1932 г. впервые названы А. Веселый, М. Шолохов как автор «Поднятой целины» и А. Фадеев как автор романа «Последний из удэге». Впрочем, Н. Андреев утверждает, что А. Фадеев «дружными усилиями критики значительно снизил художественный уровень своего второго тома (романа «Последний из удэге» – *С. И.*), переходя местами просто в схематизированную публицистику».⁵⁶ Все же перечень имен писателей, в первую очередь характеризующих наиболее ценную в художественном плане часть русской советской литературы, в своей основе остался прежним.

Не наступила ли в среде русских читателей (в том числе и писателей) в Эстонии в середине 1930-х гг. переоценка советской литературы тех лет? Каковы были изменения в списке определяющих литературный процесс авторов?

Как это ни странно, у нас почти нет материалов для характеристики рецепции советской литературы русскими читателями Эстонской Республики середины и второй половины 1930-х гг. Перепечаток произведений русских советских писателей немного. В какой-то мере это связано с сокращением числа русских газет. Правда, теперь на местный книжный рынок сравнительно широко проникают советские издания. По всей вероятности, они становятся основным источником знакомства читателя с современной советской литературой. Публикаций об этой литературе и об отдельных советских писателях на страницах местной русской прессы также появляется крайне мало. В наиболее интересных в историко-литературном плане сборниках «Новь» в середине 1930-х гг. нет ни статей о литературе Страны Советов, ни рецензий на книги советских авторов. Всё это крайне затрудняет ответы на сформулированные выше вопросы.

Какое-то влияние на рецепционный процесс мог оказать переворот в марте 1934 г., который привел к утверждению в стране авторитарного режима К. Пятса и к так называемому «периоду безмолвия», когда в Эстонской Республике были ограничены демократические свободы. Но каково было это влияние, в чем оно проявилось, не ясно.

Можно предполагать, что в рассматриваемый период в Эстонии среди русских читателей имели место два противоположных по своей сути, разнонаправленных, независимых друг от друга процесса.

⁵⁶ Вестник СРПБО. 1933. Май-июнь. № 5-6. С. 80.

Один из них характерен для читателей из среды эмигрантской интеллигенции. Она теперь знакомится с произведениями современных советских авторов, уже прошедшими главлитовскую цензуру сталинской поры, соответствующую партийным требованиям. Этот новый книжный поток очень отличался от того, что было раньше, – от творчества таких авторов, как Б. Пильняк, Е. Замятин, М. Зощенко, П. Романов. Он не мог нравиться значительной части русской эмигрантской интеллигенции, был ей внутренне чужд. Это хорошо видно по письмам Марии Карамзиной, прекрасной русской поэтессы, вскоре ставшей жертвой сталинских репрессий. Прочитав номер «Огонька», посвященный Владимиру Маяковскому, М. В. Карамзина писала 17 марта 1940 г. своей подруге, тоже поэтессе В. В. Шмидт: «Всё внутри протестует, подымается на дыбы, чисто профессионально: как можно таким остолопинам писать о поэзии такие идиотские статьи, критиковать, провозглашать <...> И почему Сталин может быть авторитетом в поэтическом творчестве? Хочется любить их, но так больно, оттого что невозможно просто, без муки и злобы, любить...».⁵⁷

Но, с другой стороны, шел и совершенно другой процесс. В 1930-е гг. возрастает влияние идущей из СССР коммунистической пропаганды на русское население Эстонии, в том числе и на молодое поколение эмигрантов. Основным путем знакомство с СССР становится московское радио. Советские пьесы нередко ставятся на сцене русских театров Эстонии. Показателем этого влияния стало массовое бегство русской молодежи в Страну Советов, где ее ожидали сталинские лагеря, но об этом в ту пору не знали. Всё это в совокупности, наоборот, должно было содействовать знакомству с советской литературой 1930-х гг., переоценке старых воззрений на нее. Тем, кто видел идеал в социалистическом строе СССР, современная советская литература, утверждавшая сталинский режим, как раз могла быть близка и понятна.

Эти два процесс, противостоящие друг другу, вероятнее всего, порою сталкивались, вызывали споры, не попадавшие в печать.

Но четкого ответа на вопрос, какова была рецепция советской литературы русскими читателями Эстонии середины и второй половины 1930-х гг., мы сегодня дать не в состоянии. Тут нужны дальнейшие розыскания.

⁵⁷ Карамзина, Мария. Ковчег. Таллинн, 2008. С. 97.

Русский фашизм в Эстонии 1920-1930-х гг.*

В Эстонии в 1920-1930-е гг. проживало 92 000 русских, составлявших 8,2 % населения. Среди русских Эстонской Республики (ЭР) представлен почти весь спектр общественно-политических воззрений Русского зарубежья 1920-1930-х гг.¹

К сожалению, общественная и политическая жизнь русских в ЭР 1918-1940 гг. еще слабо изучена. Это относится и к истории русского фашизма в Эстонии в рассматриваемый период. Имеющиеся публикации о местных русских фашистах ни в коей мере не претендуют на исчерпывающий анализ их деятельности, объединений, идеологии. Все же эти работы, основывающиеся на архивных источниках, составляют некую первичную источниковедческую базу для более углубленного исследования темы.

В публикации В. А. Бойкова приводятся ценные материалы следственных дел НКВД, касающихся фашистских групп в Эстонии, которые были связаны с германским национал-социализмом.² В работе И. З. Белобровцевой характеризуется личность К. Н. Большакова, руководителя другого объединения фашистов в Эстонии, связанного с Всероссийской фашистской партией, с Харбином и К. В. Родзаевским.³

Нельзя не отметить, что источниковедческая база изучения русского фашизма в Эстонии скудна. Архивы фашистских организаций и отдельных фашистских деятелей не сохранились, нет и их мемуаров. Основным источником реконструкции мировоззрения русско-эстонских фашистов остаются немногочисленные газетные публикации местных авторов первой половины 1930-х гг. Главным же источником истории фашистских

* Соавтор В. А. Бойков.

¹ См. об этом: Русское национальное меньшинство в Эстонской республике (1918-1940). Тарту; СПб., 2001. С. 21-98.

² Бойков, Виктор. Русские фашистские группы в Эстонии (1930-е гг.) // Труды Русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. II. Таллинн, 2003. С. 70-120.

³ Белобровцева И. Русская эмиграция: ось Тарту – Оксфорд – Харбин // Балтийский архив. Т. I. Таллинн, Б. г. С. 154-186.

организаций, их состава и их чаще всего нелегальной деятельности являются следственные дела арестованных членов партии в фондах Политической полиции ЭР и в особенности в фондах НКВД. Конечно, эти источники требуют осторожного подхода. Но, как показывает наш опыт, материалы допросов и показаний все же можно использовать в исследовательской работе. Обязательно надо принимать во внимание специфику поведения на следствии бывших эмигрантов: многое в своей прежней деятельности они не считали нужным скрывать.⁴

В данной статье мы попытаемся на основе указанных выше источников и на фоне истории русских фашистских организаций в других странах Европы, Азии и Америки⁵ вкратце охарактеризовать фашистские объединения русского населения Эстонии, их состав, повседневную работу, мировоззренческие установки.

Объединения русских фашистов в ЭР стали создаваться лишь в 1930-е гг. Но первоначальное знакомство местных русских с фашизмом относится к значительно более раннему периоду – уже к 1920-м гг.

Начало интереса к фашизму в русской прессе ЭР датируется концом 1922 г. и связано с приходом к власти в Италии фашистов во главе с Б. Муссолини.⁶ Идеология итальянских фашистов и действия их вождя оцениваются в местной эмигрантской прессе сугубо положительно: Муссолини утверждает в стране на практике идею национального государства, сильную власть, порядок, успешно борется с коммунистами и т. д.⁷ С откровенно апологетической статьей о Муссолини выступает на страницах «Последних известий», в те годы основной русской газеты в Эстонии, известный своим правым радикализмом публицист и писатель Я. В. Воинов (Яровой): вождь итальянских фашистов – настоящий рыцарь, он «зажег факел веры в своем народе», показал миллионам людей «истинный путь», спасающий их от заблуждений парламента-

⁴ О специфике поведения русских эмигрантов из Эстонии на следствии в застенках НКВД см.: *Исаков С. П. А. Богданов и дело эстонской группы Русской трудовой крестьянской партии // Балтийский архив. Т. III. Таллинн, 1997. С. 5-7.*

⁵ Здесь для нас главным источником послужила книга: *Окорков А. В. Фашизм и русская эмиграция (1920-1945 гг.). М., 2002.* См. также: *Стефан, Джон. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции 1925-1945. М., 1992.*

⁶ См. редакционную статью: *Новый путь // Последние известия (далее ПИ). 1922. 5 нояб. № 257. С. 2.* Кстати, в статье высказывалось пожелание, чтобы появился русский Муссолини

⁷ *П. П. Муссолини // ПИ. 1922. 28 дек. № 306. С. 2; Пильский, Петр. Герой // ПИ. 1923. 27 янв. № 25. С. 2; Год // ПИ. 1923. 28 окт. № 268. С. 1; Гаевский. Что такое фашизм? // Былой нарвский листок. 1924. 15 апр. № 17. С. 2; 26 апр. № 20. С. 2-3. См. также: Годовщина фашизма в Италии // Наши последние известия. 1926. 31 окт. № 11. С. 1*

ризма, демократии, фальшивого прогресса, от демагогии социалистов и пр.⁸

С 1923 г. на страницах русской периодической печати появляются сообщения о немецком национал-социализме и о А. Гитлере. Отношение к ним правых журналистов также позитивное, но не столь апологетическое, как к итальянским фашистам.⁹ В одной, притом редакционной статье «Последних известий» выражалась надежда, что «развязка многолетней, затянувшейся драмы русской Октябрьской революции и придет из Германии».¹⁰ С удовлетворением наблюдали журналисты правой ориентации за усилением влияния фашистов в Испании¹¹ и в других странах Европы. В 1925 г. появляется первое, впрочем, весьма неопределенное сообщение о русских фашистах в Китае.¹² В 1927 г. в одной из газет была напечатана программа Национал-революционного союза и декларация русских фашистов в Париже.¹³

В правой монархической печати середины 1920-х гг. мы находим постоянные призывы к сплочению русских национальных сил в эмиграции и на родине.¹⁴ Под лозунгом «национальной России» проходил Зарубежный съезд в 1926 г. Воплощение этого сплочения национальных сил, твердой власти во главе с Вождем многие монархисты видели именно в фашизме. В правой эмигрантской прессе неоднократно будет подчеркиваться контраст между реальными «деяниями» Муссолини и бездействием Милюкова и Керенского в 1917 г., приведшем Россию к хаосу и к власти большевиков.¹⁵ Так же нередко будет повторяться мысль о том, что опыт Италии может пригодиться в будущей России (см. цикл статей П. Кривцова об итальянском фашизме в таллиннской монархической газете «Наш час» за 1926-1927 гг.).

В 1927 г. в органе местных евразийцев газете «Рассвет» появляется статья брюссельского евразийца Н. А. Перфильева. В ней автор находит

⁸ Яровой. «Красный змей и чернорубашечники» // ПИ. 1923. 11 нояб. № 282. С. 3. Ср. его более раннюю публикацию: Яровой. Милоковец о фашистах // ПИ. 1923. 9 авг. № 189. С. 3.

⁹ См., напр.: Баварские фашисты // ПИ. 1923. 10 мая. № 113. С. 2: «?» // ПИ. 1923. 16 нояб. № 287 С. 1; На ногах // ПИ. 1924. 1 апр. № 87. С. 1.

¹⁰ Тысяча // ПИ. 1923. 24 сент. № 234. С. 1.

¹¹ За год // ПИ. 1923. 16 сент. № 226. С. 1; *Владимиров*. Испанская среда // ПИ. 1923. 20 сент. № 230. С. 2.

¹² *Египец*, *Иван*. Русские фашисты в Китае // Ревельское время. 1925. 2 июня. № 7. С. 3.

¹³ Программа Национал-революционного союза // Рассвет. 1927. 11 сент. № 3. С. 7; Из области манифестов // Там же. 1927. 22-29 окт. № 9. С. 4.

¹⁴ См.: Десять заповедей Русского // Ревельское время. 1925. 25 мая. № 6. С. 2.

¹⁵ См., напр.: Яровой. Преступная услада / ПИ. 1923. 14 июня. № 141. С. 2.

общие черты, но вместе с тем и различия в учении итальянских фашистов и евразийцев. Любопытно, что одновременно Н. А. Перфильев указывает и на черты сходства в идеологии сторонников Муссолини и русских большевиков. Однако это его не пугает: по убеждению Перфильева евразийцы в своих планах преобразования России не должны отвергать всё «советское». В идеологии итальянских фашистов для автора статьи в «Рассвете» неприемлем их «доведенный до крайности национализм», он не подходит для многонациональной России, «Великой Евразии». Заслуживают же внимания и поддержки в учении фашистов некоторые их положения в области «народоводительства», воспитания молодежи и в экономической политике (принцип подчинения экономики интересам государства), а также идея мирного сосуществования всех классов, рабочих и капиталистов.¹⁶

В середине 1920-х гг. идеология и практика фашистов в Италии и в какой-то мере в Германии становится предметом оживленных дискуссий среди эмигрантов в Эстонии. Эти дискуссии обычно связаны со спорами о будущем России, о ее национальных основах. Один из первых такого рода диспутов состоялся 28 октября 1923 г. в зале кинотеатра «Пассаж» в Таллинне, где с докладом на тему «Национальная идея в послереволюционной России» выступил писатель и известный политический деятель – монархист А. В. Чернявский, в будущем видный фашист.¹⁷ Его доклад привлек внимание широкой публики, вызвал острую дискуссию, которая была продолжена на специальном вечере в Русском клубе 9 декабря 1923 г.¹⁸

К середине и второй половине 1920-х гг. относится и появление среди правых эмигрантов в Эстонии первых сторонников фашистской идеологии. В частности, идеи фашизма были близки упоминавшимся выше Я. В. Воинову и А. В. Чернявскому; впрочем, вряд ли их можно уже назвать фашистами. Обращает на себя внимание, что утверждаемый А. В. Чернявским культ «исторической национальной власти» в будущей России во главе с Вождем¹⁹ хотя и имел фашистский аналог, но широко был представлен и у монархистов, с фашизмом не связанных.

¹⁶ Перфильев Н. А. Итальянский фашизм и Евразийство // Рассвет. 1927. 11-18 дек. № 16. С. 3.

¹⁷ См. о нем: Мейре, Аурика. Политическая деятельность А. В. Чернявского в Эстонии // Балтийско-русский сборник. Кн. I. Stanford, 2004 (Stanford Slavic Studies. Vol. 27). С. 57-72.

¹⁸ С-ов. «Национальная идея в послереволюционной России» // ПИ. 1923. 28 окт. № 268. С. 3; П. И. «Национальная идея в послереволюционной России» // ПИ. 1923. 8 дек. № 309. С. 4.

¹⁹ См.: Чернявский, Александр. Наше лицо // Эмигрант. 1924. № 1. Апрель. С. 5; Он же. Белый год // Эмигрант. 1925. № 10. Январь. С. 1-3.

Но так или иначе – идеи фашизма получают распространение в Эстонии, причем не только у местных русских. Это закономерно вело к созданию фашистских организационных структур в ЭР. Конец 1920-х – начало 1930-х гг. – период их «имплицитной» подготовки.

Собственно, это был процесс не региональный, а более общий, мировой. Если до 1930-х гг. в отдельных странах существовали лишь разрозненные и малочисленные русские фашистские группы, то в 1931 г. К. В. Родзаевский создает в Харбине Российскую фашистскую партию (РФП). В 1933 г. в США возникает Всероссийская фашистская организация А. А. Вонсяцкого, а в Германии – Российское освободительное национальное движение (РОНД). В 1934 г. организации К. В. Родзаевского и А. А. Вонсяцкого объединяются во Всероссийскую фашистскую партию (ВФП) и вслед за тем создается всемирная сеть очагов этой партии. Русские сторонники фашизма в Эстонии стали составной частью данного процесса.

Причины возникновения русского фашизма и его сравнительно широкого распространения в Русском Зарубежье уже выяснены в исследовательской литературе, да на них указывалось еще в вышедшей в середине 1930-х гг. «Азбуке фашизма».²⁰ Это кризис белой идеологии, разочарование в ней эмигрантской молодежи, поиски ею новых путей, новых форм борьбы с советским режимом, потребность сохранить в эмиграции свою национальность. Опыт фашистов в Италии и Германии, за короткий срок изменивших ситуацию в стране, казалось, указывал, каким путем надо идти. Немалую роль здесь играл и психологический фактор: своеобразный комплекс неполноценности эмигрантской молодежи, жажда активных действий уже сегодня и пр.²¹ Всё это характерно и для русских эмигрантов в Эстонии, в особенности для их молодой поросли.

Но было еще два немаловажных, сугубо местных фактора, способствовавших созданию русских фашистских объединений в Эстонии. Это, во-первых, широкое распространение фашистской идеологии среди прибалтийских немцев и создание – с некоторым опережением сравнительно с русскими – их национал-социалистической организации. Во-вторых, это массовое, охватившее значительную часть эстонского населения движение *вапсов*,²² членов Эстонского союза участников Освободительной войны.

²⁰ См.: *Окорочков А. В.* Цит. соч. С. 22-23, 227-231 (в книге перепечатана «Азбука фашизма»).

²¹ Психологическая атмосфера, которая была характерна для эмигрантской молодежи 1920-1930-х гг. и которая объективно направляла ее в сторону фашизма, прекрасно раскрыта в книге: *Варшавский В. С.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956 (репринт – М., 1992).

²² Общепринятое наименование «вапсы» образовано от официального названия союза на эстонском языке – *Vabadussõjalaste Liit*.

Прибалтийские немцы, наряду с русскими, составляли национальное меньшинство в ЭР, небольшое (чуть более 16 000, 1,5 % населения), но влиятельное. Среди прибалтийских немцев к началу 1930-х гг. также получают распространение национал-социалистические идеи. С 1932 г. формируется нелегальная организационная структура местного национал-социалистического движения и начинает выходить пропагандирующий идеологию нацистов еженедельник «Der Aufstieg» («Подъем»). В городах Эстонии создаются национал-социалистические группы, центром же движения становится Немецкий клуб в Таллинне. Вождем прогитлеровского объединения прибалтийских немцев в Эстонии стал Виктор фон цур Мюлен, бывший штаб-ротмистр Российской императорской армии, участник Гражданской войны на северо-западном фронте, лично встречавшийся с А. Гитлером.²³ Отметим, что вообще прибалтийские немцы сыграли немаловажную роль в истории национал-социализма: одним из основных его теоретиков был уроженец Ревеля (Таллинна) Альфред Розенберг.²⁴ В 1930-е гг. уже большинство прибалтийских немцев симпатизирует национал-социалистам и в 1939-1940 гг. переселяется в Германию. Все же надо отметить, что В. цур Мюлен пытался создать особый прибалтийский вариант национал-социализма, более либеральный, чем германский, гитлеровский.²⁵ В частности, он избегал откровенного воинствующего антисемитизма.²⁶

Среди прибалтийских немцев было немало бывших офицеров и генералов Российской армии, а также лиц, до революции работавших в России, порою занимавших ответственные посты в государственном аппарате империи. Их положение не очень отличалось от положения русских эмигрантов, и со многими из них они поддерживали постоянные связи. Известно и о непосредственных контактах русских фашистов с прибалтийско-немецкими национал-социалистами.

Русские фашисты видели союзника во влиятельном эстонском политическом движении вапсов. Эстонский союз участников Освободительной войны был создан в 1929 г. Это было крайне правое объединение

²³ См.: *Hehn, Jürgen von*. Zur Geschichte der deutschbaltischen nationalsozialistischen Bewegung in Estland // *Zeitschrift für Ostforschung*. Jg. 26. 1977. S. 597-650.

²⁴ *Kroll, Frank-Lothar*. Alfred Rosenberg. Der Ideologe als Politiker // *Deutschbalten, Weimarer Republik und Drittes Reich*. B. 1 / Hrsg. M. Garleff. Köln; Weimar; Wien, 2001. S. 147-166.

²⁵ См. об этом: *Redecker, Niels von*. Victor von zur Mühlen und die nationalsozialistische Bewegung im estländischen Deutschum. Eine biographische Annäherung // *Ibid.* S. 77-117.

²⁶ См. его выступление: *Rede des Vorsitzenden der Deutsch-Baltischen Partei Rittmeister V. von zur Mühlen-Eigstfer // Der Aufstieg*. 1933. 3. Dets. Nr. 49 (Beilage).

радикалов-националистов, требовавших изменения весьма демократичной эстонской конституции, уничтожения многопартийности, создания должности *главы государства*, своего рода вождя нации, наделенного большими полномочиями. Вапсы подвергали резкой критике существовавшие в ЭР порядки, все эстонские политические партии. Демагогические выступления вапсов имели успех.

Вопрос о том, в какой мере вапсов можно считать эстонским аналогом фашистов, до сих пор остается спорным. Советская историография прямо относила движение вапсов к фашистским. Современная эстонская историография всячески подчеркивает «самобытный» характер идеологии вапсов и, наоборот, отрицает связь ее с фашизмом и национал-социализмом, допуская лишь, что в идеях вапсов встречаются черты некоторых европейских «авторитарных течений» (пропаганда единства нации, культ вождя и пр.)²⁷. Мы со своей стороны можем лишь отметить, что и русские фашисты, и прибалтийско-немецкие национал-социалисты поддерживали вапсов, считали их движение родственным, идеологически близким. На вапсов они возлагали большие надежды в деле претворения в жизнь фашистских идеалов.

Первые русские фашистские объединения в Эстонии возникают в 1933-1934 гг., при этом сразу же намечается как бы две изолированных друг от друга линии их становления и развития. Одна, более ранняя, связана с Германией, с немецким национал-социализмом. Другая, сформировавшаяся чуть позже, – с Всероссийской фашистской партией К. В. Родзаевского с центром в Харбине. Они действовали независимо друг от друга, по-видимому, даже не пытались установить контакты, хотя о существовании друг друга их деятели, без сомнения, были осведомлены (это не было тайной в маленькой ЭР, хотя обе организации действовали нелегально или полунелегально). Такая ситуация отражала раздробленность русского фашизма в мире в те годы. Как известно, ориентированные на немецкий национал-социализм объединения русских фашистов не входили во ВФП.

Важную роль в создании первой русской фашистской организации в Эстонии сыграл Г. Г. Кромель, фигура весьма любопытная с красочной биографией.²⁸ Уроженец С.-Петербургской губернии, выпускник юридического факультета Петроградского университета, участник белого дви-

²⁷ См.: Eesti ajalugu. [Kd.] VI. Tartu, 2005. Lk. 86. Подробнее о вапсах см.: *Marandi, Rein. Must-valge lipu all. Vabadussõjaliste liikumine Eestis 1929-1937. I. Legaalne periood (1929-1934)*. Stockholm, 1991 (Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia. 6).

²⁸ О жизненном пути Г. Г. Кромеля см.: Бойков В. Цит. соч. С. 72-79.

жения, он начинал в 1920-е гг. как русский эмигрант в Эстонии, даже входил в состав местного отделения Монархического совета. Затем Кромель устанавливает тесные связи с прибалтийскими немцами и с германскими предпринимателями и представителями власти, выполняя ряд их поручений самого разного свойства – от хозяйственных до разведывательных. Кромель часто бывает в Германии, сближается с национал-социалистами, становится членом нацистской партии. Весной 1933 г., уже после прихода Гитлера к власти, Кромель в Берлине во внешнеполитическом бюро НСП встречается с помощником А. Розенберга Шикедансом и обсуждает с ним вопрос о развертывании национал-социалистического движения в Эстонии и Финляндии. Кромель назначается эмиссаром нацистской партии в этих странах. По совету Шикеданса он встречается с руководителем только что созданной фашистской организации в Германии – Российского освободительного национального движения (РОНД)²⁹ А. Светозаровым (настоящая фамилия – Пельхау или Пильхау), который поручает Кромелю руководство русским национал-социалистическим движением в Эстонии и Финляндии. По возвращению в Эстонию Кромель незамедлительно обращается к ему уже знакомым профашистски настроенным русским деятелям во главе с Э. К. Шульцем и А. В. Чернявским, налаживает контакты с вапсами (в том числе с одним из их руководителей А. Сирком) и с прибалтийско-немецкими нацистами, с группой В. цур Мюлена. Впрочем, связи с вапсами и с немецкими национал-социалистами были сравнительно слабыми. Основное внимание Кромель уделил созданию русской фашистской организации в Эстонии.³⁰

Надо заметить, что Г. Г. Кромель, как указывали современники, не был «ортодоксальным» национал-социалистом и, в частности, не принимал политики нацистов по отношению к евреям.³¹

При активном участии Г. Г. Кромеля в 1933 г. создается первая в Эстонии русская фашистская организация, считавшаяся как бы филиалом РОНД'а в ЭР. Она включала три группы сторонников фашизма, две из которых – Э. К. Шульца и А. В. Чернявского – по всей вероятности, существовали уже и ранее как организационно не оформленные кружкового типа объединения.

Группа Э. К. Шульца, эмигранта, бывшего капитана 1-ого ранга Российского военно-морского флота, лишь недавно ставшего адептом национал-социализма,³² придерживалась сравнительно левых взглядов,

²⁹ См. о нем: *Ожороков А. В.* Цит. соч. С. 335-343, 357-361.

³⁰ *Бойков В.* Цит. соч. С. 90-91, 95-97, 106-107.

³¹ Там же. С. 101 (показания Э. К. Шульца).

³² В выпущенной в 1932 г. брошюре Э. Шульца «Вперед! «,Индивидуалисты всех стран, объединяйтесь!»» (Ревель, 1932), по существу, еще нет ничего специфически фашистского. Биографические сведения о Э. К. Шульце: *Бойков В.* Цит. соч. С. 79-81.

ей был чужд антисемитизм. Она выступала за сближение идеологически близких Германии и Советского Союза. Это было движение так называемых «волевикиов», в программу которых, по словам Э. К. Шульца, «входило изменение политики и государственного устройства в СССР путем применения программы национал-социализма Германии в рамках интернационализма, благодаря чему с изменением государственного строя в СССР была бы полная возможность сблизить Россию с Германией и, как результат, в Европе образовался бы гегемон, который диктовал бы и оказывал решительное влияние на мировую политику».³³

Главной заслугой группы Э. К. Шульца была организация издания газет «Новый свет» и «Свет и крест», посредством которых осуществлялась пропаганда идей фашизма. Впрочем, этим занимался и руководитель второй группы русских фашистов Александр Чернявский или Чернявский-старший, поскольку в национал-социалистическом движении участвовал и его сын – Ростислав (Чернявский-младший).

Группа А. В. Чернявского, судя по всему, действовала совместно с группой Э. К. Шульца,³⁴ но они различались в плане идеологическом. «Группа А. В. Чернявского, организовавшаяся из бывших «северо-западников», была совершенно другого рода. По своим взглядам Чернявский явно враждебно относился ко всему, что только было так или иначе связано с СССР, глубоко ненавидел марксизм и не считал возможным никакой компромисс, никакое соглашение с «большевиками», не допускал никакого обсуждения подобных вопросов. Те лица, которые к нему примыкали, были совершенно односторонних с ним взглядов, т. е. яростно ненавидели СССР».³⁵

Надо учесть, однако, что после запрета властями в июне 1933 г. газеты «Новый свет», в которой большинство публикаций принадлежало А. В. Чернявскому, он был арестован и выслан на остров Кихну.³⁶ Вследствие этого Чернявский уже не мог принимать непосредственного участия в деятельности фашистского объединения, да и вообще о его группе мы знаем очень мало, нам даже не известен ее состав.

Наиболее многочисленной и активной была третья группа, созданная летом 1933 г. и возглавлявшаяся Р. А. Чернявским. Это была группа ра-

³³ *Бойков В.* Цит. соч. С. 92 (из показания Э. К. Шульца 1 августа 1940 г.). Аналогичные воззрения были характерны и для Г. Г. Кромеля, ратовавшего за «национализацию большевизма» (там же. С. 85).

³⁴ Не случайно Г. Г. Кромель в своих показаниях порою рассматривал их как одно целое – группу «старших» (см.: *Бойков В.* Цит. соч. С. 107).

³⁵ Там же. С. 98.

³⁶ ГАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 7790. Л. 21 и след.

дикальной русской молодежи, которая, в случае прихода к власти вапсов, должна была примкнуть к ним и обеспечить «защиту интересов русского населения, живущего в Эстонии».³⁷

Разносторонняя и продолжавшаяся ряд лет деятельность этой группы довольно хорошо документирована.

Группа была создана по инициативе Г. Г. Кромеля прежде всего усилиями Ростислава Чернявского, в свою очередь привлеченного к работе по созданию новой группировки А. А. Тенсона (в будущем видного деятеля Национально-трудового союза) и Б. В. Метуса (Меттуса).³⁸ Благодаря их активной деятельности состав группы быстро увеличился. К началу 1934 г. сформировалось руководящее ядро («центр») этого молодежного объединения, в которое входили Р. А. Чернявский (руководитель), А. А. Тенсон, Б. В. Метус, В. Ф. Булдаков, М. А. Матвеева, Ю. Леппер. Между ними были распределены обязанности. Р. А. Чернявский, возглавлявший «ядро», поддерживал связь с Г. Г. Кромелем, получал от него инструкции, разрабатывал планы деятельности объединения и передавал их членам группы. А. А. Тенсон «заведовал оружием, принадлежащим организации, руководил боевой подготовкой членов организации, т. е. изучением оружия и практическими стрельбами. Вместе с тем на Тенсона и создаваемую им <под>группу ложились обязанности по техническому руководству – постройкой радиопередаточной станции, воздушных шаров для переброски контрреволюционных листовок в СССР и другими работами».³⁹ Б. В. Метус был казначеем группы. М. А. Матвеева руководила пропагандой, устраивала доклады на собраниях организации, читала лекции, подбирала литературу. Ю. Леппер вела картотеку, в которую заносились лица, занимавшиеся политической и общественной деятельностью в ЭР, как сочувствующие фашистам, так и их противники. Из активистов объединения надо еще отметить Н. С. Озерова, И. В. Потоцкого, В. И. Майде.

В группе старались соблюдать конспирацию, хотя и не очень строгую. Весь личный состав организации был разделен на подгруппы численностью не более пяти человек. Члены одной подгруппы не должны были знать состав и род занятий другой подгруппы. Для большей конспирации были введены клички членов объединения; так кличкой А. А. Тенсона была «Мен».⁴⁰

³⁷ Бойков В. Цит. соч. С. 84.

³⁸ Приводимые здесь и далее сведения о деятельности группы основываются на материалах цит. выше публикации В. Бойкова, с. 83-112. В дальнейшем сноски с указанием страниц, как правило, даются лишь при цитатах.

³⁹ Бойков В. Цит. соч. С. 104.

⁴⁰ ФГАЭ. Ф. 130. Оп. 1. Ед. хр. 14148. Т. 2. Л. 106-107.

В начальный период существования группы ее члены занимались прежде всего распространением фашистской литературы, в особенности издаваемых объединением газет, устной пропагандой идей фашизма, оказанием помощи руководству в организации собраний и докладов для более широкой аудитории. Одной из важнейших задач при этом считалось привлечение новых членов в группу.

Далее на группу была возложена еще задача сбора сведений о положении в СССР на основе советских газет. Собранные данные объединялись в недельные или двухнедельные сводки, которые передавались Г. Г. Кромелю.

Позже членам группы была дана новая установка – «переключиться на непосредственное ознакомление с СССР путем посылки туда своих людей. Посылку своих людей в СССР мыслилось организовать двояко: нелегальные переправы и использование легальных возможностей».⁴¹ Если верить показаниям арестованных членов группы, то переброска агентов организации в СССР через границу нелегальным путем не была осуществлена, хотя Б. В. Метус и Н. С. Озеров специально ездили в Печорский край с целью выяснить возможности такой операции. Зато были организованы две легальные поездки А. А. Тенсона в Москву и Ленинград в качестве туриста. Целью первой поездки летом 1934 г. было собрать данные о политических настроениях населения СССР и об отношении его к советскому правительству и коммунистической партии. При второй поездке в СССР летом 1935 г., помимо прежнего задания, А. А. Тенсону вменялось в обязанность завербовать кого-либо из советских граждан для создания в последующем фашистской группы в СССР, но из этих планов ничего не вышло. А. А. Тенсон нашел в Москве лишь одного человека, проявившего некоторый интерес к идеям фашизма. Можно не сомневаться, что и он был сексот «компетентных органов». Это чувствовал и сам А. А. Тенсон. Не случайно он возвратился из СССР с «нервным расстройством»: ему всюду мерещились агенты ГПУ...⁴²

У группы Р. А. Чернявского с весны 1934 г. была своя конспиративная квартира в Таллинне на улице Леннуки. Там происходили собрания группы.

Группа Р. Чернявского-младшего (как, впрочем, и группа А. Чернявского-старшего) была настроена весьма радикально, целью своей деятельности считала «свержение советской власти в России и установление там фашистского строя».⁴³ «Террор против большевиков, как один из методов свержения советской власти, членами группы <...> признавался

⁴¹ Там же. Л. 87.

⁴² Там же. Л. 42.

⁴³ Там же. Л. 64.

и был включен в программу практической деятельности. Члены группы обсуждали несколько проектов по организации террористических актов над руководителями СССР, но все эти проекты были фантастическими и попыток для их выполнения группа не предпринимала».⁴⁴

Если группы Э. К. Шульца и А. В. Чернявского-старшего больше занимались «теорией», дискутировали о планах и идеологической основе фашистской организации, то деятельность группы Р. А. Чернявского-младшего, наоборот, носила прежде всего практический характер: русская молодежь в ЭР, как и в других странах Российского рассеяния, жаждала активной реальной работы, «дела».

Выше мы постарались показать особенности каждой из трех групп, составивших первую организацию русских национал-социалистов в Эстонии. Но в их деятельности, конечно, было и много общего, много такого, что характеризовало их как единую организацию: общие цели, общие первостепенные задачи, наконец, при всех идейных расхождениях, все же и общая идеология.

Главной задачей организации было создание на ее основе фашистской партии, что в свою очередь требовало широкой агитационной работы, пропаганды идей национал-социализма, ознакомление с ними широкой общественности ЭР, расширения состава организации за счет привлечения новых членов.

Начало работы по созданию русской национал-социалистической организации в Эстонии Г. Г. Кромель датировал весной 1933 г.⁴⁵ Прежде всего было решено издавать свою газету, которая знакомила бы более широкие круги читателей с национал-социализмом и обосновывала необходимость создания русской нацистской партии. 10 июня 1933 г. вышел первый и единственный номер газеты «Новый свет». Над заглавием ее красовалось изображение свастики. Редактором и издателем газеты считался Э. К. Шульц, но реально номер был подготовлен А. В. Чернявским.⁴⁶

В газете содержался призыв к участникам референдума об изменении Основного закона (т. е. конституции) ЭР голосовать против предложенного эстонскими политическими партиями проекта конституции, поскольку он не ликвидировал многопартийности и не передавал всю власть в руки вождя, «хозяина». Это была вместе с тем и поддержка проекта конституции вапсов, главными пунктами которого как раз и были запрещение всех партий и установление сильной власти «вождя».

⁴⁴ Там же. Л. 67.

⁴⁵ Бойков В. Цит. соч. С. 90.

⁴⁶ Там же. С. 93, 97, 101-102. См. также: ГАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 7790. Л. 8-9.

На первой странице газеты была опубликована также выдержанная в панегирическом тоне статья о руководителе русской национал-социалистической организации в Германии А. Светозарове и о деятельности ее боевых дружин.

На второй странице «Нового света» помещена программная статья «На суд!» (она не подписана, но известно, что автором ее был А. В. Чернявский).

В ней утверждалось: «Нам, русским в Эстонии, необходима своя крепко организованная меньшинственная фашистская партия <...> Фашизм нарастает в мире, как стихийная волна. Это новый свет, строящий радугу над бездной классово-партийной борьбы и партийного развала. Чем были Италия и Германия до Муссолини и Гитлера? И что они сейчас?»

Все национальности в Эстонии создали и создают свои фашистские организации, свое национал-революционное движение». У эстонцев это вапсы, у немцев – группа вокруг газеты «Aufstieg», и только у русских нет подобной организации. Русский национальный союз (основная русская политическая и общественная организация в Эстонии тех лет) разрывается внутренними противоречиями и занимается пустопорожней болтовней.

«Нам нужна новая, лучшая и совершенная организация. Нам нужна централизованная и дисциплинированная партия, правая политически, т. е. в вопросах защиты веры и национальных прав, и достаточно левая по отношению к социальному вопросу <...> <Нам нужно> молодое русское национал-революционное движение трудящихся, несущее мировое оздоровление, освобождение от марксистской заразы и капиталистической кабалы».

Заканчивалась статья призывом: «Да здравствует русская меньшинственная национал-социалистическая фашистская партия!».⁴⁷

Газета незамедлительно привлекла внимание Политической полиции ЭР и в тот же день, 10 июня, была закрыта по распоряжению министра юстиции и внутренних дел. Весь двухтысячный тираж газеты был конфискован; впрочем, отдельные номера, уже разосланные редакцией по городам Эстонии, могли и дойти до читателей. В постановлении министра причиной закрытия газеты объявлялось разжигание ею вражды между эстонцами и русскими, распространение ложных сведений о деятельности правительства ЭР и пропаганда идей, которые направлены против демократических порядков, безопасности и общественного строя республики.⁴⁸ Издатели и редакторы газеты были арестованы, правда, уже

⁴⁷ На суд! Почему мы голосуем против? // Новый свет. 1933. 10 июня. № 1. С. 2.

⁴⁸ ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 847.

на следующий день освобождены. Seriously пострадал лишь А. В. Чернявский, отправленный в ссылку на остров Кихну.⁴⁹

Неудача с изданием «Нового света» не остановила руководство национал-социалистической организации во главе с Г. Г. Кромелем. Сразу же вместо «Нового света» был налажен выпуск новой газеты под названием «Свет и крест».⁵⁰ Но во избежание возможных «инцидентов» решено было воздержаться от публикации в газете статей, критикующих действия правительства и общественный и государственный строй ЭР.⁵¹ Однако фашистский характер газеты был в полной мере сохранен.

Первый номер «Света и креста» вышел 8 июля 1933 г. Редактором-издателем газеты числился В. Е. Виноградов, убежденный фашист, шофер по профессии. В редколлегия нового органа национал-социалистов, помимо В. Е. Виноградова, входили Э. К. Шульц, Р. А. Чернявский и проживавший в Печорах бывший студент Тартуского университета С. Д. Твердянский.⁵² Издание этой газеты (как и «Нового света») финансировалось Г. Г. Кромелем, по-видимому, из средств, получаемых из Берлина. В издание газеты принимали участие представители всех трех групп, составлявших национал-социалистическую организацию (А. В. Чернявский присылал материалы с острова Кихну). Они же занимались распространением газеты.

Газета «Свет и крест» продолжила начатую «Новым светом» пропаганду идей фашизма. Сотрудникам редакции приходилось полемизировать с критиками фашизма в местной печати, в частности в рижской газете «Сегодня».⁵³ На страницах «Света и креста» продолжалось «обличение» основного соперника национал-социалистов в местной русской общине – влиятельного центристского Русского национального союза, стоявшего на либерально-демократических позициях.

Много места на страницах газеты занимали публикации в поддержку вапсов, их проекта конституции, одержавшего победу на новом референдуме 1933 г. Собственно, третий номер «Света и креста» это, по существу, агитационный листок, призывающий русских избирателей голосовать за их проект основного закона. Точно также большинство публикаций в четвертом номере «Света и креста» посвящено победе вапсовского проекта конституции на референдуме 14-16 октября 1933 г. Сотрудникам га-

⁴⁹ ГАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 7790. Л. 21.

⁵⁰ ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 1123.

⁵¹ Бойков В. Цит. соч. С. 93, 97.

⁵² Там же. С. 94, 102, 111-112.

⁵³ См.: Русские наци в Эстонии выпустили свои листовки // Сегодня. 1933. 23 июля. № 201.

зеты приходилось отвечать и довольно многочисленным в русском обществе критикам эстонских радикалов-националистов, в сущности весьма шовинистически настроенным по отношению к русскому меньшинству в ЭР.⁵⁴

Всего вышло четыре номера газеты «Свет и крест», последний номер – в ноябре 1933 г. В конце этого же года эстонские власти перешли к политике репрессий по отношению к национал-социалистам. 5 декабря 1933 г. парламент ЭР – Рийгикогу признал Национал-социалистическое движение «противогосударственным» и высказался за закрытие всех нацистских организаций и их органов печати.⁵⁵ Это решение было направлено, в первую очередь, против немецких национал-социалистов, но оно коснулось и русских фашистов. Издание газеты «Свет и крест» прекратилось.

Знакомство с идеологией фашизма осуществлялось не только через газеты, издававшиеся местной русской национал-социалистической организацией. Среди ее членов имели распространение издания разных фашистских групп в других странах. В частности, известно, что в Эстонии получали основной орган РОНД'а «Пробуждение России», орган американских сторонников нового учения – газету «Фашизм» и др.⁵⁶

В Эстонии выходили русскоязычные книги и брошюры, пропагандирующие национал-социализм, хотя их немного. Отметим брошюру В. Заутина «Гитлер и евреи (К событиям в Германии)» (Ревель, 1933). Если на страницах «Нового света» и «Света и креста» антисемитизм проявился весьма слабо, то зато в данной брошюре он занимает центральное место. В сущности, вся брошюра посвящена раскрытию опасности «мирового еврейства» и оправданию политики Гитлера в отношении евреев.

Для пропаганды фашизма и привлечения в свои ряды молодежи русская организация национал-социалистов устраивала также нелегальные собрания, доклады, лекции, открытые дискуссии в разных городах Эстонии. Особенно оживленные прения вызвал доклад С. Д. Твердянского «Основы национал-социализма», прочитанный 18 июля 1933 г. в Печорах в Русском народном доме,⁵⁷ а также доклад А. Ф. Штакельберга «О новых

⁵⁴ См., напр.: *Капитан Немо*. Освободительное движение и меньшинство // Свет и крест. 1933. 8 июля. № 1. С. 1; Что говорит ген. Ларка // Там же. 1933. Октябрь. № 3. С. 1.

⁵⁵ См.: Государственное Собрание признало нац.-соц. движение противогосударственным // Вести дня (далее ВД). 1933. 7 дек. № 287. С. 1.

⁵⁶ *Бойков В.* Цит. соч. С. 110.

⁵⁷ См.: *Ю. Н.* «Основы национального социализма» (К докладу С. Д. Твердянского) // Свет и крест. 1933. 5 авг. № 2. С. 2. См. также: Вынужденное разъяснение (Письмо в редакцию) // Таллинский русский голос (далее ТРГ). 1933. 12 авг. № 40. С. 6.

путях русского меньшинства в Эстонии» 7 ноября 1933 г. в помещении Русской частной гимназии в Таллинне.⁵⁸

С той же целью пропаганды фашистской идеологии и вербовки новых членов деятели национал-социалистического объединения стремились внедриться в состав уже существующих и успешно действовавших русских обществ – в таллиннское отделение РСХД, в студенческую корпорацию «Славия», в спортивное общество «Русь» и др. Особенное внимание они уделяли «Витязю», самому большому русскому спортивному и культурно-просветительному обществу в Таллинне. В 1934 г. Р. А. Чернявский, Б. В. Метус и А. А. Тенсон специально вступили в общество «Витязь», членом которого уже состоял Н. С. Озеров. Руководство «Витязя» в лице его председателя К. Г. Бадендика (известного правого деятеля, монархиста) скорее сочувствовало, чем препятствовало пропагандистской работе фашистов в этом обществе. Было организовано выступление в «Витязе» одного из лидеров вапсов Т. Рюка.⁵⁹

Всё это должно было привлечь в ряды национал-социалистов молодежь и способствовать созданию новых ячеек нацистской организации. Наиболее успешно пополняла свои ряды самое активное из русских национал-социалистических объединений в Эстонии – группа Р. А. Чернявского. Если верить признанию Кромеля, группа, помимо таллиннского «центра», создала «отделения в Юрьеве (т.е. Тарту – С. И., В. Б.), Нарве, Печорах».⁶⁰ К сожалению, о деятельности этих отделений мы ничего не знаем.

Сохранились сведения о существовании русского национал-социалистического кружка в Кивиыли, центре сланцедобывающей и сланцеперерабатывающей промышленности Эстонии, где проживало много эмигрантов. Кружок был частью русской нацистской организации в Германии во главе с П. Р. Бермондт-Аваловым, пришедшей на смену РОНД'у. Он установил контакты с местными немецкими национал-социалистами.⁶¹ Входил ли кружок в «систему» организации Г. Г. Кромеля или он был создан независимо от нее и непосредственно связан с объединением П. Р. Бермондта-Авалова, мы опять же не знаем.

Все же руководство русской национал-социалистической организации во главе с Г. Г. Кромелем не было удовлетворено ее работой, которая опиралась лишь на сравнительно небольшие нелегальные группы. Про-

⁵⁸ См.: А. Штакельберг неожиданно переродился // ВД. 1933. 9 нояб. № 263. С. 2; *Наблюдатель*. Публичное собрание // ТРГ. 1933. 11 нояб. № 53. С. 2.

⁵⁹ *Бойков В.* Цит. соч. С. 90, 99-100, 104, 111.

⁶⁰ Там же. С. 98.

⁶¹ *Vene rahvussotsialistlik rakuke Kiviõlis* // *Päevaleht*. 1933. 23. dets. Nr. 350. Lk. 5.

паганда на страницах газет также не дала должного эффекта. В связи с этим возникает план создания широкой «камуфляжной» легальной организации, с помощью которой можно было бы объединить всех сторонников национал-социализма и со временем воплотить в жизнь идею образования фашистской партии. Осенью 1933 г. инициативная группа в составе Г. Г. Кромеля, Э. К. Шульца и А. В. Чернявского вырабатывает устав *Русского меньшинственного народного союза*, посредством которого и предполагалось проводить всю работу.⁶² В уставе союза тщательно скрывался фашистский характер организуемого объединения. В нем утверждалось, что союз создается с целью защиты культурных, политических и экономических интересов русского национального меньшинства в ЭР.⁶³ Устав был официально зарегистрирован 30 ноября 1933 г.⁶⁴ После этого союз мог бы начать свою легальную деятельность, однако его учредительное собрание так и не было проведено. Изменившаяся обстановка, в особенности разгром движения вапсов в начале 1934 г., по-видимому, помешала началу деятельности союза. Впрочем, высказывалось мнение и о другой причине этого: немногочисленность сторонников нового объединения.⁶⁵

Немаловажное место в работе русской национал-социалистической организации в Эстонии занимали поиски союзников и «сочувствующих». Ее деятели искали союзников прежде всего у вапсов, но также среди местных немецких нацистов, хотя контакты с ними были не очень интенсивными. Зато связям с вапсами придавалось большое значение. Э. К. Шульц признавался, что был «связан по организационным вопросам с лидерами» вапсов – генералом А. Ларка, присяжным поверенным Т. Рыуком, с редактором их основного органа печати – газеты «*Võitlus*». Более того, Э. К. Шульц утверждал, что «мы (т. е. русские нацисты – С. И., В. Б.) являлись частью этого движения и параллельно с ними вели работу среди русского меньшинства».⁶⁶

Здесь, однако, надо учесть, что отношение ярых националистов – вапсов к русским фашистам было весьма сложным. С одной стороны, они не желали афишировать свои связи с русскими,⁶⁷ с другой же стороны, были очень даже заинтересованы в голосах русских на референдумах о конституции и на будущих парламентских выборах и поэтому подчеркивали, что русским нечего бояться прихода вапсов к власти.⁶⁸

⁶² Бойков В. Цит. соч. С. 94-95, 101-102.

⁶³ ГАЭ. Ф. 14. Оп. 11. Ед. хр. 162. Л. 2-4.

⁶⁴ Riigi Teataja Lisa. 1934. 19. jaan. Nr. 5. Lk. 111.

⁶⁵ Бойков В. Цит. соч. С. 91.

⁶⁶ Там же. С. 99.

⁶⁷ См. характерный пример: Kas venekeelne provokatsioon? // *Võitlus*. 1933. 13. juuni. Nr. 41. Lk. 3.

⁶⁸ Г-а. Отношение Союза участников Освободительной войны к меньшинствам. Беседа с руководителем Союза А. Сирком // ВД.

Из русских объединений к национал-социалистам наиболее близок был Национальный союз нового поколения (НС НП), эстонское отделение которого как раз было создано в первой половине 1930-х гг. Идеология НС НП в эти годы была очень близка к фашистской⁶⁹, в значительной мере совпадал и характер их деятельности. Почти все активисты группы Р. А. Чернявского во главе с ее руководителем были одновременно и членами таллиннской группы НС НП (Р. А. Чернявский, А. А. Тенсон, Б. В. Метус, В. Е. Виноградов и др.⁷⁰). В какой-то мере можно утверждать, что они действовали единым фронтом и провести разделительную черту между фашистами и «солидаристами» тут практически невозможно.

Были еще и «сочувствующие», составлявшие своеобразный резерв или группу поддержки фашистского объединения. Они рекрутировались из русских эмигрантов правого толка, часто бывших монархистов. Даже в Русском национальном союзе возникла «инициативная группа национального движения» во главе с А. Штакельбергом и И. Демкиным, недовольная линией, проводившейся либеральным руководством союза, и симпатизировавшая национал-социалистам. В конце 1933 г. эта группа попыталась захватить в свои руки руководство союзом, но на общем собрании 28 ноября 1933 г. потерпела поражение.⁷¹ В газетах эта попытка объяснялась активизацией, расширением деятельности местных фашистов, непосредственно связанных с германскими нацистскими организациями.⁷²

Пик деятельности русского национал-социалистического объединения в Эстонии падает на первый год его существования – с весны 1933 по весну 1934 года. В этот период фашистская организация действовала фактически полулегально, даже пыталась легализоваться. Однако всему этому был положен конец в марте 1934 г., когда главой правительства ЭР К. Пятсом в стране было введено военное положение, организация вапсов была запрещена, ее активисты арестованы. Впрочем, были закрыты все политические партии и установлен авторитарный режим К. Пятса. Начался так называемый *период безмолвия*. Теперь фашистские группировки могли действовать только нелегально, и это было опасно. К тому же, по видимому, стало заметно разочарование в национал-социалистических

1933. 25 окт. № 250. С. 1; Что говорит генерал Ларка // Свет и крест. 1933. Октябрь. № 3. С. 1.

⁶⁹ См. об этом: *Огороков А. В.* Цит. соч. С. 445 и след.

⁷⁰ См.: Русское национальное меньшинство в Эстонской республике (1918-1940). С. 88-89

⁷¹ Разногласия в Русском нац. союзе еще более обострились // ВД. 1933. 30 нояб. № 281. С. 2; *Крибский П.* Национальная работа // ТРГ. 1933. 2 дек. № 56. С. 2.

⁷² *Lõhed ka Vene vähemusrahvuses* // *Vaba Maa*. 1933. 30. nov. Nr. 281. Lk. 3; «*Vaba Maa*» о русских делах // ТРГ. 1933. 2 дек. № 56. С. 2.

идеях, воплощаемых в жизнь Гитлером в Германии. Всё это привело к постепенному угасанию русской национал-социалистической организации в Эстонии. С 1935/36 гг. нам мало что известно о ее деятельности.

Какова же была идеологическая платформа первой русской фашистской организации в Эстонии?

Ее мы можем в какой-то мере восстановить лишь по материалам публикаций в органах национал-социалистической печати, прежде всего в газете «Свет и крест». В идеологических установках объединения много общего с декларациями других русских фашистских организаций 1920-1930-х гг., но с большей ориентацией на германский национал-социализм, хотя отнюдь не со всеми его программными положениями местные деятели были согласны. Выше мы уже отметили, например, отсутствие ярко выраженного антисемитизма.

Как обычно, в этих установках много демагогии, не имеющей ничего общего с фашистской «практикой», например, в гитлеровской Германии. Такой откровенной демагогией является восхваление национал-социализма как учения, якобы, ставящего на первый план духовное начало в жизни, высокие идеалы, противостоящие материализму, бездуховности, свойственных марксизму.⁷³ На этом основании выстраивалось следующее противопоставление:

Основные установки фашизма

«Личность человека и творческая ценность его духовного «я» <...>
Религия, духовная культура, выдвижение лучших, выравнивание на них масс, авторитет и главенство, единоначалие, нация, государственность, твердая власть, специализация в управлении и труде, нравственность, ответственность, жертвенность, воодушевление, готовность к борьбе, мужество, подчинение частного целому, собственность».

Его противников

«Коллективизм, применение лучших уровню масс, отсутствие авторитета, атеизм, социализм, интернационализм, парламентаризм, демократизм, коммунизм, многовластие, министерская чехарда, профанация и импровизация в управлении, безответственность, демагогическая болтовня, трусость, массовая безнравственность, эгоизм».⁷⁴

Всячески подчеркивалось, что «национал-социализм не есть только узкий «гитлеризм», т. е. германизм или итализм и так далее, нет. Это мировая концепция, это миросозерцание общечеловеческое, свойственное восприятиям всечеловека, а не какой-либо отдельной народности. Он разрешает сообразно характеру каждой великой национальной культуры проблемы общечеловеческие, трактуя как вопросы духа, религии, этики,

⁷³ Эссен Н. История учит // Свет и крест. 1933. Ноябрь. № 4. С. 4.

⁷⁴ Зритель. Борьба за новый путь // Там же. С. 2

так и социальные. Он обрушивается как на изживший себя мировой марксизм, так и капитализм в его грубых эксплуатационно-спекулятивных проявлениях. Национал-социализм – это пореволюционное учение освобожденного из плена материального марксизма духа человеческого, обнимающего все области духовного, гражданского и социально-философского мировоззрения и расширяющего роль государства как планового регулятора». ⁷⁵

Итак, декларируется «отказ от марксистских утопий, узкости партийных пут и несправедливости капиталистических противоречий». ⁷⁶ Резкой критике подвергается многопартийность современной демократии и вообще либеральные идеи, в том числе и их сторонники в русской эмиграции. Всему этому противопоставляются принцип национализма, доминирующей роли «национальной идеи», которая должна объединять народ, а также авторитаризм: идея сильной власти во главе с Вождем, установление строгой дисциплины и порядка в стране. Для претворения в жизнь этой программы необходимы активные действия, «творческая жертвенная работа». ⁷⁷ Всячески подчеркивается «волевое начало» как основа дисциплины и порядка, противостоящее исконному русскому анархизму и внутренним распрям в странах западной демократии. ⁷⁸

Надо заметить, что, подчеркивая доминирующую роль национальной идеи, русские нацисты, как итальянские и германские, в то же время не обходили и острых социальных проблем; это было важно для привлечения на свою сторону широких масс. Национал-социалисты выступали против капитализма в его принятых на Западе формах, за подчинение капитала интересам государства. В круг мировоззренческих идеалов фашизма входило и понятие социализма, хотя «национализм – самоцель, социализм – средство», «тыл, внутреннее содержание, организация». ⁷⁹

Выше мы уже отмечали, что идеологическая платформа русских национал-социалистов подвергалась критике в местных кругах, причем особенно часто объектом критики были известные установки А. Гитлера в «Mein Kampf», причислявшие славян к низшей расе и обосновывавшие необходимость немецких завоеваний на Востоке, в России. ⁸⁰ Русским идеологам национал-социализма приходилось отвечать критикам.

⁷⁵ Виноградов В. От обороны к идейному наступлению // Свет и крест. 1933. 8 июля. № 1. С. 1.

⁷⁶ 7 июля 1933 г. г. Ревель [Вместо передовой] // Там же.

⁷⁷ Славский Р. [Чернявский Р. А.] Нам выходить // Там же.

⁷⁸ Немо. Что такое русское волевое движение? // Свет и крест. 1933. 5 авг. № 2. С. 1.

⁷⁹ Виноградов В. Цит. соч.

⁸⁰ См.: Качалов И. Гитлер и Россия // ТРГ. 1933. 17 июня. № 32. С. 1.

Автор статьи «Бисмарк большой и Бисмарк маленький», подписавшийся криптонимом «Ч.»,⁸¹ утверждал: «Новая фашистская Германия приемлется нами (русскими фашистами – С. И., В. Б.) лишь как возможный союзник в борьбе против мирового марксистского зла. Как равноправный соратник и попутчик, но не как палач и расчленитель пробуждающейся России». К тому же подчеркиваемые критиками места в «Mein Kampf» – это старые установки Гитлера, сейчас ему надо их пересмотреть; более того, автор выражал надежду, что в свете новой обстановки фюреру придется или сжечь эту книгу или отречься от нее. Это, конечно, была чистая демагогия, в которую вряд ли верил сам автор статьи. «Национальная революция в Германии естественно стремится подпереться и закрепиться на путях ускорения и поддержки такой же национальной революции в России <...>. Россию ни разделить, ни длительно покорить силою внешнего принуждения нельзя».⁸²

В другой статье, во втором номере «Света и креста» указывалось, что же именно русским фашистам надо воспринять у германских нацистов: «Совершенно далекие от мысли «помогать» Гитлеру в его якобы «завоевательных» тенденциях, мы сознательно воспринимаем от него только те жизненные его программы, которые помогут нам внести свежую струю в расшатанную русскую жизнь, как в целом, так и в сфере национального меньшинства в Эстонии. От современного правителя Германии <...> нам являются полезными **сильная волевая идеология, организационная сплоченность**, стремление к здоровому **национальному труду и индивидуальный ум** отдельных личностей. Подобные волевые инстинкты воплощаются в жизнь не только Гитлером в Германии, но и Муссолини в Италии».⁸³

Ч<ернявский> вновь вернулся к большим вопросам, связанным с «Mein Kampf», в том же, втором, номере газеты «Свет и крест», где он повторил старый тезис, что эти установки Гитлера сделаны частным лицом, партийным деятелем, а не канцлером Германии, каким он ныне является. «Гитлер и германские фашисты могут быть только попутчиками, а не хозяевами и не повелителями освобождающейся России». Далее автор статьи доказывал, что «фашизм, применительно к русским условиям, должен иметь свой особый аспект». В нем должно быть место для православия. «На русской почве нелепа идея арийской чистоты расы, ибо вся

⁸¹ Под этим криптонимом скрывался Чернявский, однако не совсем ясно – Александр ли Чернявский или же его сын Ростислав.

⁸² Свет и крест. 1933. 8 июля. № 1. С. 2.

⁸³ Старый работник. Новые идеи и Национальный союз // Свет и крест. 1933. 5 авг. № 2. С. 2.

Россия и мировое задание ее – в смешении рас и культур, в универсальности, вселенности». ⁸⁴

Появление в 1933 г. на арене общественно-политической жизни ЭР русских фашистов вызвала немало критических откликов в местной русской прессе. ⁸⁵ В уже упоминавшейся статье в популярной в Прибалтике рижской газете «Сегодня» указывалось на то, что вдохновителями русского национал-социалистического движения в Эстонии «являются лица, уже неоднократно менявшие свои вехи. Они были сначала яркими монархистами, затем стали евразийцами, одно время усиленно проповедовали фашизм, теперь пытаются хлесткими словами обосновать необходимость образования русской национал-социалистической партии. В настоящее время незначительная группа русских национал-социалистов, которая пытается основать здесь партию, никакого успеха не имеет. Дело их обречено в Эстонии на полный провал». ⁸⁶

Это утверждение или предсказание все же оказалось не совсем верным, хотя в конечном итоге, как мы увидим далее, оно оправдалось.

Не совсем же верным его надо признать потому, что в 1934 г. уже не в Таллинне, а в Тарту было создано новое фашистское объединение – теперь в виде отделения Всероссийской фашистской партии во главе с К. В. Родзаевским и с центром в Харбине. Сформировавшаяся весной 1934 г. ВФП незамедлительно приступило к созданию мировой сети своих «первичных организаций» – секторов, отделов, очагов, ячеек. Они были основаны в середине 1930-х гг. на Дальнем Востоке, в ряде стран Америки, в Австралии, почти во всех государствах Европы и даже в нескольких африканских странах. ⁸⁷

История создания эстонского очага ВФП такова.

Есть основание предполагать, что руководство ВФП прежде всего обратилось к проживавшему в эти годы в Оксфорде русскому эмигранту Сергею Большакову, сотрудничавшему в изданиях харбинских фашистов и разделявшему их взгляды, с просьбой помочь созданию ячейки ВФП в Эстонии. Дело в том, что С. Н. Большаков приехал в Англию из Эстонии, где в Тарту остались его родственники – брат Константин и сестра Екатерина. К. Н. Большаков, очень болезненный человек, откровенно бедствовавший, к этому времени уже проявлял живой интерес к фашистской идеологии. Познакомившись с программой партии, К. Н. Большаков писал

⁸⁴ Ч. Общий фронт сов. «Правды» и Таллинск. либерал-непротивленск. «Голоса» // Там же.

⁸⁵ Кроме названных выше публикаций см.: Ч. Новый проповедник национал-социализма в Эстонии // ТРГ. 1933. 17 июня. № 32. С. 4.

⁸⁶ Сегодня. 1933. 23 июля. № 201.

⁸⁷ См. Окороков А. В. Цит. соч. С. 159-168.

брату: «Не могу сказать, что программу ВФП я принимаю безоговорочно, – есть и у них промахи, – но у них есть реальная почва под ногами».⁸⁸ При этом молодой адепт фашизма был очень радикально настроен, его не пугало даже то, что воплощение в жизнь фашистских идей привело бы к отторжению от России многих ее территорий. «Пусть лучше будет Японская Сибирь, Немецкая Украина, Финский Питер и т. д. (ведь это всё «жупелы») – лишь бы жили русские – русскими, а не подданными безликого жидовского “Отечества”»,⁸⁹ – писал К. Н. Большаков. Именно ему и было поручено в том же 1934 г. формирование группы ВФП в Эстонии.

К. Н. Большаков стал сначала кандидатом, а потом членом ВФП (в ней была сложная и требующая времени процедура принятия в члены партии). Он получал из Харбина фашистскую литературу, листовки, инструкции, опросные листы и другую документацию, стал под псевдонимом *Константин Горский* сотрудничать в основном органе ВФП – газете «Наш путь».⁹⁰ Довольно быстро Большаков создает фашистский очаг ВФП в Тарту, в который вошли Г. М. Соколов, Д. С. Шубин, В. В. Эшшольц (Эсхольтс), братья Эраст и Виктор Сиротины, Г. Пиляцкий (Пилецкий), А. В. Алмазов, А. И. Ланге (в свою очередь входивший и в организацию вапсов) и др. Вероятно, с помощью печерян Д. С. Шубина и А. В. Алмазова предполагалось создание ячейки партии и в Печорах (возможно, она и была создана).⁹¹

Организация, в силу введенного властями в стране чрезвычайного положения и запрета всех политических партий и объединений, могла действовать только нелегально.

«В задачу каждого отдела по указанию из центра РФП входило в первую очередь вовлечение в русскую фашистскую партию людей из бывших военнослужащих белой эмиграции, а также русской молодежи и воспитание их в националистическом духе преданности отечеству, России и в духе ненависти к советской власти и коммунистической партии. Подготовка кадров из наиболее надежных людей и преданных союзу РФП для переброски на территорию СССР со специальными заданиями центра РФП, как-то для шпионажа, террора, диверсии и организации повстанческих отрядов на территории СССР, которые должны были выступить по сигналу из центра РФП в гор. Харбине. Это же входило и в задачу вновь организуемого Большаковым отдела в Эстонии»,⁹² – признавался на следствии Д. С. Шубин. Вместе с тем он добавлял, что к переброске

⁸⁸ См. *Белобровцева И.* Цит. соч. С. 168.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 168-170.

⁹¹ ФГАЭ. Ф. 129. Оп. 1. Ед. хр. 28965. Л. 105.

⁹² ФГАЭ. Ф. 129. Оп. 1. Ед. хр. 28965. Л. 46-47.

агентов партии в СССР эстонский отдел ВФП не приступал, хотя он – по причине удаленности от Харбина – пользовался значительной самостоятельностью и возможностью проявлять инициативу. Деятельность отдела, в основном, ограничивалась пропагандой фашистской идеологии, распространением с этой целью изданий ВФП (прежде всего газеты «Наш путь», а также «Азбуки фашизма» и др.) и привлечением в организацию новых членов.

Все же сохранились сведения о том, что эстонским отделом ВФП переправлялась в СССР агитационная литература, листовки партии.⁹³

Вообще же К. Н. Большаков в письме начальнику связи ВФП от 4 мая 1935 г. (это письмо было перехвачено эстонской Политической полицией при обыске – об этом ниже) жаловался на трудности связей с СССР: «Работать сейчас здесь очень тяжело, приходится быть **очень** осторожным, трудно подыскать работников через третьих лиц, что необходимо в целях возможной конспирации, особенно же трудно сообщение наше «с другой стороны» (т. е. с СССР – *С. И., В. Б.*). Оно налажено в двух направлениях (видимо, имелось в виду печорское и принаровское – *С. И., В. Б.*) пока – но, увы, сколько именно здесь было у нас уже ошибок и разочарований».⁹⁴

Как это вообще характерно для русских эмигрантских организаций, в отделе со временем начались внутренние склоки и раздоры. Часть членов была недовольна деятельностью руководителя группы К. Н. Большакова, пыталась добиться смены руководства и через варшавского представителя ВФП даже обратилась с соответствующим заявлением в центр, но безрезультатно: центр доверял К. Н. Большакову.⁹⁵

В 1935 г. пропагандистская деятельность объединения, получаемые из Харбина пакеты с литературой привлекли внимание Политической полиции ЭР. 16 мая 1935 г. руководитель организации К. Н. Большаков и ее активисты Г. М. Соколов и Д. С. Шубин были арестованы. У них были произведены обыски, при которых найдены многочисленные издания ВФП и других профашистских объединений. Арестованные отрицали свою принадлежность к ВФП и сам факт существования в Тарту и в Печорах фашистской организации. Обилие изданий ВФП они объясняли лишь своим интересом к идеологии фашизма. Все же полицией было предъявлено обвинение К. Н. Большакову в распространении вредной для ЭР русскоязычной фашистской литературы и в пропаганде идей

⁹³ Там же. Л. 108, 195. См. также: ГАЭ. Ф. 852. Оп. 1. Ед. хр. 343. Л. 25 об.

⁹⁴ Там же. Л. 108, 195. См. также: ГАЭ. Ф. 852. Оп. 1. Ед. хр. 343. Л. 25 об.

⁹⁵ ФГАЭ. Ф. 129. Оп. 1. Ед. хр. 28965. Л. 102-104.

Всероссийской фашистской партии. Правда, наказание за это было назначено на редкость легкое (особенно если сравнивать с теми, что налагались на обвиняемых за подобные же «преступления» в эти годы в Советском Союзе!): штраф в 200 эстонских крон или, в случае невыплаты, арест на 30 дней. К. Н. Большаков отсидел в тюрьме половину срока, а за вторую половину заплатил штраф, собранный по крупицам сестрой Екатериной...⁹⁶

Аресты 1935 г. заставили руководство эстонским очагом ВФП быть максимально осторожным и ограничить свою деятельность, но все же она, судя по всему, не прекратилась. По крайней мере, в имеющихся в нашем распоряжении источниках можно найти сведения о деятельности тартуских русских фашистов в 1937 г. По-видимому, направление и характер ее оставались теми же, что и в рассмотренный нами период.

Отметим еще, что эстонский очаг ВФП был первым в странах Балтии: латвийский был организован в 1935 г. да и в центр не поступило почти никаких сведений о его деятельности; литовский отдел под названием «Русское национальное общество» был создан в 1936 и просуществовал до августа 1940 года.⁹⁷

Идеологические установки очага ВФП в Эстонии мы особо рассматривать не будем. Они в целом совпадали с программой ВФП. Эта же программа достаточно хорошо известна.

Точных сведений о том, когда окончательно прекратилась деятельность русских фашистских организаций в Эстонии, нет. Можно предполагать, что к 1939 г., когда наметилось сближение Германии с Советским Союзом и гитлеровские власти запретили или приостановили деятельность антисоветских эмигрантских организаций,⁹⁸ она уже практически угасла. К этому времени очень затруднены были и связи с Харбином, с центром ВФП.

Судьба членов фашистских объединений в ЭР сложилась по-разному. Они понимали, что очень скоро страны Балтии будут аннексированы Советским Союзом, и не строили особых иллюзий относительно того, что их в этом случае ожидает. В 1939 г. германские власти обратились с призывом к зарубежным немцам возвратиться на родину. Подавляющее большинство прибалтийских немцев в Эстонии последовало этому призыву. К ним присоединилась и часть русских эмигрантов, опасавшаяся за свою судьбу в случае аннексии Балтии Советским Союзом. В 1939-1940 гг. в

⁹⁶ ГАЭ. Ф. 852. Оп. 1. Ед. хр. 343. Л. 1-15. См. также информацию в печати: Karistusi politseivalitsuse direktoriilt // Päevaleht. 1935. 29. mai. Nr. 147. Lk. 4; Административные взыскания в Тарту // ВД. 1935. 30 мая. № 127. С. 2

⁹⁷ Окороков А. В. Цит. соч. С. 164.

⁹⁸ Там же. С. 85.

Германию (точнее, в присоединенную к Райху часть западной Польши) уехал ряд местных фашистских деятелей: А. В. Чернявский, А. А. Тенсон (впрочем, его путь за границу был осложнен), К. Н. Большаков, Г. М. Соколов, В. В. Эшшольц и др.

Те, кто остались, были сразу же после установления советской власти в Эстонии летом 1940 г. арестованы органами НКВД, большей частью приговорены к высшей мере наказания и расстреляны, некоторые погибли в лагерях. Среди них – Э. К. Шульц, Р. А. Чернявский, Б. В. Метус, Н. С. Озеров, И. В. Потоцкий, В. И. Майде, В. Ф. Булдаков, Д. С. Шубин, Э. М. Сиротин, А. В. Алмазов и др.

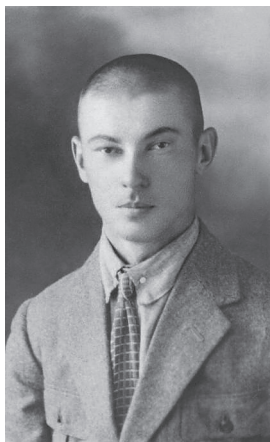
Наиболее причудливой оказалась судьба Г. Г. Кромеля. К моменту установления советской власти летом 1940 г. он, по неизвестной нам причине оставшийся в Эстонии, незамедлительно был арестован органами НКВД, на следствии подробно рассказал о деятельности национал-социалистической организации в ЭР, ничего особенно не скрывая. Однако по требованию немецких властей как гражданин Райха Г. Г. Кромель был выслан в марте 1941 г. в Германию. Органы НКВД решили перед высылкой завербовать его в советскую разведку. Формально вербовка состоялась, но связь с ним, возможно, из-за начавшейся вскоре войны, установлена не была.⁹⁹

В заключение надо все же заметить, что русских фашистских объединений в Эстонии было немного, их личный состав – в отличие от местных немецких организаций – невелик. Большинство русских эмигрантов в ЭР негативно относилось к фашизму и не поддавалось национал-социалистической пропаганде. Особого влияния на общественно-политическую жизнь здешней русской общины фашисты не оказали. При всем том русские фашисты в Эстонии – любопытный феномен, заслуживающий изучения.

⁹⁹ Бойков В. Цит. соч. С. 79.

Биографика

Портреты русских деятелей в Эстонии

Студент Тартуского университета
Иван Викторович Базилевский
(1898, Петербургская губ., Ямбургский у. – 1989, Сольна,
Швеция). 1928.
ИАЭ. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 876

Елизавета Альфредовна Базилевская, урожд.
Роос (1902-1951), в студенческие годы. 1924.
ИАЭ. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 975

Базилевские: отец и сын

Драматические события 1917-1920 гг. в России, Октябрьская революция (историки, впрочем, ныне предпочитают говорить об октябрьском перевороте) и Гражданская война привели к значительным изменениям в составе русской общины в Эстонии. Она возросла численно, но, главное, в ней появилась большая, сильная, высокообразованная прослойка интеллигенции. Среди 16 – 18 тысяч русских эмигрантов, осевших в независимой Эстонской Республике, было много бежавших из Петрограда и его окрестностей представителей столичной культурной элиты – писателей, актеров, художников, музыкантов, ученых, инженеров, педагогов и пр. Интеллектуальный и образовательный уровень российского офицерства (оно составляло значительную часть здешней эмиграции) также был в целом весьма высок.

Среди тогдашних русских в молодой Эстонской Республике мы встречаем много удивительно ярких индивидуальностей, своеобразных человеческих типов, часто с экзотической биографией. Очень интересно было бы создать документальную книгу биографических очерков – как бы своеобразную галерею портретов «героев того времени».

О двух ярких личностях из рода Базилевских нам и хотелось бы рассказать.

Основным источником нашего рассказа послужили материалы архива одного из них – Ивана Викторовича Базилевского. Архив до недавнего времени хранился в Швеции и был практически недоступен исследователям. В настоящее время он находится в Тарту. Это заслуга хранителя архива, ныне уже покойного доцента-эмеритуса Тартуского университета Льва Михайловича Васильева (племянника Ивана Викторовича), ценные разыскания которого о роде Базилевских также использованы в нашей публикации.

Дворянский род Базилевских не относился к числу древних. Он ведет свое начало от Федора Ивановича Базилевского, протоиерея и позже благочинного в Стерлитамаке Оренбургской губернии, где было смешанное русско-татарско-башкирско-казахское население. Ф.И. Базилевский полу-

чил дворянство в 1835 г.¹ Он, по-видимому, был женат на татарке, дочери Шишака из рода здешней татарской знати, который вел свое начало от Золотой орды. Кстати, в облике Ивана Викторовича Базилевского, правнука Федора Ивановича, сохранились наследственные монголоидные черты: раскосые глаза, смуглый цвет кожи, щетинистые черные волосы.

Сын Федора Ивановича Иван Федорович Базилевский не пошел по стопам отца. Он стал золотопромышленником, составил себе значительное состояние, не бросая при этом казенной службы и завершив свою карьеру в чине действительного статского советника. И. Ф. Базилевский, кроме золотых приисков на Урале и в Сибири, был владельцем больших земельных угодий в разных губерниях. Некоторые из современников утверждали, что ему принадлежало примерно полмиллиона десятин земли. Всё это богатство И.Ф. Базилевский передал в наследство сыну – Виктору Ивановичу – представителю нового поколения российских предпринимателей.

Виктор Иванович Базилевский (15.VI 1840 – 9.III 1929) родился в Уфимской губернии, образование же получил в 1-ой Петербургской гимназии и в Петербургском университете.² Вслед за тем он отправился в Германию и Швейцарию для усовершенствования в геологии и в горном деле, много путешествовал по Европе. Возвратившись на родину, В. И. Базилевский стал помощником отца, заведовал золотыми приисками на Урале и в Сибири. Молодые, да и зрелые годы Виктора Ивановича прошли в разъездах по его многочисленным «латифундиям», в кипучей разносторонней деятельности. В отличие от отца он никогда не был на государственной службе, всегда оставался частным лицом.

После смерти отца Виктор Иванович стал одним из самых богатых людей Российской империи. Кроме уже упомянутых выше золотых приисков, В. И. Базилевский имел угольные шахты на Сахалине, пароходы, поместья в Смоленской и Уфимской губерниях.³ В 1880-х гг. В. И. Базилевский в Ямбургском уезде Петербургской губернии купил имение Великино, которое он более всего любил. Отсюда он отправлялся в деловые поездки по своим предприятиям, разбросанным по всей стране, здесь проживала его большая семья. Хозяин был знаменит своим «чадолубием»: от двух браков у него было четырнадцать детей – восемь сыновей и шесть дочерей! Всем им он постарался дать хорошее образование.

¹ Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. I. СПб., 1886. С. 98.

² Большая часть приводимых далее сведений о жизни В. И. Базилевского позаимствована нами из биографической статьи: Якубов В.М. Умер В. И. Базилевский // Сегодня. 1929. 28 марта. № 87. С. 8.

³ † Виктор Иванович Базилевский [Некролог] // Старый нарвский листок. 1929. 19 марта. № 32.

«Образованный, талантливый, аристократ по рождению и родственным связям, сказочно богатый, ласкаемый вниманием высочайших особ», как характеризует его биограф, В. И. Базилевский очень отличался от привычного нам типа капиталиста-эксплуататора, для которого главное – деньги, обогащение. «Широкая, не знавшая границ благотворительность, мягкость и добродушие создали ему популярность, – продолжает биограф: – его любили во дворцах и барских хоромах, и он был желанным и дорогим гостем в бедной крестьянской избе».⁴

Современники отмечали, что В. И. Базилевский в Сибири постоянно оказывал поддержку ссыльно-поселенцам, особенно полякам, защищал их перед властями. К проживавшим в его владениях крестьянам он относился очень доброжелательно, строил для них школы, открывал разного рода просветительные учреждения, много помогал крестьянам, возводил дома погорельцам и проч.⁵

Интересен круг знакомых и друзей В. И. Базилевского. Он был другом выдающегося юриста и мемуариста, почетного члена Петербургской Академии Наук А. Ф. Кони, неоднократно гостил у него в имении. Тесная дружба связывала его и со знаменитым пианистом и композитором А. Г. Рубинштейном. Он увлекался игрой талантливейшего виолончелиста с мировой известностью А. В. Вержбиловича, который бывал частым его гостем. Виктор Иванович был душевно близок с великим русским художником И. Е. Репиным, с которым он переписывался до последних дней своей жизни. В. И. Базилевский был горячим почитателем таланта знаменитых русских актрис той поры М. Г. Савиной, В. Ф. Комиссаржевской и др., часто бывал на их спектаклях, принимал их у себя дома и вообще поддерживал с ними самые теплые отношения. Он был лично знаком с российскими императорами Александром II, которого очень уважал, и Александром III; неоднократно встречался также с крупнейшими государственными деятелями Российской империи, в частности с С. Ю. Витте. В круг хороших знакомых В. И. Базилевского входил и петербургский митрополит Исидор, человек редкого ума, один из виднейших деятелей православия XIX в.

В результате октябрьских событий 1917 года В. И. Базилевский лишился всего своего состояния. Некоторое время он жил с семьей в Великино, но в 1919 г., когда началось отступление белой Северо-западной армии из-под Петрограда, вынужден был вместе с сыном Александром эмигрировать в Эстонию. Он обосновался в Нарва-Йыэсуу у своего старого знакомого Василия Петровича Волкова. Жил Виктор Иванович

⁴ Якубов В.М. Цит. соч.

⁵ † Виктор Иванович Базилевский [Некролог].

здесь на более чем скромные средства, высылаемые ему родственниками и знакомыми дореволюционных лет. Тем не менее, он никогда не сетовал на свою судьбу, всегда был весел, бодр и общителен. Вплоть до дня своей кончины, почти девяностолетним старцем, он внимательно следил за политикой и литературой, выписывал русские и иностранные книги, журналы и газеты. В. И. Базилевский вел обширную переписку с родными и знакомыми, среди которых были сестра Николая II великая княгиня Ольга Александровна, принц К. П. Ольденбургский, И. Е. Репин и др.⁶

Особо следует отметить, что Виктор Иванович в 1920-е гг. в Нарва-Йыэсуу работал над своими воспоминаниями, а ему было, что вспомнить! «Он был живым свидетелем четырех ведшихся Россией войн, видел и знал четырех русских императоров, на его глазах совершались крупнейшие либеральные реформы царствования Александра II – отмена крепостного права, введение гласного суда, земских учреждений. Он видел кровавый закат жизни Александра II, перед ним прошли царствования императора Александра III и Николая II, неудачная русско-японская война, 1905-й год и революция 1917-18 гг.»⁷

К сожалению, рукопись мемуарных записок В. И. Базилевского вскоре после его смерти пропала. Друзья мемуариста позже отмечали, что Виктор Иванович в их кругу, при встречах любил обращаться к далекому прошлому, вспоминать о виденном и давно пережитом. Особенно часто он «говорил о своей случайной прикосновенности к тайне загадочного старца Федора Кузьмича, в тождестве которого с императором Александром I он не сомневался».⁸

На этой истории, вероятно, надо остановиться чуть подробнее.

Сразу же после смерти Александра I в народе получили широкое распространение слухи о том, что император не умер, он тайно покинул двор, вместо него был похоронен совсем другой человек. Затем эти слухи затихли, но вспыхнули с новой силой в конце 1840-х – в 1850-е гг. Теперь они были связаны с именем таинственного старца Федора Кузьмича, посланного в Сибирь как бродяга и поселившегося в глуши близ Томска.⁹ Молва о нем как мудром старце, ведущем святой образ жизни и всегда

⁶ Якубов В.М. Цит. соч.; † Виктор Иванович Базилевский [Некролог].

⁷ Якубов В.М. Цит. соч.

⁸ Там же.

⁹ Истории старца и проблеме «Федор Кузьмич и Александр I» посвящена обширная литература. Назовем из нее лишь книги, вышедшие сравнительно недавно, обратившись к которым, читатель сможет ближе познакомиться с этой историей: Кудряшов К.В. Александр I и тайна Федора Кузьмича. М., 1990 (репринт изд.: Пг.: Время, 1923); Два монарха и таинственный старец

готовом дать совет людям, распространилась сначала в округе, а потом и по всей стране. Кто он такой, никто не знал, но знакомые с ним люди утверждали, что он похож на Александра I.

Старец был высокого роста с красивой благородной внешностью, широкоплечий, с голубыми глазами, с мягкими вьющимися волосами, с длинной бородой, с правильными чертами лица. Одевался он подчеркнуто просто, гардероб его был незатейлив, но, как вспоминали современники, «носовые платки имел он очень тонкие, чулки менял ежедневно, чистоту соблюдал чрезвычайную, как в своей одежде, так и в своей келье. Обстановка всех его келий была одна и та же: стол, лежанка, два-три стула (самого примитивного образца) и по стенам несколько картин или гравюр религиозного содержания».¹⁰

Крайне неприхотлив был Федор Кузьмич и в еде. Он учил крестьянских детей грамоте, знакомил их со Священным писанием, с географией и историей. Взрослых старец увлекал беседами на разные темы, занимательными рассказами о событиях прошлого, в особенности об Отечественной войне 1812 года и о царствовании Александра I, вдаваясь часто в такие мелкие подробности, о которых мог знать только свидетель этих событий. Обладая незаурядным даром слова, старец был и отличным психологом, умел обращаться с большими, что позволяло ему исцелять душевные недуги. Он был, выражаясь современным языком, очень «демократичен»: чины и звания для него ничего не значили, он оценивал человека по его личным качествам. В своих беседах старец подчеркивал «значение земледельческого класса в государственном строе» и «низводил великих государственных деятелей до степени обыкновенного человека».¹¹ «Частная жизнь Федора Кузьмича отличалась особой строгостью, правильностью и воздержностью <...> У себя в келье Федор Кузьмич принимал всех приходящих к нему за советами и редко отказывал кому-нибудь в приеме. Денег он ни с кого не брал и не имел их у себя <...>. С некоторыми, в особенности с бродягами и странниками, беседовал иногда подолгу, а иных оставлял ночевать у себя».¹²

Нет ничего удивительного, что старец пользовался исключительно большим уважением у местных крестьян, да и не только у них. Народ-

Федор Козьмич. [М.: Скит, [1992]; Таинственный старец Федор Козьмич в Сибири и император Александр I. Калуга, 1993 (репринт изд.: Харьков: Мирный труд, 1912); *Барятинский В. В.* Царственный мистик (Александр I – Федор Кузьмич); *Василич Г.* Император Александр I и старец Федор Кузьмич; *Толстой Л. Н.* Посмертные записки старца Федора Кузьмича; Приложения. М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1997.

¹⁰ *Барятинский В. В.* Цит. соч. С. 95.

¹¹ Старец Федор Кузьмич в 1836-1864 гг. // Там же. С. 222.

¹² Там же. С. 222-223.

ная молва утверждала, что Федор Кузьмич никто иной, как император Александр I, тайно покинувший двор. Забегая вперед, отметим, что это предположение разделяли и многие более образованные люди, даже некоторые солидные ученые-историки, как, например, Н. К. Шильдер, хотя, скорее всего, всё это не более, чем легенда.

В 1852 г. с Федором Кузьмичем, проживавшим в селе Краснореченское, познакомился томский купец и предприниматель Семен Феофанович Хромов, который стал его горячим почитателем. Он неоднократно предлагал старцу переехать на жительство к нему. В 1858 г. Федор Кузьмич перебирается к С.Ф. Хромову, построившему специально для него два домика-кельи: один в Томске, другой в лесу, в заимке, в четырех верстах от города. Здесь и прошли последние годы жизни Федора Кузьмича. Он скончался на 87-ом году жизни в Томске 20 января 1864 г. и там же был похоронен. Его могила стала местом паломничества почитателей старца. Там побывал и будущий император Николай II (в ту пору наследник престола) во время своей поездки по Сибири.

С. Ф. Хромов был свидетелем последних лет жизни и кончины старца. После смерти Федора Кузьмича он нашел в его кельи записки с непонятным текстом и, как будто, свидетельство о бракосочетании великого князя Александра Павловича (будущего императора Александра I) с принцессой баден-дурлахской Луизой Марией Августой (будущей императрицей Елизаветой Алексеевной). Заметим, что, если записка с таинственным текстом известна исследователям, то свидетельства о бракосочетании монарха никто не видел, и ученые считают историю с находкой этого документа вымышленной. С. Ф. Хромов оставил записки о Федоре Кузьмиче.¹³ Он предпринял ряд попыток встретиться с царствующими монархами, дабы рассказать им о великой тайне старца. При Александре II это ему не удалось, но с Александром III он, в самом деле, встретился. Сам факт встречи Хромова с Александром III сомнению не подлежит.¹⁴

Однако пора нам вернуться к Виктору Ивановичу Базилевскому. О встречах с С. Ф. Хромовым и о своем участии в посмертной истории старца Федора Кузьмича Базилевский-старший рассказал в 1922 г.

¹³ На записках С. Ф. Хромова основана книга: Сказание о жизни и подвигах старца Феодора Кузьмича, подвизавшегося в пределах Томской губернии с 1837 года по 1864 год. СПб., 1891 (известно несколько изданий этой книги). Новейшее издание записок в книге: Тайна томского старца: Неизвестные документы / Сост., публ., коммент. Н. В.Серебрянникова. Томск: Водолей, 2001. С. 12-21.

¹⁴ См. об этом: *Великий князь Николай Михайлович*. Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича // Исторический вестник. 1907. Т. СІХ. Июль. С. 6.

в небольшой мемуарного типа публикации на страницах выходившей в Таллинне русскоязычной газеты «Последние известия».

«Первые сведения о кончине Александра I (т.е. старца Федора Кузьмича. – *С. И.*) в Томске привез в Петербург, я точно помню, купец Хромов. Это было в 80-х годах прошлого века.

С Семеном Феофановичем Хромовым я познакомился в 60-ых годах в Енисейске, где я управлял делами моего отца <...> Хромов из Сибири никуда не выезжал и вел хозяйство на своей заимке около Томска.

В 1875 году я окончательно покинул Сибирь и поселился в своем имении Великино в Ямбургском уезде.

В 80-ых годах ко мне совершенно неожиданно приехал Хромов <...>. Не отдыхая, он прямо прошел ко мне в кабинет и тут поразил меня своим невероятным, странным рассказом:

– Я с бумагами к царю от покойного Александра I, который скончался уже давно у меня, на моей заимке. Я все не решался ехать, боялся – не поверят, примут за сумасшедшего. Как бы беды не вышло... Куда обратиться с бумагами?! Вот и вспомнил, что вы всех знаете в Петербурге... Укажите же, как поступить.

Хромов показал мне запечатанный конверт и большой портрет старика высокого роста, с большим лбом и длинной бородой».

Далее в публикации рассказывается о старике-страннике, назвавшемся Федором Кузьмичем, который пришел однажды к Хромову да и остался тут жить. Весь образ жизни Федора Кузьмича, «вежливая простота в обращении и что-то неуловимое, располагающее к нему каждого – всё это заставляло Хромова предполагать, что странник – человек не только интеллигентный, но и родовитый.

Кузьмичу было лет за восемьдесят. Лета и долгие скитания взяли свое. Он опасно захворал и, чувствуя близкую кончину, открылся ему, Хромову, передав, что он – Александр I, и поручив передать свои бумаги царю.

Через несколько дней предстоял праздник в гатчинской дворцовой церкви, и я направил Хромова с письмом к знакомому генерал-адъютанту, прося последнего представить Хромова великому князю Владимиру Александровичу (брату императора Александра III. – *С. И.*). Хромов сообщил великому князю то же, что и мне, и бумаги покойного Александра I и его портрет были переданы Александру III.

Молва гласит, что в Таганроге в гроб было положено тело умершего курьера, который и наружностью, и фигурой походил на Александра I. Гроб по пути в Петербург и в Петербурге не открывался – так и опустили в могилу...

После получения бумаг, привезенных Хромовым, Александр III, как мне передавали, приказал митрополиту тайно вынуть из гроба тело ку-

рьера и тогда же было повелено поддерживать в порядке могилу старца Федора Кузьмича».¹⁵

В некрологах В. И. Базилевского приводятся несколько иные версии этого своеобразного продолжения или, вернее, завершения легенд о старце Федоре Кузьмиче,¹⁶ в основном, впрочем, повторяющие то, что рассказан на страницах «Последних известий» сам Базилевский.

Какова же была тайна старца Федора Кузьмича, мы, видимо, никогда не узнаем...

Нам осталось сказать, что Виктор Иванович Базилевский скончался в Нарва-Йыэсуу в марте 1929 г. и был похоронен на здешнем кладбище, на участке своего покровителя В. П. Волкова. Могила его сохранилась до наших дней.

Вместе с Виктором Ивановичем в Эстонии в эмиграции оказались некоторые члены его семейства, среди них младший сын Иван. Жизненный путь последнего мы можем восстановить по архивным материалам. Особую ценность представляет автобиография И. В. Базилевского на шведском языке, сохранившаяся в его архиве.

Иван Викторович Базилевский родился 17 августа 1898 г. в имении Великино. Начальное образование, как это было широко принято в до-революционную пору в дворянских семействах, он получил дома: детей Виктора Ивановича обучали в Великино специально нанятые домашние учительницы, подготавливавшие их к занятиям в гимназии. В 1910 г. Иван сдал экзамены за второй класс гимназии и поступил в 1-ый Петербургский кадетский корпус. В нем Базилевский-младший получил весьма основательное образование, уступавшее гимназическому лишь по части латинского языка и классических древностей (их в программе кадетских корпусов не было). Среди преподававшихся в кадетском корпусе языков были французский и немецкий.¹⁷

В июне 1916 г. Иван Базилевский окончил Первый кадетский корпус в Петрограде и вступил добровольцем в действующую армию.¹⁸ Шла Первая мировая война, его зачислили в 78-ую артиллерийскую бригаду,

¹⁵ *Базилевский Б.* Тайна Александра I // Последние известия. 1922. 13 авг. № 184. С. 3. Инициал «Б.» при фамилии автора публикации, конечно, типографская ошибка. Из текста публикации явствует, что автором ее был именно Виктор Базилевский. Публикация помечена «Гунгербург».

¹⁶ См.: *Якубов В.М.* Цит. соч.; † Виктор Иванович Базилевский [Некролог].

¹⁷ См. аттестат об окончании И. В. Базилевским кадетского корпуса: ИАЭ. Ф. 2100. Оп. 1. Ед. хр. 876. Л. 5-5 об.

¹⁸ Сведения о его участии в I мировой и в Гражданской войне см. в личном деле прапорщика запаса Эстонской Армии И. В. Базилевского: ГАЭ. Ф. 495. Оп. 7. Ед. хр. 277. Листы не нумерованы.

которая вела боевые действия на Юго-западном фронте, в Буковине и Галиции. В июне 1917 г. Базилевский был произведен в бомбардиры, в августе – в младшие фейерверкеры, а в ноябре 1917 г. за боевые заслуги получил первый офицерский чин – стал прапорщиком. В начале февраля 1918 г. Базилевский-младший был демобилизован, так как в результате революционных событий последовал полный развал Российской армии. Он возвратился домой в Великино, где ему пришлось стать свидетелем всех «прелестей» новой власти, включая красный террор. В октябре 1918 г. как «классово чуждый элемент» он вместе с другими представителями духовенства, купечества и дворянства был отправлен на так называемый «трудовой фронт», где на долю призванных выпал принудительный, тяжелый и грязный физический труд.

Весной 1919 г. Белая армия перешла в наступление, в мае от красных был освобожден Ямбургский уезд. И. В. Базилевский незамедлительно вступил в Ингерманландский добровольческий отряд, сражавшийся на стороне белых, некоторое время командовал там батареей и вслед за тем был начальником команды военных разведчиков. После создания белой Северо-западной армии (первоначально – Северный корпус) он в конце июня переходит в ее состав во 2-ую батарею Отдельного гаубичного дивизиона, участвует в боях за форт «Красная горка» и в осеннем наступлении северо-западников на Петроград.

Однако под Петроградом белые потерпели поражение, началось исполненное трагики отступление Северо-западной армии, завершившееся уже в Эстонии, где белые были разоружены и перенесли страшную эпидемию тифа, унесшую тысячи жизней. Правда, к Базилевскому-младшему судьба оказалась милостива. В начале ноября или декабря 1919 г. он был переведен в Ингерманландский полк (батальон), вошедший в состав Эстонской Армии. С этого момента И. В. Базилевский, служивший в 1-ой Ингерманландской батарее, считался офицером Эстонской Армии и позже, в 1923 г., получил памятную медаль участника Освободительной войны. Летом 1920 г. Ингерманландский батальон был расформирован, и 20 июня Базилевский демобилизовался. В личном деле прапорщика запаса Эстонской Армии Ивана Базилевского сохранилась его аттестационная характеристика, подписанная командиром Ингерманландской батареи:

«Прапорщик Базилевский имеет характер твердый и решительный; служебный опыт хороший; в строевом отношении быстро схватывает инициативу в свои руки, энергичен; в исполнении служебных обязанностей тверд, дисциплинирован в высшей степени и дисциплину поддерживает отлично; с солдатами обращается отлично, не придиричив к ним; честный безусловно, с казенным имуществом обращается хорошо; здоров.

Боевые приказания исполняет точно и беспрекословно; в бою не теряется, но спокойно исполняет свои обязанности; храбр».¹⁹

Начался эмигрантский период жизни И. В. Базилевского. Никакой гражданской специальности у него не было, как не было и средств для продолжения образования. Надеяться на кого-либо другого не приходилось: престарелый отец, проживавший в Нарва-Йыгэсуу, сам нуждался в помощи и поддержке (кстати, Иван позже оказывал материальную помощь отцу). Полагаться приходилось лишь на самого себя. Но не случайно в роду Базилевских преобладали крепкие натуры, которых жизнь не могла сломить. После демобилизации Иван Викторович посвящает себя лесному делу. Он становится помощником землемера по лесу и работает в этой должности до 1923 г., затем некоторое время трудится таксатором, т. е. оценщиком лесных угодий, в 1925-1927 гг. – помощником старшего землемера; в 1928 г. вновь таксатором в Ляэнемаа и на Хийумаа, в западных уездах Эстонии. За эти годы Базилевский приобрел большой опыт в лесном деле. Зимой землемерные работы обычно прекращались и положение внештатных помощников землемеров становилось крайне тяжелым. Зиму Иван Викторович чаще всего проводил в Таллинне, хотя прописан был в Хаапсалу, где проживала его сестра Татьяна с семьей. В Таллинне он занялся резьбой по дереву, мастерил игрушки-сувениры, которые шли на продажу и пользовались успехом у покупателей. В них нередко находило выражение тонкое чувство юмора их создателя.

Накопив кое-какие средства, И. В. Базилевский в 1928 г. предпринимает попытку получить высшее образование – в сентябре становится студентом отделения лесоводства сельскохозяйственного факультета Тартуского университета. Поскольку он в эти годы был еще человеком без гражданства, «нансенистом» (эстонское гражданство И. В. Базилевский получил в 1929 г.), то мог поступить в университет только с особого разрешения Министерства просвещения. Разрешение было получено при условии, что он сдаст в университете экзамен за гимназический курс эстонского языка.²⁰ Первые два семестра студент Базилевский занимался более или менее успешно, но затем возникли материальные трудности, принудившие его осенью 1929 г. покинуть университет.

И все-таки год, проведенный в Тарту, в университетском городе, крупнейшем культурном центре Эстонии, не прошел для И. В. Базилевского бесследно. При университете было замечательное, очень деятельное Общество русских студентов, вокруг которого группировались студенты,

¹⁹ ГАЭ. Ф. 495. Оп. 7. Ед. хр. 277. Б.п.

²⁰ ИАЭ. Ф. 2100. Оп. 1. Ед. хр. 876. Л. 6.

проявлявшие живой интерес к родной культуре и литературе, стремившиеся сохранить свой национальный идентитет. Среди них были поэты, музыканты, актеры-любители. Именно в Обществе русских студентов молодой человек познакомился со своей будущей супругой – поэтессой Елизаветой Роос. Этот круг людей был внутренне очень близок Ивану Викторовичу, который сам пробовал силы в поэзии, хотя стеснялся отдавать свои стихи в печать. Кстати, И. В. Базилевский в весеннем семестре 1929 г. был избран товарищем (т. е. заместителем) председателя Общества русских студентов.

Итак, пришлось вернуться к уже знакомому лесному делу. В 1930 г. Базилевский-младший стал лесным объездчиком в лесничестве Пагари на северо-востоке Эстонии, в уезде Вирумаа; местом жительства его был лесной кордон в деревне Вяйке-Пунгерья. Летом того же 1930 г. И. В. Базилевский женился на Елизавете Альфредовне Роос, только что окончившей со степенью магистра философский факультет Тартуского университета по специальности славянская и романо-германская филология. Ее магистерская диссертация была посвящена Анне Ахматовой.²¹ Е. А. Роос была заметной фигурой в русской литературе Эстонии тех лет. Она входила в основные объединения русских авторов – в Юрьевский (1929-1932) и вслед за тем в Ревельский цех поэтов (1933-1935). Ее стихотворения публиковались в местной печати (прежде всего в альманахе «Новь»), в 1936 г. вышел в свет ее поэтический сборник «Домик у леса».²² Большинство стихов сборника написано в домике объездчика Ивана Базилевского в Вяйке-Пунгерья, главным образом, во время школьных каникул. Дело в том, что Роос-Базилевская работала в 1932-1933 гг. учительницей в Тарту, а в 1933-1934 гг. – в Таллинне и могла бывать с мужем только на каникулах и в праздники...

Иван Викторович также не бросал стихотворства, хотя, судя по всему, писал мало и почти не печатался, а если и публиковался, то только под псевдонимом И. Варваца.²³ В архиве Базилевского сохранилась тетрадь с его стихами, в большинстве неопубликованными. Стихотворения в те-

²¹ Об Е. А. Роос и ее магистерской диссертации см.: Фрагмент магистерской работы Елизаветы Роос об Анне Ахматовой / Публ. и вступит. статья Г. Пономаревой и Т. Шор // Балтийско-русский сборник. Кн. 1 / Под ред. Б. Равдина и Л. Флейшмана. Stanford, 2004 (Stanford Slavic Studies. Vol. 27). С. 73-101.

²² См.: Круус, Рейн. Елизавета Роос-Базилевская // Радуга. 1989. № 11. С. 36-37; Словарь поэтов Русского Зарубежья / Под ред. В. Крейда. СПб., 1999. С. 21-22.

²³ Варваца И. Кочевник // Новь. Сб. 4. Таллин, 1932. С. 5. Псевдоним Иван Варваца восходит к семейной легенде, согласно которой один из предков Базилевских грек И. Варваца был знаменитым корсаром, грозой турок, борцом за освобождение Греции от османского ига.

тради не датированы, но, вероятнее всего, большая их часть написана в первой половине 1930-х гг.²⁴

Хотя известное нам литературное наследие И. В. Базилевского невелико, тем не менее, он не теряется на фоне других русских авторов в Эстонии – это поэт со своим лицом. Не случайно американская исследовательница Темира Пахмус включила его в антологию русской эмигрантской литературы Прибалтики; в ней приведены два стихотворения Базилевского в переводе на английский язык²⁵.

В поэзии И. В. Базилевского нетрудно выявить несколько линий, стилистических пластов. Одна из этих линий ведет к Н. Гумилеву (наиболее известное стихотворение Базилевского «Кочевник» с его ярко выраженным мужским героическим началом), не случайно друзья наделили Ивана Викторовича прозвищем «Гумилев». Но, пожалуй, наиболее характерна для Базилевского другая поэтическая линия – назовем ее условно «иронической». При этом объектом иронической усмешки автора становится как быт с его мелочами, без которых, однако, трудно обойтись на этом свете («Что может быть милее брюк...», «Глядишь ты мрачно в портмоне...» и др.), так и «вечные» экзистенциальные проблемы бытия человеческого, не поддающиеся решению («Угораздило раз родиться...»). И. В. Базилевский любил и словесную игру, некоторые образцы которой заставляют вспомнить опыты обэриутов (о влиянии тут речь идти не может). Есть у него и мягкие задушевные стихотворения, в особенности в пейзажной лирике («Посмотри, как ярко первыми лучами...»).

При всем том в каждую из этих поэтических линий И. В. Базилевский умел внести нечто свое, только ему присущее – некое мужское и в то же время артистическое начало. В этом он полная противоположность своей супруги, в стихах которой наоборот доминирует своеобразная простота и типично женское начало.

Жаль, что судьба Ивана Базилевского сложилась так, что оставила ему мало возможностей для поэтических занятий. На его творческом пути негативно сказалось, конечно, то, что ему пришлось жить в деревне, в эстонской глубинке, вдали от литературных центров. Но были и более важные глобальные причины, оказавшие воздействие на литературу 1930-х гг. Наступала новая трудная пора, глубоко враждебная искусству да, пожалуй, и культуре вообще. В этих условиях многие литераторы замолкают. Одна из центральных фигур русской литературной жизни Эсто-

²⁴ См. об этом: *Иван Базилевский*. Частички мировой души. Неопубликованные стихотворения / Публ., вступит. заметки и примеч. С.Г.Исакова // Вышгород. 2008. № 6. С. 147-152.

²⁵ *Pachmuss, Temira*. Russian Literature in the Baltic between the World Wars. Columbus, Ohio, 1988. P. 202-205.

нии первой половины 1930-х гг., родственник четы Базилевских, поэт и прозаик П. М. Иртель во второй половине того же десятилетия фактически перестает писать. Нечто аналогичное, возможно, имело место и с И. В. Базилевским.

В 1935 г. он меняет место работы: из Пагари переводится в лесничество Пурила в уезде Харьумаа на ту же должность лесного объездчика, иногда ему приходилось временно исполнять и обязанности лесничего. Его супруга становится учительницей немецкого языка в только что открытой прогимназии в соседнем поселке Рапла.

Летом 1940 г. последовала аннексия Эстонии Советским Союзом. Начались массовые аресты русских белоэмигрантов, в их числе были репрессированы и многие знакомые И. В. Базилевского. По всей вероятности, он не строил иллюзий: чувствовал, что та же участь ожидает и его. Еще до аннексии многие русские эмигранты, особенно те, в жилах которых текла немецкая кровь, опасаясь за свое будущее, уехали в Германию по призыву немецких властей. Среди них был и Павел Михайлович Иртель с супругой Метой, сестрой Елизаветы Роос-Базилевской, тоже поэтессой. По их стопам решили пойти и Базилевские, хотя они и не принадлежали к лицам немецкого происхождения. Не без труда им удалось получить от представителя немецких властей разрешения на выезд в Германию. 5 марта 1941 г. чета Базилевских выехала в Рейх и нашла временное пристанище в лагере для переселенцев Вернек.

Через несколько месяцев началась советско-германская война, и Базилевский был мобилизован в немецкую армию. Сначала его направили переводчиком на Украину, а позже, в 1943 г., он, как бывший житель Эстонии, был переведен командиром взвода в Эстонский легион. Начался, пожалуй, самый драматический период в его жизни. Вряд ли русский дворянин Иван Викторович Базилевский испытывал радость от того, что вынужден сражаться на стороне немцев, но он оказался в ситуации, когда практически никакого выхода из создавшегося положения не было; в подобной ситуации оказались многие русские и эстонцы.

6 августа 1944 г. И. В. Базилевский был ранен в кровопролитных боях в Синимяэ и направлен в госпиталь. 22 сентября он вместе с тремя тысячами эвакуируемых из Риги раненых оказался на пароходе – плавучем лазарете, направлявшемся в Германию. В пути корабль подвергся нападению советской авиации и был потоплен. Почти все раненые погибли. Базилевский был среди немногих, которым удалось спастись: несколько часов они провели в воде, пока их не подобрал катер. Последовал госпиталь близ Данцига. В начале 1945 г. Базилевский вышел из госпиталя и получил направление в подразделение эстонских офицеров-резервистов в Гёрлитце; вместе с ним он, уже не участвуя в боях, отступал на запад.

Подразделение оказалось в советской зоне оккупации. Из опасения быть репрессированными резервистам было рекомендовано уничтожить все документы, которые могли бы стать основанием для их ареста СМЕРШ'ем. Вслед за тем в мае 1945 г. Базилевский бежал на Запад, в английскую зону оккупации, где и был интернирован англичанами. Впоследствии ему пришлось восстанавливать удостоверение личности и прочие документы по свидетельским показаниям родственников и знакомых, оказавшихся, как и он, в Западной Германии. В архиве И. В. Базилевского сохранилось много таких свидетельств (справки о рождении, вступлении в брак, службе и пр.). Важно отметить, что он считался гражданином Эстонии, входил в объединения эстонских эмигрантов в Германии. Это спасало его от насильственной выдачи советским властям.

Супруга Ивана Викторовича была поселена в Позенском (Познанском) округе на польских землях, отошедших в 1939 г. к Рейху. Германские власти именно туда направляли немецких переселенцев-репатриантов из Прибалтики. В 1944 г. Е. А. Роос-Базилевская после того, как фронт стал приближаться к Познани, бежала в Западную Германию и поселилась в деревне Вёльмарсхаузен близ Гёттингена, где уже проживала ее сестра. Там в конце 1945 г. Иван Викторович и нашел свою супругу.

Для супружеской четы Базилевских начался еще один тяжкий период жизни, полный нужды, голода, всяческих невзгод, выпадавших на долю многих таких «пришлецов», «чужаков», как они. В основном, как когда-то в Эстонии, Иван Викторович зарабатывал на хлеб трудом резчика по дереву. Иногда ему удавалось устроиться на работу в гёттингенские художественные ателье, чаще он числился кустарем-надомником. Его работы ценились, например, директор местного кукольного театра с похвалой отзывался об изготовленных им двадцати куклах. Но время было такое, что людям было не до художественных изделий. В 1947-1948 гг. Базилевский подрабатывал еще и в садоводческо-огородническом хозяйстве в Вёльмерсхаузене. В 1949 г. из-за начавшегося экономического кризиса он оказался вообще без работы, без средств к существованию.

В поисках работы И. В. Базилевский вместе с женой решил переехать в Швецию. По ходатайству своих шведских друзей они получили на это разрешение, но болезнь Е. А. Роос-Базилевской не позволила ей уехать вместе с мужем. В январе 1951 г. Иван Викторович отправился в Швецию один. Всё это крайне печально сказалось на психике супруги: Елизавета Альфредовна впала в глубокую депрессию и 31 мая 1951 г. покончила жизнь самоубийством – выбросилась из окна.

В Швеции И. В. Базилевскому пришлось сменить много мест работы и много профессий. Он был и сельскохозяйственным рабочим, и объездчиком, и чем-то вроде подсобного рабочего в одном доме отдыха,

и машинистом на фабрике. Чаще всего ему, уже немолодому человеку, приходилось заниматься тяжелым физическим трудом, время от времени он оказывался вообще без работы. Ему помогал выбраться из нужды православный священник в Стокгольме Евгений Тимченко. Между прочим, Иван Викторович всегда за рубежом старался не терять связи с православной церковью – в Гёттингене он был прихожанином местного русского храма.

Но в конце концов всё как-то обустроилось. Базилевский-младший нашел постоянную работу на одном заводе и в 1953 г. обосновался в Сольна, пригороде Стокгольма. Здесь он познакомился с Евгенией Робертовной Пецольд (урожд. фон Вирен; 1917-2006), эмигранткой из Эстонии, по национальности прибалтийской немкой, но фактически человеком русской культуры, писавшим стихи на русском языке.²⁶ В 1953 г. они поженились.

Евгения Робертовна Базилевская была женщиной талантливой, обладала даром художника, увлекалась йогой. Активная деятельница на уровне йоги, она стала известным педагогом, автором трудов об этом учении²⁷ и даже одним из руководителей Союза преподавателей йоги.²⁸ Несмотря на разницу в возрасте супругов, это был счастливый брак. Они помогали друг другу, заботились друг о друге; Иван Викторович поощрял занятия жены живописью и поэзией. Обращался ли он сам в эти годы к стихам, мы не знаем. По крайней мере, в дошедшем до нас семейном архиве Базилевских стихов последнего периода жизни Ивана Базилевского не обнаружено.

Иван Викторович Базилевский умер в Сольна 22 апреля 1989 г.

²⁶ См.: *Базилевская, Евгения*. Опустелые дачи [Стихотворения] / Сост., подготовка текста, биограф. справка «Два старых альбома» Л. М. Васильева // Вышгород. 2009. № 6. С. 41-46.

²⁷ См.: *Basilewsky, Eugenia*. Slappna av med yoga. Stockholm, 1976. Книга переведена на испанский и финский языки.

²⁸ См. некролог: *Schultz, Uno*. Tuntud joogaõpetaja mälestuseks // Eesti Päevaleht. 2007. 1. veebr. Nr. 5. Lk. 11.

Борис Вильде в студенческие годы.
Фото 1929.

ИАЭ. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 18317

Тартуский литератор Иван Дмитриевич Беляев (1893-1927).
Фото 1920.

ИАЭ. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 943

Новое о Борисе Вильде

Ни об одном другом русском литераторе из Эстонии – за исключением разве что Игоря Северянина – не написано столько, сколько о Борисе Вильде, поэте, ученом-этнологе, герое французского Сопротивления в годы Второй мировой войны (как известно, само движение Сопротивления своим названием – *Résistance* – обязано Б. Вильде). Ему посвящены книги, статьи, многочисленные мемуарные публикации, появившиеся на разных языках. И, тем не менее, в биографии и творческом наследии Бориса Вильде много белых пятен, много неясного и даже загадочного. Вообще его жизнь и деятельность в значительной степени до сих пор окружены тайной, он как бы оброс мифами и легендами, вокруг него сложился устойчивый ореол таинственности. Этому во многом способствовал и сам Борис Владимирович...

Всё это в особенности относится к раннему, эстонскому периоду в биографии Б. Вильде, хуже всего документированному. Годы жизни в Германии и Франции все же можно в основных чертах восстановить по сохранившейся переписке Б. Вильде с матерью и сестрой,¹ да и по другим документам, хотя и здесь есть немало неразгаданного и неясного. В силу этих причин любой новый документ, касающийся его жизни в Эстонии, представляет интерес. Точно также выявление и переиздание забытых работ Б. Вильде, публикация его сохранившихся лишь в рукописях или в списках произведений расширяет и углубляет наше представление об этом незаурядном человеке, о его творческом наследии, в целом не очень объемистом.

Начальный период жизни Б. Вильде в Эстонии более всего связан с Тартуской (Юрьевской) русской гимназией, в ту пору частной.

Как известно, после смерти мужа в 1913 г. Мария Васильевна Вильде (урожд. Голубева) с детьми – дочерью Раисой и сыном Борисом – пере-

¹ Письма Бориса Вильде к матери / Вступит. статья и публ. Б. Плюханова; коммент. Л. Киселевой // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV. Новая серия. Тарту, 2001. С. 282-338. См. также: *Борис Вильде. Рижский эпилог* / Публ. Ю. Абызова // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. III. Таллинн, [1997]. С. 58-109.

ехала к своим родителям в деревню Ястребино Ямбургского уезда Петербургской губернии. Во время гражданской войны семья Вильде уезжает в Эстонию и в конце концов оказывается в Тарту. Здесь Борис и был принят осенью 1920 г. в Русскую гимназию Товарищества преподавателей в Юрьеве (таково было ее официальное название). 12 сентября этого года датировано прошение Марии Вильде в Педагогический совет гимназии: «Покорнейше прошу Педагогический совет принять дочь мою Раису 14 лет и сына Бориса 12 лет в Вашу гимназию в классы, соответствующие их развитию. Раиса окончила 4 класса Ястребинской министерской школы, а Борис 3 класса того же училища».² Раису и Бориса определили в один – третий – класс гимназии.

Именно в гимназические годы окончательно сложился характер Бориса Вильде да, пожалуй, сформировались и основополагающие принципы весьма своеобразного мировосприятия, всегда выделявшие его среди других.³ На те же гимназические годы падает и начало литературных занятий Б. Вильде, его «писательства».

В фонде Тартуской русской гимназии, хранящемся ныне в Государственном архиве Эстонии в Таллинне, можно найти много документов о гимназии, ее педагогах и воспитанниках. Тартуская русская гимназия была одной из лучших в Эстонской Республике 1920-х – первой половины 1930-х гг., особенно по части гуманитарных дисциплин и естествознания. Поражает пестрый состав – и по национальности, и по возрасту – как преподавателей, так и гимназистов. Среди учителей были и русские, и немцы, и эстонцы, и латыши, маститые и совсем молодые педагоги, ученые-филологи, ботаники и еще обучавшиеся в университете студенты. Хорошо известно, что такое многообразие преподавательского состава почти всегда идет на пользу учебному заведению.

Из числа старых опытных педагогов в первую очередь надо назвать директора гимназии (с 1924 г.) эстонца Ивана Михайловича Тоффа (1863-1942), выпускника историко-филологического факультета Московского университета (кончил со степенью кандидата).⁴ Он преподавал в гимназии древние и немецкий языки, но прежде всего латинский. Это был педагог с более чем тридцатилетним стажем. Помимо обязательных классных занятий по латинскому языку И. М. Тофф бесплатно проводил по вос-

² ГАЭ. Ф. 3319. Оп. 1. Ед. хр. 103. Листы во всех делах данного фонда не нумерованы.

³ См. о характере Б. Вильде и своеобразии его личности мемуарную статью однокашника по гимназии: *Соколов А.* Ты предпочитал бороться – победить или погибнуть // Молодежь Эстонии. 1967. 3 дек. № 236. С. 2.

⁴ См. о нем: ГАЭ. Ф. 3319. Оп. 1. Ед. хр. 6; 40-летний юбилей // Вести дня. 1930. 29 сент. № 262. С. 1.

кресеньям для желающих дополнительные «факультативные» занятия по древним языкам. Известно, что их посещал и гимназист Б. Вильде.

Еще больший стаж педагогической работы был у преподавателя Закона Божиего Анатолия Феодоровича Остроумова (1861-1936), протоиерея, настоятеля Успенского собора в Тарту.⁵ Он был одним из самых уважаемых, авторитетных и любимых прихожанами православных священнослужителей в Эстонии. Несмотря на свой преклонный возраст, А. Ф. Остроумов интересовался новыми веяниями в православной церкви, позже принимал участие в замечательном Русском студенческом христианском движении.

Но рядом с маститыми педагогами были и совсем молодые. Так, эстонский язык преподавала Аделе Оттовна Юргенс, которой было только двадцать лет с небольшим. Она еще числилась студенткой философского факультета Тартуского университета.⁶

Сергей Владимирович фон Штейн (1882-1955) – учитель русского языка и словесности, а также философской пропедевтики в гимназии, одновременно преподавал как приват-доцент на кафедре славянской филологии философского факультета Тартуского университета. Ученый-филолог с широким кругозором, переводчик со славянских языков, общавшийся до октябрьского переворота в северной столице со многими известными литераторами, Штейн, правда, в чисто человеческом плане был личностью малопривлекательной.⁷ В 1927 г. он выпустил монографию «Пушкин и Гофман. Сравнительное историко-литературное исследование», привлекшее внимание пушкинистов.

Историю в гимназии преподавал Эдгар Эдуардович Берент, немец по национальности, воспитанник Московского археологического института, автор первого на русском языке учебного пособия по истории Эстонии («Очерк истории Эстии», 1922).

Как мы уже отметили, не менее пестрым был в те годы и состав гимназистов. В 1924/25 учебном году возраст гимназистов колебался от 12 до 30 лет; правда, преобладали учащиеся в возрасте 13-19 лет. Впечатляет и

⁵ *Осипов А.* Светлой памяти протоиерея А. Ф. Остроумова. Таллин, 1937 (отд. оттиск из журнала «Православный собеседник». 1936. № 11. С. 146-150).

⁶ ИАЭ. Ф. 2100. Оп. 1. Ед. хр. 3924. В 1936 г. поменяла фамилию на *Юренди*. В университете с перерывами училась с 1920 по 1937 г., но диплома об окончании так и не получила.

⁷ *Пономарева Г., Шор Т.* Сергей Штейн: миф и реальность // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Т. III. Тарту, 1999 (Кафедра русской литературы Тартуского университета). С. 317-331; *Ponomarjova, Galina, Šor, Tatjana.* Sergej Stejn kao predavač Tartuskoga sveučilista // Ruski emigranti u Hrvatskoj između dva rata. Rubovi, memorija / Prired. Irena Lukšić. Zagreb: Hrvatsko filološko društvo, 2006. С. 307-318.

национальный состав обучавшихся в гимназии: русских – 131, евреев – 83, эстонцев – 30, немцев – 15, латышей – 11, шведов – 2, финнов – 1, прочих – 6. По вероисповеданию: православных – 116, иудеев – 83, лютеран – 57, представителей других христианских религий – 23.⁸

Б. Вильде рос и учился именно в таком окружении.

Гимназия была платной, и Мария Васильевна Вильде, работавшая на кожевенном заводе и с трудом добывавшая средства на проживание и пропитание семьи, просто была не в состоянии оплачивать учебу своих детей в частной гимназии. Она регулярно обращалась с прошениями в Педагогический совет и Родительский комитет гимназии об освобождении их от платы за обучение. В хранящихся в архиве «делах» гимназии можно найти несколько подобных прошений. Педагогический совет обычно поддерживал ходатайства Марии Вильде и рекомендовал Родительскому комитету гимназии освободить Раису и Бориса от платы за обучение, что тот и делал⁹. Председателем Родительского комитета в эти годы был известный русский политический и общественный деятель Ф. Г. Эйшинский, о котором Б. Вильде позже вспоминал в своих письмах. Лишь в феврале 1926 г., в выпускном классе, педсовет отказался поддержать просьбу Марии Вильде, поскольку в этом полугодии Борису, «вследствие неисправного его отношения к своим обязанностям и поведению», были снижены до «удовлетворительно» оценки за «поведение» и «исправность»¹⁰ (ныне последняя обычно именуется «прилежанием»).

О том, как нелегко давалось обучение детей в гимназии семейству Вильде, говорит и следующий факт, отмеченный в архивных документах. 19 мая 1925 г. Мария Васильевна обратилась в педагогический совет гимназии с просьбой «разрешить сыну моему Борису Вильде, ученику седьмого класса, прекратить с двадцать пятого сего мая посещение уроков, так как сын мой, вследствие моего крайне тяжелого материального положения, должен возможно вскоре поступить на работу».¹¹ Педсовет удовлетворил просьбу матери и досрочно перевел Бориса Вильде в следующий класс.¹²

Вероятно, тем же – необходимостью для Б. Вильде одновременно учиться в гимназии и работать – объясняется большое количество пропусков учебных занятий в осеннем полугодии 1925 г., о чем классный на-

⁸ ГАЭ. Ф. 3319. Оп. 1. Ед. хр. 33.

⁹ См. решения Педагогического совета об освобождении Раисы и Бориса Вильде от «взноса платы за право обучения» во втором полугодии 1923 г. (ГАЭ. Ф. 3319. Оп. 1. Ед. хр. 27) и в первом полугодии 1924 г. (ГАЭ. Ф. 3319. Оп. 1. Ед. хр. 29).

¹⁰ ГАЭ. Ф. 3319. Оп. 1. Ед. хр. 29. Б.п.

¹¹ ГАЭ. Ф. 3319. Оп. 1. Ед. хр. 34. Б.п.

¹² ГАЭ. Ф. 3319. Оп. 1. Ед. хр. 29. Б.п.

ставник И. М. Тофф доложил на Педагогическом совете 18 декабря того же года: Б. Вильде пропустил 114 уроков и опоздал на 6 уроков.¹³ Сам Вильде вспоминал, что в ту пору «летом работал на лесопилках», а зимою давал частные уроки¹⁴.

С учебной же, даже в этом полугодии, судя по всему, у Б. Вильде проблем не было: учился он хорошо. В архивных «делах» сохранились ведомости годовых оценок учащихся всех классов гимназии, из которых мы можем узнать, как же занимался Борис. В тогдашней гимназии применялась трехступенчатая система оценок: хорошо, удовлетворительно, неудовлетворительно. Годовые оценки Вильде за VI класс в 1923/24 учебном году были следующие:

- «хорошо» (т. е. высшая оценка) – русский, эстонский и латинский языки, алгебра, геометрия и тригонометрия, физика, география и космография, история, поведение, исправность;
- «удовлетворительно» – немецкий язык, природоведение, рисование, гимнастика и пение.¹⁵

Соответственно оценки за VII класс (1924/25 учебный год):

- «хорошо» – русский, эстонский и латинский языки, философская пропедевтика, этика, алгебра, геометрия и тригонометрия, физика, природоведение, история, обществоведение, поведение, исправность;
- «удовлетворительно» – немецкий язык, вероучение, география и космография, рисование, пение.¹⁶

Удовлетворительные оценки по рисованию и немецкому языку сохранились и в аттестате зрелости, где вообще-то превалировал высший балл – «хорошо». Что касается немецкого языка, то вскоре Б. Вильде пришлось столкнуться с ним, так сказать, на практике, и он быстро овладел им в совершенстве. Так же быстро выучил Борис и французский язык, обосновавшись в 1933 г. в Париже (там он даже занимался переводом на французский язык произведений эстонских писателей). Заметим еще, что в выпускном классе были и уроки английского языка.

При этом надо учесть, что требования к знаниям учащихся в Тартуской русской гимназии, как, впрочем, и в других гимназиях, были очень высокие. При выставлении оценок ученикам, в отличие от современной школы, никакой либерализм не допускался, несмотря на то, что от числа учеников зависело «материальное благополучие» частной гимназии да, собственно, и само ее существование. «Высотная планка» оценок по-

¹³ Там же.

¹⁴ ФГАЭ. Ф. 130 SM. Оп. 1. Ед. хр. 785. Л. 7-8.

¹⁵ ГАЭ. Ф. 3319. Оп. 1. Ед. хр. 28. Б.п.

¹⁶ ГАЭ. Ф. 3319. Оп. 1. Ед. хр. 30. Б.п.

знаний учащихся никогда не снижалась. За неуспеваемость гимназистов исключали из учебного заведения, безжалостно оставляли на второй год и т. д., и т. п. Достаточно сказать, что в 1925/26 учебном году в первом полугодии из 44 учеников выпускного класса по всем предметам успевал только 21. Весной аттестат зрелости был выдан лишь 27 гимназистам, пятнадцать получили переэкзаменовки на осень (в основном, по математике, с которой вообще в гимназии дело обстояло плохо, и по эстонскому языку), двое были оставлены на второй год.¹⁷

Естественно, Б. Вильде был среди тех, кто вполне успешно завершил гимназический курс. В его аттестате зрелости, выданном 11 июня 1926 г. (№ 268), высшие оценки по русскому и латинскому языку, математике, естествознанию, гигиене, физике, химии, географии и космографии, истории, по обществоведению и экономической науке, философской пропедевтике вместе с психологией и этикой, а также по вероучению (Закону Божиему), считавшемуся не обязательным предметом.¹⁸

Вместе с тем Б. Вильде ни в коей мере не был «паинькой», образцово-показательным учеником, никогда не нарушавшим дисциплину в классе. Его кипучая взрывная натура уже тогда давала о себе знать. В протоколах заседаний Педагогического совета Тартуской русской гимназии неоднократно отмечается, что Борису Вильде снижается оценка за поведение. Так, 29 октября 1925 г. ему была выставлена оценка «удовлетворительно» за «шумное поведение на переменах»; 2 февраля 1926 г. – «за беспокойное поведение на уроках и беспрестанную болтовню», а 1 марта того же года – опять «за беспрестанные разговоры на уроках»¹⁹. Справедливости ради, надо заметить, что аналогичному наказанию за те же «проступки» подвергались и многие другие одноклассники Б. Вильде, причем, в основном, юноши, а не девушки. Любопытно однако, что мемуаристы, характеризующие Б. Вильде парижского периода, 1930-х гг., наоборот, чаще отмечают его молчаливость и сдержанность.

В гимназические годы Б. Вильде пристрастился к «писательству» – начал сочинять стихи. Он стал признанным среди одноклассников поэтом, которому даже учитель-словесник пророчил блестящее будущее.²⁰ В сере-

¹⁷ ГАЭ. Ф. 3319. Оп. 1. Ед. хр. 29. Б.п.

¹⁸ ИАЭ. Ф. 2100. Оп. 1. Ед. хр. 18317. Л. 4 об.

¹⁹ ГАЭ. Ф. 3319. Оп. 1. Ед. хр. 29. Б.п.

²⁰ См.: *Райт-Ковалева Р.* Человек из Музея человека. Повесть о Борисе Вильде. М., 1982. С. 41. Ср. в воспоминаниях хорошего знакомого Б. Вильде по Тарту и тоже поэта Д. В. Маслова: «В школе его класс не только любил Бориса Вильде, но и гордился им. Особенно он прославился, когда написал шутивную поэму о школе и его классе, о преподавателях и учениках» (Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV. С. 284).

дине 1920-х гг. Вильде выпускал рукописный журнал «Радужные тени», в котором участвовали не только гимназисты, но и уже известные авторы (в частности, И. Беляев).²¹ С этого, собственно, и началась литературная деятельность Б. Вильде. Из его произведений тех лет известна шуточная поэма «Евгений Букашин». Она распространялась среди гимназистов в рукописных (возможно, и машинописных) списках.²²

Поэма была написана в 1925/26 году, когда ее автор учился в последнем классе гимназии. Она представляла собой шутовую пародию на роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин», в которой использована строфика и стихотворный размер пушкинского творения. «Евгений Онегин» еще и в первой трети XX в. давал русским поэтам, как советским, так и эмигрантским, материал для пародийных текстов, что свидетельствовало о том, что пушкинский роман не превратился в историческую реликвию, а оставался живым, литературно «актуальным» произведением. Так, в течение 1921 года в таллиннской русской газете «Свободное слово» печатался сатирико-пародийный роман в стихах Л. Аркадского (псевдоним Аркадия Бухова) «Товарищ Онегин».

В «Евгении Букашине» Б. Вильде в шутливой иронической форме высмеивает своих одноклассников, повседневную жизнь гимназии, забавы и развлечения гимназистов-выпускников, перед которыми уже открывается, как им кажется, заманчивая перспектива вольной студенческой жизни с ее корпорантскими утехами. Комический сюжет выстраивается вокруг неожиданного появления Ленского в среде гимназистов, которому многое кажется непонятным в современной действительности.

Конечно, это юношеское произведение, рассчитанное прежде всего на узкий круг «своих» читателей-гимназистов, которым хорошо известно всё то, о чем пишет поэт, и которым поэтому ничего не надо разъяснять. Однако при всем том обращает на себя внимание хорошее владение молодым автором стихотворной техникой, что заставляет предположить, что это был далеко не первый опыт явно даровитого автора. Он последовательно выдерживает ироническую манеру повествования, чего в числе прочего добивается умелым сочетанием возвышенной, «романтической», порою и архаизированной лексики с бытовой, простонародной и жаргонной. Поэт остроумно и непринужденно вставляет в свой текст цитаты и

²¹ ФГАЭ. Ф. 130 SM. Оп. 1. Ед. хр. 785. Л. 21.

²² Один из таких списков, в частности, хранился у Рихарда Бломериуса, учившегося в Тартуской русской гимназии классом ниже Б. Вильде. Об этом он пишет в своих воспоминаниях (см.: *Blomerius, Richard. Koolivennalikult Boris Vildest // Edasi. 1983. 30. okt. Nr. 249. Lk. 4*). Список поэмы был и у Т. П. Милотиной, которая окончила Тартускую русскую гимназию на три года позже Б. Вильде в 1929 г.

реминисценции из Пушкина, иногда создает своеобразную стилизацию «под Пушкина». Всем этим поэма Б. Вильде и интересна.

13 сентября 1926 г. Б. Вильде стал студентом отделения химии естественно-математического факультета Тартуского университета.²³ Точных данных о его занятиях в университете в его студенческом личном деле не имеется. Правда, надо учесть, что зачетная книжка (матрикул) в деле отсутствует: она была позже утеряна. Все же создается впечатление, что учебе Вильде уделял мало внимания, и дело не только в том, что в университете в ту пору были весьма либеральные порядки, посещение учебных занятий не считалось строго обязательным. Дело, скорее, в том, что ему всё время приходилось самому зарабатывать себе на хлеб и на плату за обучение, и на учебу времени просто не хватало.

Известно, что Б. Вильде входил в русскую студенческую корпорацию «Славия».²⁴

К 1927 г. относится один из самых загадочных эпизодов в ранней биографии Б. Вильде – бегство его в Советскую Россию на маленькой лодке через Чудское озеро. Автор наиболее известной у нас и, пожалуй, наиболее основательной книги о нашем герое Р. Райт-Ковалева так описывает имевшие тогда место события:

«Но недели через три Борис вернулся.

Об этой «попытке к бегству», как называют ее немногочисленные биографы Вильде, никто не мог рассказать подробно. Удалось восстановить следующее.

Оказывается, в ту ночь, когда он чуть не погиб, Борис пытался бежать в Советский Союз. Ему удалось в разбитой лодке пристать к советскому берегу, где-то неподалеку от Гдова. Советские пограничники задержали его «до выяснения», а выяснив, отправили назад, в Тарту, под надзор начальства и родственников.

И университетское начальство взяло на себя все «родственные заботы». Бориса из университета выгнали – на Западе это элегантно называется «эксматрикулировали», – а городские власти выслали его в Кохтла-Ярве».²⁵

Предположение Р. Райт-Ковалевой, что Б. Вильде был исключен из университета по политическим соображениям, за попытку бегства в СССР, не соответствует действительности. На самом деле он был эксматрикулирован (кстати, это вполне нейтральный термин, обозначающий

²³ ИАЭ. Ф. 2100. Оп. 1. Ед. хр. 18317. Л. 1, матрикульный № 7909. Ср.: Album Academicum Universitatis Tartuensis 1918-1944. II. Tartu, 1994. Lk. 447.

²⁴ ФГАЭ. Ф. 130 SM. Оп. 1. Ед. хр. 785. Л. 25.

²⁵ Райт-Ковалева Р. Цит. соч. С. 40.

исключение из списка студентов) 4 ноября 1927 г. как не приступивший в начале семестра к учебным занятиям, не поставивший учебное начальство в известность о причине этого и не внесший платы за обучение.²⁶

Утверждение исследовательницы о том, что Борис Вильде был выслан городскими властями в Кохтла-Ярве, также неверно. У городских властей не было права высылать в другой город кого бы то ни было, да, кстати, города Кохтла-Ярве еще и не существовало. На самом деле Вильде, подобно сотням других русских эмигрантов, просто отправился летом на заработки на сланцевые разработки в Кохтла.²⁷ Впрочем, он довольно быстро возвратился в Тарту.

Между тем в Госархиве и Филиале Государственного архива Эстонии хранятся документы, имеющие прямое отношение к Борису Вильде и к его бегству в Советскую Россию, до сих пор не привлекавшие внимания исследователей. Архивные источники позволяют многое уточнить в этой истории, хотя полной ясности – особенно в вопросы о том, что стоит за бегством Вильде в Советский Союз и за возвращением его в Эстонию, – и они не вносят.

В ГАЭ имеется картотека Политической полиции Эстонской Республики, выполнявшей функцию органов государственной безопасности. В ней приводились данные о лицах, привлечших внимание властей. В этой картотеке можно найти сведения и о Борисе Вильде. Из нее явствует, что в конце сентября или в начале октября 1927 г. он тайно отправился в Советскую Россию через Чудское озеро на лодке, нанятой у тартуского лодочника Редера (позже она была обнаружена близ берега озера у деревни Верхоустье). В октябре Б. Вильде находился под стражей в тюрьме города Гдова. В феврале 1928 г. Б. Вильде опять же тайно вернулся в Эстонию. За незаконное пересечение границы он в марте 1928 г. был оштрафован на 30 крон; в случае невозможности уплаты штрафа его ждал арест сроком на один месяц. В анкетных данных лиц, попавших в картотеку Политической полиции, была и графа «профессия». Любопытно, что запись в этой графе на карточке нашего героя гласит: «Студент – писатель – чернорабочий». По-своему знаменательное определение!

Второй архивный источник, на который следует обратить внимание, это находящееся в фондах Филиала ГАЭ в Таллинне следственное дело ОГПУ о Вильде Борисе Владимировиче № 82147. В нем содержатся протоколы допросов задержанного следователями 8-го (Гдовского) по-

²⁶ ИАЭ. Ф. 2100. Оп. 4. Ед. хр. 295. Л. 319-321.

²⁷ См. признание Б. Вильде в его очеркового типа статье «Русские в Эстонии» (Руль. 1930. 5 дек. № 3049. С. 4): «Года два тому назад мне пришлось прожить целое лето в Кохтла. Это – <...> центр сланцевых разработок».

граничного отряда и ЛОО ОГПУ, а также любопытнейшая переписка начальника погранотряда с вышестоящим руководством ОГПУ. Из протоколов допросов мы, в частности, узнаем подробности и причины бегства Вильде в Советскую Россию, некоторые подробности его жизни в этот период и пр.

Выясняется, что Б. Вильде тщательно подготовился к переходу через границу. В Тарту он взял на прокат лодку, оставил дома записку с сообщением, что уезжает на несколько дней в деревню. 7 октября 1927 г. вечером Вильде отправился в путь по реке Эмайыги (Эмбах), впадающей в Чудское озеро. Поднявшейся на озере бурей его лодка была отнесена к острову Пийрисаар, где беглец вынужден был остановиться на несколько дней из-за сильного ветра. Ночевал он в доме своей знакомой по гимназии Нины Петровой, беседовал с ее отцом о положении русских в Эстонии и в Советском Союзе. Заставшим его эстонским пограничникам Вильде выдал себя за путешественника «по побережью с целью ознакомления с жизнью и бытом русского населения в Эстонии», якобы, для доклада в студенческом кружке.²⁸

10 октября Б. Вильде с Пийрисаара отправился на юг, в Мехикоорма, держась ближе к русскому берегу. Он специально зарегистрировался на эстонском пограничном кордоне, так как был убежден, что за ним следят. 11 октября 1927 г. в темноте он добрался до берега около деревни Сосница и добровольно сдался часовому на 19-й погранзаставе.

Был проведен личный обыск перебежчика. При обыске у него нашли эстонский паспорт, карманный электрофонарь, половину флакона с цианистым калием, перочинный нож с зажигалкой, бритву, карманное зеркальце, карандаш, блокнот, 12 конвертов, три листа чистой бумаги, одеяло, носовые платки, шарф, запасной пиджак, купальное трико, три пары носков, кальсоны, трусики, одну нательную и одну верхнюю рубашку, полотенце, бумажник, гребешок-расческу, «резервуар предохранительный для пол. органов» (sic!), магния около двух граммов, маску черного цвета, стиральную резинку и коробку вазелина.²⁹ У пограничников вызвала подозрение какая-то непонятная записка. На вопрос, что это такое, Вильде ответил: «Не знаю, по-видимому какой-нибудь начатый стих. Я иногда пишу их».³⁰ Всё это выглядело весьма экстравагантно...

На допросах Б. Вильде пришлось отвечать на многие вопросы.

О причине бегства из Эстонии в Советскую Россию Вильде сказал, что стремился в СССР «в силу национального тяготения, к тому же не ладил с родными на почве расхождения в полит<ических> взглядах. Кроме

²⁸ ФГАЭ. Ф. 130 SM. Оп. 1. Ед. хр. 785. Л. 19.

²⁹ Там же. Л. 3.

³⁰ Там же. Л. 9.

того стали циркулировать слухи о войне с СССР и я не хотел очутиться в рядах противников сов<етской > власти»³¹

На допросе 17 октября 1927 г. в графе «Политические убеждения» записано – «сочувств<ует>у сов<етской > власти».³² На несколько иронический вопрос следователя «Откуда Вы знаете жизнь Сов<етского> Союза, если сочувствуете сов<етской > власти», Вильде ответил: «Мне приходилось читать советскую литературу, книги и газеты, из журналов я читал «30 дней», «Красную новь», «Зарю», из газет «Правду». Много литературы имеют мои знакомые Сыщиковы».³³

Нужно заметить, что бегство русской молодежи из Эстонии в Советский Союз было весьма распространено в 1920-е и еще более – в 1930-е гг. Многие русские наивно считали, что жизнь в Советской России лучше, чем в «буржуазной» Эстонии. Предполагалось, что в СССР идет грандиозный процесс строительства нового общества, которое обеспечит равенство и братство всех людей. Вполне возможно, левонастроенный Б. Вильде также отдал дань этим настроениям, тем более, что материальное положение семьи Вильде было очень тяжелым.

На вопрос о том, куда Б. Вильде собирается идти далее, нарушитель границы ответил, что либо в Псков, где живет его знакомая Зинаида Беляева (жена писателя Ивана Беляева), либо в Ленинград или родное село Ястребино, где живут родственники или близкие знакомые матери. «В конечном итоге хотел бы продолжить учение».³⁴

Следователей очень интересовала русская общественность Юрьева (Тарту), в особенности местные монархисты. Б. Вильде в ответах утверждал, что у него не было знакомых в этом кругу, за исключением, быть может, владельца книжного магазина В. А. Чумикова и учителя английского языка, двоюродного брата известного толстовца А. Г. Черткова. О политической жизни русских в Эстонии, о группировках в эмиграции и студенчестве Вильде ничего не говорил, явно скрывая свои связи с ними. Следователи-пограничники сначала подозревали, что Б. Вильде – агент монархистов, «хотя никаких доказательств для его обвинения мы не имеем».³⁵ От этого предположения, впрочем, они вскоре отказались.

Почти всё время Б. Вильде находился в Гдовской тюрьме. Встал вопрос, что же делать с ним далее. Начальник 8-го погранотряда и ЛОО ОГПУ уже 17 ноября 1927 г. обратился с письмом под грифом «Совершенно секретно» к своему непосредственному начальнику полномоч-

³¹ Там же. Л. 8

³² Там же. Л. 7.

³³ Там же. Л. 9.

³⁴ Там же. Л. 8 об.

³⁵ Там же. Л. 19 об.

ному представителю ОГПУ в Ленинградском военном округе Салыню с просьбой сообщить свое мнение «по вопросу вербовки гр-на Вильде для работы в Юрьеве по освещению эмиграции (студенчества)». Начальник погранотряда добавлял, что «попыток к вербовке мы пока не делали».³⁶

Ответа от высокого начальства длительное время не поступало, так что руководству 8-го погранотряда пришлось в январе 1928 г. дважды повторять свою просьбу – решить судьбу Б. Вильде. 12 января начальник погранотряда писал: «Вильде уже 3 м<есяц >а находится под стражей, просим сообщить – направить Вильде в ОКРО на предмет использования или перебросить обратно в Эстонию».³⁷ 20 января 1928 г. последовал ответ Салыня (все под тем же грифом «совершенно секретно»): «Перебежчика из Эстонии гр. Вильде Бориса перебросьте обратно в Эстонию».³⁸

После этого 28 января 1928 г. дело Б. Вильде «О нелегальном переходе госграницы» было рассмотрено. В постановлении указывается, что «дальнейшее содержание гр. Бориса Вильде под стражей не требуется вследствие окончания следствия», и он был освобожден из тюрьмы.³⁹

В феврале 1928 г., если верить справке эстонской Политической полиции, Вильде был уже в Эстонии. Как именно он был «переброшен» в Эстонию, мы не знаем, как не знаем и того, был ли все-таки Б. Вильде завербован ОГПУ и отправлен в Эстонию как сексот, или же он просто получил возможность вернуться домой. В 1920-е гг. известны и те, и другие подобные случаи, положение изменилось только в 1930-е гг., когда практически всех беглецов в СССР незамедлительно отправляли в сталинские лагеря. Эстонская политическая полиция, как можно предполагать, подзревала именно первый вариант, но реальных доказательств этого не было. Когда Б. Вильде в 1938 г. посетил Эстонию, за ним был установлен строгий полицейский надзор.

Забегая вперед, заметим, что из планов сотрудников ГПУ сделать из Бориса Вильде сексота ничего не вышло. Можно полагать, почти полугодовое – с октября 1927 по февраль 1928 года – пребывание в гдовской тюрьме в Советском Союзе отрезвило его, изменило взгляды и вынудило критически оценить воплощение в жизнь коммунистических идеалов. По крайней мере, его позднейшие публикации в берлинской газете «Руль» в 1930 г. свидетельствуют о том, что Б. Вильде стоял на позициях большей части эмигрантской молодежи – на позиции национально-патриотической, объективно противостоящей коммунистической идеологии.

³⁶ Там же. Л. 31. (Датировка письма – там же. Л. 34).

³⁷ Там же. Л. 34.

³⁸ Там же. Л. 33.

³⁹ Там же. Л. 36-36 об.

Пребывание в гдовской тюрьме нашло отражение и в творчестве Б. Вильде. По возвращению в Тарту он пишет стихотворение «В одиночке», явно навеянное тюремными впечатлениями.

В одиночке

Тихо в камере № 4.
День за днем без надежд и утрат.
Лишь порою напомним о мире
За решеткою неба квадрат.
Тихо в камере № 4.

Я о воле тоскую все реже.
Засосал, затянул меня плен.
Тихо вкрадчив и ласково нежен
Шепот каменных сумрачных стен.
Я о воле тоскую все реже.

Так бездумны недели безделья.
Отдыхаю от прежних ночей,
От тоски затяжного похмелья
И надрыва ненужных речей.
Так бездумны недели безделья.

Всё так просто, легко и понятно.
Жить? – Хвататься и падать опять? –
Пять шагов до стены и обратно
И обратно размеренных пять.
Всё так просто, легко и понятно.

Тихо в камере № 4.
Сталь решетки не манит тоской.
С каждым днем раскрывается шире
Голубого бездумья покой.
Тихо в камере № 4.⁴⁰

В июне или в июле 1930 г. Б. Вильде уезжает из Тарту через Латвию в Германию⁴¹ и поселяется в Берлине. Жилось ему там трудно, не

⁴⁰ *Исаков, Сергей*. Неопубликованные стихотворения Б. Вильде и Б. Нарциссова. Из материалов альбома Е. Роос-Базилевской // *Son amore*. Ист.-филолог. сб. в честь Любови Николаевны Киселевой. М.: ОГИ, 2010. С. 219.

⁴¹ Это явствует из его письма к матери из Берлина от 9 декабря 1930 г., где Б. Вильде указывает: «Уже пять месяцев, как я из Юрвева» (Письма Бориса Вильде к матери. С. 310).

было постоянного вида на жительство, перебивался случайными заработками, порою откровенно бедствовал, даже голодал. Он, по-видимому, надеялся стать сотрудником издававшейся в Берлине весьма солидной и популярной русской газеты «Руль». Вильде даже пытался заручиться рекомендательным письмом тартуского профессора, крупного специалиста по экономическим наукам и проблемам национальных меньшинств М. А. Курчинского к редактору «Руля» И. В. Гессену.⁴² На страницах газеты ему удалось опубликовать несколько своих статей, заметок и художественных произведений, но все же постоянным сотрудником редакции «Руля» Вильде не стал. Небольшие гонорары из газеты никак не могли обеспечить хотя бы какой-то «прожиточный минимум».

Заметим, что газета «Руль» занимала, как, впрочем, и большинство органов печати русской эмиграции, подчеркнуто антибольшевистскую, антисоветскую позицию и считала недопустимым какое бы то ни было сотрудничество с советской властью. Для редакции газеты характерен интерес к проблемам интеллектуальной, религиозной и культурной жизни. В публикациях «Руля» утверждалась мысль, что старая русская духовная традиция не должна прерываться, культура эмигрантов должна оставаться глубоко национальной в противовес тому, что происходит в СССР. В газете сотрудничали видные писатели и критики Русского зарубежья – В. Набоков, Ю. Айхенвальд и др.⁴³

О сотрудничестве Б. Вильде в «Руле» до сих пор было известно мало. Наиболее известная публикация – фрагмент из неоконченного романа Б. Вильде под названием «Жизнь наша (Отрывок из киноленты из жизни русского студенчества в Юрьеве)» [*Руль*. 1930. 30 сент. № 2993. С. 2-3]. Почти одновременно он был опубликован и в Эстонии в журнале «Русский магазин» [*Русский магазин*. 1930. № 1. С. 34-35], правда, под другим названием – «Трое в одной могиле». Эта в значительной мере автобиографическая вещь – пожалуй, лучшее, что создано Б. Вильде в области художественной прозы. Не случайно отрывок уже дважды перепечатывался⁴⁴. «Жизнь наша» – любопытная зарисовка жизни русских тартуских студентов, выполненная в модном в ту пору стиле киносценария. В ней к тому же поставлен больной вопрос о национальном идентитете эмигрантов и

⁴² См. об этом в письме к матери от 14 октября 1930 г. (Письма Бориса Вильде к матери. С. 301).

⁴³ См.: *Зверев А. М.* «Руль» // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья, 1918-1940. Периодика и литературные центры. М., 2000. С. 351-360

⁴⁴ См. публикации в кн.: *Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация. Материалы международного семинара.* [Тарту, 1997]. С. 367-372 (публ. А. Данилевского); *Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918-1940 гг.* Антология. Таллинн, КПД, 2002. С. 218-223.

оптантов, его сохранении и почти неминуемом изменении. Этот вопрос, по-видимому, очень интересовал молодого автора. К нему он возвращается и в других публикациях на страницах «Руля», некоторые из них еще даже не выявлены, не введены в научный оборот.

В ноябре 1930 г. в газете была опубликована небольшая статья Б. Вильде (под его обычным псевдонимом – *Борис Дикой*), посвященная 10-летию Общества русских студентов при Тартуском университете, одного из самых интересных и плодотворно действовавших русских объединений в Эстонии 1920-1930-х гг.⁴⁵ В статье коротко излагалась история общества, давался обзор его деятельности, причем особо подчеркивалось, что хотя главная задача организации – оказание материальной помощи студентам, но «не менее важна и другая сторона работы Об-ва русских студентов – национальная. Объединяя русскую учащуюся молодежь, об-во крепко держит в своих руках знамя национальной русской культуры и не позволяет расплыться в чужой стране осколкам великой Руси. И этим чувством – чувством национального единства тесно спаяны между собой все члены о-ва, и в этом их сила». В членах общества Борис Дикой видел «будущих творцов будущей России» и из Берлина приветствовал их, «высоко поднявших своими юными руками знамя русского духа».⁴⁶

Значение этой публикации (как и следующей, о которой пойдет речь ниже) не только в том, что она знакомила читателя-эмигранта в Западной Европе с жизнью русских в «периферийной» «лимитрофной» Эстонии. (Надо иметь в виду, что «Руль» имел читателей и за пределами Германии). Статья интересна еще и тем, что она раскрывает некоторые существенные стороны воззрений Б. Вильде тех лет, явно противоречивших, даже противостоявших основополагающим принципам коммунистической идеологии, просоветским левым настроениям, уже получившим некоторое распространение среди русской молодежи Эстонии.

5 декабря 1930 г. в том же «Руле» (№ 3049) публикуется статья Б. Вильде очеркового типа «Русские в Эстонии», помеченная сентябрем того же года и основанная на личных впечатлениях автора. Поскольку газета «Руль» в наши дни библиографическая редкость и недоступна абсолютному большинству читателей, мы приводим ниже, в приложении, текст этой статьи. Она дает довольно обширный материал о жизни разных прослоек русских в Эстонии, причем как эмигрантов, так и коренного русско-

⁴⁵ По-видимому, основой для публикации послужил юбилейный альбом-сборник, выпущенный на средства Общества русских студентов в 1930 г. См.: Общество Русских Студентов при Дерптском Университете 1920-1930. [Тарту]. Б. г. – ИАЭ. Ф. 1783. Оп. 1. Ед. хр. 47.

⁴⁶ *Дикой, Борис*. Об-во русских студентов при Дерптском ун-тете (7 ноября 1920-1930 гг.) // Руль. 1930. 11 нояб. № 3029. С. 4.

го населения, проживавшего здесь и до революции. Среди тех русских, с которыми приходилось встречаться автору, были и живущие в эстонских деревнях северо-западники, и эмигранты, вынуждено занимавшиеся тяжелым физическим трудом на сланцевых разработках в районе Кохтла, и русские рыбаки на берегах Финского залива, Чудского и Псковского озер. Б. Вильде отмечает нелегкие условия жизни практически всех слоев русского населения в Эстонии, говорит о мечтах эмигрантов, связанных с возвращением на родину. Вместе с тем, подчеркивается, что русские эмигранты в Эстонии живут все же лучше, чем в соседних Финляндии и Латвии, и отношение к русским в эстонском обществе, скорее, хорошее. Автор статьи справедливо критикует местных русских за «политическую безграмотность» и пассивность, за постоянные дрязги в их среде, неумение и порою нежелание объединиться во имя общих целей. Русская фракция в эстонском парламенте откровенно мала, русские часто отдают свои голоса эстонским партиям.

Вновь Б. Вильде останавливается на проблеме «денационализации» русских, опасности потерять свою национальность, свой национальный идентитет. Русские никак не могут воплотить в жизнь культурную автономию, на которую они имеют право по закону о национальных меньшинствах.

Многие из этих размышлений Б. Вильде звучат удивительно актуально и в наши дни. Как это ни печально, старые «беды» повторяются...

В том же декабре 1930 г. Б. Вильде поместил в «Руле» статью о ливах, немногочисленной и вымирающей угро-финской народности, проживающей в Латвии.⁴⁷ Она основана на беседах Б. Вильде с венгерским журналистом А. А. Комричем, побывавшим у ливов и, будто бы, уполномоченным передать петицию ливов об их национально-государственном самоопределении в Лигу Наций. В статье идет речь о национальном движении ливов, которые хотя и проживают в латышском окружении, но все же сумели сохранить свои обычаи, песни, национальный язык. Сейчас оживился процесс национального возрождения ливов, которые даже мечтают о своей государственности⁴⁸.

Почти во всех биографических работах о Б. Вильде и в некоторых воспоминаниях говорится о его участии в национальном движении ливов, о его поддержке автономии этого маленького народа. Это имело следствием, как иногда утверждается, преследование Б. Вильде латыш-

⁴⁷ *Дикой, Борис*. Ливы (Волость, претендующая стать государством) // Руль. 1930. 18 дек. № 3060. С. 2.

⁴⁸ На самом деле поднимался вопрос об автономии ливов в рамках Латышской Республики.

скими властями, даже его арест, тюрьму и суд.⁴⁹ Правда, до сих пор, как будто, не найдено документальных свидетельств этого, а они обязательно должны были бы быть в латышских архивах да, вероятно, и в печати, если эти «эксцессы» действительно имели место. Вообще вся эта экзотическая по своему характеру история об участии Б. Вильде в борьбе ливов за свое национальное пробуждение и за автономию – еще одна загадка в его биографии, до сих пор не раскрытая. Не была ли опубликованная в декабре 1930 г. в газете «Руль» статья Б. Вильде «Ливы» причиной, вернее, поводом для создания легенды о его участии в движении ливов? Между тем, сама эта статья не дает основания для далеко идущих выводов. Как явствует из текста статьи, она основана не на личных впечатлениях автора, а как мы уже отметили, на беседе с венгерским журналистом, побывавшим у ливов. Кое-что в статье явно относится к журналистским «сенсациям», преувеличениям. Как принято в таких случаях говорить, тут необходимы еще дополнительные разыскания.

С конца марта 1931 г. облик «Руля» меняется: в состав расширенной редакции газеты помимо прежних членов (И. В. Гессен, А. И. Каминка, А. А. Кизеветтер, Г. А. Ландау) входят представители левой радикальной Трудовой крестьянской партии «Крестьянская Россия» (С. С. Маслов, А. А. Аргунов, А. Л. Бем и др.). Забегая вперед, заметим, что обновление редакции не спасло газету от наметившегося кризиса, и 14 декабря 1931 г. вышел последний номер «Руля».

С лета 1931 г. в газете начинают активно сотрудничать авторы из Эстонии, члены партии «Крестьянская Россия» (*крестороссы*), прежде всего Петр Богданов, который довольно регулярно выступал на страницах берлинского «Руля» со статьями о советских порядках.

В обновленном «Руле» Борис Дикой (Б. Вильде) опубликовал свою повесть «Возобновленная тоска» [Руль. 1931. 28 июня – 19 июля, №№ 3217-3235], о работе над которой часто идет речь в его переписке с матерью в том же году. Опубликованный ранее в «Руле» отрывок «Жизнь наша» был лишь небольшим фрагментом так и не написанного романа. Таким образом, полудетективная повесть «Возобновленная тоска» была, по существу, первым законченным крупным эпическим произведением в прозе молодого Б. Вильде, что и дает о себе знать – это произведение далеко не высшей художественной пробы с элементами мелодраматизма, некоторой искусственности в развитии действия и известной схема-

⁴⁹ См. вступительную статью Б. Плюханова к публикации «Письма Бориса Вильде к матери» (Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV. Новая серия. С. 290-291). Ср.: Adams, Valmar. Tartu poisi tähelend // Looming. 1964. Nr. 8. Lk. 1203.

тичности отдельных образов-персонажей. При всем том сюжет повести скроен бойко, есть картины, нарисованные по-своему ярко. Отдельные персонажи отображены вполне убедительно. Это, в частности, относится к одному из главных героев произведения – эмигранту Михаилу Аркадьевичу Руковишникову, большому «специалисту» по части дам, чья былая потенция, увы, слабеет.

Едва ли не ведущим мотивом повести Б. Вильде, как и многих других произведений русской эмигрантской литературы, стала ничем не искоренимая тоска эмигранта, бывшего поручика лейб-гвардии Игоря Олоньева по родине: его всё время влечет домой, в Россию. Это становится причиной гибели героя: его расстреливает советский пограничник при переходе эстонско-советской границы.

В повести мы находим и описание Нарвы, города, откуда Олоньев начинал свои переходы через границу. Почему-то Нарва произвела на героя удручающее впечатление, город показался ему серым, неприветливым. «Три недели прожил он (Олоньев – *С. И.*) в этом сером городе – и после долгих лет безвыездной жизни в шумном и порывистом Берлине серая тишина Нарвы действовала на него успокоительно. Без цели бродил часами по забавным провинциальным улицам и было ему непривычно и вместе с тем странно хорошо слышать русскую речь прохожих и читать русские вывески – в этом старом городе, больше русском, чем эстонском».⁵⁰

За границей Б. Вильде не терял связей с тартускими друзьями и знакомыми, переписывался с бывшим мэтром Юрьевского цеха поэтов, лектором русского языка в университете Борисом Васильевичем Правдиным, с приятелем по гимназии Алексеем Николаевичем Соколовым и др. В свою очередь друзья старались информировать русскую читающую публику в Эстонии о судьбе молодого автора из Тарту. В 1934 г. в таллиннской ежедневной газете «Вести дня» появляется небольшое сообщение «О „русском Парнасе“ в Эстонии (Письмо из Тарту)», подписанное криптонимом *М. С.* В нем приводились сведения о Б. Вильде: «Покинув Эстонию около трех лет тому назад, юный поэт после долгих странствий по белу свету неожиданно очутился в Париже. Здесь он посещает салон Мережковских, хорошо знаком с Андрэ Жидом, Полем Валери, а у Марселя Прево был в качестве гостя на его пиринейской вилле»⁵¹.

В ставших ему уже родными эстонских краях Б. Вильде вновь появился в 1937 г., когда по поручению Музея человека в Париже, где он работал, отправился в научную экспедицию в Печорский край с целью собирания материалов о сету и их культуре. В 1938 г. Б. Вильде опять с

⁵⁰ Руль. 1931. 5 июля. № 3223. С. 10.

⁵¹ *М. С.* О «русском Парнасе» в Эстонии (Письмо из Тарту) // Вести дня. 1934. 4 янв. № 3. С. 2.

научным заданием приехал в Финляндию и оттуда в конце года отправился в Эстонию, чтобы встретиться с родными и вновь побывать в Печорском крае.

Любопытно, что это пребывание Б. Вильде в Эстонии в очередной раз привлекло к нему внимание эстонской Политической полиции. В уже знакомой нам картотеке блюстителей госбезопасности есть соответствующие указания на этот счет. 30 ноября 1938 г. помощник комиссара Политической полиции Петсериского (Печорского) уезда сообщил своим «ассистентам» (подчиненным, сотрудникам), что Министерством иностранных дел французскому гражданину Б. Вильде дано разрешение на пребывание на территории Эстонской Республики. В случае его появления в Печорском уезде ассистентам предписывалось незамедлительно установить за ним надзор, выяснить, чем он интересуется и с кем общается и обо всем доложить помощнику комиссара.

21 января 1939 г. один из ассистентов сообщал начальству: «Докладываю, что по полученным мною сведениям в середине декабря прошлого года исследователь старины, французский гражданин Борис Вильде побывал в Печорах, где посетил и Печорский монастырь. В Печорах он остановился на короткий срок, примерно на полдня, и затем уехал. Ничего подозрительного в его передвижениях и в поведении не замечено». Это последняя запись в картотеке Политической полиции. Между прочим, эта картотека после установления советской власти в Эстонии перешла в ведомство уже советской госбезопасности и использовалась в ее репрессивных акциях.

Архивы Эстонии и Латвии, без сомнения, хранят еще и другие интересные материалы о Б. Вильде. Надеемся, что они будут найдены.

Борис Вильде. Русские в Эстонии*

Как-то, скитаясь на велосипеде по Эстонии, заехал я на хутор выпить молока. Дело было в центральной Эстонии, далеко от железной дороги, где обычно хуторяне по-русски знают лишь одно слово: «Фодка». Можно себе представить мое удивление, когда, входя во двор, услышал я артистическую ругань на отборнейшем русском языке – это хозяин, рослый, загорелый парень, запрягал лошадь.

* Статья (впрочем, ее можно назвать и очерком) печатается по тексту первопубликации: Руль. 1930. 5 дек. № 3049. С. 4

Мы разговорились. Действительно, русский, тверяк. Бывший северо-западник.

– «Как же вы хуторянином-то сделали?» – спрашиваю.

Тверяк сплюнул и махнул рукой:

– Да что! Болтался все время по лесопилкам; надоело – а тут случай такой вышел – у бабы вот муж помер – хозяйство вести некому. Ну, нанялся я в батраки – захотелось опять на земле работать. А теперь вот и совсем хозяином стал – поженились; мальчонку уже шестой месяц пошел.

– Ну, что же, довольны?

– Ничего, жить можно. Только уж больно скучно. Баба моя по-русски ни бе, ни ме, а я хоть и насобачился по-эстонски, а все не то...

И неожиданно закончил стереотипным вопросом:

– Когда же в Россию-то поедем?

Я удивился.

– Как же вам ехать, ведь у вас здесь хозяйство.

– Что ж хозяйство. Там у нас в Тверской губернии свое есть. Сейчас там брат орудует.

Таких примеров – женитьбы русских эмигрантов на эстонских хуторянках – много. Рассыпались осколки Северо-западной армии по эстонским лесам и болотам. Занялись, главным образом, работой по лесной части или в батраках у богатых хуторян-эстонцев – тяга к земле все-таки дает себя знать. Частенько женятся на эстонках. И вот где-нибудь в глухой деревне сталкиваешься с таким русским эстонцем. По внешнему виду не отличить от туземцев – такая же вислоухая шапка *läkiläki* [1], на ногах *pastlad* [2], в зубах трубка. Но стоит немного разговориться и услышишь неизбежное: «Скоро ли поедем в Россию?».

*

Вообще все живут вот такими неопределенными надеждами, что «что-то» должно случиться, что даст возможность вернуться на родину. А пока – можно пилить лес, торф выкапывать в сырых эстонских болотах, добывать сланец из-под земли. И даже если кто и попадает на землю, как мой тверяк, все-таки таит в себе мысль вернуться когда-нибудь к себе на родные русские пашни – большая часть эмигрантов в Эстонии – крестьяне, оторванные гражданской войной от своего дела. Интеллигенция встречается почти исключительно в городах – Ревеле, Нарве, Юрьеве. Занимаются кто чем, как и везде. Года два тому назад мне пришлось прожить целое лето в Кохтла [3]. Это – большой рабочий поселок, вернее, несколько поселков, – центр сланцевых разработок. Кроме того это нечто вроде эстонского «Нарыма» [4] – сюда обычно высылают административным порядком из городов «неблагонадежных» эмигрантов.

Таких «ссылных» здесь целая колония с самыми разнообразными занятиями – барон фон Ш., бывший кавалергард, катает бочки с битумином, добываемым из сланца; бывший полковник теперь парикмахером; капитан – клеит игрушки... Рядом с Кохтла есть на берегу Финского залива чудесный уголок – Тойла, воспетый его постоянным жителем и моим другом – Игорем Северяниным [5]. Часто бывая там, я свел дружбу с русскими рыбаками – молодыми, веселыми ребятами, настолько уже свыкшимися со своим новым занятием, что они ни в чем не уступают на работе местным рыбакам...

Но все это более или менее – счастливики. Хуже приходится тем, кто добывает сланец – в подземных шахтах, где осенью по колено воды...

Между прочим, русской школы здесь нет; была когда-то, но закрыли, и дети эмигрантов постепенно обэстониваются и по-русски, особенно малыши, говорят хуже, чем по-эстонски. Это приносит много огорчений родителям, но помочь нечем.

По праздникам собираются друг у друга за самоваром – начинают бесконечные воспоминания о «добром старом времени», которое по контрасту с ужасным «теперь» и за дымкой времени и впрямь кажется каким-то сказочным раем. Уходят люди в прошлое, упиваются собственными воспоминаниями, пока кто-нибудь вдруг не разорвет паутины грез неотступным вопросом: «Когда же в Россию-то поедем?».

В общем, в Эстонии русские эмигранты живут сравнительно лучше, чем в соседних Финляндии и Латвии. Население относится к русским довольно хорошо. В эстонском обществе идет давно уже постоянная борьба за преподавание русского языка в средних училищах [6]. В настоящее время в эстонских гимназиях проходят немецкий и английский, русский же, который безусловно очень важен в Эстонии, игнорируется.

Такое положение русского языка тем более странно, что русское меньшинство в Эстонии весьма многочисленно. Вдоль всей советско-эстонской границы от Нарвы и до Изборска тянутся русские деревни: Принаровский край, Приозерье (по берегу Чудского озера) и, наконец, Печеры со старинным Печерским монастырем.

*

Как ни странно, но положение коренного русского населения не только не лучше, но подчас, пожалуй, и хуже положения эмигрантов. Особенно тяжело приходится приозерцам. Земли здесь совсем мало – по местному выражению, «вошь выпустить некуда». Население сплошь состоит из рыбаков. Рыбы ловится вдоволь – это, главным образом, «постная» рыба: знаменитые снеток, корюшка, ряпушка. Но сбыта нет, и цены стоят низкие. В былое время почти весь улов отправлялся в Рос-

сию, теперь же граница закрыта. Да и ловля рыбы связана теперь с некоторым риском: частенько случается, что советские катера забирают выехавших немного подальше рыбаков и потом начинается мытарство по тюрьмам ГПУ. Таких случаев много.

Опять-таки ранее приозерцы отправлялись пешком на отхожий промысел – каменщиками во Псков, Петербург. Теперь же и этой возможности нет.

Нашлись было несколько лет назад предприимчивые люди, которые организовали рыбацкий кооператив для сбыта рыбы. Но после того, как кооперативные запасы сгнили в складах, а предприимчивые люди предпочли покинуть пределы Эстонии, захватив с собой остатки кооперативных денег, – после того бедный приозерец только почесывает затылок, расплачиваясь по кооперативным векселям, и не дай Бог заикнуться там как-нибудь в разговоре, что почему, мол, не наладить бы рыбацкий кооператив...

*

И то сказать, темен приозерский мужичок, сохранивший с незапамятных времен свои обычаи и веру (среди них большинство старообрядцев) и относящийся с недоверием ко всякого рода переменам. И политически безграмотен, конечно. Это особенно сказывается во время выборов в Государственное собрание [7] – эстонские партии получают немало русских голосов, помещая где-нибудь в конце своего списка более или менее популярное русское имя. Впрочем, и сами мы, русские, хороши – вместо того, чтобы объединиться всем меньшинством, всегда существует несколько русских списков, агитаторы которых не стесняются обливаться друг друга помоями и словесно и печатно. Никак не достичь единения: до сих пор русское меньшинство не может осуществить своего права на культурную автономию, тогда как немцы и евреи, гораздо более малочисленные, давно уже сами управляют своими школами и заботятся о сохранении самобытности своей национальности [8].

Только в последнее время замечается некоторый сдвиг к лучшему и есть надежда, что наученные горьким опытом русские наконец объединятся, чтобы дружно отстаивать свои права. Тогда и в парламенте русская фракция увеличится вдвое (сейчас там русских – четыре [9], тогда как по количеству русского населения должно бы было быть около десяти человек).

Тогда, быть может, будет что-нибудь сделано и для русского населения в Эстонии, что даст возможность снова встать на ноги причудцам и принаровцам.

Берлин. Сентябрь, 1930

Примечания и комментарии

1. *Läkiläki* (эст.) – шапка-ушанка.
2. *Pastlad* (эст.) – постолы, поршни, лапти; плетеная обувь из лыка, веревок, кусков кожи.
3. *Кохтла* – рабочий поселок на севере Эстонии, ныне часть города Кохтла-Ярве.
4. *Нарым* – Нарымский край в Сибири (северная часть Томского уезда), место политической ссылки в Российской империи начиная с XVIII в.
5. Между прочим, в архиве Игоря Северянина, хранящемся ныне в Эстонском литературном музее в Тарту, имеется вырезка из номера газеты «Руль» со статьей-очерком Б. Вильде «Русские в Эстонии». Именно это место в статье подчеркнуто.
6. В начале 1920-х гг. русский язык был исключен из учебных программ эстонских школ. Однако в конце 1920-х гг. все чаще стали раздаваться голоса родителей, требовавших восстановления преподавания русского языка в эстонских учебных заведениях. См.: Требуют введения преподавания русского языка // Вести дня. 1928. 30 сент. № 110. С. 2; Keele-mäss Tartu algkoolides. Lastevanemad nõuavad Vene keele õpetamist // Päevaleht. 1930. 4. okt. Nr. 270. Lk. 3; Родители требуют введения преподавания русского языка в начальных школах // Вести дня. 1930. 5 окт. № 268.
7. *Государственное собрание* (Riigikogu) – парламент Эстонской Республики.
8. Закон о культурной автономии национальных меньшинств был принят эстонским парламентом в феврале 1925 г. Он был одним из самых либеральных в Европе, закреплял права национальных меньшинств, предусматривал создание их органов культурного самоуправления. Немецкое национальное меньшинство в 1925 г., а еврейское в 1926 г. воспользовались этим законом и создали свою систему культурной автономии. Русские же в силу ряда объективных и субъективных причин так и не сумели воплотить в жизнь свои права на культурную автономию. См. об этом: Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918-1940). Тарту; СПб., 2001. С. 43-47.
9. Вообще-то, в избранном в 1929 г. составе парламента (Рийгикогу) было только трое русских (из ста депутатов): Иоанн Булин и Валентин Смирнов от Русского национального союза и Алексей Гречанов от социалистов. Четвертым депутатом от русских Б. Вильде, видимо, считал Августа Узай, учителя, деятеля русского социалистического движения в Печорском крае, хотя он был по национальности эстонцем.

Многоликий К. К. Гершельман

Имя Карла Карловича Гершельмана мало что говорит современному русскому читателю. Между тем это был интереснейший человек, оставивший заметный след в литературе и искусстве Русского Зарубежья 1920-1940-х гг. Он был одновременно и писателем, и художником, при этом удивительно многоликим и неординарным. Карл Гершельман выступал и как поэт (пожалуй, именно в этой области он добился наибольшей известности), и как прозаик, и как драматург, и как детский писатель, и как литературный критик, и, наконец, как автор историко-литературных статей и эссе. Столь же многогранен Гершельман как художник. Он был графиком и акварелистом, занимался иллюстрацией книг и рисовал театральные декорации. В дополнении ко всему этому К. К. Гершельман был и интересным мыслителем, и хотя он не считал себя философом, но создал свою философскую систему, которую обобщил в так и не вышедшем в свет труде «Философия 1/4 часа».

Нельзя сказать, что К. К. Гершельман был неизвестен в литературных кругах русской эмиграции. Не случайно В. С. Варшавский в своей книге «Незамеченное поколение» назвал Гершельмана в числе авторов, получивших «общеэмигрантскую известность».¹ В высшей степени показательно, что его стихотворения неизменно входили почти во все сводные антологии эмигрантской поэзии, начиная с «Якоря» (1936), первой послевоенной антологии «На Западе» (1953), и кончая аналогичными сборниками, вышедшими в России в 1990-е гг. (см.: «Вернуться в Россию – стихами», четырехтомник «Мы жили тогда на планете другой...»). И это при всем том, что произведения Гершельмана никогда не выходили отдельными изданиями! Более того, можно говорить об использовании его творческого опыта другими поэтами Русского Зарубежья. Так, Ю. П. Иваск признавался, что идея его известной поэмы «Играющий человек» («Номо ludens») подсказана именно Гершельманом.²

¹ *Варшавский В. С.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956 (репринтное изд. – М., 1992). С. 184.

² *Иваск, Юрий.* Играющий человек: Поэма. Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1988. С. 35.

И все же, при всем том, ныне К. К. Гершельман, действительно, относится к числу малоизвестных даже в кругах специалистов авторов. Причин этого много. При жизни Гершельман печатался очень мало: в печати появилось немногим более десятка его стихотворений и менее десятка его миниатюр и рассказов. К тому же они были опубликованы, за малым исключением, в изданиях, не имевших широкого распространения. Вообще писателям с периферии Русского Зарубежья, особенно молодым, чей творческий путь начинался уже в эмиграции, – а обосновавшийся в Эстонии Гершельман относился именно к их числу, – очень трудно было пробиться в «большую литературу».

Затем в течение десяти лет, в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы, К. К. Гершельман, проживавший в Германии, вообще не имел возможности печататься. Публикация его произведений возобновилась усилиями Ю. П. Иваска и Т. А. Пахмус уже после смерти Гершельмана в 1951 г. Но опять же эти публикации разбросаны по разным изданиям, порою трудно доступным не только широкому читателю, но и исследователям-литературоведам. Сами эти публикации в ряде случаев неудовлетворительны в текстологическом отношении, в них немало искажений, откровенных ошибок и пропусков в тексте. К тому же многие произведения Гершельмана до сих пор остаются вообще неопубликованными. В архиве писателя мы насчитали около сорока таких произведений в стихах и прозе.³

*

Биографические сведения о К. К. Гершельмана, особенно о годах его молодости, скудны и обрывочны⁴.

Карл Карлович Гершельман родился 26 февраля 1899 г. в Севастополе.⁵ Его отец Карл Теодор Леопольд Гершельман (1840-1929), выпускник

³ Об архиве К. К. Гершельмана см. прим. 7 на с. 25 настоящего издания.

⁴ Основным источником наших сведений о раннем периоде жизни К. К. Гершельмана являются сохранившиеся в семейном архиве писателя черновики писем его вдовы Е. Б. Гершельман Темире Пахмус от 23 февраля 1981 г. и от 15 сентября 1982 г. с биографическими данными о покойном муже.

⁵ Такие данные содержались в германском паспорте К. К. Гершельмана. Нельзя, однако, не отметить, что в ряде найденных нами в Государственном архиве Эстонии документов местом рождения К. К. Гершельмана указана Одесса (ГАЭ. Ф. 14. Оп. 13. Ед. хр. 531; Ф. 58. Оп. 5. Ед. хр. 921. Л. 28; Ф. 62. Оп. 5. Ед. хр. 830). В пользу Одессы говорит и тот факт, что, согласно биографической справке об отце будущего писателя (см. следующую сноску), последний был переведен по службе из Севастополя в Одессу уже в 1898 г.

Дерптского университета, доктор медицины, был военным врачом и дослужился до чина тайного советника,⁶ который соответствовал генеральскому (отсюда почти во всех биографических справках о Гершельмане-младшем мы находим указание на генеральский чин его отца). Он происходил из разветвленного прибалтийско-немецкого рода Hörschelmann'ов (или Hoerschelmann), поселившегося в Эстляндии еще в XVIII в.; из него вышел ряд известных местных деятелей, преимущественно пасторов, но также ученых, педагогов, журналистов, писателей.⁷ К. Т. Л. Гершельман был женат на Марии Хинтце. В многодетной семье Гершельманов (у них было пять сыновей и три дочери) она как бы представляла «художественное» начало: очень любила театр и изобразительное искусство, устраивала дома с детьми театральные представления, причем сама шила для них костюмы и рисовала декорации. Ее хорошим знакомым был И. К. Айвазовский. В семье Гершельманов разговорным языком, скорее, был русский, чем немецкий, поэтому будущий писатель своим родным языком всегда считал русский. В его натуре как бы соединились, синтезировались два в общем-то противоположных начала – отцовское и материнское. От отца Карл унаследовал известный рационализм, интерес к философии и к теологическим проблемам, от матери – эмоциональность, увлечение литературой и искусством.

Дети Карла Гершельмана-старшего получили превосходное домашнее воспитание, как и хорошее образование. Карл Гершельман-младший с 1909 г. учился в Одесском кадетском корпусе, а после окончания его в 1916 г. прошел ускоренный офицерский курс в Михайловском артиллерийском училище в Петрограде, произведен в прапорщики, зачислен в лейб-гвардии 3-ю артиллерийскую бригаду и отправлен на фронт.

Судя по всему, К. К. Гершельман воевал на Юго-западном фронте, которым командовал генерал А. А. Брусилов. Вообще-то в произведениях Гершельмана автобиографические элементы редки, но все же в цикле миниатюр 1930-х гг. «После восьми часов вечера» он вспоминает Тарнопольское наступление, т. е., по-видимому, знаменитое наступление Юго-западного фронта летом 1916 г., более известное под названием Брусиловского прорыва.

После распада армии в конце 1917 – начале 1918 года К. К. Гершельман поселился в Одессе, где жил его отец. Здесь он поступил в Новороссийский университет, где стал изучать философию (интерес к ней он сохранил до конца жизни). С формированием «белого движения» молодой

⁶ Биографические сведения об отце см.: Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710-1960. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1970. S. 326-327.

⁷ См. там же. С. 326-330.

человек вступает в Вооруженные силы Юга России и как артиллерист сражается на фронтах Гражданской войны в армии Деникина и вслед за тем Врангеля. Вместе с армией Врангеля он был морем эвакуирован в Турцию – в Галлиполи, где провел больше года. Там в марте 1922 г. Гершельман был произведен в капитаны – последний его офицерский чин.

В том же 1922 г. Гершельман через Болгарию, Румынию и Польшу добрался до Риги, откуда позже переехал в Эстонию, в Таллинн, где уже проживали его братья – Александр и Константин. Сын Карла Карловича вспоминает рассказы отца о том, как он приехал в Таллинн с одной небольшой сумкой, в которой умещалось всё его «имущество». Вначале К. К. Гершельман поступил рабочим на лесопилку, позже устроился внештатным чертежником в Министерство земледелия.⁸

И все же он испытывал чувство благодарности судьбе. В архиве Гершельмана хранится множество его записей самого разного характера. В одной из них под характерным названием «Благодарность» он позже отмечал: «Из моих одноклассников, товарищей по школе почти все погибли (две мировые войны, революция). Я – счастливец, вытянувший выигрышный билет: я вижу окно, деревья, облака – они ничего не видят. У меня есть глаза, уши, ноги, руки, плечи – у них ничего. Что я могу еще требовать от жизни?». И такое мироощущение осталось до конца жизни близким Карлу Карловичу Гершельману.

В 1926 г. К. К. Гершельман женился на художнице Елизавете Бернгардовне Розендорф (1898-1984), с которой познакомился на работе: она также трудилась чертежницей, правда, штатной, в Министерстве земледелия. Е. Б. Розендорф-Гершельман была по национальности эстонкой, но с юных лет жила вместе с родителями в России, закончила в 1916 г. гимназию в Петрограде и после этого занималась в знаменитом Училище технического рисования барона Штиглица, в мастерской С. Чехонина расписывала фарфор. В 1920 г. она оптировалась в Эстонию, в Таллинн. Елизавета Бернгардовна с успехом выступала на художественных выставках.⁹ Карл Карлович нашел в ней верную спутницу жизни, с которой его связывал и общий круг интересов.

Служба в Министерстве земледелия была скучной, нудной, совершенно не интересной; видимо, именно о ней Гершельман скажет немало горьких слов в своем рассказе «С 11-го на 12-ое июня 1933 года». Всё

⁸ Он служил в отделе кадастров и землеустройства Министерства земледелия (Põllutööstusministeeriumi Katastri ja Maakorralduse osakond). ГАЭ. Ф. 62. Оп. 5. Ед. хр. 830).

⁹ См. биографическую справку о ней: *Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я.* Художники Русского Зарубежья, 1917-1939. Биографический словарь. СПб.: Нотабене, 1999. С. 497-498. В справке отдельные неточности.

свободное время Гершельман отдавал живописи и литературе, причем сначала на первом месте была живопись, хотя он и не получил специального художественного образования. Позже, в декабре 1938 г., Гершельман писал своей доброй знакомой, поэтессе из Гельсингфорса Вере Булич: «...насчет моих занятий живописью. Прежде я, действительно, занимался преимущественно ею и в Ревеле скорее признан именно как художник».¹⁰ В 1925 г. в ревельском Русском театре состоялось рождественское представление для детей «Сказка года», организованное Союзом друзей русского ребенка. Декорации и костюмы к этому представлению, оцененные критикой как очень хорошие, принадлежали К. К. Гершельману.¹¹ С того же 1925 года Гершельман участвовал в местных художественных выставках – Центрального общества эстонских художников (1925-1927, 1930), Управления целевого капитала изобразительного искусства (1928-1930), Общества художников-прикладников (1933), в Русской выставке в Таллинне (1931). Работы Гершельмана были представлены и на зарубежных «репрезентативных» выставках эстонского изобразительного искусства в 1929 г. – сначала в Хельсинки, позже в Любеке, Киле, Кёнигсберге¹². К. К. Гершельман был автором эскизов декораций к опере Л. Делиба «Лакме» в театре «Эстония» (1930). Забегая вперед, отметим, что его рисунки хранились и в Русском музее под Прагой.

Когда К. К. Гершельман начал писать, мы не знаем. Есть основания предполагать, что он пробовал свои силы в сочинительстве еще до приезда в Эстонию. Но его литературный дебют относится к 1927 г. В этом году Гершельман принял участие в литературном конкурсе, объявленном выходящей в Таллинне газетой «Рассвет». Ему была присуждена вторая премия за рассказ (фактически миниатюру) «Аруна и Харидаза», причем решением жюри это была вообще единственная премия на конкурсе¹³. Рассказ тогда же был опубликован в газете¹⁴.

Правда, следующей публикации пришлось ждать почти три года. В 1930 г. в единственном номере литературно-художественного журнала «Русский магазин» (Таллинн) появился фантастический рассказ К. Гершельмана «Арт-Виктор». Любопытно, что обложка журнала была оформлена Гершельманом-художником. Одним из редакторов «Русского мага-

¹⁰ *Isakov S. G.* Переписка К. К. Гершельмана и В. С. Булич // *Studia slavica Finlandensia*. Т. XI. Helsinki, 1994. С. 199.

¹¹ *Г. И.* «Сказка Года» // *Последние известия* (Таллинн). 1925. 30 дек. № 299. С. 3.

¹² См.: *Loodus, Rein, Keevallik, Juta, Ehasalu, Pia.* Eesti kunsti aja- raamat 1523-1944. Tallinn, 2002.

¹³ Жюри Литературного конкурса... // *Рассвет*. 1927. 19-26 нояб. № 13. С. 5.

¹⁴ *Гершельман К.* Аруна и Харидаза. Индийская сказка // Там же. С. 7.

зина» являлся Ю. П. Иваск, с этого времени это наиболее близкий Карлу Карловичу человек.

С начала 1930-х гг. в центре занятий К. К. Гершельмана постепенно становится именно литература, оттесняя живопись на второй план. Он принимает деятельное участие в работе тогдашних местных русских литературных объединений¹⁵. Поскольку Гершельман проживал в Нымме¹⁶, то он становится членом Ныммеского литературного кружка, весьма активно действовавшего в 1932-1934 годы. На его заседаниях Гершельман выступает с докладами на литературные и философские темы, участвует в дискуссиях.¹⁷ В конкурсе рассказов на тему «Встреча» лучшим был признан рассказ Гершельмана под тем же названием, посвященный пребыванию А. С. Пушкина в Одессе¹⁸.

Одновременно К. К. Гершельман участвует в работе старейшего объединения любителей словесности в Таллинне – центрального *Литературного кружка*, созданного еще в 1898 г.¹⁹ 30 января 1933 г. он выступает на годовом собрании кружка с сообщением о 50-ой книге «Современных записок»²⁰, в начале 1934 г. избирается кандидатом в члены его правления²¹. На «вечере литературных юбилеев» 26 ноября 1934 г. К. К. Гершельман читает доклад о М. Ю. Лермонтове²². Вообще в середине 1930-х гг. наблюдается некоторое оживление в деятельности *Литературного кружка*. Современники связывали это именно с тем, что руководство кружком перешло в руки молодых писателей (П. Иртель, Б. Нарциссов, Ю. Иваск, К. Гершельман, Е. Базилевская)²³.

Но особенно важное значение имело участие К. К. Гершельмана в *Ревельском цехе поэтов*, основанном 15 октября 1933 г. Дело в том, что

¹⁵ Об этих объединениях см.: *Исаков С. Г.* Русские в Эстонии 1918-1940. Историко-культурные очерки. Тарту, 1996. С. 101-120.

¹⁶ Ныне часть Таллинна, в ту пору Нымме в административном отношении был отдельным городом.

¹⁷ См.: *П. И.* На собраниях наших кружков // Таллинский русский голос (далее сокращенно – ТРГ). 1933. 15 янв. № 10. С. 4; В литературных кружках // ТРГ. 1933. 29 янв. № 12. С. 4. Доклад К. К. Гершельмана на собрании кружка 4 апреля 1933 г. был посвящен Платону.

¹⁸ *П.* Конкурс рассказов // ТРГ. 1933. 12 февр. № 14. С. 4.

¹⁹ См. о нем: *Исаков С.* Старейшее русское литературное объединение в Эстонии // Таллинн. 1996. № 5-6. С. 179-184.

²⁰ *П. М.* Годовое собрание Ревельского литературного кружка // ТРГ. 1933. 5 февр. № 13. С. 4.

²¹ *М.* Юбилейное годовое собрание Литературного кружка // Вести дня (далее сокращенно – ВД). 1934. 1 февр. № 27. С. 2; Культурная хроника // ТРГ. 1934. 3 февр. № 65. С. 4.

²² *М.* Вечер литературных юбилеев // ВД. 1934. 27 нояб. № 278. С. 2.

²³ См.: *Исаков С. Г.* Русские в Эстонии 1918-1940. С. 104.

Ныммеский литературный кружок, как и центральный таллиннский *Литературный кружок*, были объединениями любителей словесности, *Ревельский же цех поэтов* – содружеством творцов литературы, авторов. В его состав вошли почти все выдающиеся представители молодого поколения русских поэтов в Эстонии. Во главе цеха стал П. М. Иртель. К. К. Гершельман был одним из инициаторов создания нового объединения, он считался «активным членом» его (так официально именовались действительные члены цеха). «По замыслу инициаторов, Цех поэтов должен был явиться местом работы над стихосложением, школой поэтики и самокритики», в нем предусматривался «взаимный критический разбор» произведений членов цеха, «знакомство с современной поэзией»²⁴. *Ревельский цех поэтов* установил связи с другими русскими литературными объединениями за рубежом, в частности с пражским «Скитом поэтов». Усилиями членов цеха были изданы сборники «Новь» (№ 6 и 7, 1934), которые имели более широкое – в масштабе всей зарубежной русской литературы – значение. Хотя члены кружка не придерживались одного какого-то направления в тогдашней эмигрантской литературе, в нем господствовал принцип свободы творчества, но, пожалуй, наиболее близкими для участников были традиции акмеизма.

Член объединения Б. А. Нарциссов позже вспоминал, что Карл Гершельман был «пожалуй, тогда наиболее зрелым из всех цеховцев-поэтов»²⁵, и не случайно он принимал активное участие в его работе. 21 января 1934 г. Гершельман сделал на собрании цеха доклад о новом сборнике стихов Георгия Иванова «Розы»²⁶. Собрания цеха в первом полугодии 1934 г. обычно посвящались чтению и разбору стихотворений членов объединения. 21 февраля 1934 г. Гершельман выступил на собрании с анализом творчества Меты Роос²⁷, 4 марта был разбор поэзии самого Карла Гершельмана²⁸, в апреле он же прочитал в кружке доклад о творчестве Юрия Иваска, в котором докладчик изложил и свой взгляд на современную поэзию вообще²⁹.

Осенью и в конце 1934 г. собрания *Ревельского цеха поэтов* были посвящены прежде всего проблемам техники стиха. К. К. Гершельман выступил с докладом о рифме³⁰.

²⁴ Цех поэтов // Новь. Сб. 6. [Таллинн,] 1934. С. 77.

²⁵ Нарциссов, Борис. Цехи русских поэтов в Эстонии // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1980. 29 февр. № 25131. С. 6.

²⁶ Культурная хроника // ТРГ. 1934. 27 янв. № 64. С. 4.

²⁷ Культурная хроника // ТРГ. 1934. 3 марта. № 69. С. 4

²⁸ Предстоящие доклады и сообщения // Там же.

²⁹ Культурная хроника // ТРГ. 1934. 28 апр. № 77. С. 4.

³⁰ Цех поэтов (Из дневника) // Новь. Сб. 7. Таллинн, 1934. С. 108.

Он же был одним из ведущих авторов в выпускавшихся *Ревельским цехом поэтов* сборниках (их можно назвать и альманахами) «Новь». В шестом и седьмом выпусках «Нови», вышедших в 1934 г., опубликовано 6 стихотворений Гершельмана, относящихся к лучшей части его поэтического наследия, интересный «фантастический рассказ» «Коробка вторая» и статья «О современной поэзии». Он принял участие и в оформлении сборников как художник. Еще до создания *Ревельского цеха поэтов* в четвертом номере «Нови» (март 1932 г.), а затем в пятом (апрель 1933 г.) появились рисунки Гершельмана. Впрочем, не нужно думать, что он печатался только в «Нови». В известном парижском журнале «Числа» был опубликован его этюд «О Числах».³¹

Ревельский цех поэтов распался в 1935 г. из-за внутренних разногласий, связанных с подготовкой к печати восьмого сборника «Нови». Из цеха в знак протеста против действий редактора «Нови» П. Иртеля вышли Ю. Иваск, К. Гершельман, И. Борман, Б. Нарциссов и Б. Новосадов³².

К. К. Гершельман сожалел о распаде *Ревельского цеха поэтов*³³, тем более, что к этому времени почти замерла деятельность других русских литературных объединений в Таллинне и писатель оказался как бы вне литературного окружения. Закрытие газеты «Таллинский русский голос» (1932-1934) и прекращение выхода в свет сборников «Новь» привело к тому, что Гершельману негде было в Эстонии печататься: литературных журналов тут не было, а немногочисленные русские газеты очень неохотно публиковали художественные произведения. Единственным изданием, где Гершельман еще мог публиковаться, стал выходивший в Финляндии, в Выборге, «Журнал Содружества», в котором отпечатанные на пишущей машинке тексты тиражировались на множительном аппарате. На страницах «Журнала Содружества» Гершельман опубликовал в 1935-1937 гг. семь рассказов и миниатюр и два стихотворения.

К «компликации» этого рода добавились еще и житейские, повседневные, «бытовые». В 1934 г. в Эстонии произошел переворот, приведший к установлению в стране авторитарного режима К. Пятса. Резко усилилась политика эстонизации, направленная, прежде всего, против русских. Жертвой ее стал и Гершельман: он лишился работы в Министерстве

³¹ Гершельман, К. О числах // Числа. 1934. № 10. С. 248-249.

³² Isakov S. G. Переписка К. К. Гершельмана и В. С. Булич. С. 191. См. также: Раскол в «Цехе поэтов» // ВД. 1935. 21 нояб. № 274. С. 1; Белобровцева И. К истории раскола Ревельского цеха поэтов и конца сборника «Новь» // Балтийский архив. Т. XI. Таллинн, 2006. С. 165-190.

³³ См. письмо К. К. Гершельмана В. С. Булич от 19 июня 1938 г. (Isakov S. G. Переписка К. К. Гершельмана и В. С. Булич. С. 194).

земледелия как не владеющий эстонским языком в достаточной степени. Гершельман попытался зарабатывать на жизнь трудом вольного художника, графика, прежде всего в сфере рекламы. К тому же на его попечении осталась родившаяся в ноябре 1935 г. дочь Анна (это дало Карлу Карловичу материал для прекрасного рассказа «Начало»). Однако очень скоро стало ясно, что труд вольного художника не может обеспечить семью материально. Гершельман стал работать рисовальщиком на текстильной фабрике «Eesti Siid» («Эстонский шелк»). В его обязанности входило разрисовывать образцы тканей. Именно там, вдыхая день за днем ацетон, он заболел бронхиальной астмой, причем в тяжелой форме. Бронхиальной астмой Гершельман страдал до конца своей жизни.

При этом вновь и вновь повторялась старая ситуация, на которой Гершельман не раз останавливался в письмах к В. С. Булич: «Если у каждого человека есть свое основное жизненное «горе» <...>, то мое «горе» именно в отсутствии возможности заниматься делом любимым и интересующим и необходимость заниматься делами неинтересующими»³⁴. «Это в сущности очень глупое положение: какова бы ни была объективная ценность моих писаний, субъективно это все-таки самое лучшее, что я мог бы дать, и все же приходится это систематически подавлять. Получается безвыходное положение: для того, чтобы писать, надо жить, чтобы жить, надо зарабатывать, т. е. не писать. Т<аким> о<бразом> средство вытесняет свою же цель»³⁵.

Если верить собственным признаниям К. К. Гершельмана, к концу 1930-х гг. он вообще перестал писать стихи³⁶. Проза его по-прежнему интересовала, но возможностей для работы над прозаическими произведениями почти не было. Здесь надо еще учесть исключительную, редкостную в писательской среде самокритичность Гершельмана. Он считал, что у него нет «непосредственного поэтического дара»³⁷, что он слишком рационалистичен для поэзии. Свои прозаические вещи Гершельман перерабатывал, переписывал по нескольку раз – и всегда оставался недовольным даже последним вариантом текста, вносил исправления в беловики, не спешил отдавать свои произведения в печать даже тогда, когда такие возможности были. Впрочем, в конце 1930-х гг. их, собственно, уже и не было...

Мы мало что знаем и о занятиях К. К. Гершельмана в эти годы живописью. Можно лишь отметить, что в 1939 г. в Таллинне вышла «Первая книжка для чтения после букваря» Е. Гильдебранда с его иллюстрациями.

³⁴ Письмо к В. Булич от 15 мая 1938 г. (там же. С. 193).

³⁵ Письмо к В. Булич от 30 окт. 1938 г. (там же. С. 197).

³⁶ Ср. признание в письме к В. Булич от 23 апр. 1938 г.: «Последние годы я стихов совсем не пишу» (там же. С. 191).

³⁷ Письмо к В. Булич от 15 мая 1938 г. (там же. С. 192).

Своеобразной отдушиной в той нелегкой и скучной жизни, которая выпала на долю К. К. Гершельмана, с одной стороны, была семья, дети – дочь Анна и сын Константин, с другой же стороны, общение с немногими друзьями, в первую очередь с Юрием Иваском, и переписка с Верой Булич. Ю. П. Иваск впоследствии не раз «веселой силою воображения» вспоминал в своих стихах и письмах вечера, проведенные им у Гершельманов в Нымме, когда они целыми вечерами беседовали о философии Бердяева, Федорова, о поэзии Блока, Осипа Мандельштама, о Достоевском.

А снова посидел бы я втроем
С субботы, помните, до воскресенья
Почти, во время оно, за столом.
Метели выли за двойною рамой
И бредила Валгалла Мандельштама
Италией: туда бы тоже нам!

Грибки, евангельские рыбки, водка
И рай графический блаженно-пестр.
Нечаянная радость и находка.³⁸

Каким же запечатлелся Карл Карлович Гершельман в памяти его друзей и хороших знакомых эстонского периода жизни?

«Высокого – рыцарского – роста, с неистребимой выправкой военного, всегда тщательно одетый (хотя часто бедствовал) и подтянутый, он был скромнен и даже застенчив, и не внешне, а внутренне походил на своего любимого толстовского героя – Безухова. Как Пьер, он думал свою думу и имел контакт с людьми узкого дружеского круга, чуждого суеты и тщеславия», – вспоминал его друг Ю. П. Иваск.³⁹

В сущности это же отмечали и другие хорошие знакомые К. К. Гершельмана. «Я чувствовала в нем человека на редкость мягкого, глубокого и благородного, что вызывало к нему искреннюю и глубокую симпатию», – писала В. С. Булич (письмо к Е. Б. Гершельман от 27 января 1952 г.; хранится в архиве писателя). По утверждению П. М. Иртеля,

³⁸ *Иваск Ю.* Играющий человек. С. 36. См. также: Иваск, Юрий. Русская литературная жизнь в Эстонии // Новое русское слово. 1979. 14 дек. № 25065. С. 4. Ср. в письме Ю. П. Иваска к дочери К. К. Гершельмана Анне Рёдер от 10 дек. 1984 г. (хранится в архиве писателя): «Лет 15 я очень дружил с Вашими родителями, постоянно ездил к ним в Немме – и до, и после Вашего рождения. Как хорошо беседовали обо всём, и о Боге, и о Достоевском, и о чем угодно!»

³⁹ *Иваск Ю.* Памяти К. К. Гершельмана (1899-1951) // Новый журнал (Нью-Йорк). 1952. Кн. XXXI. С. 313.

«Гершельман был твердым в словах и действиях человеком, “рыцарем во всех отношениях”». ⁴⁰ По словам Б. А. Нарциссова, «Гершельман был на редкость деликатным и приятным человеком, с прекрасными манерами и тактом русского офицера». ⁴¹

*

Но вот наступил 1939 год. Началась Вторая мировая война. Еще в преддверии ее германские власти обратились к немцам, проживавшим в других странах мира, с призывом возвратиться на родину, утверждая, что в противном случае они не могут гарантировать жизнь и безопасность своих соотечественников за рубежом. Абсолютное большинство эстонских немцев, даже те, кто не сочувствовал Гитлеру и национал-социалистам, предпочло уехать *nach Vaterland*. Перед сложным выбором стал и К. К. Гершельман, бывший белый офицер, который не мог не понимать, что его ожидает в случае аннексии Эстонии Советским Союзом. Характерны мучительные размышления и колебания Гершельмана. В ноябре 1939 г. он писал В. С. Булич: «Мы пережили очень беспокойное время: почти все наши родственники уехали с прочими балтийскими немцами в Германию. Нас также очень уговаривали ехать и мы долго колебались. В результате все же, как видите, остались, но даже и сейчас не можем сказать, что все наши колебания окончились – есть еще возможность уехать... Главной же причиной, удержавшей нас здесь, было нежелание обращаться в немцев – против Германии я ничего не имею, но все же она мне совершенно чужда. А для детей особенно наш переезд явился бы решающим – тогда они уже выросли бы настоящими немцами». ⁴²

И все же беспокойство К. К. Гершельмана за свою судьбу и судьбу своих детей заставило и его в мае 1940 г. с одним из последних транспортов отправиться с семьей в Германию, ⁴³ точнее в захваченную немцами западную часть Польши – район Познани-Позена, вошедший в состав Райха. Именно туда были переселены выходцы из Прибалтики. Значи-

⁴⁰ *Пахмусс, Темира*. Из архивных материалов – К. К. Гершельман (1899-1951) – русский писатель и художник // *Russian Language Journal*. 1982. XXXVI. № 123-124. С. 206.

⁴¹ Там же. С. 211.

⁴² *Isakov S. G.* Переписка К. К. Гершельмана и В. С. Булич. С. 205.

⁴³ *Quidam*. Маленькие заметки // ВД. 1940. 21 мая. № 112. С. 2. Ср. письмо К. К. Гершельмана В. С. Булич от 20 марта 1951 г. (*Пахмус Т. А.* Страницы из прошлого. Вера Булич и Карл Гершельман – переписка двух русских поэтов в эмиграции // *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология*. Ежегодник. 1997. М.: Наука, 1998. С. 126).

тельную часть своего архива и многие картины К. К. Гершельману удалось взять с собой.

Гершельманы поселились в Познани, где Карл Карлович стал работать чертежником в городском землемерном управлении. В немецкую армию он не был призван из-за бронхиальной астмы, которая в Познани усилилась.⁴⁴

Положение семьи Гершельмана в Познани было непростым. «Переехав в Германию, мы вообще как бы потеряли право чувствовать себя русскими, в душе же, конечно, не могли чувствовать себя и стопроцентными немцами, благодаря этому часто приходилось быть в очень двусмысленном положении, – писал Гершельман В. С. Булич 8 июля 1951 г., добавляя: – Дети говорят по-русски свободно и почти правильно».⁴⁵ Действительно, и в Познани, и позже в Баварии, в Эйхштетте, в семье Гершельманов домашним языком оставался русский. По воспоминаниям сына Константина, Карл Карлович давал детям дома уроки русского языка, поскольку в школе его, естественно, не преподавали, и вообще заботился о том, чтобы дети оставались бы людьми русской культуры. Сыну он старался привить дух дореволюционных русских кадетов, их представления об офицерской чести, правила повседневного поведения. В кабинете Карла Карловича висели портреты Пушкина и Леонардо да Винчи и даже на работе, на рабочем месте, не было портрета Гитлера. Гершельману чужды были идеи национал-социализма, он, не боясь последствий, сделал всё, чтобы избежать членства в национал-социалистической партии, хотя это и требовалось по работе. 23 июля 1943 г., в самый разгар войны, Гершельман прочитал в Познани реферат «Достоевский. “Записки из подполья”» (позже, через сорок лет, он был опубликован⁴⁶).

Особая позиция К. К. Гершельмана особенно ярко проявлялась в его отношении к полякам. Немецкие власти смотрели на поляков как на представителей низшей расы, к которым нельзя относиться как к равным. Характерный эпизод. Приехавшая в Познань семья Гершельманов долго ютилась в одной небольшой комнатухе. Чиновник жилищного управления, к которому они обратились, цинично порекомендовал: присмотрите себе квартиру, где живут поляки, мы их выселим, и вы получите себе приличную жилплощадь. Карл Карлович категорически отказался и пригрозил жене, что если она осмелится это сделать, то он с ней разведется. У Гершельмана установились хорошие отношения с поляками. Он не проводил никакой разницы между сослуживцами – немками и полячками

⁴⁴ См. письмо К. К. Гершельмана к В. С. Булич от 9 янв. 1951 г. (Памятники культуры, 1997. С. 125).

⁴⁵ Там же. С. 126.

⁴⁶ Transaktions. Vol. XVII. New York, 1984. С. 301-308.

и по старой царского времени привычке имел обыкновение при встрече целовать руки дамам, невзирая на их национальность. Это вызвало недовольство начальника, который даже попробовал провести с Гершельманом «воспитательную» беседу на эту тему.

К. К. Гершельман не прекращал и в Познани литературных занятий, но характер их коренным образом меняется: Он обращается к философской эссеистике, которая с этого времени становится главным, основным, со временем и единственным жанром его творчества. «В Познани я очень много писал в полуафористической форме на общемиросозерцательные темы», – признавался Гершельман в письме к В. С. Булич от 9 января 1951 г.⁴⁷ Правда, печататься было негде.

Между тем фронт приближался к Познани. К. К. Гершельман стал понемногу переправлять картины и наиболее старую часть своего архива с рукописями эстонского периода в Эйхштетт, в Баварию, где проживала знакомая по Эстонии семья русских эмигрантов Рославлевых. 20 января 1945 г. Гершельманам пришлось срочно покинуть Познань. Взять с собой весь оставшийся архив было невозможно. Перед отъездом Карл Карлович сжег все те рукописи, которые нельзя было увести. Прежде всего, это были написанные в Познани философские эссе. Позже он частично восстановит их в Эйхштетте. Любопытно, что, по воспоминаниям Константина Гершельмана, поляки помогали Карлу Карловичу при отъезде.

В конце 1945 г., миновав ряд промежуточных остановок, семейство Гершельманов поселилось в маленьком, но очень уютном, к тому же не пострадавшем от войны городке Эйхштетте в центральной Баварии. Постоянной работы здесь К. К. Гершельман не нашел; вновь наступили тяжелые времена. На хлеб пришлось добывать средства случайной работой, как сказано в одном письме, «кустарно-художественного характера».⁴⁸ Карл Карлович и его супруга рисовали портреты американских военных, изготавливали рождественские открытки, зарисовывали кресты и распятия в качестве сувениров и т. д. В 1948 г., в связи с денежной реформой, и эти заработки почти прекратились. Правда, к этому времени Гершельманы уже получали социальное пособие для беженцев, а позже им была назначена пенсия и положение улучшилось. Дополнительный заработок давало иллюстрирование изданий на немецком языке. К. К. Гершельман был автором иллюстраций к книге Херманна Пельтцера «Schonzeitfest. Eine illustrierte Tierballade für Jung und Alt» (Regensburg, S. a.), регулярно предоставлял свои рисунки баварскому католическому журналу «Schutzengel

⁴⁷ Памятники культуры, 1997. С. 125.

⁴⁸ Там же.

Freund der Kinder» (1949-1950); его имя как иллюстратора даже указывалось в выходных данных журнала.

У Гершельмана в Эйхштетте оказалось много свободного времени, и он, как и раньше, использовал его для литературных занятий, прежде всего для работы над философской эссеистикой. Правда, регулярным занятиям мешала с каждым годом усиливавшаяся бронхиальная астма. 9 января 1951 г. он писал В. С. Булич: «Я чувствовал бы себя хорошо, если бы не моя астма. Климат Эйхштетта очень неблагоприятен для нее, и она здесь настолько усилилась, что я совсем превратился в калеку... Приходится очень много лежать, и все действия очень замедлены постоянной одышкой, т. е. почти не остается времени для продуктивной работы. Стихов и художественной прозы я теперь совсем не пишу, когда есть время – философствую».⁴⁹

Мешало работе и отсутствие в Эйхштетте русских книг, на что Гершельман тоже жалуется в своей переписке. И все же за последние годы своей жизни он успел сделать много. Был написан ряд философских эссе, частью напечатанных уже после смерти Гершельмана, частью же остающихся неопубликованными до сих пор. Некоторые из этих работ, впрочем, могли быть вчерне написанными уже в Познани, в Эйхштетте же они дорабатывались.

Самым фундаментальным трудом К. К. Гершельмана в этой области явилось эссе «Философия 1/4 часа», в основных чертах работа над ним была завершена в Познани. Однако перед отъездом из города рукопись пришлось сжечь, и, по утверждению супруги автора, сохранившийся в семейном архиве текст был заново написан в Эйхштетте.⁵⁰ Гершельман перевел его на немецкий язык и намеревался выпустить отдельной книгой, но реализовать этот план не удалось.

Вообще при жизни в послевоенный период К. К. Гершельман напечатал лишь одну работу – историко-литературную статью «Тема “тайной свободы” у Пушкина». Она вышла в известном нью-йоркском «Новом журнале».⁵¹

Карл Карлович Гершельман умер 21 декабря 1951 г. в Эйхштетте и там же похоронен.

Вера Булич откликнулась на его смерть стихотворением «Памяти друга».

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ См. сохранившееся в архиве писателя письмо (черновик) Е. Б. Гершельман к Т. А. Пахмус от 15 сент. 1982 г.

⁵¹ Гершельман К. Тема «Тайной свободы» у Пушкина // Новый журнал. 1949. Кн. XXII. С. 176-189.

Памяти друга

*Это всё? – Конечно, до гроба.
Это жизнь? – А что же? Она.
Значит, эта лишь так, для пробы.
Значит, будет еще одна.
К. Гершельман*

Он слишком рано от нас ушел.
Легла между нами граница.
Остался на свете: письменный стол,
Недописанная страница.

Остались тетради за много лет,
Те мысли, что в них горели.
Еще один замолчал поэт,
Замолчал, не дойдя до цели.

Я в памяти строки его берегу
Про жизнь, что была никакая,
Звучит его голос на том берегу:
– Будет вторая.⁵²

1952

От К. К. Гершельмана остался большой архив. В нем прежде всего обращает на себя внимание множество черновых материалов, выписок, относящихся к его философским трудам. Много черновых и беловых рукописей как опубликованных, так и неопубликованных работ писателя. Они свидетельствуют о длительной, напряженной, кропотливой работе Гершельмана над текстами своих произведений, о чем мы уже говорили выше. Среди рукописей-автографов преобладают тексты работ, написанных в Эйхштетте, но много и относящихся к познаньскому и даже к эстонскому периоду жизни их автора.⁵³

*

К. К. Гершельман – писатель очень своеобразный. Он не просто «автор со своим лицом» – каждый настоящий писатель должен быть «автором со

⁵² Булич, Вера. Ветви. Четвертая книга стихов. Париж: Рифма, 1954. С. 40.

⁵³ Оригиналы и копии архива К. К. Гершельмана автором этих строк были переданы в рукописный отдел библиотеки Тартуского университета. См. РО Б-ки ТУ, фонд 182. *К. К. Гершельман* (1899-1951). 77 ед. хр. 1927-2007.

своим лицом!» – Карл Гершельман именно литератор необычный, не похожий на абсолютное большинство русских эмигрантских литераторов, в какой-то степени «не типичный» для литературы Русского Зарубежья 1930-1940-х гг. Это особенно относится к его философской эссеистике, но также к его миниатюрам и рассказам, быть может, в меньшей степени – к его стихам.

Хотя первые публикации К. К. Гершельмана были в прозе, но начинал он, как можно предполагать, со стихов. В его архиве сохранились некоторые неопубликованные стихотворения, явно относящиеся к 1920-м гг. Одно из них навеянно впечатлениями от страшных, кровавых событий Гражданской войны в России. Там же в архиве можно найти цикл стихов, посвященный архитектурным стилям разных эпох – Средневековью, готике, рококо, ампиру, – и также, скорее всего, восходящий к периоду поэтического «ученичества» Гершельмана.

Зрелая поэзия К. К. Гершельмана относится к 1930-м гг., охватывает сравнительно непродолжительный период в шесть-семь лет и очень отличается от его ранних опытов. В ней нет ни политической, ни любовной, ни пейзажной лирики, преобладают стихотворения, которые условно можно отнести к философской поэзии, но особого рода. В свое время еще В. С. Булич, тонкая ценительница поэзии, отметила, что у Гершельмана «есть своя большая тема, и все стихи образуют единство, по-разному говоря *о самом главном*»⁵⁴ (подчеркнуто нами – *С. И.*). Это *самое главное* – своего рода поэтическое исследование сущности и органической связи понятий «жизнь – смерть», места человека в огромном мироздании,⁵⁵ проблем вечности и бессмертия, грядущей судьбы мира и человечества. Оно тесно связано с мировоззренческими исканиями автора, в ней немало общих черт с философской системой позднего Гершельмана. В. С. Варшавский, анализируя эссе «О “Царстве Божиим”», справедливо заметил, что «основная интуиция Гершельмана – это не вера в будущую, после смерти, вечную жизнь, а ощущение пребывания в вечной жизни уже сейчас, как в каком-то особом измерении данной нам действительности».⁵⁶ Это наблюдение с полным основанием может быть отнесено и к поэзии Гершельмана.

Мы к этому дому, к своей колыбели,
И к этому миру привыкнуть успели.
Но было – ведь было! – совсем по-иному:
Ни этого мира, ни этого дома.

⁵⁴ Из письма В. С. Булич к Е. Б. Гершельман от 12 ноября 1959 г. (Памятники культуры, 1997. С. 131).

⁵⁵ См.: *Т. Пахмусс. Из архивных материалов. К. К. Гершельман (1899-1951)* – русский писатель и художник. С. 209.

⁵⁶ *Варшавский В. С. Цит. соч.* С. 201

И было чернее, но проще и шире
В том странно-забытом дожитом мире.
Припомнить! Проникнуть! В безвестность – за краем.
А, впрочем, вернемся. Вернемся – узнаем, –

писал К. К. Гершельман в первом своем появившемся в печати в 1932 г. стихотворении «Думы».⁵⁷

Юрий Иваск находил, что Гершельман был ярким представителем «парижской ноты» в Эстонии. Это утверждение все же нуждается в известной корректировке. В поэтическом стиле Гершельмана, без сомнения, есть черты, сближающие его с выразителями «парижской ноты» в эмигрантской поэзии. На некоторые из них – «недоуменно-вопросительные интонации, нарочитая простота словаря, оборванные строки, обилие вводных предложений, тенденция к “опрошенной”, “дневниковой” записи» – уже указывалось в работах литературоведов.⁵⁸ Однако характерно, например, что Гершельман не проявлял никакого интереса к произведениям духовного отца «парижской ноты» Г. Адамовича и в то же время очень интересовался поэзией его главного оппонента В. Ходасевича.⁵⁹ Не случайно также, что Л. Гомолицкий в рецензии на антологию «Якорь» прямо противопоставлял Гершельмана выразителям «парижской ноты».⁶⁰ Многие типичные особенности его стихов не соответствуют установкам парижан.

По своему характеру поэтическое творчество К. К. Гершельмана ближе всего к поэзии «Чисел» – журнала молодых эмигрантских авторов,⁶¹ публикации которого он ставил очень высоко. Для авторов «Чисел», как известно, характерен интерес к таким проблемам, как цель жизни, смысл смерти, отказ от политики, предпочтение «сущностного» краткосрочному; именно это становится «самым главным». Всё это типично и для стихотворений Гершельмана, отличающихся, правда, большей рельефностью, внутренней динамикой стиха. Впрочем, следует иметь в виду, что черты «парижской ноты» не были чужды авторам «Чисел» и порою встречаются и у них.

⁵⁷ ТРГ. 1932. 18 дек. № 6. С. 5.

⁵⁸ Пахмусс Т. Из архивных материалов. К. К. Гершельман (1899–1951) – русский писатель и художник. С. 209; *Pachmuss, Temira*. К. К. Гершельман – русский поэт в Прибалтике // *Occasional Papers in Slavic Languages and Literature*. Vol. 2. 1986. С. 135.

⁵⁹ См. его письма к В. С. Булич от 30 окт. и 31 дек. 1938 г. (*Isakov S. G.* Переписка К. К. Гершельмана и В. С. Булич. С. 197 и 199).

⁶⁰ *Гомолицкий Л.* Надежды символ // Меч. 1936. 26 янв. № 4 (88). С. 6.

⁶¹ О нем см.: *Летаева Н. В.* «Числа» // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918–1940. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 496–502.

От «парижской ноты» К. К. Гершельмана отличает и тональность его стихов, господствующее в них «настроение», их, так сказать, психологическая основа, психологическая мотивировка. В его поэзии нет острого ощущения оторванности от родных корней, нет сопутствующего этому чувства горечи, почти нет пессимизма.⁶² Кстати, это характерно и для творчества ряда других русских авторов в Эстонии. Местные писатели жили в значительной мере в русском национальном окружении, в Эстонии были регионы со сплошным русским населением, с русским крестьянством, со старинным Печерским монастырем, с древними памятниками русской культуры. Писатели каждодневно слышали живой разговорный русский язык. Их окружала природа, мало чем отличавшаяся от среднерусской. Всё это было нечто принципиально иное, чем парижское окружение, парижская среда. И это не могло не находить имплицитного отражения в поэзии Гершельмана. Возможно, это способствовало и утверждению ценности реальной повседневной жизни, ее маленьких радостей в стихах Гершельмана.

Отметим еще некоторые особенности его поэтического стиля, которые позже будут заметны и в его прозаических произведениях, в том числе и в философской эссеистике Гершельмана. Это своеобразная афористичность большинства его стихов, переходы от эмпирической фактографии к метафизическим абстракциям.⁶³

Стихи К. К. Гершельмана привлекли внимание русских читателей за рубежом, о чем свидетельствует и уже отмеченное нами выше наличие его стихотворений в сводных антологиях русской эмигрантской поэзии и упоминание его имени в обзорах этой поэзии.

*

Художественная проза К. К. Гершельмана по своему характеру, по своим «мировоззренческим» установкам близка к его поэзии. В ней также на первом плане размышления о сущности человеческого бытия, жизни – смерти – бессмертия и другие метафизические проблемы – о происхождении добра и зла, о свободе воли и пр.⁶⁴

⁶² На это первым обратил внимание Борис Нарциссов в цит. выше статье «Цехи русских поэтов в Эстонии».

⁶³ Это отмечено и Т. Пахмус в указанных в сноске 58 статьях.

⁶⁴ См. об этом: *Pachmuss, Temira. The Fantastic in Hoerschelmann's Fiction // The Supernatural in Slavic and Baltic Literature: Essays in Honor of Victor Terras / Ed. Amy Mandelker, Roberta Reeder. S. 1.: Slavica Publishers, Inc., [1988]. P. 317-331.* В статье много конкретных наблюдений над прозой Карла Гершельмана, некоторые из них будут использованы нами ниже.

К. К. Гершельман как прозаик, в основном, выступал в двух малых жанрах – миниатюры и рассказа, причем не всегда легко провести разделительную черту между этими двумя жанрами. При всем том нельзя не отметить многообразия творческой палитры Гершельмана-прозаика. Это проявляется в тематике и проблематике его произведений, в их стиле, в частности, в нередком использовании модного в 1930-е гг. киностиля, в манере повествования, в приемах письма.

В своей прозе Гершельман любил соединение, быть может, правильнее было бы сказать, своеобразное столкновение фантастического и эмпирически-реального, порою даже бытового, что создавало необыкновенно живой, неожиданный эффект.

Для его произведений также характерно частое сочетание иронии с серьезным тоном повествования. Гершельман мастерски использует иронический подтекст, шуточный, заставляющий читателя улыбнуться тон повествования, элемент игры, вносящий нечто смешное, «легкое» в «серьезное» повествование, что, в частности, особенно бросается в глаза в его зрелых фантастических вещах. Как ни странно, это делает фантастику Гершельмана как раз более художественно убедительной, легче воспринимаемой читателем. Такова, например, «досадная мелочь» с порванными подтяжками в большом фантастическом рассказе под названием «С 11-го по 12-ое июня 1933 года». С этого начинается сюжет, и история с подтяжками кажется рассказчику «первым звеном развернувшейся психологической цепи». Комический элемент присутствует и в миниатюре «В одном из соседних миров» в рассказе человека с другой планеты – дяди Пети – об абсурдности жизни на земле.

Отметим еще, что фантастика сравнительно редка в литературе Русского Зарубежья. В прозе же Гершельмана она занимает видное место, причем порою сближается с той разновидностью фантастической литературы, которую с 1970-х гг. начали именовать *фэнтези*. Здесь и «фантастический рассказ» «Коробка вторая» – о будущем, когда станут воскрешать выдающихся деятелей прошлого. В этом рассказе можно заметить влияние идей известного русского мыслителя, одного из создателей русского *космизма* Н. Ф. Федорова. К этой же группе произведений Гершельмана относится и рассказ «Аффар» – о событиях на земле в ХХХ веке, открытии рецепта «естественного бессмертия» и о последствиях этого; в рассказе заметны уже черты антиутопии.

Конечно, научная фантастика К. К. Гершельмана отражает уровень знаний людей 1930-х гг., когда были созданы его произведения в этом жанре. С точки зрения научных достижений наших дней в биологии (расшифровка генетического кода живых существ, клонирование и пр.), медицины (трансплантация органов), физики (антивещество), космологии

(антимир, «черные дыры» и т. д.) кое-что может показаться в произведениях Гершельмана наивным. Но, тем не менее, его рассказы «Коробка вторая» и «Аффар» и сегодня читаются с интересом. Содержащиеся в них размышления о том, что человечество, добившись огромных успехов в области техники, в то же время не может разрешить многих важнейших проблем бытия человеческого, без сомнения, близки и нам. Несмотря на общий оптимистический тон «фантастических рассказов» Гершельмана, в них все же звучат и нотки тревоги: оправдан ли разрыв с культурными традициями прошлых веков? Не идет ли человечество к тупику в своем развитии? Иногда Гершельман «провидел» технические открытия наших дней, в частности трансплантацию органов (незаконченный рассказ «Чужое тело»).

Однако вернемся к творческим поискам К. К. Гершельмана в прозе. Он очень любил и *технику логики сна*,⁶⁵ при которой исчезает грань между сном, галлюцинациями и явью, они как бы сливаются в одно причудливое целое. На использовании этой техники основан один из самых интересных и самых необычных для русской эмигрантской литературы проблемно-тематических циклов прозы Гершельмана – рассказы и миниатюры, посвященные кончине человека, его существованию на грани жизни и смерти, его первоначальному посмертному бытию. Эти произведения в какой-то мере смыкаются, с одной стороны, с его фантастическими вещами, с другой же стороны, – с философскими. Таковы рассказы Гершельмана «Переход», «Русалка», миниатюры «Самоубийца и звезды», «Нечто астральное», «Покойница лежала». К этому же циклу относится и одно стихотворение – «Умерла и лежала в гробу...». Красной нитью через эти произведения проходит мысль о трагическом одиночестве умирающего, как и умершего, о непонимании живыми их состояния. Из других эмигрантских авторов, пожалуй, лишь В. Сирин (В. В. Набоков) проявлял интерес к теме посмертного бытия человека. Кстати, «Приглашение на казнь» В. Сирина была одной из немногих книг, которую Гершельман взял с собой, уезжая из Эстонии...

У Гершельмана есть и своего рода психологические этюды с уходом в мир подсознательного и одновременно в мир таинственного, даже мистического. В них перед героями нередко встают психологические, переходящие в философские загадки о сущности мироздания и о смысле человеческого существования («Рассказ без названия»; «Револьвер»). В этих произведениях Гершельман в какой-то мере использует опыт сюрреалистов, их описания потока сознания, в котором, как будто, бессис-

⁶⁵ Подр.: *Пахмусс, Темира*. Беллетристика К. К. Гершельмана // Русская мысль. 1981. 16 апр. № 3356. С. 9.

темно и хаотично смешиваются разные начала. Впрочем, сюрреалистом Гершельман ни в коей мере не был: он, пожалуй, для этого слишком рационалистичен...

К этой же группе можно отнести и очень интересный, мы бы даже осмелились сказать – новаторский рассказ К. К. Гершельмана «Начало (Дочери Анне)». В нем писатель пробует – и, как нам представляется, удачно – воссоздать мировосприятие младенца, начиная с утробы матери до года жизни. Рассказ основан на собственных наблюдениях автора за младенчеством дочери Анны; ей же он и посвящен.

В творчестве К. К. Гершельмана есть рассказы и миниатюры, которые, вернее всего, охарактеризовать как преимущественно философские. Это миниатюра «Самое важное», рассказ «Отпавший ангел. Выписки из его дневника» – о происхождении зла на земле, о противоборстве мира чувств и разума человека и о последствиях этого.

Но Гершельману-прозаику вполне удавались и выдержанные в традиционной реалистической манере рассказы из повседневной жизни («Девочка Надя», «Встреча», «Место в шляпке», хотя в последнем и рисуется экстраординарная ситуация). У него даже можно найти юморески в духе Н. Тэффи («Книга хорошего тона»).

Прозаическое наследие К. К. Гершельмана довольно велико и, как мы могли удостовериться, разнообразно. К прозе он обращался даже более продолжительный период времени, чем к стихам, и, если верить его супруге, отдавал прозе предпочтение перед поэзией, считал ее более важной частью своего творчества.⁶⁶ Любопытно, однако, что, если почти все стихотворения зрелого Гершельмана опубликованы, то этого никак нельзя сказать о его прозе. Хотя целый ряд его ранее неопубликованных рассказов и миниатюр и включен в единственную вышедшую в свет книгу К. К. Гершельмана «“Я почему-то должен рассказать о том...”». Избранное» (Таллинн: INGRID, 2006; сост. С. Г. Исаков), тем не менее, остается еще немало произведений, никогда не печатавшихся. Правда, нередко это незаконченные произведения, сохранившиеся в архиве писателя в виде черновых рукописей.

Очень необычны опыты К. К. Гершельмана в области драматургии, Впрочем, немногочисленные. Они неизвестны даже, исследователям – по крайней мере, в статьях о Гершельмане не упоминаются. Это, прежде всего, «Ванька-Встанька. Лубок. Пьеса для кукольного театра», сохранившаяся в архиве писателя и опубликованная в указанной выше книге избранных произведений Гершельмана автором этих строк.

⁶⁶ См. в письме Е. Б. Гершельман к В. С. Булич от 29. окт. 1953 г. (Памятники культуры, 1997. С. 130).

Вероятнее всего, она выросла из тех кукольных представлений, которые, по воспоминаниям дочери Карла Карловича Анны, в ее детские годы регулярно устраивались в доме Гершельманов ко дням рождения и по праздникам. Куклы и декорации, естественно, были самодельными, актерами же выступали сам писатель, его брат Константин («дядя Котя») и Елизавета Бернгардовна. Их увлечение кукольными представлениями было столь велико, что родители Анны даже подумывали о создании своего настоящего кукольного театра, но эти планы, вернее, эти мечтания не были претворены в жизнь. Кроме того, Гершельманы устраивали для детей еще Schattenspiel'и – так наз. китайские тени: исполнение сценок при помощи теней, отбрасываемых на экран движущимися фигурками. Анна и Константин Гершельманы вспоминают, что еще в Познани отец и мать давали для них такого рода представления (как и кукольные), причем на них приглашались и проживавшие в их доме польские детишки.

Пьеса для кукольного театра «Ванька-Встанька» – достойный внимания художественный эксперимент Гершельмана. Она написана раешником в сугубо простонародном стиле, вполне естественном для лубка, для народного кукольного театра. Но рассчитана пьеса явно на интеллигентного зрителя или читателя, который и не должен принимать всерьез всё, что творится на сцене. Слушатель-зритель все время ощущает скрытый юмористический, иногда и иронический подтекст происходящего. Причем это порою черный юмор, заставляющий вспомнить обэриутов.

В архиве К. К. Гершельмана сохранились также сценки для кукольного театра, рассчитанные именно на зрителя детского возраста и, вероятно, представляющие собой переделки или переложения немецких произведений этого рода, но любопытно, что они также написаны раешником.

Сюда же следует, по-видимому, отнести еще одно произведение Гершельмана, созданное совсем в другом стиле; его лишь условно можно считать образцом драматургии. Это «Сказка в 13 поэзо-рисунках» «О вежливости и благовоспитанности», предназначенная, в первую очередь, для взрослых или школьников старшего возраста. Она переносит читателя в стилизованный мир французского Рококо с всё тем же ироническим подтекстом. Сказка прежде всего примечательна рисунками самого автора, превосходно иллюстрирующими описываемое и усиливающими скрытую иронию, веселую усмешку читателя.

Совершенно особняком в небольшом драматургическом наследии Гершельмана стоит его сценка-миниатюра «Божественная комедия», в которой как бы предугаданы многие события середины и второй половины XX в. Речь в ней идет об узаконенном убийстве людей, которые, по мнению власть имущих, все равно обречены на смерть. Самое страшное в этом произведении – полная пассивность самих жертв, их готовность

безропотно идти на смерть, полное подчинение существующему антигуманному порядку.

*

Весьма рано К. К. Гершельман проявил интерес к литературной критике и к историко-литературной эссеистике. В шестом сборнике «Нови» в 1934 г. появилась его статья «О современной поэзии», которой Гершельман включился в развернувшуюся на страницах эмигрантской печати дискуссию о кризисе зарубежной русской поэзии и о возможных путях ее развития.⁶⁷ В статье обращает на себя внимание, что автор рассматривает кризисное состояние современной русской поэзии на широком историко-литературном фоне. Корни его он видит в тех процессах, которые имели место в русской, да и – шире – в европейской поэзии в конце XIX – начале XX в.: в увлечении формальной стороной стиха, в утверждении принципа «искусства для искусства». По убеждению Гершельмана, перспективы развития поэзии в этом направлении исчерпаны. Центр тяжести должен быть перенесен на содержание, философско-религиозное осмысление жизни. И это уже заметно в творчестве М. Цветаевой, в поэзии «Чисел», которую Гершельман ставит очень высоко, особенно подчеркивая в ней «своеобразный “аскетизм формы”». Гершельман призывает к «повышению смысловой выразительности стиха»⁶⁸, он ратует за обращение поэтов к серьезным экзистенциальным проблемам бытия человеческого, в частности к проблеме смерти. «Поэзия должна выработать новую форму, обеспечивающую ей максимальную насыщенность содержания при максимальном лаконизме формы», – утверждал Гершельман.⁶⁹ Статья привлекла внимание читателей и вызвала отклики в эмигрантской прессе.⁷⁰

В центре позднейших историко-литературных эссеистического типа трудов К. К. Гершельмана – два ему особенно близких гения русской литературы – это А. С. Пушкин и Ф. М. Достоевский. Причем Гершельмана интересуют не биографии, даже не художественное творчество как та-

⁶⁷ См.: *Вейдле В.* Чистая поэзия // *Современные записки.* 1933. Т. 53. С. 310-323; *Вейдле В.* Сумерки стиха // *Встречи* (Париж). 1934. Март. С. 105-107; *Адамович Г.* Стихи // *Последние новости.* 1934. 8 февр. № 4705; *Ходасевич Г.* Кризис поэзии // *Возрождение.* 1934. 12 апр. № 3235; *Смоленский В.* О кризисе в поэзии // *Меч.* 1934. 20 мая. № 1-2. С. 8-9; *Тератиано Ю.* Рыцарь бедный (Еще о кризисе в поэзии) // *Меч.* 1934. 24 июня. № 8. С. 9-10, и др.

⁶⁸ *Гершельман К.* О современной поэзии // *Новь.* Сб. 6. 1934. С. 54.

⁶⁹ Там же. С. 55.

⁷⁰ См., напр.: *Бем А. Л.* Соблазны простоты // *Меч.* 1934. 22 июля. № 11-12. С. 14-16.

ковое, а отражение в их произведениях важнейших философских и этических проблем, по-прежнему остающихся актуальными и сегодня. Для Гершельмана важно отношение самих писателей и их героев к Богу, к основным принципам христианской морали, к проблеме свободы, в том числе свободы воли и свободы творчества.

Статья К. К. Гершельмана «Тема “тайной свободы” у Пушкина» как раз и посвящена свободе творчества. «Тайная свобода» и есть ее выражение, без нее не может быть настоящего, «правдивого» искусства. Пушкин, по убеждению Гершельмана, в наибольшей степени воплощает идеал истинного поэта, поэта-пророка, верного своему призванию, готового следовать «велению Божию» как высшему началу, что, однако, не противоречит служению голосу народной и общечеловеческой совести. «Художественная совесть поэта есть высший законодатель и судья его творчества – в этом и заключается его “тайная свобода”». ⁷¹ Как считает Гершельман, «Пушкин не только создал новую поэзию, но и указал очень точно моральные требования, определяющие отношение поэта к поэзии». ⁷² В свободном творчестве им отрицается любой «заказ», в том числе и «социальный заказ», это положение, по-Гершельману, сохраняет силу и сегодня.

В «Заметках о Пушкине» К. К. Гершельман стремится определить наиболее характерные черты «натуры» поэта и его мирозерцания, прежде всего отношение к Богу и к религии. По его мнению, Пушкин и как художник, и как личность – редкий случай *цельного* и вместе с тем *сложного* человека. Он подчеркивает «русскость» Пушкина и в то же время его «европеизм», открытость всей мировой культуре, его любовь к жизни, особый оптимизм, вместе с тем не отрицающий ни скептицизма, ни грусти. Одним из главенствующих начал мирозерцания Пушкина Гершельман считает чувство умиротворенности. Пушкину свойственна внутренняя религиозность при отсутствии интереса к внешней стороне религии.

Творчество Ф. М. Достоевского, как известно, дает богатейший материал для постановки и попыток решения так называемых *вечных проблем*. Не случайно романы и публицистика Достоевского уже более столетия остаются предметом живейшего интереса и споров писателей и мыслителей многих стран, разных национальностей. В статье-эссе «“Бунт” Ивана Карамазова» (кстати, трижды публиковавшейся в русских зарубежных изданиях, правда, уже после смерти автора) Гершельман обращается к роману Достоевского «Братья Карамазовы». Его внимание привлекли здесь две такие *вечные проблемы*: проблема свободы личности и про-

⁷¹ Гершельман К. Тема «тайной свободы» у Пушкина // Новый журнал. 1949. Кн. XXII. С. 184.

⁷² Там же. С. 186.

блема страдания человека, в первую очередь неоправданного страдания людей. Она в свою очередь, с одной стороны, оказывается связанной с вопросом о «вине» Бога, допускающего эти неоправданные страдания, не уничтожающего зло, хотя это в его силах; с другой же стороны, она трансформируется в вопрос о допустимости или недопустимости бунта против зла и против Бога. Возможность решения всех этих проблем Гершельман увязывает с идеей бессмертия человека, его грядущего воскресения. «Воскресением восстанавливается справедливость, обидчику дается возможность раскаяться, жертве – простить. Этим страдание из подневольного, принижающего превращается в свободное, возвышающее. Таким образом, идея бессмертия тесно переплетается с моральной проблемой».⁷³

*

Совершенно особый раздел творческого наследия К. К. Гершельмана составляет его философская эссеистика, отражающая систему его философских воззрений, еще совершенно неизученных, что крайне затрудняет анализ этой эссеистики. К тому же, как уже отмечалось выше, основной философский труд Гершельмана «Философия 1/4 часа» до сих пор не опубликован.

К. К. Гершельман всегда очень интересовался философией и весьма рано стал пробовать свои силы в жанре философских афоризмов. В его архиве есть подборка афоризмов, помеченная 1930 годом. В июне 1938 г. Гершельман писал Булич: «Сейчас у меня господствует тенденция возвратиться к наиболее близкой мне области, всегда затрагивавшей меня больше всего – к философии. Но философия в узком смысле слова – философия как наука – тоже не удовлетворяет вполне – кажется скучной, недостаточно волнующей; ее можно использовать только как сырой материал. Хочется найти для нее какое-то *художественное* выражение... Какая-то область между философией, художественной литературой и поэзией, м^{ожет} б^{ыть} ближе всего ее могло бы определить имя Ницше».⁷⁴

Последние десять лет жизни Гершельман, в основном, и посвятил именно философской эссеистике, которая по объему превосходит остальную часть его творческого наследия, вместе взятую. В его бумагах в разделе, названном “Интимы”, сохранилась такая, в высшей степени характерная запись: «Чайковский писал, что он всё время слышит музыку – всё

⁷³ Гершельман К. «Бунт» Ивана Карамазова // Мосты (Мюнхен). 1960. № 5. С. 228.

⁷⁴ Isakov S. G. Переписка К. К. Гершельмана и В. С. Булич. С. 193-194.

время, непрерывно, сочиняет – при всех разговорах, при еде, при ходьбе и т. д. – всё время часть его сознания занята музыкой. Почти так же обстоит у меня с философствованием; при разговоре я, правда, думать не могу, но при ходьбе и еде думаю всё время – это почти непрерывный монолог. Если бы записывать всё, что кажется достойным записи, – не хватит никакого времени, думается во много раз быстрее, чем можно записать. Но, м<ожет> б<ыть>, это и к лучшему, что не всё записывается: многое исправляется таким образом, сжимается, концентрируется».

В архиве К. К. Гершельмана сохранилось огромное количество – несколько ящиков! – выписок из прочитанных в последние годы жизни книг. Они свидетельствуют об исключительно широком круге чтения писателя. Этот круг чтения включал труды по философии, в особенности по новой и новейшей западной философии (Вильгельм Оствальд, Артур Шопенгауэр, Эрнст Мах, Уильям Джеймс, Сёрен Кьеркегор, Анри Бергсон, Карл Ясперс и др.), но также труды по психологии (Зигмунд Фрейд), физиологии высшей нервной деятельности (В. М. Бехтерев), истории и философии религии, по этике, политической экономии, по истории искусств и даже по теоретической (в том числе атомной) физике, астрономии, космологии. Обращает на себя внимание, что как раз трудов русских философов мало – это только Н. А. Бердяев и С. Л. Франк, правда, зато много выписок из Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого (преимущественно из его философско-публицистических трудов).

Кстати, эти выписки и конспекты Гершельмана, написанные мелким бисерным почерком, сами по себе представляют любопытный памятник той эпохи, когда они создавались, – периода войны и послевоенной разрухи. Это маленькие самодельные миниатюрные тетрадки или даже отдельные листочки плохой пожелтевшей бумаги. Видно, как Карл Карлович старался ее экономить...

В 1940-е гг. была окончательно выработана та жанровая разновидность эссе, та ее структура и та манера изложения материала, которые характеризуют почти всю философскую эссеистику К. К. Гершельмана. Это цепочка афоризмов,⁷⁵ иногда писатель прибегает и к бóльшим по размеру отрывкам текста, но все равно их афористическое начало, афористическая основа остается в силе. Однако, как отмечал сам Гершельман

⁷⁵ Ср. в письме к А. Древингу от 8 июля 1950 г.: «...Отказываться от афоризмов не хочу, т<ак> к<ак> эта форма очень компактна и позволяет мне высказаться гораздо шире, чем всякая другая» (Исаков, Сергей. Из неопубликованного эпистолярного наследия К. К. Гершельмана. Письмо к А.К.Древингу (1950) // Varietas et concordia. Essays in Honour of Professor Pekka Pesonen / Ed. B. Hellman, T. Huttunen, G. Obatnin. Helsinki, 2007 (Slavica Helsingiensia. 31). С. 343).

в письме к В. С. Булич от 6 октября 1951 г., «некоторая внутренняя связь между ними (афоризмами – С. И.) всё время сохраняется, т<ак> ч<то> читать их все-таки следует в том порядке, в каком они переписаны, каждый из них поддерживает и дополняет соседний», т. е. эссе из афоризмов все же составляет некое единое художественное целое. Все эти работы «надо, конечно, брать в каком-то “художественном” плане... Я нарочно стараюсь удержаться в них на грани намека, художественного сравнения, не договаривая и не конкретизуя мысли до конца, т<ак> к<ак> в этих вопросах конкретизация привела бы к огрублению и уплощению мысли. Как метод – это должна быть художественная *загадка*, отнюдь не “рассуждение”».⁷⁶

Любопытно, что в ответном письме Булич отмечала: эссеистика Гершельмана содержательна, глубока, закончена по форме, «но требует сосредоточенного внимания и способности угадывать то, что таится за многоточием... Не всякому читателю или слушателю это по плечу... Ваша книга – для немногих, как, впрочем, и многое из того, что подлинно и ценно».⁷⁷

Прежде чем коротко охарактеризовать некоторые образцы философской эссеистики К. К. Гершельмана, все же надо сказать хотя бы несколько слов о философских воззрениях их автора вообще. В сверхкраткой конспективной форме Гершельман изложил их в письме от 8 июля 1950 г. к немецкому историку философии родом из России А. Древингу.

К. К. Гершельман стремился совместить, синтезировать пантеистическую и теистическую точки зрения. «Я сам хотел бы иметь право назвать свое мировоззрение христианским, а в христианстве этот синтез, как мне кажется, достигнут сполна». В системе этого синтеза важное место занимает проблема отношения личного “я” к Богу. «Я не знаю, насколько догмат о богочеловечности Христа распространим с точки зрения православной церкви на отношение между Богом и *каждым* человеком. Возможно, что я высказываю чудовищную ересь, говоря, что отношение между Христом и Богом кажется мне конечным заданием для каждого из нас. Христос – “первородный между многими братьями”, мы – “сонаследники Христу”. Отсюда признание «богосыновства *каждого* человека». «Бог-сын есть человек вообще, *каждый* человек в той мере, в какой он “член тела Христова”, “член Церкви”, член идеального, а не греховного миропорядка».⁷⁸ Вместе с тем отношение Бога и человека по своей сути антиномично: одновременно следует говорить и о *нераздельности* Бога и человека, и о их *неслиянности*.

⁷⁶ Памятники культуры, 1997. С. 127-128.

⁷⁷ Там же. С. 129.

⁷⁸ *Исаков С.* Из неопубликованного эпистолярного наследия К. К. Гершельмана... С. 344-345.

Точно также в философской системе Гершельмана идентифицируются понятия “Жизнь” и “Бог”. Жизнь «берется мною как *живое личное* существо, в памяти которого, например, и осуществляется мое бессмертие... Без бессмертия человека не может быть бессмертен и Бог». ⁷⁹

Важен и другой момент в учении Гершельмана: «попытка передать чувство реальности жизни как таковой». «Я сам, – пишет К. К. Гершельман, – в такой попытке вижу свою главную задачу; чувство удивления перед наличием жизни, наличием бытия (тема “философии 1/4 часа”) составляет главный пафос моего философствования... В глубине моего мирозерцания лежит *положительное* чувство (удивление чуду, восхищение, даже восторг), а не отрицательное (ужас, сомнение, уныние); мое мирозерцание по существу *жизнеутверждающее* и уже по этому одному *не упадочно*». ⁸⁰

Эти положения легли в основу посмертно опубликованных эссе Гершельмана «О “Царстве Божиим”», «Бог, мир и я», «О бессмертии», «Об игре», «“Тон” мира», «Мифы о происхождении бытия» и др.

Не рассматривая подробнее все эти эссе Гершельмана (это задача будущих исследователей его философского наследия), остановимся лишь на некоторых из них, более ориентированных на проблемы, волнующие современного человека и вызвавшие отклики у читателей.

В большом по объему эссе «О “Царстве Божиим”» Гершельман утверждает возможность построения его людьми уже здесь, на земле, в их земной жизни, поскольку подлинное Царство Божие внутри нас, оно в любви, в любовном отношении к людям, к миру, нас окружающему. Мы уже живем в вечности. Жизнь сама по себе чудо, «огромное счастье», исключительная ценность, данная нам Богом. «Земное зло – поверхность», – утверждает Гершельман. По своей сущности человек добр. «Всё зло только в отклонении от этой сущности». ⁸¹ «Наша сердцевина – Бог, “образ Божий” в нас». ⁸² Это всё и делает возможным осуществление Царства Божиего на земле. «Всё дело в нас самих. Дело не в *отсутствии* рая, а в нашей *неподготовленности* к нему». ⁸³ «Царство Божие, бессмертие, рай, блаженство – это пробуждение Бога в нас, оно настолько же возможно в земной жизни, как и в любом из неизвестных “потусторонних” миров». ⁸⁴ Надо культивировать в себе Царство Божие. Утверждение его это и есть наше внутреннее преображение и кардинальное изменение нашими усилиями окружающего мира.

⁷⁹ Там же. С. 346.

⁸⁰ Там же. С. 347.

⁸¹ Гершельман К. О „Царстве Божиим“ // Опыты (Нью-Йорк). 1955. Кн. IV. С. 79.

⁸² Там же. С. 80.

⁸³ Там же. С. 78.

⁸⁴ Там же. С. 84.

Ю. Терапиано в рецензии на эссе «О “Царстве Божиим”» отметил, что в наше время, в эпоху господства материальных ценностей, подобная вещь кажется чем-то исключительным, из ряда вон выходящим. «Теперь даже удивительно встретить писателя... для которого вопросы духовного порядка составляют “самое главное”, а в проблеме Царства Божия раскрывается возможность не только преобразить свою личную внутреннюю жизнь, но и распространить вокруг себя свет этого Царства – любовь».⁸⁵ Терапиано-критик очень высоко оценивал труд Гершельмана.

Отметим, что в учении К. К. Гершельмана о Царстве Божиим много точек соприкосновения с философскими концепциями С. Л. Франка, также утверждавшего, что «Царство Божие внутри нас», оно возможно на земле и путь к нему лежит через любовь.⁸⁶

В своем философском труде Гершельман останавливается и на вопросе о бессмертии человека, всегда его очень интересовавшем. Этой проблеме посвящено несколько эссе, к ней он обращался и в своих стихотворениях, миниатюрах и рассказах. Тема бессмертия была для писателя не только предметом поэтического воображения или же чисто умозрительных построений, но и реальной проблемой, объяснение которой возможно средствами науки с использованием достижений современной биологии, парапсихологии, техники (эссе «О личном физическом бессмертии», не опубликовано). Особенно перспективным здесь Гершельману представлялось использование методов парапсихологии («О метапсихике», не опубликовано).

Конечный вывод Гершельмана: «Даже если и есть какое-то продолжение жизни человеческой “души” после смерти тела, то это продолжение временное, частичное, отрывочное, очень неполное; оно исчерпывается физическими проявлениями посмертной “жизни”. Бессмертия сознания – в том смысле, в каком мы его ищем и хотим – в “спиритическом” бессмертии нет; его надо искать в каких-то других областях реальности и какими-то другими методами» («О метапсихике»). «Вступление в Царство Божие не делает человека *бесконечным во времени*, но делает его *вечным в мгновении*».⁸⁷ Бессмертие должно быть открыто человеком в самом себе, в обнаружении людьми своей вечности.⁸⁸

⁸⁵ Терапиано Ю. «О царстве Божиим» // Русская мысль. 1961. 21 янв. № 1633.

⁸⁶ См. об этом: Ермичев А. А. С. Л. Франк – философ русского мировоззрения // С. Л. Франк. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 26-27; Алексеев П. Философская концепция С. Л. Франка // С. Л. Франк. Духовные основы общества. М., 1992. С. 10-12.

⁸⁷ Опыты. 1955. Кн. IV. С. 85.

⁸⁸ Впрочем, в отдельном эссе «О бессмертии» (Melbourne Slavonic Studies. 1983. № 17. С. 88-91) дается несколько иное понимание бессмертия.

Центральный тезис интересного эссе К. К. Гершельмана «Об игре» – это утверждение, что жизнь не только *дело*, но и *игра*. Гершельман приходит здесь к парадоксальному выводу: «Дело – средство, игра – самоцель. Если дело нам по душе – оно уже игра, если оно не по душе – оно должно быть награждено игрой. Жизнь – или уже игра, или стремление стать игрой. Игра не отдых от дела, а его цель».⁸⁹ С игрой тесно связан смех – «высшее, чего достигла жизнь».

У жизни есть только один враг – это смерть. Всякое зло поправимо, кроме смерти. Путь к тому, чтобы и смерть сделать поправимой, Гершельман видит в воскресении. Но этот путь тоже должен быть игрой. «Чтобы превратить жизнь в рай, надо победить две вещи: скуку и смерть. Игра побеждает и то, и другое... Чтобы жизнь сполна превратить в игру, надо и смерть сделать немного игрушечной – это воскресение».⁹⁰

Написанное более полувека назад эссе К. К. Гершельмана «Об игре» неожиданно перекликается с исканиями новейшей философии. Сейчас всё более и более получает распространение мысль о том, что игра – это один из основных феноменов человеческого бытия, путь к пониманию человеческой индивидуальности.⁹¹ Отсюда такой широкий интерес не только философов, но и социологов, семиотиков, культурологов, историков к проблеме игрового мира культуры. Как видим, Гершельман здесь шел в русле современных научных исканий.

Любопытно и эссе К. К. Гершельмана «"Тон" мира». Тон – душа всякого произведения, как и всякое произведение – воплощение тона. Нет тона – нет стихотворения. Мир напоминает автору эссе, художественное произведение, он имеет свой тон. За тоном мира в конечном итоге стоит Бог, «основная гениальная интуиция мира». «Появление тона означает *начало* работы, а не конец ее. Полная *выдержанность* и полная *выраженность* тона есть плод долгого труда. Мир и есть такой труд воплощения и очистки тона».⁹²

Мир состоит из отдельных индивидуальностей, имеющих свой тон. «Личный тон каждого человека полнее всего его характеризует, показывает идеальное, вечное, "райское" лицо этого человека».⁹³ Но к нему надо идти, это путь самосовершенствования человека, путь творческих поисков с элементами экспериментаторства. Гершельман подчеркивает важность, значимость индивидуального начала в мире. Именно благо-

⁸⁹ Гершельман, Карл. Об игре // Опыты. 1956. Кн. 6. С. 19.

⁹⁰ Там же. С. 23.

⁹¹ См. об этом: Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 351-403.

⁹² Melbourne Slavonic Studies. 1983. № 17. С. 92.

⁹³ Там же. С. 94.

даря этому наш мир – это мир совершенно особенный. Он неожиданен, своенравен, причудлив. Он все время обновляется, это – не мертвая всепредeterminedность.

Философская эссеистика К. К. Гершельмана, как нам представляется, – заметное явление в литературе Русского Зарубежья 1940-х гг. К сожалению, читатель смог с ней познакомиться значительно позже, да и то в далеко не полном объеме.

Карл Карлович Гершельман (1899-1951).
Фото с паспорта гражданина ЭР. 1930.
ГЭЭ. Ф.14. Оп. 13. Д. 531

*

Нам осталось сказать несколько слов о живописном наследии Карла Карловича Гершельмана⁹⁴.

Как уже выше отмечено, он был автодидактом, никакого художественного образования у него не было. Тем не менее, рассматривая его работы, нельзя не почувствовать присутствия разносторонне одаренной личности, талантливого самородка, открытого искусству жизни, наделенного живой фантазией и требовательного к художественной форме, человека большой внутренней культуры.

Подобно поэтическому наследию Гершельмана, его работы в области изобразительного искусства также оставляют удивительно целостное впечатление. Прежде всего это приподнято-романтический духовный мир, не чуждый гротеска, своеобразной мягкой иронии, порожденной столкновением идеала с реальностью. Любимый жанр Гершельмана – религиозные,

⁹⁴ Поскольку автор не является специалистом в области изобразительного искусства, то он опирается здесь на работы известного эстонского искусствоведа Май Левин. См.: *Левин, Май. Возвращение Гершельманов // Новый Таллинн. 2004. № 5-6. С. 117-120; Она же. Идеал и реальность. Карл фон Гершельман – поэт-художник // Вышгород. 2005. № 1-2. С. 43-51.*

сказочно-мифологические, тонко стилизованные, иногда насыщенные деталями композиции. В образно-стилевом отношении акварели-гуаши и рисунки Гершельмана-художника генетически восходят к русскому символизму начала XX в., к «Миру искусства», к стилю модерн, впитавшему в себя элементы кубизма и тяготеющего к *арт деко*.

Тематический диапазон художественного творчества К. К. Гершельмана весьма широк: религиозные образы и апокалиптические мотивы («Апокалиптические всадники», 1928; Эстонский художественный музей), своеобразный ориентализм, углубление в мир индийской мифологии и пластического языка, сказочные сюжеты («Сказка о царе Салтане»), эскизы декораций для театра («Лакме» Л. Делиба в постановке театра «Эстония», 1930; эскизы декораций к «Демону» А. Рубинштейна, 1933), эскизы костюмов, удивительная серия рисунков, вдохновленных фильмом Фрица Ланга «Метрополь» (1927), книжные иллюстрации и другое.

Между поэзией и акварелями, как и графикой К. К. Гершельмана, без сомнения, есть внутренняя связь, черты сходства, но есть и существенные различия. Если в своих стихах Гершельман стремился к «прекрасной ясности», лаконизму, то в своих рисунках-гуашах он не чуждается изощренной детализированности, яркой декоративности, совершенно не свойственных его словесному творчеству.

Хотя работы К. К. Гершельмана и его супруги Е. Б. Розендорф-Гершельман неоднократно демонстрировались на их мемориальных выставках в Мюнхене (1989), Франкентале, Дюссельдорфе (1990), Хюнгельде (ФРГ, 1998)⁹⁵ и Таллинне (2004), тем не менее они почти неизвестны русским любителям изобразительного искусства. Им, как и русским читателям, предстоит еще приятная возможность ближе познакомиться с творческим наследием многоликого Карла Карловича Гершельмана.

⁹⁵ Имеются и печатные каталоги этих выставок.

Леонид и Лидия Пумпянские

Опыт биографии

Среди русских деятелей, живших и работавших в первой Эстонской Республике (1918-1940), было немало ярких личностей, колоритных фигур, ныне, к сожалению, незаслуженно забытых. К их числу относится и чета Пумпянских: Леонид Моисеевич Пумпянский, активный общественный деятель, крупный специалист-экономист, и его супруга Лидия Харлампиевна Пумпянская (урожд. Дроботова), любительница искусства, меценат. Пумпянский был по происхождению евреем, но по вероисповеданию православным и по культурной принадлежности – русским (этот момент сам Леонид Моисеевич всегда подчеркивал). Женился он на русской поповне, в жилах которой текла болгарская кровь. Современники вспоминали, что и по своему внешнему облику, и по характеру, темпераменту, это были, как будто, совершенно разные люди: Л. М. Пумпянский невысокого роста, склонный к полноте, высокообразованный интеллектуал, как и полагается финансисту-экономисту, всегда тщательно обдумывавший свои слова, свои действия, она же высокая, с изящной фигурой, говорливая, импульсивная, артистичная натура.¹ Но было и нечто такое, что их сближало, делало возможным для них прощать друг другу малые грехи во имя чего-то более важного, существенного...

Восстанавливать биографии людей прошлого почти всегда нелегко, особенно же, когда описываемые лица не оставили после себя воспоминаний, писем и других источников, позволяющих реконструировать их жизненный путь. Не случайно в опубликованных до сих пор кратких биографических справках о Л. М. Пумпянском так много ошибок и неточностей. Но все же кое в чем автору этих строк повезло: в нашем распоряжении оказались до сих пор неопубликованные мемуары дочери Пумпянских – Татьяны Леонидовны Яницкой, ныне проживающей в Канаде, и воспоминания некоторых других лиц. В архивах Эстонии и России нашлись кое-какие документы, освещающие жизненный путь Л.М.

¹ См.: То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908-1982). Т. I. Таллинн, 1996. С. 183.

Лидия Харлампиевна Пумпянская
(урожд. Дроботова) (1893-1952).
Художник С.А. Сорин.
Псковская художественная галерея

и Л. Х. Пумпянских. Правда, все равно в следующей далее биографии наших героев читатель без труда заметит лакуны, «белые пятна». Кое-что не может быть документально доказано и остается более или менее вероятным предположением.

*

Леонид Моисеевич Пумпянский родился 17 февраля 1889 г.² под Петербургом, где на Ижорских заводах работал инженером-технологом его отец. Пумпянские были родом из литовских евреев. По воспоминаниям Т. Л. Яницкой это была типичная буржуазная еврейская семья.³ Сына Леонида родители отдали в престижную немецкую Анненшуле (Annenschule) в Петербурге, считавшуюся одним из лучших средних учебных заведений столицы.⁴ Л. М. Пумпянский окончил ее в 1906 г. с золотой медалью.

Но революционные веяния, охватившие в эти годы всё российское общество, особенно молодежь, не миновали и воспитанников Анненшуле. Л. М. Пумпянский еще в школе примкнул к социал-демократической ученической организации⁵. Его дочь вспоминает: «Папа стал рано интересоваться революционным движением. Принимал участие в рабочих кружках. Читал запрещенную литературу. Он жил своей жизнью и всё более отходил от семьи»⁶. Уже в 13 лет Леонид «заявил: он будет считать себя русским и примет православие».⁷ Это он позже и сделал. Любопытно,

² Приводим эту дату на основе выданного Л. М. Пумпянскому эстонского заграничного паспорта. (ГАЭ. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3586), а также справки о нем в биографическом словаре эстонских деятелей в области экономики (Eesti majandustegelased. S. 1., 1938. Lk. 163), вероятно, им же и подготовленной. Однако надо учесть, что в печатных и архивных источниках можно встретить и иной год его рождения. Так, в жандармском деле о Л. М. Пумпянском 1907 г. дата его рождения – 17 февраля 1887 г. (см. Государственный архив Российской Федерации в Москве [далее сокращенно ГАРФ]. Ф. 102. 7 делопроизводство. 1907 г. Ед. хр. 2809. Л. 9). В другом, более позднем жандармском документе 1917 г. как год рождения Л. М. Пумпянского указывается 1890-ый (ГАРФ. Ф. 102. 5 делопр. 1917. Ед. хр. 322. Л. 34). Дочь Л. М. Пумпянского также склонна считать годом его рождения 1890-й.

³ Яницкая Т. Л. Мемуары. Компьютерный текст. Хранится у автора данной публикации. С. 1.

⁴ Об Анненшуле см.: *Ramming N. Die St. Annen-Schule in St. Petersburg.* Berlin, 1936.

⁵ Киреева М. Н. Воспоминания. Машинопись. Хранятся у автора данной публикации. С. 1. Мария Николаевна Киреева, в те годы убежденная большевичка, была первой женой Л. М. Пумпянского; их брак был недолгим.

⁶ Яницкая Т. Л. Цит. соч. С. 1.

⁷ Там же. С. 2.

что молодого человека, по-видимому, не смущало сочетание: членство в РСДРП и принятие православия. Впрочем, та эпоха знавала и еще более разительные контрасты и противоречия...

Если для большинства крещеных евреев переход в православие носил чисто внешний характер, обуславливался прежде всего причинами сугубо практическими, «меркантильными» – он предоставлял им в условиях Российской империи несравнимо больше возможностей для успешной карьеры, для утверждения себя в обществе, – то для Пумпянского, судя по всему, это был сознательный шаг иного рода: смена, в первую очередь, культурного менталитета, тесно связанная с утверждением своей «русскости». Не случайно впоследствии он любил подчеркивать, что православие является неотъемлемой частью русской культуры, требовал от детей, чтобы они регулярно ходили в церковь и сам посещал ее по великим праздникам.

В 1906 г. Л. М. Пумпянский стал студентом юридического факультета Петербургского университета. Он примкнул к меньшевикам, продолжал активную политическую деятельность в Песковском подрайоне Петербургского городского комитета РСДРП, где как раз преобладали меньшевики. Современница вспоминает одно из собраний студентов – социал-демократов, на котором обсуждался вопрос о выборах в Государственную Думу: «Леня настойчиво добивался внесения некоторых положений в резолюцию, которых не могли одобрить большевики, и пункт за пунктом, слово за словом пытался он изменить характер резолюции. Меня тогда просто поразила его настойчивость, твердая убежденность и умение находить формулировки...».⁸

Революционная деятельность Л. М. Пумпянского не могла не привлечь внимания жандармского ведомства. 10 апреля 1907 г. он был арестован жандармами на квартире, «где в это время происходило <...> собрание местного Песковского подкомитета Российской социал-демократической рабочей партии. При личном обыске у Пумпянского были найдены прокламации и отчет упомянутого подкомитета, главарем которого он, по-видимому, является».⁹

С началом дознания по этому делу родители Леонида предприняли энергичные меры, чтобы выволить сына из заключения. Его мать Вера Михайловна Пумпянская обратилась с соответствующим прошением к самому министру внутренних дел. Родителям удалось добиться, что сын был отпущен, они взяли его на поруки. Следствие же по делу Л. М. Пумпянского продолжалось. Когда стало ясно, что нового тюремного заклю-

⁸ Киреева М. Н. Цит. соч. С.2.

⁹ ГА РФ. Ф. 102. 7 делопроизв. 1907. Ед. хр. 2809. Л. 4.

чения не избежать, Пумпянский с помощью родителей нелегально, через Финляндию, в том же 1907 г. выехал за границу. Он был объявлен в розыск, который, естественно, результатов не дал.¹⁰

Л. М. Пумпянский отправился в Германию и стал студентом Мюнхенского университета, где изучал экономические науки. Полный курс университета он завершил в 1910 г., вслед за тем защитил докторскую диссертацию по истории чартистского движения в Англии¹¹ и был удостоен степени доктора политической экономии. Уже в эти годы он стал печататься в русской и немецкой прессе. Он сам позже признавался, что публиковался и в главном органе германских социалистов – еженедельнике «*Neue Zeit*», выходившем под редакцией К. Каутского,¹² с которым Пумпянский находился в переписке.

В Мюнхене в это время была большая русская колония, состоявшая преимущественно из политэмигрантов, деятелей революционного движения в России. Л. М. Пумпянский принимал самое активное участие в политической и общественной жизни русской колонии. Он входил в социал-демократическую группу меньшевиков. Согласно агентурным сведениям российской охраны, эта группа «помимо участия в делах местной колонии устраивает собрания, партийные доклады и даже публичные рефераты».¹³ Среди членов группы был видный политический деятель, в будущем крупный советский дипломат, ученый-историк И. М. Майский. В 1910 г. Л. М. Пумпянский побывал на международном Социалистическом конгрессе в Копенгагене.

«Как обычно у русских, бывали жаркие споры, но, несмотря на принадлежность к различным политическим группировкам, уважали чужое мнение и отношения были самые дружеские и доброжелательные, – вспоминала позднее проживавшая в ту пору в Мюнхене Н. М. Донская. – Леонид Моисеевич был самым молодым – и не только годами, но и своей живостью, жизнерадостностью, остроумием и вообще талантливостью <...> Мы его очень любили, он вносил много веселья и оживления в нашу жизнь. Иногда вечерами мы бродили по городу, заходили в знаменитые мюнхенские пивные выпить кружку пива, называли эти походы словом “*bummeln*” («кутить») или по-русски переделявали в “бумелять”».¹⁴

¹⁰ См. там же. Л. 3-9.

¹¹ *Pumpiansky L.* Zur Geschichte der Anfänge des englischen Trade Unionismus. Stuttgart: Dietz, 1912 (Ergänzungshefte zur *Neue Zeit*).

¹² ГАЭ. Ф. 14. Оп. 15. Ед. хр. 1273. Л. 6.

¹³ ГА РФ. Ф. 192. Особый отдел. 1910 г. Ед. хр. 5. Лит. М: Российская социал-демократическая рабочая партия. Сведения по загранице. Мюнхенская группа. Л. 159-160.

¹⁴ *Донская Н. М.* [Воспоминания]. Рукопись. Ксерокопия хранится у автора данной публикации. Стр. не нумерованы.

После окончания университета Л. М. Пумпянский мечтал серьезно заняться наукой, стать ученым,¹⁵ но материальные трудности этому помешали. Отец, узнав о переходе его в православие и о женитьбе на русской, прекратил финансовую поддержку сына.¹⁶ Пришлось искать работу за границей (Леонид, видимо, побаивался возвращаться на родину, памятуя, что жандармское «дело» о нем не прекращено). В 1910-1912 гг. Пумпянский работал в Лондоне в Русско-азиатском банке. Работа в банке многое дала молодому экономисту: до сих пор он занимался финансами лишь теоретически, теперь же познакомился с банковской кухней практически, на деле. Это очень пригодилось ему в будущем.

В 1912 г. Пумпянский все же решил возвратиться в Россию. Что стояло за этим, мы не знаем. Возможно, он считал, что к этому времени жандармы о нем уже забыли. Может быть, так и случилось бы, если бы в декабре 1912 г. Департамент полиции не получил написанный карандашом на немецком языке анонимный донос, в котором утверждалось: «Бежавший пять лет тому назад, приговоренный к каторжным работам (на самом деле Л. М. Пумпянский не был приговорен к каторге. – С. И.) студент Л. Пумпянский находится здесь под чужим именем, на экзамены в университет записался под своим собственным именем, продолжает свою прежнюю деятельность агитатора, но не на фабриках, как прежде, а в университете».¹⁷

22 января 1913 г. С.-Петербургской Судебной Палатой Л. М. Пумпянский был осужден по первой части ст. 126 Уголовного уложения к заключению в крепости на восемь месяцев с зачетом 45 дней предварительного заключения. По свидетельству Т. Л. Яницкой, Пумпянский отбывал наказание в одиночной камере Петропавловской крепости, занимаясь подготовкой к выпускным экзаменам в российском университете.¹⁸ Дело в том, что дипломы заграничных университетов не имели силы в Российской империи и поэтому всем владельцам подобных дипломов надо было заново сдавать государственные экзамены за университетский курс по российским программам. Вначале Пумпянский намеревался это сделать при юридическом факультете Петербургского университета, но помеша-

¹⁵ Об этом свидетельствуют его публикации в научных изданиях, главным образом посвященные истории рабочего и социалистического движения в Англии. См., напр.: *Pumpiansky L. Die Kooperation und der Sozialismus in England in den 20er Jahren des XIX Jahrhunderts // Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung / Hrsg. C.Grünberg. B. 2. Leipzig, 1912. S. 330-371.*

¹⁶ Яницкая Т. Л. Цит. соч. С. 2.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1906 г. Ед. хр. 8, ч. 38. Л. 359-361.

¹⁸ Яницкая Т. Л. Цит. соч. С. 3.

ли арест и заключение. Выпускные испытания он сдал за один месяц при Казанском университете, где и получил диплом юриста.

В 1914-1916 (1917?) гг. Л. М. Пумпянский работал в Петербурге в Сибирском банке прокурисом, т. е. доверенным лицом, имеющим неограниченные полномочия на совершение всякого рода сделок. Он был на хорошем счету у руководства банка, ему доверяли важные международные переговоры, в связи с этим в годы I мировой войны Пумпянский посещал Англию. Одновременно в это время началась и его преподавательская деятельность в высших учебных заведениях: в 1915-1916 гг. он был приват-доцентом Петербургских высших коммерческих курсов М. В. Побединского.¹⁹

Л. М. Пумпянский также принимал участие в деятельности Военно-промышленных комитетов. Это были общественные организации, созданные во время I мировой войны для содействия правительству и мобилизации промышленности под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы». Комитеты и их рабочие группы объединяли либерально настроенных предпринимателей, промышленников, часто недовольных действиями правительства. Это, как и стремление военно-промышленных комитетов к самостоятельности, к обновлению власти привело в конце 1916 – начале 1917 г. к их конфронтации с правительством, с руководством империи. Последовали аресты активных деятелей военно-промышленных комитетов.²⁰

8 января 1917 г. Л. М. Пумпянский в числе прочих был арестован на собрании в помещении рабочей группы Московского областного военно-промышленного комитета. При обыске у него была обнаружена большая личная и деловая переписка на иностранных языках, 15 тетрадей рукописей на иностранных языках и пр. Вновь он оказался под стражей, и на него заводится уголовное дело.²¹ Правда, вскоре произошедшая Февральская революция 1917 г. всё изменила в жизни страны и в жизни нашего героя.

Но прежде чем перейти к рассказу о новом периоде в биографии Пумпянского, надо остановиться на его семейной жизни. Первый его брак, заключенный в Лондоне, оказался неудачным и непродолжительным. Он распался в 1913 г., сразу после освобождения Леонида Моисеевича из

¹⁹ Eesti majandustegelased. Lk. 163. О Высших коммерческих курсах М. В. Побединского см.: *Иванов А. Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 143-145.

²⁰ См.: *Гутерц А. В.* Военно-промышленные комитеты // Отечественная история. Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 425-426.

²¹ ГА РФ. Ф. 102. 5 делопр. 1917 г. Ед. хр. 322. Л. 1-2, 34-35. См. также: Ф. 102. 5 делопр. 1917 г. Ед. хр. 2, ч. 73. Т. I. Л. 23.

тюрьмы. В Петербурге (теперь, собственно, уже Петрограде) Пумпянский познакомился с молодой актрисой Л. Х. Дроботовой. В 1915 г. они поженились.

Пора нам познакомиться с этой незаурядной женщиной.

Лидия Харлампиевна Дроботова родилась 23 октября 1893 г. в станции Митякинской Области войска Донского.²² Она была дочерью православного священника Харлампия Давидовича Дроботова, принявшего позже в монашестве имя Харитона. Это тоже была по-своему яркая личность. Он был по происхождению болгарин. Семейство Дроботовых переселилось из Турции (в состав которой входила Болгария) в Россию, в таврические степи. Харлампий Давидович окончил Таврическую духовную семинарию, вслед за тем Петербургскую духовную академию и стал преподавателем в духовных и светских учебных заведениях. Как указывалось в некрологе Х. Дроботова, «приняв русскую культуру во всей ее глубине, духовности и терпимости, он остался ей верен до конца своих дней <...> Весь жизненный путь усопшего являлся ярким примером волевого устремления к развитию в русской молодежи национального самосознания на пользу русской культуры».²³ Овдовев, Х. Дроботов принял монашество, затем последовательно был ректором Волынской и Екатеринославской духовных семинарий. Чудом спасшийся во время революции от расстрела, он эмигрировал сначала в Польшу, где стал борцом за православие, подвергавшееся в это время в Польше преследованиям со стороны властей, позже перебрался во Францию и Австрию, а завершил свой жизненный путь в 1933 г. в Югославии. Архимандрит Харитон неизменно пользовался глубоким уважением и любовью окружающих.

Детство и юность Лидии Харлампиевны прошли в постоянных переездах с места на место в связи с перемещениями по службе ее отца. В результате она перебивала в семи городах, училась в семи разных учебных заведениях. В те годы Лидия разделяла революционные убеждения большинства русской молодежи, даже участвовала в распространении листовок; впрочем, политика ее мало интересовала. Всё это, скорее, было данью тогдашней моде, за что доставалось прежде всего отцу Лидии, священнику.

²² ГАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 4856 (опросный лист от 11.XII 1928, заполненный самой Л. Х. Пумпянской). См также: ГАЭ. Ф. 14. Оп. 15. Ед. хр. 1273. Л. 10 об. Впрочем, как и в случае с Пумпянским, в архивных и прочих документах можно встретить разночтения в годе и дате ее рождения. В заграничном паспорте датой рождения Л. Х. Пумпянской указано 4 ноября 1891 г. (ГАЭ. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3584). Т. Л. Яницкая также считает годом рождения матери 1891-й.

²³ † Архимандрит Харитон // Таллинский русский голос. 1934. 27 янв. № 64. С. 3.

В старших классах Лидия увлеклась театром и после окончания гимназии отправилась в Петербург, где поступила тайком, против воли отца в театральное училище, курс в нем вела знаменитая актриса М. Г. Савина. Для отвода глаз Лидия записалась на трехгодичные курсы по психологии, о чем и сообщила отцу. Однако вскоре тот узнал, чем в действительности занимается его чадо в столице, очень огорчился, перестал посылать дочери деньги, надеясь, что она займется более серьезным делом. Но Лидия была девицей упорной, решительной и не прекратила занятий в театральном училище. Оставшись без средств к существованию, она с помощью друзей устроилась на работу в ночной клуб – в рулетке выкрикивала номера.

В Петербурге Лидия Харлампиевна постепенно завела широкий круг знакомств в мире литературы и искусства. Изредка она посещала дом приходившегося ей дальним родственником писателя И. Н. Потапенко. Среди ее родственников оказался один из певцов Мариинского оперного театра. Через него Лидия получала бесплатные контрамарки в Мариинку и просмотрела – прослушала весь репертуар знаменитого театра. Но еще в большей степени важно другое: Лидия входит в круг молодых поэтов, писателей, художников, актеров – постоянных посетителей литературно-артистического кабаре «Бродячая собака», завсегдатаями которого были А. А. Ахматова, Н. С. Гумилев, С. М. Городецкий, М. А. Кузмин, О. Э. Мандельштам, Ф. К. Сологуб и др. С некоторыми из своих знакомых по «Бродячей собаке» Лидия Харлампиевна позже поддерживала дружеские отношения в эмиграции. Особенно близка она была с актрисой, женой художника С. Ю. Судейкина, О. А. Глебовой-Судейкиной. По воспоминаниям Яницкой, Лидия Харлампиевна, Ольга Судейкина и Анна Ахматова составляли в эти годы своеобразный дружеский треугольник.²⁴

Л. Х. Дроботова начинает выступать на петроградской сцене. Как справедливо замечает дочь, великой актрисой она не стала, чаще всего исполняла небольшие роли, но всё же была известна в столице. Позже Лидия Харлампиевна играла в Театре экспериментальных постановок С. Э. Радлова. Её портрет рисует художник С. А. Сорин.²⁵

Нет ничего удивительного, что молодая актриса привлекла внимание преуспевающего экономиста Л. М. Пумпянского, которому также был близок мир литературы и искусства. Как уже выше отмечено, в 1915 г. они сочетались браком, в августе 1917 г. у них родился сын Алексей.

Это было время коренных изменений в стране, в которых Л. М. Пумпянский принял непосредственное участие. Он оставался членом партии

²⁴ Яницкая Т. Л. Цит. соч. С. 8. Наш рассказ о жизни Л. Х. Пумпянской в дореволюционный период основан главным образом на воспоминаниях Т. Л. Яницкой.

²⁵ Портрет опубликован: Нива. 1917. № 8. Ныне хранится в Псковской картинной галерее.

меньшевиков, как убежденный социал-демократ, приветствовал Февральскую революцию. Пумпянский стал директором департамента Министерства труда во Временном правительстве А. Ф. Керенского, помощником и главным советником министра труда по проблемам экономики.²⁶ В одном из писем дядя Леонид Моисеевич так характеризовал его: «Безусловно он очень сильно вырос за это время, найдя применение, как он сам определил, всем разнообразным своим способностям: экономиста, дельца (крупный организационно-капит[алистический]. размах), социал-демократа».²⁷ Это сочетание будет характерно и для последующей деятельности Л. М. Пумпянского, особенно когда он оказался за рубежом.

Приход к власти большевиков, конечно, опять всё изменил в жизни Пумпянского. Его познания и опыт экономиста, финансиста, специалиста банковского дела оказались ненужными новой власти, а его экономические и социологические воззрения враждебными ей, опасными для коммунистического режима. В 1919 г. Л. М. Пумпянский стал профессором экономики Петроградского университета, а позднее Института народного хозяйства, но в 1922 г. его педагогическая, как и научная деятельность были признаны антисоветскими. Оценка им проводимой большевиками экономической политики, действительно, была очень критичной. Он предпринимает попытку создать одну из первых в Советской России промкоопераций, но ей не дают развиваться.

По свидетельству дочери, Пумпянский пять раз подвергался аресту органами ВЧК и ГПУ. Каждый раз Лидия Харлампиевна предпринимала героические усилия, чтобы выволить мужа из чекистских застенков. «Мама, имея большой опыт общения со следователями, умудрялась получать свидания даже тогда, когда его никому не давали, – вспоминает Т. Л. Яницкая. – Передавала передачи, помогала другим, когда была возможность. Мать уверяла, что следователи ее боялись. Она была в сильном нервном напряжении. В таком состоянии могла предугадывать вопросы раньше, чем следователь успевал их сформулировать и произнести. Мама начинала отвечать на еще не заданный вопрос. Это их настолько нервировало, что для того, чтобы только скорее от нее избавиться, делали поблажки, давали внеочередное свидание, передачу».²⁸

Заметим, что у Пумпянских была богатая домашняя библиотека и Л. Х. Пумпянская в послереволюционном Петрограде продолжала поддерживать тесные связи с миром писателей и деятелей искусства. Осо-

²⁶ Eesti majandustegelased. Lk. 163; ГАЭ. Ф. 14. Оп. 15. Ед. хр. 1273. Л. 7.

²⁷ Яницкая Т. Л. Цит. соч. С. 10.

²⁸ Там же. С. 14.

бенно часто она общалась с жильцами и посетителями Дома искусств, в частности с Анной Ахматовой, которая даже приняла участие в обращении к властям с просьбой освободить из-под ареста группу петроградских ученых, в их числе и Пумпянского.²⁹ Записи о встречах с Лидией Харлампиевной есть в дневниках Михаила Кузмина за 1921 г.³⁰

Между тем в 1922 г. тучи над Л. М. Пумпянским, как, впрочем, и над многими другими русскими учеными, представителями интеллигенции, стали сгущаться. Инициатором массовых репрессий, направленных против русской культурной элиты, был никто иной, как В. И. Ленин. 19 мая 1922 г. он писал Дзержинскому, что питерский журнал «Экономист» «явный центр белогвардейцев. В № 3 <...> напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, *п о ч т и в с е* – законнейшие кандидаты на высылку за границу.

Всё это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически высылать за границу».³¹

Так началась знаменитая акция большевиков – депортация за рубеж большой группы русских ученых, философов, писателей, кооператоров, деятелей культуры, цвета русской интеллигенции. Сама эта депортация получила позже название «философского парохода».

Письмо В. И. Ленина имеет прямое отношение к Л. М. Пумпянскому, поскольку он был сотрудником журнала «Экономист»³² и его имя фигурирует в том списке, о котором упоминает вождь мирового пролетариата. Он сразу же был включен в составленный ГПУ «список антисоветской интеллигенции г. Петрограда». В ночь с 16 на 17 августа 1922 г. в Петрограде по этому списку было арестовано 30 человек, среди них и Л. М. Пумпянский.³³ Он был в числе тех семерых, которые «согласно их желанию будут отпущены за границу за свой счет».³⁴ В окончатель-

²⁹ Там же. Впрочем, Т. Л. Яницкая пишет, что А. А. Ахматова хлопотала о том, чтобы Пумпянских не высылали за границу (о высылке см. далее).

³⁰ О встречах поэта с «Харлампиевной» см.: *Кузмин, Михаил. Дневник 1921 года // Минувшее. Ист. альманах. Вып. 12. М., СПб., 1993. С. 467; Вып. 13. М., СПб., 1993. С. 472, 495, 497.* Благодарим профессора Р. Тименчика, который обратил наше внимание на эти записи.

³¹ *Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 54. М., 1978. С. 266.*

³² См.: *Пумпянский Л. О промышленном труде // Экономист. 1922. № 1. С. 108-114.*

³³ Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921-1923. М., 2005. С. 114.

³⁴ Там же. С. 115.

ном списке депортированных, высылаемых в первую очередь, числилось 57 человек, из них по Петрограду – 18. Кроме Пумпянского мы находим в нем философов Л. П. Карсавина и Н. О. Лосского, социолога П. А. Сорокина, публициста А. С. Изгоева (Ланде),³⁵ с которым Пумпянский позже встретился вновь в Эстонии. На германском пароходе «Пруссия» они осенью 1922 г. направились за рубеж. В ноябре депортированные через порт Штеттин прибыли в Берлин, в ту пору крупнейший центр российской эмиграции, Русского зарубежья.

Группа высланных объединилась. Было создано особое Бюро в качестве исполнительного органа объединения. В состав бюро вошел и Л. М. Пумпянский. При активном участии высланных из России ученых в Берлине был основан Русский научный институт с тремя отделениями: духовной культуры, права и экономики. В 1922/23 году Пумпянский читал в институте спецкурс «Положение рабочих в России». Одновременно он принимал участие в работе Экономического кабинета под руководством проф. С. Н. Прокоповича. Это было нечто вроде небольшого научно-исследовательского института, в котором собирались материалы и изучалась экономика России, как дореволюционной, так и в особенности послереволюционной. Кабинет издавал «Экономический бюллетень» и «Русский экономический сборник». К работе в кабинете были привлечены многие ученые-эмигранты.³⁶

Главным занятием Л. М. Пумпянского стала научно-исследовательская работа – изучение экономики Советской России и НЭП'а. В 1923 г. выходит в свет его книга «НЭП (Опыт характеристики советской экономики)» (Берлин: Основа, 1923). На страницах сборников и периодических изданий появляется ряд статей, посвященных той же проблематике.³⁷ Эти работы были одними из первых попыток объективного научного анализа советской экономики тех лет и НЭП'а. В Советской России подобный

³⁵ Там же. С. 173-175.

³⁶ См.: Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). Paris, 1971. С. 102.

³⁷ См.: Пумпянский Л. М. Организация и работа советских трестов // Экономический вестник. 1923. Кн. 1. С. 79-107; *Он же*. Внутренние противоречия советского хозяйства // Там же. 1923. Кн. 2. С. 54-72; *Он же*. Лже-кооперация // На чужой стороне. Ист.-лит. сборник. Сб. 1. Берлин, Прага, 1923. С. 237-252, и др. Отметим еще, что в октябре 1923 г. Республиканско-демократическое объединение, руководимое П. Н. Милюковым, разработало план выпуска литературы. Среди запланированных 12 брошюр была и работа Л. М. Пумпянского «Советские ножницы (Смычка города и деревни)». Издание этой брошюры осуществлено не было (Базанов Н. П. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917-1988 гг.). СПб., 2004. С. 95).

анализ был невозможен. Западные же исследователи плохо представляли себе российские реалии. Эти работы Пумпянского-экономиста заслуживают специального рассмотрения историками экономической мысли.

Однако, как пишет его дочь, «всё это было больше для души, денег давало мало, чтобы прокормить семью, <отец> всё время был в поисках работы. Кое-какая временная работа находилась», но вообще положение было нелегким.³⁸ И тогда Пумпянский решил перебраться в Париж, который всё более становился главным центром русской эмиграции.

Но, увы, и в Париже положение русских эмигрантов было тяжелым. «Папа брался за любую работу, но не очень успешно. Пытался организовать промысел резьбы по дереву, подделки из бересты<...>, – вспоминает Т. Л. Яницкая. – Кончилось тем, что папа стал писать институтские дипломные работы богатым бездельникам. За три года пребывания в Париже папа успел написать пять дипломов. Он брался за любую тему: овцеводство в Австралии, ирригация (не помню где) и т. д. Трудность для него состояла не в написании той или иной работы, а в нахождении очередного идиота (как папа их называл). Дальше всё было делом техники <...> Мама на дому, будучи в артели, шила на <привезенной из России швейной> машинке, этим немного подрабатывала. Обшивала семью».³⁹ В Париже Л. Х. Пумпянская общалась со своими петербургскими знакомыми, оказавшимися в эмиграции, но на их помощь рассчитывать не приходилось.

Надо заметить, что и отношение парижского эмигрантского общества к высланным из России, остававшимся советскими гражданами, было неоднозначным. Формально Пумпянский были высланы за границу сроком на три года. Правда, когда Леонид Моисеевич в 1925 г. отправился в советское посольство, чтобы узнать, может ли он с семьей вернуться на родину, ему было сказано, что власти считают «их возвращение не своевременным».⁴⁰ После этого Пумпянский отказался от советского гражданства и стал фактически апатридом-«нансенистом», получив нансеновский паспорт.

Между тем все эти годы отец Леонида Моисей Самойлович Пумпянский проживал в Эстонии. Собственно его связи с Эстонией установились еще до революции: как инженер-технолог он занимался производством целлюлозы и бумаги на эстонских фабриках, руководил несколькими предприятиями этого профиля, вложил в их развитие много сил и энергии. В 1922 г. М. С. Пумпянский стал во главе писчебумажной фабрики в Тюри, которая была в катастрофическом состоянии, но он сумел наладить

³⁸ Яницкая Т. Л. Цит. соч. С. 16.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 17.

производство.⁴¹ По работе ему приходилось иметь дело с частным банком «Г. Шель и К°». Благодаря содействию отца, Леонид Моисеевич в конце 1926 г. получил место служащего банка Шеля и переехал в Эстонию, в Таллинн.

Банк «Г. Шель и К°» («G. Scheel ja K°») был самым старым и самым крупным частным кредитным заведением в Эстонии. Он был основан в 1884 г. и просуществовал до 1940 г., до закрытия его органами советской власти. Банк сумел восстановиться после революционных «смут» 1917-1919 гг., увеличить сферу своей деятельности, направленную на содействие развитию экономики молодой республики. В 1925 г. оборот банка достигал 148 миллиарда марок. Основное внимание уделялось финансированию промышленности и внешней торговли, при этом, прежде всего поддержке крупного промышленного производства (целлюлозно-бумажного, сланцеперерабатывающего и пр.). Банк выступал в роли посредника с заграничными банковскими структурами, способствовал привлечению иностранного капитала в Эстонию. В 1920-е гг. «Шель и К°» превратился в крупное банковское заведение европейского типа.⁴²

Л. М. Пумпянский работал в «Г. Шель и К°» с 1925 по 1934 год. Банк нашел в его лице специалиста высшего класса, какой был ему нужен. В то же время Пумпянский нашел в банке широкие возможности для интересной работы, для реализации своего незаурядного таланта экономиста и финансиста. Он стал прокурисом, отвечавшим за самые ответственные аспекты деятельности банка: финансирование крупных промышленных предприятий. Впрочем, ему пришлось заниматься в банке очень многим.

Впоследствии в письме от 3 декабря 1930 г. министру юстиции и внутренних дел Адо Андеркоппу, первоначально отказавшему ему в получении эстонского гражданства, Л. М. Пумпянский перечислил свои заслуги перед Эстонской Республикой.⁴³

На его долю выпало редактирование выпускавшихся банком англоязычных журналов «The Estonian Economic Review» (1926-1927) и «Scheel's Review» (1928-1929), задачей которых было знакомить западных читателей с народным хозяйством Эстонской Республики. В журнале печатались полноценные обзоры эстонской экономики и статистические данные о промышленности и торговле Эстонии, в частности об экспорте.

⁴¹ О нем см.: 25 a. paberitööstuse juhtimisel. Dir. M.S.Pumpiansky // Päevaleht. 1929. 22. sept. Nr. 256. Lk. 7.

⁴² Л. К. Г.Шель и К° // Последние известия. 1926. 24 февр. № 44. С. 5. Архив этого банка был в результате национализации 1940-1941 гг. частью вывезен за рубеж, оставшаяся часть хранится в Историческом архиве Эстонии (ИАЭ. Ф. 4355 Банк акционерного общества «Георг Шель и Ко», 1880-1941).

⁴³ ГАЭ. Ф. 14. Оп. 15. Ед. хр. 1273. Л. 7-8.

В 1927-1929 гг. Пумпянский – корреспондент по Эстонии английского журнала по экономике «The Statist».

Помимо этого, Л. М. Пумпянский был членом правления многих крупных акционерных обществ, получивших кредиты от банка, в частности предприятия по производству бумаги, сланцевого комбината в Кивиыли и ряда других. Он непосредственно участвовал в санировании Таллиннского завода по производству клея, в создании «АО Вирумааское электричество». Пумпянский особенно гордился своим участием в развитии самого крупного машиностроительного завода в Эстонии «Франц Круль». В письме к одной из знакомых он писал: «Этот завод – мой любимчик, я его поднял из упадка и теперь <этим> очень горжусь. Кроме этого главного, у меня множество разных предприятий на попечении: бумажный, пивоваренный (ныне существующий знаменитый завод «Саку» – С. И.), костеобр<абатывающий> и т. д. Одним словом, я вроде председателя промбюро, но только с другими правами и ответственностью. Кроме того порядочная «общественная нагрузка», которую я люблю».⁴⁴ Примечательна последняя фраза, к ней мы еще вернемся.

Отметим также, что Пумпянский старался привлекать к работе в курируемых им предприятиях русских инженеров, мастеров и рабочих. В частности, техническим директором завода «Франц Круль» был русский специалист по проблемам техники (позднее профессор) П. М. Шелюмов. Последний был инициатором создания русских Высших политехнических курсов в Таллинне – единственного русскоязычного высшего учебного заведения в Эстонии. Л. М. Пумпянский принимал участие в работе курсов.

Неоднократно ему приходилось вести переговоры с иностранными инвесторами о финансировании эстонского народного хозяйства, причем представлять на этих переговорах не только интересы каких-то отдельных предпринимателей, но и всей эстонской экономики. Пумпянский нередко бывал в заграничных командировках – в основном, в Англии, но также в Нидерландах. Приходилось ему заботиться и о рынках сбыта за рубежом для эстонских товаров.

Как крупный специалист Л. М. Пумпянский часто консультировал эстонских специалистов в финансовых и хозяйственных вопросах, всегда делал это охотно и бесплатно. Он был также автором ряда статей, посвященных эстонской экономике, в эстонских, немецких и русских органах печати, в частности, в популярных у читателей газетах «Päevaleht»⁴⁵, «Vaba Maa», «Revalsche Zeitung» и др.

⁴⁴ Яницкая Т.Л. Цит. соч. С 23.

⁴⁵ См., напр.: *Pumpiansky L. Mis on Eesti Pank // Päevaleht. 1929. 3. mai. Nr. 118. Lk. 5; Он же. Õli kivi – rajooni energia-allikas. Miks seni möödutud järjekindlalt Narva kosest // Päevaleht. 1930. 19. sept. Nr. 255. Lk. 2.*

В заключении своего письма министру Л. М. Пумпянский заметил, что эстонское гражданство он хочет получить не из-за каких-то личных корыстных соображений, а в интересах дела, которым он занимается. На этот раз его просьба была удовлетворена: 18 апреля 1931 г. Пумпянский (вместе с женой и детьми) получил эстонское гражданство⁴⁶. Возможно, одной из причин задержки было слабое знание Пумпянским эстонского языка, но, вероятно, имелись и другие причины.

Казалось бы, дел Л. М. Пумпянскому хватало, но его полной сил и энергии деятельной натуре прирожденного общественника всего этого было мало. Он жаждал еще и другого – активного участия в местной русской общественной и культурной жизни. К этому стремилась и его супруга. По мере укрепления позиции Пумпянского в банке Шеля и возрастания его жалования, его доходов супруги начинают оказывать финансовую помощь русским организациям и русским деятелям, прежде всего на ниве культуры.

В марте 1927 г. в Таллинне начала выходить «Наша газета». Она была неофициальным органом Русского национального союза в Эстонии и русской парламентской фракции. Во многом это было издание нового типа. Оно стремилось быть органом всего русского национального меньшинства в Эстонской Республике, держалось вне политических дрязг эмиграции, акцент в ней делался на культуре, так как, по убеждению редакции, только от ее сохранения зависит будущее русских.⁴⁷ По предположению Иностранного отдела ОГПУ, основывающемуся, правда, на непроверенных данных местных его агентов, «Нашу газету» субсидировал «в лице одного из его директоров – Пумпянского» банк Шеля.⁴⁸ При его содействии в Эстонию приезжают для выступлений деятели русской эмиграции, в частности в 1928 г. С. И. Гессен.⁴⁹

В 1931 г. Л. М. Пумпянский был председателем Комиссии по изучению вопроса о культурной автономии русских, активным членом Комитета по устройству Русской выставки, состоявшейся в апреле – мае 1931 г. в Таллинне, читал лекции в Русском народном университете в том же Таллинне.⁵⁰ Он активно участвует в подготовке Первой русской выставки в Эстонии и публикует любопытную работу о демографии русских в

⁴⁶ ГАЭ. Ф. 14. Оп. 15. Ед. хр. 1273. Л. 9.

⁴⁷ О газете см.: *Исаков С. Г.* «Наша газета» // Литературная энциклопедия Русского зарубежья, 1918–1940. Периодика и литературные центры. М., 2000. С. 244–245.

⁴⁸ Русские в Эстонии (по материалам ОГПУ СССР) / Публ. и примеч. В. Бойкова // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. V. Рига, 1999. С. 93.

⁴⁹ *Андреев Н. Е.* Цит. соч. Т. 1. С. 183.

⁵⁰ См.: Таллинский русский голос (далее сокращенно ТРГ). 1933. 29 янв. № 12. С. 2.

Эстонии.⁵¹ Но все же до апреля 1931 г., т. е. до получения им эстонского гражданства, возможности участия Пумпянского в политической да, в значительной мере, и в общественной жизни русских в Эстонии были весьма ограниченными. После получения гражданства ситуация изменилась.

В ноябре 1932 г. при участии и прямой финансовой поддержке Пумпянского начинает выходить общественно-политическая и литературная еженедельная газета «Таллинский русский голос». Он вошел в редколлегия еженедельника, ставшего одним из лучших (если не лучшим!) периодическим изданием на русском языке в Эстонии тех лет. Редактором газеты был старый знакомый Пумпянского по «философскому пароходу» А. С. Изгоев (Ланде). «Таллинский русский голос» продолжал линию «Нашей газеты». Это был формально беспартийный орган печати, который стремился объединить на национально-культурной основе всех русских, проживающих в Эстонской Республике. В газете был большой литературный отдел, публиковались произведения местных и зарубежных русских писателей-эмигрантов, много внимания уделялось культурной жизни русских.⁵² Л. М. Пумпянский опубликовал в еженедельнике ряд интересных статей на экономические темы, затрагивающих очень актуальную для тех дней проблему мирового экономического кризиса.⁵³ «Таллинский русский голос» выходил до июня 1934 г.

Как мы только что отметили, формально еженедельник был изданием беспартийным, но из всех русских политических объединений ближе всего его редакции был право-центристский Русский национальный союз (РНС), основанный еще в 1920 г., длительное время ничем себя особенно не проявлявший, но в начале 1930-х гг. окрепший и ставший, пожалуй, наиболее влиятельной и многочисленной русской политической организацией в Эстонии.⁵⁴ Это во многом связано с тем, что во главе союза стал А. П. Сорокин, умный и авторитетный политический деятель, пожалуй, единственный из русских политиков тех лет, оставивший по себе добрую

⁵¹ Пумпянский Л. О чем говорят цифры ? // Вестник Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии (далее сокращенно «Вестник СРПБО»). 1931. № 3-7. С. 68-70.

⁵² О газете см.: Исаков С. Г. «Таллинский русский голос» // Литературная энциклопедия Русского зарубежья, 1918-1940. Периодика и литературные центры. С. 475-476.

⁵³ Пумпянский Л. Мировой кризис и валютный вопрос // ТРГ. 1932. 12 нояб. № 1. С. 3; *Он же*. Заметки экономиста. Платить ли Америке? // Там же. 1933. 1 янв. № 8. С. 4; *Он же*. Заметки экономиста: на полпути // Там же. 1933. 8 янв. № 9. С. 4; *Он же*. Крушение доллара // Там же. 1933. 12 марта. № 18. С. 1.

⁵⁴ О Русском национальном союзе см.: Русское национальное меньшинство в Эстонской Ресублике (1918-1940) / Под ред. С. Г. Исакова. Тарту, СПб., 2001. С. 68-70.

память. Л. М. Пумпянский становится членом РНС (формально членами его могли быть только граждане Эстонской Республики).

В начале января 1933 г. явно по инициативе А. П. Сорокина Пумпянский был кооптирован в состав правления РНС и избран товарищем (т. е. заместителем) председателя союза. Он незамедлительно активно включился в работу союза. 15 января Л. М. Пумпянский вместе с другими руководителями РНС А. П. Сорокиным и А. Е. Осиповым, а также редактором «Таллинского русского голоса» А. С. Изгоевым отправился в Печоры, где участвовал в дискуссии на многолюдном собрании здешнего отделения РНС.⁵⁵ 19 января именно Пумпянский выступил на заседании правления РНС с докладом о поездке в Печоры. «Докладчик подчеркнул необходимость самого тесного общения между центром и отделами вообще, в частности с Печерским, что обеспечило бы продуктивность работы союза».⁵⁶ 20 января РНС устроил в Таллинне собрание молодежи, на котором Пумпянский должен был выступить с докладом «Основные виды и задачи политической деятельности».⁵⁷ На заседании правления 27 января 1933 г. главным образом обсуждался вопрос о финансах союза: «При обсуждении финансового положения Л. Пумпянским было указано на необходимость установления твердого бюджета, без которого никакая планомерная работа невозможна. Необходимо также установить постоянные источники притока средств путем самообложения национально мыслящих кругов. Правление приняло это предложение».⁵⁸

Избрание Л. М. Пумпянского товарищем председателя РНС и его деятельность широко обсуждались в русских кругах и вызывали недовольство части русского общества. В печати высказывалось мнение, что он неизвестен общественности, не знает положения русского крестьянства в Эстонии, составляющего большую часть русского населения страны⁵⁹ и пр. Выражалось недовольство самим принципом кооптации и отбора членов правления.⁶⁰ В некоторых статьях (в том числе в появившихся в русской печати Латвии) явственно проявился антисемитизм их авторов: Пумпянский неприемлем для них именно потому, что он еврей.⁶¹

⁵⁵ И. В Печерах // ТРГ. 1933. 22 янв. № 11. С. 3.

⁵⁶ В Национальном союзе // Там же. С. 4.

⁵⁷ См. сообщение о предстоящем мероприятии: Доклад в Национальном Союзе // ТРГ. 1933. 15 янв. № 10. С. 6.

⁵⁸ П. К. В Национальном Союзе // ТРГ. 1933. 29 янв. № 12. С. 2.

⁵⁹ Русские дела // Вести дня. 1933. 24 янв. № 20. С. 1; О работе Рус. Нац. Союза // Русское слово (Нарва). 1933. 2 февр. № 15. С. 1.

⁶⁰ См. более позднее: Делегатский съезд Русского Нац. Союза состоится в октябре? // Вести дня. 1933. 17 авг. № 190. с. 2. См. также: Дописались // ТРГ. 1933. 12 февр. № 14. С. 2.

⁶¹ Жизнь в Эстонии (от ревельского корреспондента «Завтра») // Завтра (Рига). 1934. 4 марта. № 21. С. 4. Откровенно анти-

Правление и Совет РНС в этих условиях сочли необходимым выступить в защиту Пумпянского. На очередном заседании Совета РНС 2 февраля 1933 г. была принята следующая резолюция: «Заслушав доклад Правления по поводу появившихся в газетах статей, направленных против члена правления Л. М. Пумпянского и избрания его тов<арищем> председателя Союза, совет постановил:

1. Выразить Л. М. Пумпянскому сочувствие по поводу безответственной и лишенной всяких оснований попытки некоторых газет дискредитировать его в глазах русского общества;

2. Подтвердить, что факт избрания Л. М. Пумпянского на должность товарища председателя Национального союза имел место по тщательном обсуждении этой кандидатуры с точки зрения общественной полезности этого работника для интересов русского меньшинства, причем имелось в виду:

а) многолетний стаж Л. М. Пумпянского в общественно-политической и кооперативной деятельности в России,

б) его постоянная отзывчивость на нужды и интересы русского населения в Эстонии, выразившаяся в деятельном участии его в ряде культурных, благотворительных и др<угих>. общественных начинаний, и –

в) его редкая энергия и организаторские способности, нашедшие выявление даже при кратковременном участии в работах Нац<ионального> Союза в качестве кооптированного члена Совета.

3. Выразить осуждение стремлению посеять недоверие и смуту в общее русское дело путем личных нападок на людей, чья работа, казалось бы, заслуживает только общественного признания и поддержки». ⁶²

26 февраля 1933 г. при огромном стечении публики (около 500 человек) в Таллинне состоялось открытое общее собрание РНС, в повестке которого был ряд вопросов. Л. М. Пумпянский выступил с программным докладом «Задачи национальной организации русских». Приводим его несколько сокращенное изложение из газеты «Таллинский русский голос»:

«Указав, что эстонцы годами тяжелой работы добились своей самостоятельности, а молодая республика в короткий сравнительно срок достигла очень многого, Л. М. Пумпянский подчеркнул, что для русских, наоборот, итог их 15-летнего существования в новых условиях печален.

семитский характер носил отклик в органе русских фашистов:
На суд! Почему мы голосуем против? // Новый свет (Таллинн).
1933. 10 июня. № 1. С. 2.

⁶² В Национальном Союзе // ТРГ. 1933. 5 февр. № 13. С. 1.

Русские шаг за шагом растрачивают богатства своей национальной культуры, дробятся на куски и превращаются в ту пыль, которая не имеет права на политическое бытие. Мы утрачиваем – говорил оратор, – сознание своей ответственности перед породившей нас нацией. В условиях жизни в демократическом государстве возможно достигнуть многого, а мы, не организуясь, живя вразброд, не добиваемся ничего, а как слепцы сами идем к своей национальной гибели.

Подводя сегодня итоги, – говорит оратор, – мы должны себе поставить вопрос: «быть или не быть».

Если «быть», так надо самоопределиться в спаянную волей единицу, если нет – то сознательно пойти на преступление национального самоуничтожения.

Для существования нации нужны два фактора: а) дух и б) организация.

Дух должен воспитывать в людях **полную убежденность, что нация способна жить, без этого у нации нет будущего** <...>

Необходима сплоченная организация <...>

Идя по пути творческой работы, русские деятели пробуют теперь **создать из Национального Союза центральную русскую организацию, до сих пор он выполнял, главным образом, роль предвыборного комитета**. Русские должны создать **сплоченную организацию**, которая была бы оплотом и защитой национальных интересов, чести и достоинства.

Имея в виду эту цель, Русский Национальный Союз вступает в период организационной деятельности:

- 1) для **сплочения** населения и поддержания в нем сознательного отношения к действительности будут устраиваться **ежемесячные открытые собрания**;
- 2) для **активного строительства** будет **оживлена работа отделов**,
- 3) наконец, для выработки **широкого плана деятельности и установления общих ее принципов** будет **созван делегатский съезд и приняты меры финансового укрепления русской организации путем самообложения**.

Нужны жертвы, и оратор призывает всех к жертвенности в служении родному делу, так как без готовности нести жертвы не может быть успеха». ⁶³

Это была законченная программа действий РНС на ближайшее будущее, и не вина Пумпянского, что она не была претворена в жизнь хотя бы

⁶³ Г. С. Русские о русских делах. Собрание Национального Союза // ТРГ. 1933. 5 марта. № 17. С. 2.

частично. Без сомнения, программа была согласована с А. П. Сорокиным. Многие в речи Пумпянского удивительным образом перекликается с тем, что сейчас происходит в Эстонии с русскими. Любопытно, что на этом собрании присутствовала и Л. Х. Пумпянская. При обсуждении вопроса о положении православной церкви в Эстонии Лидия Харлампиевна с места заметила, что «в русском православии и, в частности, в православной церковной службе, запечатлена вся история русского духа, и мы не можем не отстаивать неприкосновенности своего русского православия».⁶⁴

В конце марта 1933 г. русские депутаты парламента и руководство РНС выезжали в Нарву. 26 марта Л. М. Пумпянский побывал на заседании литературного кружка при обществе «Святогор», на котором обсуждался вопрос об общественной работе, об отношении к ней и об общественном идеале. «Л. М. Пумпянский принял живое участие в дискуссии молодежи, высказав целый ряд ценных замечаний по рассматриваемому вопросу»⁶⁵. 27 марта состоялось народное собрание, на котором присутствовало около полутора тысяч человек. Л. М. Пумпянский участвовал в нем.

1 апреля 1933 г. скоропостижно скончался председатель РНС А. П. Сорокин. На его похоронах 3 апреля именно Пумпянский выступил от имени руководства союза, очень высоко отозвавшись о личности, деятельности и идеалах А. П. Сорокина.⁶⁶

После этого, как можно предполагать, в правлении и в Совете РНС началась борьба за власть. На состоявшемся 19 апреля 1933 г. заседании Совета РНС решено было до съезда партии оставить должность председателя незамещенной.⁶⁷ Но, судя по всему, исполняющим обязанности председателя еще был Л. М. Пумпянский. На заседании правления РНС 24 апреля, где обсуждалось два вопроса: о созыве делегатского съезда и финансовый, – с докладом выступил именно Пумпянский, ратовавший за скорейший созыв съезда. Именно ему была поручена подготовка программы съезда и отчета о деятельности союза за прошедшие годы, как и кассового отчета.⁶⁸

Однако на расширенном заседании Совета РНС 15 мая 1933 г., созванном по инициативе парламентской фракции, Л. М. Пумпянского уже не было. Исполняющим обязанности председателя РНС называется И. М. Горшков.⁶⁹ Решено было перенести съезд на осень.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ В. Русские депутаты и представители Национального Союза в Нарве // ТРГ. 1933. 2 апр. № 21. С. 2.

⁶⁶ См.: ТРГ. 1933. 9 апр. № 22. С. 2.

⁶⁷ Кривский П. В Национальном Союзе // ТРГ. 1933. 23 апр. № 24. С. 2.

⁶⁸ В Национальном Союзе // ТРГ. 1933. 30 апр. № 25. С. 2.

⁶⁹ Кривский П. В Национальном Союзе // ТРГ. 1933. 21 мая. № 28. С. 4.

Конечно, возможно, отсутствие Л. М. Пумпянского на заседании Совета РНС объясняется тем, что он был в это время за границей.⁷⁰ Но симптоматично, что его не было и на открытом собрании Ревельского отдела РНС 25 мая, на котором он по первоначальному плану должен был выступать с докладом «Организационные задачи Национального союза».⁷¹ После этого имя Пумпянского исчезает из газетных публикаций о деятельности РНС, которая освещалась довольно хорошо. Вместе с тем в прессе мы не встречаем объяснений, что стоит за этим, что произошло. По всей вероятности, соперники оттеснили Пумпянского от руководства союзом; возможно, он сам решил отойти от политической деятельности, но, без сомнения, вся обстановка в РНС способствовала этому. В прошедшем 27 декабря 1933 г. делегатском съезде Л. М. Пумпянский, по всей вероятности, не участвовал и в состав избранного на съезде Совета партии не вошел.⁷² В печати в процессе подготовки съезда и на самом съезде неоднократно подвергалась критике кооптация членов правления и Совета; некоторые делегаты даже требовали включить в устав РНС пункт, запрещающий кооптацию.

Чем же в эти годы занималась Лидия Харлампиевна?

По воспоминаниям дочери, она неохотно покидала Париж, где у нее было много знакомых еще по Петрограду, где она входила в близкое ей общество поэтов и представителей мира искусства. Ревель-Таллинн казался Л. Х. Пумпянской глухой провинцией.⁷³ В первые годы она, в основном, занималась домом, семьей, воспитанием сына Алексея и дочери Татьяны (род. в 1922 г.), но постепенно освоилась в новой обстановке, завела знакомства в здешнем русском обществе, тем более, что по своей натуре была человеком общительным. По ироническому замечанию Н. Е. Андреева, она «старалась быть этакой светской дамой, что неплохо удавалось».⁷⁴ Материально Пумпянская была вполне обеспечена: жалование супруга в банке Шель, по здешним представлениям, относилось к категории «высоких».

С 1928 г. Л. Х. Пумпянская принимает деятельное участие в общественной и культурной жизни русского Ревеля-Таллинна. Она охотно участвует во всевозможных благотворительных мероприятиях в помощь бедным, малоимущим – вечерах, балах. «Мама наострилась делать подушки с аппли-

⁷⁰ Об этом появились сообщения в печати, см.: Общее собрание Нарвского отдела Русского Национального Союза // Русское слово. 1933. 30 мая. № 60. С. 1.

⁷¹ См. объявление о собрании: ТРГ. 1933. 21 мая. № 28. С. 6. См. также отчет о собрании: *Крибский П.* В Национальном Союзе // ТРГ. 1933. 28 мая. № 29. С. 2.

⁷² См.: *П. К.* Делегатский съезд Русского Национального Союза // ТРГ. 1933. 31 дек. № 60. С. 2.

⁷³ *Яницкая Т. Л.* Цит. соч. С. 18.

⁷⁴ *Андреев Н. Е.* Цит. соч. Т. 1. С. 183.

кациями. Получались оригинальные произведения. Иногда она сочиняла и ставила маленькие скетчи <...> Я видела несколько маминых постановок. Мне они казались интересными. Публика принимала их тепло».⁷⁵

Пумпянские особенно старались помогать нуждающейся русской молодежи – учащимся, гимназистам, студентам. Пумпянская часто выступала в роли постановщика и исполнителя на благотворительных вечерах в пользу частной гимназии общества «Русская школа в Эстонии». Первый подобный благотворительный вечер юмора и сатиры состоялся в помещении Немецкого театра в Таллинне 8 января 1928 г. Это был спектакль – инсценировка рассказов М. Зощенко в постановке Л. Х. Пумпянской, впервые выступавшей и в роли конферансье. Театральный критик газеты «Вести дня» отмечал, что Пумпянская «блестяще выдержала экзамен. С удивительной легкостью и непринужденностью справилась она с этой трудной задачей», вызвав аплодисменты зала.⁷⁶ В сентябре 1928 г. Пумпянская была избрана товарищем председателя родительского комитета этой гимназии. В октябре того же года она устраивает в Доме черноголовых большой концерт-бал в пользу «недостаточных гимназистов». Очередной благотворительный вечер частной русской гимназии состоялся в ноябре 1929 г., опять же постановщиком его была Л. Х. Пумпянская.⁷⁷ Отметим еще, что 27 марта 1930 г. под ее руководством в помещении гимназии состоялся литературно-художественный вечер памяти А. А. Блока. Сама устроительница читала стихи поэта⁷⁸.

Но чета Пумпянских прибегала и к другим формам поддержки учащейся молодежи. Т. Л. Яницкая вспоминает: «Днем к обеду, раз в неделю, приходили по очереди молодые люди, студенты. Существовала такая форма помощи. Это были способные юноши», один из них позже стал профессором, другой – известным богословом.⁷⁹

В 1931 г. Л. Х. Пумпянская, как и супруг, входила в Комитет по устройству Русской выставки в Таллинне. В 1932-1934 гг. она была председателем Общества помощи бедным при Александро-Невском соборе в столице республики. Неоднократно Пумпянская оказывала посильную помощь и русским литераторам, в частности проживавшему в Эстонии Игорю Северянину. Поэт бывал в гостях у Пумпянских в Таллинне и позже в Силламяэ.⁸⁰

⁷⁵ Яницкая Т. Л. Цит. соч. С. 44.

⁷⁶ Русский благотворительный вечер // Вести дня. 1928. 10 янв. № 9. С. 2. См. также: Вечер смеха и юмора // Наша газета. 1928. 5 янв. № 3. С. 4.

⁷⁷ См.: Вести дня. 1929. 2 нояб. № 298. С. 2.

⁷⁸ Вечер памяти Блока в Русской гимназии // Вести дня. 1930. 29 марта. № 86. С. 2.

⁷⁹ Яницкая Т. Л. Цит. соч. С. 47.

⁸⁰ Там же. С. 47-48. См. также письмо Игоря Северянина А. Д. Барановой от 14 сент. 1937 г., в котором поэт называет

Но самой важной заслугой Л. Х. Пумпянской в историко-литературном плане, без сомнения, была публикация в 1930 г. в Таллинне, в типографии В. Бейлинсона при ее содействии и на ее средства сборника стихов Б. Ю. Поплавского «Флаги»⁸¹ (в выходных данных местом издания указан Париж и годом издания 1931). Это был единственный сборник Б. Ю. Поплавского, одного из наиболее талантливых поэтов молодого поколения эмигрантов первой волны, вышедший в свет при жизни его автора.

На летние месяцы Л. Х. Пумпянская с детьми нередко отправлялась для отдыха на курорты Франции. По пути она почти всегда заезжала в Париж для встреч со своими старыми друзьями и знакомыми по Петрограду. В. Ф. Ходасевич писал Н. Н. Берберовой 21 июня 1937 г. из Парижа: «Я видел Пумпянскую – это напомнило мне о молодости (моей) и старости (ее). Она ходит под ручку с Мишей Струве и говорит об Ахматовой, как старые генералы при Николае I говорили о Екатерине».⁸² Упомянутый в письме Миша Струве – это писатель и литературный критик Михаил Александрович Струве (1890-1949), активный участник литературной жизни Петербурга-Петрограда 1910-х гг. Предвоенным летом 1939 г. Л. Х. Пумпянская навестила в Париже свою хорошую знакомую, даже можно сказать, подругу О. Глебову-Судейкину.⁸³

Естественно, что Лидия Харлампиевна не могла забыть театр, свою актерскую работу в молодости. Время от времени она принимала участие в спектаклях русского театра в столице Эстонии Таллинне. Впервые Пумпянская выступила на здешней сцене в апреле 1929 г. в спектакле содружества сценических деятелей «Наш театр» по пьесе А. Амфитеатрова «Отравленная совесть».⁸⁴ В апреле 1930 г. она участвовала в концертном отделении юбилейного спектакля в честь 15-летия сценической деятельности Р. Н. Глазуновой в таллиннском Русском театре.⁸⁵

Лидию Харлампиевну своей «хорошей знакомой» (*Игорь Северянин. Царственный паяц. Автобиографические материалы. Письма. Критика. СПб., 2005. С. 207.*)

⁸¹ Яницкая Т. Л. Цит. Соч. С. 47. Странно, однако, читать в статье Е. А. Ивановой «Время Поплавского», что издание сборника «было осуществлено благодаря щедрости вдовы состоятельного рижского купца Лидии Харлампиевны Пумпянской, которая взяла на себя все расходы» (*Поплавский Б. Сочинения. СПб., 1999. С. 15.*)

⁸² Письма В. Ходасевича к Н. Берберовой // Публ. Д. Бетеа // Минувшее. Ист. альманах. 5. М., 1991. С. 313.

⁸³ Яницкая Т. Л. Цит. соч. С. 84.

⁸⁴ Спектакль с участием Л. Х. Пумпянской // Вести дня. 1929. 2 апр. № 88. С. 2; М. «Отравленная совесть» // Там же. 1929. 9 апр. № 95. С. 2.

⁸⁵ См: Юбилейный спектакль Р. Н. Глазуновой // Вести дня. 1930. 5 апр. № 93. С. 2.

Мы уже неоднократно упоминали замечательную первую Русскую выставку, состоявшую в апреле-мае 1931 г. в Таллинне. В ее программу входил и ряд театральных представлений, в которых участвовала Лидия Харлампиевна. 1 мая посетителям выставки была показана комедия А. Н. Островского «Праздничный сон до обеда» в исполнении как профессионалов, так и актеров-любителей. Среди исполнителей была и Пумпянская.⁸⁶ Но, конечно, самым примечательным было фольклорное представление – инсценировка печорской русской народной свадьбы. Режиссером его была Л. Х. Пумпянская. Представление было дважды – 2 и 5 мая – показано в Таллинне, а затем еще и в Риге и вызвало большой интерес у публики.⁸⁷ Оно положило начало традиции русских фольклорных представлений на местной сцене.

В декабре 1932 г. при участии и под режиссерством Л. Х. Пумпянской в «Нашем театре» была поставлена комедия У. Шекспира «Двенадцатая ночь». Постановщик выступал в роли пажа Виола. Театральный критик «Таллиннского русского голоса» писал: «Режиссер Л. Х. Пумпянская выдержала пьесу в соответствии с духом эпохи, когда создавался этот род искусства. Пьеса, благодаря тщательной проработке и продуманности актерами своих ролей, смотрится с интересом».⁸⁸

Вместительная, занимавшая целый этаж квартира Пумпянских в Таллинне, сначала в Кадриорге, позже на Роозикрантси в центре города, посещалась многими представителями здешней русской общины. Хотя, как отмечает Т. Л. Яницкая, особенно близких семейству лиц среди посетителей было немного. «Когда собирались у нас – пишет она, – то за столом пели песни, шутили, спорили и, как водится у русских, решали мировые проблемы».⁸⁹ Среди любимых хозяевами гостей был и эстонец Николай Кёстнер, ученый-экономист, государственный и банковский деятель. Он получил образование в России, во Временном правительстве Эстонии занимал пост министра торговли и промышленности, позже был избран профессором Тартуского университета, а затем в 1932-1940 гг. был советником комиссара Лиги наций в Болгарии.⁹⁰ Кёстнера и Пумпянского сближали не только общие профессиональные интересы, но, вероятнее всего, в значительной мере и общие воззрения на общество и культуру:

⁸⁶ См.: *П. Концерт и спектакль на Первой Русской выставке // Русский вестник. 1931. 8 мая. № 17. С. 3.*

⁸⁷ *В. Н. Инсценировка Печерской свадьбы на Русской выставке // Вестник СРПБО. 1931. № 3-7. С. 98-99; М. Инсценировка печерской свадьбы // Вести дня. 1931. 4 мая. № 118. С. 2.*

⁸⁸ *Г-тов. Спектакль «Нашего театра» // ТРГ. 1933. 8 янв. № 9. С. 5*

⁸⁹ *Яницкая Т. Л. Цит. соч. С. 45.*

⁹⁰ См. о нем: *Eesti teaduse biograafiline leksikon. Kd. 2. Tallinn, 2005. Lk. 242-243.*

оба в молодости были социал-демократами – меньшевиками, оба, не будучи по происхождению русскими, любили и понимали русскую культуру. Среди посетителей дома Пумпянских был и сверстник их сына Алёши Роман Матсов, в будущем замечательный эстонский дирижер. Кстати, музыка была очень близка Лидии Харлампиевне: она брала уроки музыки, прекрасно играла на пианино, пела.

Между тем, в середине 1930-х гг. в жизни Пумпянских произошли значительные изменения. В 1935 г. Л. М. Пумпянский стал главным директором принадлежавшего шведам Сланцевого консорциума Эстонии с центром в Силламяэ, небольшом рабочем поселке на северо-востоке республики. С этим консорциумом Пумпянский был хорошо знаком и раньше, когда работал в Банке Шеля.

История консорциума любопытна. Группа шведских банкиров и предпринимателей еще в 1926 г. получила от эстонских властей концессию на добычу сланца и строительство сланцеперегонного завода в районе Силламяэ. В 1928 г. завод начал действовать, но уже в следующем году в связи с начавшимся мировым экономическим кризисом и трудностями сбыта весьма дорогостоящей продукции работа его была приостановлена и завод законсервирован. Шведские владельцы стремились продать завод, но покупателей не находилось (в поисках покупателей участвовал и Л. М. Пумпянский). К середине 1930-х гг. обстановка в мировой экономике улучшилась, стабилизировалась, и Пумпянский всячески рекомендовал шведским владельцам консорциума самим взяться за восстановление производства, тем более, что нашелся рынок сбыта в Германии. По предложению шведов он возглавил консорциум. В 1936 г. возобновилась работа завода по переработке сланца, была налажена добыча горючего сланца в карьере Вийвиконд близ Силламяэ. Начался быстрый рост производства. В 1938 г. была пущена в строй вторая очередь завода с мощной туннельной печью, построенной по последнему слову тогдашней техники, с пропускной способностью 500 тонн сланца в сутки. Производство сланцевого масла и изготавливаемого на его основе автобензина возросло более чем в четыре раза. Был построен причал для морских судов, куда загружались продукты производства. Они, в основном, шли за рубеж, принося немалый доход владельцам консорциума.⁹¹

Переехавший с семьей из Таллинна в Силламяэ Л. М. Пумпянский умело руководил работой комбината, стараясь наладить хорошие отношения с рабочими (здесь, по-видимому, сказывалось социал-демократическое прошлое главного директора консорциума). В 1937 г. он подарил местно-

⁹¹ Подр. см.: *Кузнецов Д. Т. Очерки развития сланцевой промышленности Эстонской ССР. Л., 1960. С. 35-37, 42, 46, 59-62.*

му отделению Общереспубликанского объединения эстонской молодежи (*Ülemaaline Eesti Noorsoo Ühendus*) 2 000 крон на благоустройство помещения. В газетном сообщении об этом говорилось, что Пумпянский уже не первый раз поддерживает материально здешнюю молодежь.⁹² В 1940 г. он же передал профсоюзу деньги на покупку здания для Рабочего Дома (клуба).⁹³

От участия в политической жизни страны Л. М. Пумпянский отошел, но к культурной жизни русских проявлял интерес, в частности был членом Комитета по организации Первого всегосударственного русского певческого праздника в Нарве в 1937 г.⁹⁴ Изредка на страницах русской печати он публиковал статьи о сланцевой промышленности Эстонии.⁹⁵ Большую помощь он оказывал православному храму в Силламяэ – Казанской церкви.⁹⁶

На долю Леонида Моисеевича Пумпянского выпало жить в эпоху частых и коренных социально-политических переломов. Это приучило его к осторожности и к умению лавировать, что и проявилось при очередном повороте колеса истории: аннексии Эстонии Советским Союзом летом 1940 г., установлению советской власти в стране – той самой власти, от которой он уже вдоволь натерпелся двадцать лет тому назад.

Сланцевый комбинат в Силламяэ был национализирован, и рабочие получили возможность выбирать директора. Если верить воспоминаниям дочери, на общем собрании рабочих Л. М. Пумпянский был единогласно избран директором.⁹⁷ Это, конечно, укрепило его положение. Он сумел убедить новое начальство, что является крупным специалистом в области сланцевого производства и может помочь преобразованию этой отрасли эстонской промышленности. В сентябре 1940 г. Пумпянский был официально утвержден в должности главного директора предприятия. На его судьбе даже особенно не отразился арест по уголовному делу в октябре 1940 г. В основе «дела» лежал донос с абсурдным обвинением в присвое-

⁹² 2000-kroonine annetus noortele // *Päevaleht*. 1937. 9. dets. Nr. 335. Lk. 8 (Siseriigist. Virumaalt).

⁹³ Sillamäe töölised said rahvamaja // *Päevaleht*. 1940. 22. veebr. Nr. 54. Lk. 9 (Tööliste elu).

⁹⁴ См.: 1-ый всегосударственный слет русских хоров в Нарве. Сборник. Нарва, 1937. С. 12.

⁹⁵ См.: Д-р Л. Пумпянский. Международное значение сланцевой промышленности // Старый нарвский листок. 1937. 21 мая. № 55. С. 9. Первоначально опубликована на немецком языке: Dr. L. Pumpjansky. Internationale Bedeutung der Ölschieferindustrie // *Meie Majandus*: Спец. дополнение к «Старому нарвскому листу». 1936. 16 окт. № 116. С. 10.

⁹⁶ См.: 40-летие Казанской церкви в Силламяэ // *Вести дня*. 1938. 20 июля. № 161. С. 1.

⁹⁷ Яницкая Т. Л. Цит. соч. С. 96.

нии директором в 1938 г. сланцевого масла на 17 000 крон. С 19 октября по 12 ноября 1940 г. Пумпянский провел в заключении,⁹⁸ но довольно быстро был признан невиновным и освобожден. Вслед за тем он переводится на работу в Наркомат легкой промышленности, который курировал и предприятия по добыче и переработке сланца.

В кратких биографических справках о Л. М. Пумпянском, появлявшимся в печати, чаще всего можно встретить утверждение, что он был репрессирован и погиб в лагере.⁹⁹ Но это не так, хотя такое предположение выглядит вполне логичным и обоснованным. . . В начале войны летом 1941 г. на одном из последних поездов, отправлявшихся из Таллинна на восток, он вместе с семьей эвакуировался в советский тыл. В городе Молотове (ныне Пермь) Л. М. Пумпянский стал работать в эвакуированном сюда Наркомате угольной промышленности СССР, участвовал в составе научно-исследовательской группы в разработке новых видов взрывчатки.

Л. М. Пумпянский умер 12 июня 1942 года в Молотове от инсульта.¹⁰⁰

Его супруга Л. Х. Пумпянская в эвакуации в конечном итоге оказалась в Ташкенте. Там она трудилась в артели по производству кукол, даже была бригадиром.¹⁰¹ В Ташкенте Лидия Харламбиевна после многолетнего перерыва вновь встретила с Анной Андреевной Ахматовой.

После войны Л. Х. Пумпянская вернулась в Эстонию, где и скончалась 12 мая 1952 года.

⁹⁸ ГАЭ. Ф. Р–296. Оп. 1. Ед.хр. 1123.

⁹⁹ См., напр.: *Роголина Нина, Телицын Вадим*. «Мы не только политики и публицисты, но и люди. . .» (Александр Соломонович Ланде-Изгоев) // *Евреи в культуре Русского Зарубежья*. Статьи, публикации, мемуары, эссе / Сост. и изд. М. Пархомовский. Т. V. Иерусалим, 1996. С. 467; *Высылка вместо расстрела*. С. 480.

¹⁰⁰ *Яницкая Т. Л.* Цит. соч. С. 108.

¹⁰¹ Там же. С. 109.

О жизни и творчестве Н. И. Франк

В как будто солидном академическом труде – энциклопедическом справочнике «Литературное зарубежье России», вышедшем в 2006 г. в Москве под грифом Института научной информации по общественным наукам РАН (Российской академии наук), мы находим в числе прочих биографические справки о двух писателях. Один из них – Н. И. Корвич; о нем сказано: «Эмигрировал в Эстонию, жил в Нарве. Автор романа «Тайны советских подвалов» (Нарва, 1925)».¹ Второй – Н. Корчак-Котович, справка о нем столь же кратка: «Эмигрировал в Германию, автор романа «Потерянный и обретенный (именно так! – *С. И.*) император» (Берлин, 1925)».² Не будем придираться к тому, что выходные данные о романе Н.И. Корвич не точны (должно бы быть 1925-1928, роман выходил отдельными выпусками), и что точно так же неточно и неполно название труда Н. Корчак-Котович (должно бы быть «Потерянный и обретенный император (Роман-трагедия наших дней. Том I)»). Существеннее другое: анонимным авторам статей в справочнике осталось неизвестным, что оба романа принадлежат одному и тому же лицу – писательнице Н. И. Франк: и Н. И. Корвич, и Н. И. Корчак-Котович – ее псевдонимы; в Германии же она никогда не жила.

Обратимся к другому академическому изданию – к составленному О. Фигурновой из Института мировой литературы РАН справочнику «Русская печать в Эстонии 1918-1940». О. Фигурнова знает, что под псевдонимом Н. И. Корчак-Котович скрывается Н. И. Франк (странно, что этого не заметили составители первого справочника, использовавшие ее труд). Но она приписывает писательнице не принадлежащий ей псевдоним *Н. Кариочи*. При этом именно им подписано большинство представленных в библиографии публикаций, якобы принадлежащих Н. И. Франк.³ Между тем известно, что под псевдонимом *Н. Кариочи* на самом

¹ Литературное зарубежье России: Энциклопедический справочник / Гл. ред. и сост. Ю.В. Мухачев; Под общ. ред. Е. П. Чельщева и А. Я. Дегтярева. М.: Парад, 2006. С. 331.

² Там же. С. 333.

³ Фигурнова, Ольга. Русская печать в Эстонии 1918-1940. Библиографические и справочные материалы к изучению культурной жизни русской эмиграции. М., 1998. С. 378-379.

деле скрывается Надежда Ивановна Лебедева, проживавшая в Таллинне генеральша, баловавшаяся изящной словесностью.⁴ К тому же ряд публикаций, подписанных *Н. Кариочи*, появился в местной печати в 1922 г., т.е. еще до приезда Н. И. Франк в Эстонию.

Кто же эта загадочная писательница, подписывавшаяся разными псевдонимами?

Но прежде чем ответить на этот вопрос, надо, вероятно, разобраться в другой, более серьезной проблеме. У нас до сих пор в историях литературы рассматривается в первую очередь, а то и исключительно творчество классиков, общепризнанных мастеров пера. К ним добавляются поэты и прозаики, так сказать, второго ряда, представляющие определенные литературные течения и школы. Но есть еще и причисленные к третьеразрядным авторы – сочинители произведений, относящихся к так называемой *массовой литературе*. Они обычно остаются за рамками описаний историко-литературного процесса и как бы не существуют. В то же время эти авторы часто более популярны и более известны читателям, чем признанные литературные авторитеты. Историков литературы не может не интересовать круг чтения широкого читателя, его приоритеты, своеобразие восприятия им творчества современных писателей. Не случайно в последнее время резко возрос интерес литературоведов именно к малоизвестным авторам прошлого, ныне забытым, но в свое время популярным.⁵

Н. И. Франк, без сомнения, с точки зрения академического литературоведения относится к этим третьеразрядным авторам, сочинителям низкопробной «массовой литературы». Более того, некоторые ее опусы явно принадлежат к самому низшему разряду этой «словесности» – к *желтой, бульварной литературе*. Однако эти произведения, рассчитанные прежде всего на не очень образованного читателя из «низов», имели распространение, находили своих почитателей. Не представляя для более развитого читателя никакого эстетического интереса, они все же в ряде случаев привлекали и его внимание, вызывали споры, знакомили с такими областями жизни, которые не освещались в «большой» литературе. В этом плане творчество Н. И. Франк дает небезынтересный материал для историко-литературных штудий. К тому же сама Нина Иосифовна была личностью весьма незаурядной, с запутанной авантюрной биографией. Она – любопытное порождение своей эпохи: эпохи идеологического раз-

⁴ См.: *Кашичева, Татьяна*. Дом на Салонной // Вышгород. 1999. № 4-5. С. 177.

⁵ О необходимости их изучения в свое время писал Ю. М. Лотман, см. его статью: *Массовая литература как историко-литературная проблема* // *Лотман Ю. М.* Избранные статьи в 3-х т. Т. 3. Таллинн, 1993. С. 380-388.

брода, острого классового противостояния, революций, мировой и гражданской войн, вынужденной эмиграции.

К сожалению, реконструкция биографии Н. И. Франк из-за отсутствия достоверных источников крайне затруднена, пожалуй, на сегодняшний день в полном объеме невозможна. Немногочисленные имеющиеся в нашем распоряжении биографические материалы не поддаются проверке. Это относится и к наиболее ценному источнику – довольно подробной справке о Н. И. Франк (под грифом «секретно»), составленной комиссаром эстонской Политической полиции по Нарве в феврале 1928 г.⁶ (Политическая полиция в Эстонской Республике 1920-1930-х гг. выполняла функцию службы безопасности). В силу этого в следующем далее кратком очерке жизненного пути Н. И. Франк (урожденной Корчак-Котович) могут быть неточности и даже ошибки да в нем будет и немало белых пятен.

Нина Иосифовна Корчак-Котович родилась в 1891 г. в Вилеже Витебской губернии в семье потомственного дворянина русско-польского происхождения. Сама она позже утверждала, что ее род восходит к «победителям Батюга, соратникам Дмитрия Донского и др.» и что она этим очень гордится.⁷ Детские годы Н. И. Корчак-Котович, как будто, провела в поместье в Лужском уезде Петербургской губернии. Но новые веяния в русском обществе не прошли мимо нее. Она получила высшее сельскохозяйственное образование и диплом агронома. В ту пору женщина-агроном была крайней редкостью. Затем судьба каким-то странным образом забрасывает молодую женщину на короткое время в США. О знакомстве с американским образом жизни свидетельствуют некоторые произведения Н. И. Корчак-Котович (тогда уже Франк), напечатанные в середине 1920-х гг. в Эстонии. Из США она отправляет корреспонденции в русские периодические издания. Н. И. Корчак-Котович и позже, уже в России, продолжила сотрудничество в некоторых газетах (в частности, в «Новом времени» и в выходившем в Екатеринославе «Приднепровском крае»)⁸ В 1913 г. она возвращается на родину и, проживая в Черниговской губернии, вступает в какое-то объединение правых монархистов, за что, будто бы, даже подвергается краткосрочному аресту. Этот эпизод в биографии Н. И. Корчак-Котович в изложении комиссара Политической

⁶ ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 48. Б.п. Далее при изложении биографии Н. И. Франк ссылки на это архивное дело, как правило, не даются.

⁷ Н. И. Корчак-Котович – жена полковника Р. Франка. Мой ответ обществ. клеветникам // Новый нарвский листок. 1927. 25 янв. № 7. С. 3.

⁸ Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-2001 в 6 т. / Сост. В. Н. Чуваков. Т. 6, кн. 2. М., 2006. С. 689.

полиции представляется сомнительным, но одно, по всей вероятности, верно: Нина Иосифовна уже в эти годы становится убежденной монархисткой, такой она оставалась и далее. Это кое-что объясняет в дальнейшей судьбе будущей писательницы.

С началом I мировой войны Н. И. Корчак-Котович, подобно многим молодым женщинам из интеллигентных семей, добровольно идет служить в действующую армию сестрой милосердия. Она выходит замуж за офицера из финляндских стрелков Люндеквиста. Впрочем, брак оказался недолговечным, вскоре супруги развелись. Вслед за тем на Северном (Рижском) фронте Нина знакомится с молодым офицером Р. В. Франком, тоже по-своему яркой личностью, о героизме и мужестве которого ходили легенды. Они поженились, и он стал на многие годы спутником жизни и помощником своей супруги. Об этом человеке надо сказать особо, поскольку Р. В. Франк сыграл немаловажную роль в последующей биографии писательницы и в том, что она оказалась в Эстонии.

Роман (Рихард) Владимирович Франк родился в 1888 г. в Нарва-Йыэсуу (тогдашнем Гунгербурге) в смешанной семье: его мать – эстонка, отец – военный капельмейстер из бывших австро-венгерских подданных, по всей вероятности, австриец.⁹ Р. В. Франк окончил русскую гельсингфорсскую Александровскую гимназию и даже проучился один год – 1907/08 – на агрономическом отделении физико-математического факультета Тартуского (Юрьевского) университета,¹⁰ но предпочел военную карьеру. Он поступил в московское Алексеевское военное училище, курс которого завершил в 1910 г. Р. В. Франк служил в 12-м и вслед за тем 78-м Сибирском стрелковом полку, участвовал в I мировой войне, был тяжело ранен, стал инвалидом, но на костылях в 1915 г. вернулся в строй. Р. В. Франк был награжден золотым георгиевским оружием «за то, что, будучи в чине поручика, в бою в ночь с 21 на 22 июня 1916 года, при атаке укрепленной немецкой позиции южнее мызы Катериненгоф, командуя 12 ротой, под убийственным огнем противника прорвал проволочные заграждения и во главе роты ворвался в неприятельские окопы, штыками выбил немцев и захватил пленных».¹¹ В 1917 г. Франк получает очень ценный в армии орден Св. Георгия 4-ой степени за подвиг, проявленный в бою в Латвии в районе Бабит. Тогда же он стал подполковником, закончив

⁹ Биографию Р. В. Франка мы воссоздаем на основе работы: *Абисогоян, Роман*. Роль русских военных деятелей в общественной и культурной жизни Эстонской Республики 1920-1930-х гг. и их литературное наследие. Магистерская диссертация. Тарту, 2007 (Тартуский у-нт. Философский ф-т. Кафедра русской литературы). С. 102-103.

¹⁰ ИАЭ. Ф. 402. Оп. 1. Ед. хр. 27702.

¹¹ ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 48. Б.п.

свою армейскую карьеру командиром полка в чине полковника. При большевиках Франк был заключен в Бутырскую тюрьму, сумел пробраться в Сибирь к белым, служил в армии Колчака и сотрудничал в омской газете «Русская армия». В начале 1920-х гг. он получает эстонское гражданство (видимо, как уроженец Нарва-Йыэсуу) и в качестве опланта возвращается на родину, в Эстонию. Здесь до 1924 г. числится полковником запаса Эстонской армии, но из-за незнания эстонского языка был разжалован в рядовые запаса. К жизни Р. В. Франка в Эстонии мы еще вернемся.

Зигзаги жизненного пути его супруги Н. И. Франк в эти годы были еще более причудливыми. В Петрограде она заводит знакомства в посольстве Великобритании и, по всей вероятности, становится сотрудником английской разведки (позже в Эстонии она возобновит эти связи). В 1918 г. она каким-то образом оказывается в Маньчжурии, в Харбине, в так называемой «полосе отчуждения» Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), принадлежавшей России, хотя и проложенной по территории Китая. Харбин, центр КВЖД, стал в 1918 г. местом, где сосредотачиваются силы еще только создававшейся Белой армии. Полковник Н. В. Орлов формирует белый отряд на КВЖД, а Н. И. Франк становится редактором газеты белого движения «Призыв», выходившей в Харбине в течение десяти месяцев.¹²

Вслед за тем мы находим ее в Омске, где по личному распоряжению верховного правителя Российского государства адмирала Колчака наша героиня будто бы назначается редактором газеты «Русская армия» (1919),¹³ органа антибольшевистских вооруженных сил в Сибири. При отступлении армии Колчака Франк оказалась на территории, занятой большевиками. Она скрыла свое участие в белом движении, даже устроилась на работу уездным агрономом, но все же была «разоблачена», оказалась в тюрьме в Иркутске и была приговорена к трем годам каторжных работ. Р. В. Франк обратился за помощью к министру иностранных дел Эстонии, вполне резонно доказывая, что Нина Франк как супруга гражданина ЭР по мирному договору с Советской Россией имеет законное право на переезд в Эстонию как опланта.¹⁴ В 1922 г. она приезжает на родину мужа. Н. И. Франк имела все основания считать себя счастливицом: в страшные годы расправ с белыми она уцелела. «Только «счастливики», в число которых удалось попасть и мне, загнаны в подвалы и тюрьмы. Так протекли годы – 1920, 21, 22-ой...».¹⁵

¹² Корчак-Котович Н. Моя годовщина 1918-1928 // Нарвский листок. 1928. 24 февр. № 16. С. 2-3.

¹³ Незабываемые могилы. Т. 6, кн. 2. С. 689.

¹⁴ ГАЭ. Ф. 36. Оп. 2. Ед. хр. 2383. Л. 2.

¹⁵ Корчак-Котович Н. Моя годовщина 1918-1928. С. 2.

Супружеская чета поселяется в Нарве, вообще ставшей одним из центров русской эмиграции. Живется им трудно, как и большинству эмигрантов. Ради хлеба насущного приходится браться за любую работу, в том числе и физическую. Попытки инвалида Романа Франка заняться торговлей (он открыл лавчонку в принаровской деревне Криуши) успехом не увенчались. Тем не менее, Р. В. Франк отказывается от помощи, положенной инвалидам, считая, что есть много увечных воинов, находящихся в более тяжелом положении, чем он.

Через несколько лет положение как-то стабилизируется, и Роман Франк находит применение своим знаниям и военному опыту. В самом конце 1924 – начале 1925 г. в Эстонии создается отделение РОВС'а – Русского Обще-Воинского Союза, ставившего целью объединить всех русских военных-эмигрантов и сохранить их, как носителей лучших традиций Российской императорской армии, для будущей борьбы с большевиками. Это была мощная всемирная организация. Во главе эстонского объединения РОВС'а стал генерал-лейтенант А. К. Баиов, и Р. В. Франк начинает работать в системе РОВС'а. Он занимается сбором разведывательных данных о положении в СССР (не для этого ли он открыл лавку в Криушах, вблизи эстона-советской границы?), руководит отправкой агентов РОВС'а в Советскую Россию, сотрудничает в этом деле со штабом 1-ой эстонской дивизии в Нарве,¹⁶ а также, вероятнее всего, с английской разведкой. Впрочем, надо заметить, что большинство агентов РОВС'а, отправленных Франком в СССР, попадало в руки ОГПУ.¹⁷

Нина Иосифовна Франк помогает супругу в его секретной деятельности, но главным ее занятием становится литература и журналистика. Она переписывается с проживавшей в Таллинне в жуткой нищете писательницей В. И. Крыжановской-Рочестер, известным автором оккультных романов,¹⁸ сотрудничает в нарвских и таллиннских русских газетах. Первая известная нам публикация в местной прессе – статья-эссе «Современная женщина» в газете «Былой нарвский листок» (1924. 15 марта. № 4). Это своего рода выступление в защиту современной русской женщины, вынесшей на своих плечах все тяготы мировой войны и революции.

Однако в условиях жесткой конкурентной борьбы в здешней журналистике Н. И. Франк не так-то легко было пробиться на страницы русских газет. К тому же в лагере местных монархистов не прекращались склоки, ссоры, взаимные обвинения, интриги. Против четы Франк опол-

¹⁶ ФГАЭ. Ф. 129. Ед. хр. 28966. Л. 52.

¹⁷ Там же. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 220-221.

¹⁸ См.: *Франк Н. И.* Памяти В.И. Крыжановской-Рочестер // Нарвский листок. 1925. 24 янв. № 10. С.2.

чился бывший жандармский полковник, а в эти годы правый общественный деятель Б. М. Севастьянов, занимавшийся и журналистикой (был редактором одной из нарвских газет). Конфликт зашел так далеко, что для его разрешения даже был создан третейский суд.¹⁹ Все же в органе русских монархистов в Эстонии в таллиннской газете «Ревельское время» в 1925 г. появляется два, не лишенных интереса рассказа Н. И. Франк.²⁰ Первый номер нарвской газеты монархического направления «Русский голос» (1925. 19 мая) открывается передовой статьей «Берегите русский язык», подписанной ее псевдонимом Н. Кор-вич.²¹ Сотрудничает она и в газете «Старый нарвский листок», особенно же в «Новом нарвском листке», где находит поддержку своим начинаниям. Однако Н. И. Франк не ограничивается публикациями в газетах. С лета 1925 года отдельными выпусками начинает выходить ее роман «Тайны советских подвалов». Но, конечно, главным в творческой биографии Н. И. Франк была публикация в 1925 г. в Берлине в издательстве «Прессе» первого тома романа-трагедии «Потерянный и обретенный император», имевшего кое-какой успех у читателей.²²

В конце 1927 г. Н. И. Франк наконец-то удается взять в свои руки издание газеты: с 31 декабря 1927 г. вместо «Нового нарвского листка» начинает выходить газета под схожим названием – «Нарвский листок», редактором и издателем которой она становится. Первоначально участвовавшие в издании газеты бывшие сотрудники «Нового нарвского листка» (В. А. Никифоров-Волгин, С. В. Рацевич и др.) постепенно покидают редакцию, нередко со скандалами из-за неполученного гонорара. Газета наполняется публикациями ответственного редактора в самых разных жанрах: передовые статьи (порою напоминающие эссе),²³ рецензии,²⁴

¹⁹ Третейский суд // Новый нарвский листок. 1927. 26 февр. № 16. С. 2. Подробности конфликта см.: Н. И. Корчак-Котович – жена полковника Р. Франка. Мой ответ обществ. клеветникам.

²⁰ Корчак-Котович Н. Радио-сон // Ревельское время. 1925. 2 июня. № 7. С. 3; Она же. Добрый, Белый и Зеленый (Рассказ пионерки из Совдепии) // Там же. 1925. 20 июля. № 14. С. 3.

²¹ Псевдоним Н. Кор-вич (или Н. Корвич) – производное от Корчак-Котович. Большинство публикаций в газете «Русский голос» анонимные, поэтому выявить все работы Н. И. Франк в этом издании крайне затруднительно.

²² См. об этом: «Потерянный и обретенный император» // Новый нарвский листок. 1927. 9 апр. № 28. С. 2.

²³ См., напр., посвященную проституции и критике свободных браков передовую: Нарва, 24 января 1928 г. // Нарвский листок. 1928. 24 янв. № 7. С. 1.

²⁴ См. рецензию на роман П. Хрущева (П. Пильского) «Тайна и кровь»: Корчак-Котович Н. Библиография // Нарвский листок. 1928. 10 янв. № 3. С. 3

миниатюры,²⁵ рассказы²⁶ и даже повести или романы.²⁷ Кроме того, в качестве бесплатного приложения к газете в виде отдельных выпусков выходит продолжение ее романа «Тайны советских подвалов». Все эти произведения, не блещущие особыми художественными достоинствами, объединяет резкое неприятие и острая критика советских порядков, власти большевиков в России, их морали (вернее аморальности), нравов.

Свои монархические убеждения Н. И. Франк старается на страницах газеты особенно не афишировать, не подчеркивать. Она знает о печальной судьбе нескольких монархических изданий, запрещенных эстонскими властями за пропаганду идеи «единой и неделимой России», в которой не было места для независимой Эстонской Республики. К тому же заведовавший конторой газеты Р. В. Франк в своей деятельности по линии РОВС'а активно сотрудничал с эстонской разведкой и контрразведкой. По-видимому, внимание властей привлекает и личность его супруги. По крайней мере, в справке комиссара нарвского отдела Политической полиции идет речь о привлечении Н. И. Франк к пропагандистской работе, целью которой было парализовать деятельность большевиков в населенном русскими крестьянами Принаровьи. Правда, сам комиссар весьма скептически относился к этому проекту, считая, что особой пользы от Н. И. Франк ожидать нельзя: она известна как монархистка, но у серьезных монархистов не пользуется уважением, воспринимается как человек без определенных политических убеждений.

Представителей эстонских властей, конечно, привлекала проэстонская позиция Н. И. Франк, проявившаяся еще до начала издания «Нарвского листка» и не типичная для русских эмигрантов-монархистов. 30 мая 1926 г. в зале общества «Выйтлея» Франк выступила с лекцией, как писала одна из газет, «на жгучую тему наших дней» – «Единая, неделимая Россия и окраинные государства».²⁸ «Содержание лекции сводилось к тому, что восстановление Великой Единой неделимой России не заключается в об-

²⁵ *Корчак-Котович*. Благовест // Нарвский листок. 1928. 14 апр. № 29. С. 1.

²⁶ Типичный образец их: *Корчак-Котович Н.* Авдотьина карьера // Нарвский листок. 1928. 14 янв. № 4. С. 2; 17 янв. № 5. С. 2. См. также: *Корчак-Котович Н.И.* Au-to-dafe (Памяти погибших друзей В. К. и И. Т.) // Там же. 1928. 18 февр. № 14. С. 2; 21 февр. № 15. С. 2-3.

²⁷ Незаконченный роман или повесть «Похождения Аптекаря»; см.: Нарвский листок. 1928. 17 марта. № 22 – 1 мая. № 33). С. № 34 от мая 1928 г. начался печататься новый опус Корчак-Котович «Грядущее поколение. Роман с натуры из советской жизни в 3-х частях». В связи с закрытием газеты следующий ее номер (№ 35) оказался последним и печатание романа прекратилось.

²⁸ Лекция Н. И. Корчак-Котович // Нарвский листок. 1926. 29 мая. № 41. С. 2.

ратном присоединении естественным образом отколовшихся окраинных народов, а объединение под этим именем самой России <...> Закончена была лекция выражением уверенности, что будущая Россия, сохраняя добрососедские отношения с окраинными самостоятельными государствами, восстановит на своих широко открытых дверях старинную надпись “Добро пожаловать” для всех иностранцев, желающих войти в нее без камня за пазухой».²⁹ Хотя слушателей на лекции Н. И. Франк было мало, но известный резонанс, судя по газетным откликам, она все же получила.

Свою точку зрения на взаимоотношения эстонцев, эстонских властей и русской эмиграции Н. И. Франк изложила в уже упоминавшейся статье «Моя годовщина 1918-1928» в газете «Нарвский листок» (1928. 24 февр. № 16). Статья опубликована в номере, посвященном 10-летию Эстонской Республики, и открывается лозунгом «Да здравствует национальная Эстония!». В этой статье Н. И. Франк сознательно сближает русских белогвардейцев и эстонских националов, борющихся за свою независимую республику, выражает восхищение героической борьбой с большевиками и тех, и других десять лет тому назад. «Они шли умереть или победить за свою Родину, за свою Нацию». Эта борьба на востоке завершилась поражением светлых сил, на западе же, в Эстонии, эти силы победили, эстонцы «не поддались чумной заразе интернационализма». Они, «как кровные родные, приютили, укрыли от непогоды, от бесправия и произвола» русских эмигрантов.

Эта позиция очень отличалась от точки зрения большинства эмигрантов-монархистов, обычно рассматривавших национальную Эстонию как враждебную Российской империи силу. Что стояло за всеми этими высказываниями Н. И. Франк – истинные ее убеждения или же соображения прагматического характера, стремление не вступать в конфликт с властью или даже добиться ее благосклонности, финансовой поддержки – мы не знаем. Но в любом случае увеличению числа подписчиков «Нарвского листка» эта позиция Н. И. Франк не способствовала. Читателя не мог удовлетворять и подбор печатавшихся на страницах газеты материалов, среди которых преобладали литературные публикации и было очень мало информации о международной жизни да и о жизни в Эстонии.³⁰ Газета быстро оказалась в тяжелом материальном положении, она лишилась сотрудников, поддержки читателей, и уже в мае 1928 г. ее издание было прекращено.

²⁹ Лекция // Старый нарвский листок. 1926. 1 июня. № 58. С. 2. См. также: Лекция // Нарвский листок. 1926. 5 июня. № 43. С. 2.

³⁰ См. об этом: *Исаков С.Г.* Очерки истории русской культуры в Эстонии. Таллинн, 2005. С. 232.

Супруги Франк вновь оказались без средств к существованию и без каких-либо надежд на улучшение своего положения. К тому же связи с РОВС'ом и с английской разведкой, вероятно, вызывали настороженное отношение к ним эстонских властей. В этих условиях чета Франк решила эмигрировать в Америку. В том же 1928 г. Р. В. и Н. И. Франк переехали в США,³¹ хотя связи с Эстонией у них сохранились.

Роман (Рихард) Владимирович Франк (1888-?), студент Тартуского (Юрьевского) университета. 1907. ИАЭ. Ф. 402. Оп. 1. Д. 27702.

*

Обратимся теперь к творческому наследию Н. И. Франк.

Путь ее в литературу, по существу, начался в 1925 г. с выходом в свет в Берлине романа-трагедии «Потерянный и обретенный император». Поскольку эта книга давно стала раритетом, библиографической редкостью, которую можно найти только в немногих библиотеках мира (ни в одном книгохранилище Эстонии ее нет), то мы постараемся далее чуть более подробно охарактеризовать ее содержание.

Роман начинается с некоего незаглавленного пролога, действие в котором происходит через 5-6 лет после революции, в Сибири, в дремучей тайге. Там в почерневшей от времени избушке, в компании зайчихи с пятью крошечными зайчатами, бурого медвежонка и орла, живет старец Симеон из знатного графского рода, еще в молодые годы ставший иноком-отшельником и обитающий с тех пор в тайге. И вот в ночь «истины, мудрой и вечной», к нему приходят пятеро неизвестных в серых солдатских шинелях. В таежную избушку они приносят тяжело раненных и, видимо, только приходящих в сознание мужчину и его юного сына. Это, конечно, расстрелянные большевиками, но чудом спасшиеся император Николай II и на-

³¹ Незабывые могилы. Т. 6, кн. 2. С. 689.

следник престола Алексей. Их принесли сюда верные, преданные императору люди во главе с неким Андреем Николаевичем – это имя и отчество одного из главных героев романа капитана Хруцкого. Симеон благословляет его и молодую женщину из отряда на продолжение борьбы с темными силами зла, хотя и предупреждает, что их ожидает еще много мучений и страданий, но в конечном итоге добро должно одержать победу над злом.

С одной стороны, пролог, как будто, выдержан в реалистическом стиле, но, с другой стороны, в нем много таинственного, нереального, мистического и, быть может, в первую очередь символического. Символически уже орел, обитающий в избушке. Символически образы мужчины и его юного сына, как и образы пятерых неизвестных. Загадочное мистическое «спасение» императора и наследника престола (или их воскрешение) тоже имеет символический смысл: оно олицетворяет идею неуничтожимости монархии на Руси. Империя должна воскреснуть, возродиться после страшных мук.

Заметим, что мистический, «эзотерический» элемент можно найти и в основной сюжетной части романа: в размышлениях Веры Васильевны о будущем России, в идее Союза верных, в истории с индусом Рами-Рама, в мотивах грядущего Апокалипсиса, в предсмертных видениях полковника Глебова и в других местах.

За прологом следует «Предисловие» от автора. В русском народе до сих пор жива вера в то, что император и его сын не убиты, а чудом спаслись. Сейчас они не могут явиться миру, но наступит время, и они предстанут перед людьми, зло будет уничтожено добром. «Близок день раскрытия Великой Тайны! Близок конец мрака и насилия! <...> День чудесного Воскресения России».³² Этого боятся все те, кто способствовал гибели империи, но в это верит народ.

Действие самого романа происходит в России в 1915-1917 гг., в период Первой мировой войны. Оно разворачивается, главным образом, в армии, на Северном (Рижском) фронте, но есть и «тыловые» главы. Разделы, посвященные фронтовой жизни, явно написаны человеком, хорошо с нею знакомом. О ней рассказывается подробно, со знанием всех мелочей этой жизни. Напомним, что Роман Владимирович и Нина Иосифовна Франк в описываемые годы находились на фронте под Ригой; в романе неоднократно фигурируют сибирские стрелковые полки, в которых служил Р. В. Франк и одним из которых он позже командовал.

В романе Н. И. Франк пытается дать ответ на вопрос, который в те годы был едва ли не важнейшим для русских эмигрантов: в чем причины пора-

³² *Корчак-Котович Н.И.* Потерянный и обретенный император. Роман-трагедия наших дней. Т. 1. Берлин, Б. г. С. 16.

жения России в войне, развала армии, и, в конечном итоге, в чем причина революции октября 1917 г. и всего того, что произошло с Россией в последующие годы. Ответ дается в типично монархическом духе. Связь его с идеологическими установками крайне правого русского монархизма 1920-х гг., с теорией заговора не маскируется, а наоборот – подчеркивается.

В центре романа борьба не на жизнь, а на смерть истинных русских патриотов, верных Престолу и Отечеству, с врагами империи, веры, монарха, в конечном итоге с иудо-масонским заговором, охватившим весь мир, но направленным в первую очередь против России и русских. Идет скрытая, но постоянная, очень интенсивная и многообразная подрывная деятельность адептов иудо-масонов. Это прежде всего евреи (роман характеризует откровенный антисемитизм, все евреи неизменно сугубо отрицательные персонажи), но также социалисты всех мастей, люди безнравственные, аморальные. Самое печальное, что они находят поддержку у большинства «нашей ультра-либеральной, мягкотелой, космополитической интеллигенции»,³³ уже разъединенной идеями социализма и атеизмом. Автор возмущается характерной для интеллигенции «безответственной критикой существующего строя».³⁴ Самого императора окружают люди, критикующие монархию и тем самым ослабляющие империю и способствующие ее гибели. Достаётся и Государственной Думе. Даже среди армейского генералитета мало преданных императору людей. К адептам иудо-масонства примкнули тыловые крысы, боящиеся отправки на фронт, а также предприниматели, желающие обогатиться на войне. Общими усилиями они подорвали в народе веру в императора, в православие, в исконные традиционные нормы жизни, нравственные принципы. Они подорвали дух армии, используя ложь, клевету, распространяемые в народе слухи, всякого рода иезуитские приемы. В результате эти «агитаторы» оказались победителями, в сущности именно они подготовили революцию. Простой народ в этом не виноват – его просто обманули.

Тут нет и вины императора, оказавшегося очень одиноким. В романе мы видим часто встречавшийся у монархистов 1920-х гг. культ Николая II. Образ императора очень идеализирован, о каких-либо его ошибках не идет и речи. Завершается первый том романа отречением Николая II от престола – это своеобразный финал первого этапа трагедии России, конца империи.

«Тут даже не о Государе речь, а о всей России, о всем христианском мире... А Государь только помеха их злодейству, затеянному над христианами. Он столп, он гранитная опора и скрепа всего православного...»

³³ Там же. С. 129.

³⁴ Там же. С. 155.

Под него и ведут слуги тьмы и антихриста подкоп. Рухнет Он, и весь мир христианский у хриstopродавцев в руках. Кого лестью и приманкой, кого страхом, кого ложью и обманом, всех приберут к рукам и станут владычествовать».³⁵

В романе мы находим и гневные филиппики в адрес С.-Петербурга – Петрограда. Это «греховный Вавилон, порочное детище Петра I», в нем, «начиная с квалифицированного христианского кликушества и кончая ультра-изуверским масонством и Богоносительством, всё это было лишь орудием в руках разъедающего и подрывающего религиозные основы всего мира, в особенности христианского, мирового жидо-масонского, растлевающего учения, свившего себе уютное гнездо в Северной Пальмире еще со времен самого Петра».³⁶

Любопытно, что к числу врагов Российской империи отнесена и Англия, специально втравившая Россию в военный конфликт с Германией, дабы в ходе войны ослабить своих главных соперников в мире.

Всем этим силам зла противостоит лишь маленькая группа истинных патриотов, до конца оставшихся верными императору. Их лозунг: «Православие, Самодержавие и Народ».³⁷ Прежде всего – это офицеры-фронтовики, профессиональные военные, героически сражающиеся с врагом (к прапорщикам военного времени автор относится с неприязнью, считая и их в какой-то мере виновными в развале армии). Таковы капитан Андрей Николаевич Хруцкий и его возлюбленная Вера Васильевна Короткова. История их любви обрисована в весьма сентиментальных тонах и составляет как бы особую сюжетную линию. К этой же «благородной» группе героев принадлежат офицеры Тихон Томский, штабс-капитан Драндт, полковник Глебов и генерал Городовский (прототипом его, видимо, был генерал Корнилов). Они объединяются в тайный Союз верных, который ставит своей целью борьбу с разрушителями империи, разоблачение их замыслов. Если врагов империи (социалистов, либералов и прочих) характеризует аморализм, попрание всей выработанной веками и покоящейся на религии этики, откровенный безудержный эгоизм, то для членов Союза верных, наоборот, характерна высокая мораль, верность традиционным принципам нравственности, кристальная чистота в этих вопросах, альтруизм, редкая бескорыстность. Они в высшей степени щепетильны и в вопросах любви, взаимоотношения мужчины и женщины. Для них, например, неприемлем гражданский брак.

Н. И. Франк подчеркивает трагизм положения этих рыцарей чести, истинных патриотов, защитников империи. Они, в сущности, подобно

³⁵ Там же. С. 360-361.

³⁶ Там же. С. 106.

³⁷ Там же. С. 163.

Николаю II, одиноки, не чувствуют поддержки со стороны народа. Их никто по-настоящему не ценит, им не верят, и поэтому их усилия не могут предотвратить гибели империи. Этим людям лишь остается возлагать надежды на будущее, на то, что народ поймет свои заблуждения и продолжит их дело.

Следует сказать, что «Союз верных» – это не выдумка писательницы. Такая монархическая организация, действительно, существовала; правда, вряд ли она функционировала уже в 1916 г., как в романе. По всей вероятности, «Союз верных» был создан после революционных потрясений 1917 года. Во главе его стоял бывший депутат Государственной Думы Н. Е. Марков, а членами были многие видные политики и военные, в том числе такие, как князь А. А. Ширинский-Шихматов, А. А. Римский-Корсаков, генералы П. Н. Краснов, В. И. Гурко и др. В «Союз верных» входило и руководство Северо-западной армии. В эмиграции союз образовал целую сеть ячеек во многих странах Европы. Это была очень законспирированная организация, выступавшая за восстановление монархии в России. В ее составе преобладали офицеры-эмигранты. В городах Эстонии в начале 1920-х гг. также возникли ячейки союза. Одна из них – весьма активная – была в Нарве.³⁸ Являлся ли Р. В. Франк ее членом, точно неизвестно (скорее всего, был), но то, что он и его супруга знали о ее существовании, бесспорно.

Заслуживает внимания отношение автора к «инородцам». Среди положительных героев есть и не русские: так, штабс-капитан Драндт – сын немца и эстонки. Позитивно обрисован и солдат-эстонец Леппик. Негативно, кроме евреев, лишь отношение к латышам. Оно явно было навеяно позднейшими событиями и той ролью, которую сыграли красные латышские стрелки в годы Гражданской войны.

Роман Н. И. Франк «Потерянный и обретенный император», конечно, был рассчитан прежде всего на читателя-монархиста не очень высокого интеллектуального уровня. Ему все эти инвективы против евреев, социалистов да и либералов-интеллигентов были понятны и внутренне близки. Он уже был с ними знаком и им верил. Этот читатель как бы находил в романе подтверждение своим взглядам, и произведение Н. И. Франк ему могло понравиться, тем более, что роман был написан вполне складно. Тут было всё, что так любил массовый читатель: и детектив, и любовная интрига, и описание военных действий с подчеркиванием героизма русских солдат и офицеров, и самые разные, порою экзотические персонажи, правда, обрисованные по принципу черно-белого контраста, с резким делением на положительных и отрицательных. Более интеллигентному

³⁸ См.: *Абисогомян Р.* Цит. соч. С. 23-25.

читателю, особенно, если он не придерживался монархических воззрений, роман вряд ли мог понравиться. Но нельзя забывать, что в русской эмиграции 1920-х гг. именно монархисты были в большинстве.

Нет ничего удивительного, что в монархической прессе роман Н. И. Франк заслужил сугубо положительных оценок и похвал. Небезызвестный писатель-монархист А. Чернявский в рецензии на роман, опубликованной в газете «Ревельское время», утверждал:

«Написанный сильным чеканным языком, посвященный, как и романы Краснова, жуткой эпохе последнего периода войны, разложения армии и интеллигенции, роман Н. И. Корчак-Котович обещает стать одним из влекущих произведений, посвященных этой злой полосе русской жизни.

Трепетны проникающие его жуткие предчувствия, и быт армейской военной среды, хорошо знакомый и отзывный автору, нарисован сильными и широкими мазками.

Центральная мысль и настроение романа – это жуткие, я бы сказал, покаянные метания русской души, смертельно раненой подлым ужасом екатеринбургской трагедии убийства царской семьи.

И вот на этом фоне талантливое перо Н. И. Корчак-Котович творит легенду, такую близкую и такую родную шепотам и верованиям, родящимся в тайниках народной души, в неистребимом порыве сердца русского народа».³⁹

Как мы выше уже отмечали, в Берлине вышел первый том романа. За ним должны были последовать еще два тома, которые как-то связывали пролог книги – таинственное воскрешение Николая II и цесаревича Алексея – с событиями, последовавшими после отречения императора от престола. По некоторым сведениям, эти два тома были написаны, но из-за финансовых трудностей их не удалось опубликовать.⁴⁰ Надо заметить, что, по словам А. Чернявского, и первый том вышел «с очень большими затруднениями».⁴¹

В том же 1925 году, когда появился роман-трагедия «Потерянный и обретенный император», в Нарве под псевдонимом *Н. И. Корвич* начал печататься новый роман Н. И. Франк – «Тайны советских подвалов». История его издания весьма любопытна.

Новый опус стал выходить с лета 1925 г.⁴² отдельными выпусками объемом в 32 страницы с общей нумерацией. Вначале планировалось

³⁹ Ревельское время. 1925. 20 апр. № 1. С. 4.

⁴⁰ Потерянный и обретенный император // Новый нарвский листок. 1927. 9 апр. № 28. С. 2.

⁴¹ Ревельское время. 1925. 20 апр. № 1. С. 4.

⁴² См. объявления в газетах: Ревельское время. 1925. 29 июня. № 11. С. 4; Нарвский листок. 1925. 4 июля. № 70. С. 2 (Библиография); Русский голос. 1925. 4 июля. № 14. С. 3 (Хроника).

публиковать очередные выпуски еженедельно, но реально эта периодичность не соблюдалась. Читателям предлагалось хранить выходящие в свет выпуски с тем, чтобы по окончании печатания романа они могли бы их сброшюровать, и таким образом получилась бы цельная книга, как бы отдельное издание романа; даже была обещана «художественная» обложка для всей книги. В 1925 г. вышло 8 выпусков «Тайны советских подвалов» (стр. 1-256). Но затем, по-видимому, из-за отсутствия средств (выпуски романа плохо расходились) издание «Тайн советских подвалов» на два года было прервано. Оно возобновилось в начале 1928 г., когда Н. И. Франк стала редактором и издателем газеты «Нарвский листок», – теперь уже в виде приложений к каждому номеру этой газеты (объемом в 8 стр.). Подписавшимся на полугодие на газету была обещана «бесплатная премия» – 8 первых выпусков романа, к тому времени еще не распроданных.⁴³ Публикация романа была завершена в газете в апреле 1928 г. в № 39. Отдельного издания его фактически не существует. Единственный известный нам экземпляр романа, хранящийся в Библиотеке Тартуского университета, – это именно сброшюрованные вручную отдельные выпуски «Тайн советских подвалов», к тому же не все. Но так или иначе в таком виде роман вошел в библиографии русской эмигрантской литературы первой волны.

«Тайны советских подвалов» разительно отличаются от предшествующего романа Н. И. Франк. «Потерянный и обретенный император», конечно, не принадлежал к «большой литературе» русской эмиграции, но все же это был вполне добротный образец массовой литературы, неплохо сконструированный, стилистически отделанный. Роман же «Тайны советских подвалов» – это образец низкопробной бульварной «словесности», написанный наспех с массой стилистических, композиционных, да и смысловых «ляпов». Как-то даже не верится, что эти два произведения принадлежат одному и тому же автору. В чем причина этого, не ясно. Тут возможны самые разные предположения, которые, однако, ничем не могут быть подкреплены.

Действие романа происходит в 1920-1921 гг. в Сибири после поражения Белой армии Колчака, когда в крае установилась советская власть, и начался массовый террор. В романе, как отмечалось в одном из первых отзывов о нем, Н. И. Франк «описывает невероятные ужасы человеческих зверств в кровавые годы большевицкого террора».⁴⁴ Рассказывается и о борьбе находящихся в подполье белых «боевиков» с чекистами.

⁴³ М. Наши задачи // Новый нарвский листок. 1927. 24 дек. № 99. С. 1.

⁴⁴ Тайны советских подвалов // Нарвский листок. 1925. 4 июля. № 70. С. 2 (Библиография).

Однако описываемое в романе очень далеко от реальности. Автора более всего привлекают как раз невероятные, невозможные в реальной жизни ситуации и деяния, всевозможные чудеса. Главное для него – вызвать у читателя чувство ужаса, в утрированной форме напоминающее впечатление от позднейших «фильмов ужаса» А. Хичкока. При этом Н. И. Франк ориентируется на самый невзыскательный вкус низшего слоя читателей. Стремясь «потрясти» его, она подбирает соответствующие атрибуты из области низкопробного детектива: прежде всего застенки Чека, изуверские пытки, страшные убийства, запутанные интриги, подземелья, публичные дома, демонические женщины и пр. Чего только стоит история с «Пирожной и кондитерской В.Ч.К.», где китайцы кормили посетителей человеческим мясом, покупаемым за золото у чекистов. Или истории с бальзамированием возлюбленной Андрея Румянцева Ксении, останки которой с изуродованным лицом хранятся в аквариуме, спрятанном в подземелье, под местом расстрела арестованных. Андрей просит в случае смерти оставить его труп у ног Ксении и потом всё взорвать!.. Мелодраматизм также характерен для автора романа и входит в арсенал его «художественных приемов».

Персонажи романа резко делятся на положительных и отрицательных, на героев и антигероев. Их характерные черты даны в гиперболизированном «обнаженном» виде. Если отрицательный персонаж, то он обязательно редкостный, из ряда вон выходящий негодяй: садист, кокаинист, зверский убийца, растлитель женщин, для которого не существует никаких моральных запретов (чекисты – неистребимый председатель Омской чрезвычайки Александр Тиунов, Островский, Павлуновский, Мара). У них нет и каких-либо «идейных» убеждений. Для антигероев главное – заботы о себе, о сытой жизни. Их действия часто направляются дикими инстинктами.

Положительные герои столь же неестественны, нежизненны. Это плоды фантазии автора. В них неожиданно всплывают черты романтических героев прошлого – вплоть до персонажей повестей А. Марлинского (граф Владимир, позже превратившийся в англичанина Вольдемара Томпсона, Андрей Румянцев и др.). Вот как, например, автор описывает «переживания» героя: «Граф перечитывал письмо, вскакивал с места, бросался из угла в угол по своему шикарно обставленному кабинету, стонал как смертельно раненный зверь... и снова садился и принимался читать разбередившее старую рану письмо...».⁴⁵ Это не пародия!

В жизни героев важное место занимает любовь, причем это всегда страстная «жгучая» любовь. Ей даже положительные герои явно уделяют

⁴⁵ Корвич Н. И. Тайны советских подвалов. Роман [Тарту, 1925-1928]. С. 339.

много больше времени и отдают много больше сил, чем борьбе с красными. Здесь тоже доминируют запутанные связи, сложные интриги, драматические финалы.

Нельзя не заметить, что борьба положительных героев с большевиками в начале особенно не облагорожена высокой белой идеей, а скорее является актом личной мести чекистам, в которой нередко замешана женщина. В конце романа, по-видимому, это почувствовал и сам автор и попытался ввести в характеристику действий, поведения героев высокое «идейное» начало. Герои от актов личной мести чекистам приходят к мысли о необходимости продуманной, тщательно взвешенной борьбы с большевиками с помощью уже нам знакомого Союза верных. Его представляет таинственный Зет, приказы которого граф Владимир беспрекословно выполняет. В финале романа видна попытка как-то объединить, синтезировать его авантюрно-криминальную линию с «идеологической», в целом едва заметной в романе. Даже бывшие уголовники во главе с Язвилло превращаются в искренних и «идейных» борцов с советской властью. Действие романа формально заканчивается 1924 годом. Союз верных обещает продолжить до окончательной победы борьбу с большевиками, основываясь на принципах христианства.⁴⁶ Но все же, как это обычно в образцах такого рода литературы, авантюрно-приключенческое, детективное начало оказалось лишь чисто внешне, механически увязанным с «идеологическим».

Роман крайне плохо «сделан», композиция хаотична, автор от повествования об одном герое неожиданно, без всякой мотивировки переходит к рассказу о совсем другом персонаже. В текст вводятся многочисленные внесюжетные, но с точки зрения писательницы, «яркие» картинки, хватающие за сердце читателя эпизоды, происшествия, анекдоты.

Как мы уже отметили, в 1928 г. чета Франк переехала из Эстонии в США. Чем там занималась Н. И. Франк, мы не знаем, но, по крайней мере, ее литературная деятельность не прекратилась. Однако печататься было негде, издание книг в США стоило дорого. По-видимому, в конце 1936 г. писательница отправляется в Эстонию, где публикация книг обходилась значительно дешевле, чем в странах Западной Европы и в США. По этой причине в 1930-е гг. многие русские авторы из эмигрантов, проживавшие во Франции и в других европейских странах, печатают свои произведения в эстонских типографиях (Б. Зайцев, Ю. Софиев, З. Шаховская, А. Штейгер, М. Осоргин, А. Ладинский и др.). Н. И. Франк, не терявшая связей с Эстонией, решает последовать их примеру. Она останавливается на некоторое время в Таллинне и выпускает в 1936-1937 гг. здесь в

⁴⁶ Там же. С. 456.

свет три своих книги.⁴⁷ Они печатаются в таллиннских типографиях, но местом их издания на титульных листах указывается Нью-Йорк или же отмечается «Издательство Нью-Йорк».

Работа над первой из вышедших в свет в Таллинне книг – романом «В стране свободы и золота»,⁴⁸ собственно, относится еще к периоду пребывания Франк в Эстонии в 1920-е годы. В 1928 г. на страницах газеты «Нарвский листок» в нескольких номерах печатался рассказ «В стране свободы» (№ 11-17) без указания имени автора. Затем было опубликовано его продолжение – повесть или роман «Похождения Аптекаря» (№ 22-33) – за подписью Н. И. Корчак-Котович. Они как бы составили костяк нового произведения. При подготовке романа к публикации в виде отдельной книги Н. И. Франк дописала финал, ввела в текст новых героев, кое-что изменила в биографиях уже имевшихся персонажей.

По своему жанру это детектив, «криминальный роман», как принято было говорить в ту пору, – захватывающая история приключений в Америке русского дворянина – графа Андрея Люблина-Сокольского. Он вместе со своими двоюродными братьями преследует опасного преступника, «красного комиссара», разорившего и ограбившего в 1917 г. родовое имение Люблин-Сокольского, присвоившего себе его документы и теперь с награбленными драгоценностями отправляющегося в Америку под именем графа. Благодаря его интригам Андрей по прибытию в США как нелегальный иммигрант оказывается в тюрьме. К борьбе за освобождение из тюрьмы благородного графа и за наказание истинного преступника подключается «король сыщиков в С.А.Ш.» Крамб, своего рода американский Шерлок Холмс. Он разрабатывает сложнейший план разоблачения мошенника, привлекает к его выполнению своих друзей и соратников, а также увлеченных Андреем дам, прежде всего, влюбленную в него экзотическую мексиканку Лео Гринвальд, «единственную представительницу древнего рода царей туземцев». План Крамба включает обольщение псевдографа мексиканской красоткой с применением психотропных средств и еще многое другое. Завершается роман сверхэффектным финалом: мошенника арестовывают прямо на искусно подстроенной его свадьбе с Гринвальд. Лишь теперь выясняется, кто же он был на самом деле. Это не одесский аптекарь Аврум Лейзерович, как представлялось вначале, и не болгарский шпион Авраам Степулов, засланный в Россию в 1915 г. для особых заданий (вторая версия). На самом деле это интер-

⁴⁷ Они, кстати, не отмечены в считающемся наиболее полным справочнике: Библиография русской зарубежной литературы 1918-1968 / Сост. Л. А. Фостер. Т. 1-2. Boston (Mass.), 1970.

⁴⁸ Франк Н. И. В стране свободы и золота. Роман (Сенсационный процесс 1918 г.). Нью-Йорк, [1936]. Книга отпечатана в Таллинне в типографии И. и А. Пальмана.

национальный мошенник Михелос, связанный с фальшивомонетчиками. На его примере автор хотел показать «новейшие, еще неисследованные формы и виды растущего мирового бандитизма».⁴⁹ Но хитроумный план Крамба предусматривал еще и другое: подлинную свадьбу уже освобожденного усилиями сыщика из тюрьмы графа Андрея и влюбленной в него Гринвальд.

Конечно, и этот роман принадлежит к разряду «бульварной литературы», рассчитан на «массового» читателя и его вкус, но все же надо заметить, что детективная интрига скроена здесь несравнимо лучше, чем в «Тайнах советских подвалов». Хотя автор и утверждает, что в основу романа положены подлинные события, но он не очень заботится о достоверности описаний, его и здесь привлекают неожиданные эффектные повороты авантюрно-приключенческого сюжета, экзотические персонажи, бурные страсти, мелодраматические «трогательные» сцены, антураж «высшего света», светский «гламур» и пр. Всё это входило в типичный набор приемов «желтого» детектива. Обращает на себя внимание, что лишь в первых разделах романа есть некий «идеологический» элемент: антигерой – чекист, «красный комиссар». В дальнейшем автор даже не делает попыток как-то связать детектив с какими бы то ни было идеологическими установками. Примечательно, что к концу романа исчезает налет антисемитизма: друг Крамба раввин Хейфиц предстает сугубо положительным персонажем.

В книгу, помимо романа «В стране свободы и золота», включены рассказ «Два Рождества» и миниатюра-анекдот «Как подойти к предмету». Рассказ строится на противопоставлении двух праздников: Рождество в послеоктябрьской России, в доме лесника, где скрывается семья одного из «бывших», и Рождество в роскошной вилле в предместье Лос-Анджелеса, где пируют американские богатеи. Для рассказа характерны антиамериканские и «антикапиталистические» мотивы, на первый взгляд, несколько неожиданные для эмигрантки-монархистки. Эти мотивы вновь проявятся в следующей книге Н. И. Франк.

Для нас, пожалуй, наибольший интерес представляет вышедшая в 1937 г. в Таллинне отдельным изданием повесть Франк «Рихард Юльге (Жизнь, карьера и приключения в Америке мальчика из Нарвы)», посвященная современной молодежи, «выросшей в тяжелых условиях жизни, ищущей новых путей и идеалов».⁵⁰ Главный ее герой – эстонский мальчик из Нарвы Рихард Юльге (эстонское Julge – Смелый), который с родите-

⁴⁹ Там же. С. 135.

⁵⁰ Франк Н. И. Рихард Юльге (Жизнь, карьера и приключения мальчика из Нарвы). Повесть. Б. м.: Издательство Нью-Йорк, 1937. С. 3.

лями уезжает в Америку, где начинается его новая жизнь уже под именем Дика Дайринга.

«С<еверная> Америка, состоящая из всех наций всего мира, настойчиво и ревниво старается создать «свою нацию». И, несмотря на то, что в основе конституции С.А.С.Ш. положены все возможные свободы, каждый пришелец, если он хочет «сделать жизнь» в этой стране, неизбежно должен покориться той жестокой «переработке», в которую он попадает с первых же шагов в благосклонной Америке, куда так настойчиво стремится особенно молодежь всех стран, государств и наций...

Страна золота, чудес, великих достижений и возможностей, кому ты не кружила голову?...»⁵¹

Эти авторские размышления – пожалуй, своеобразный лейтмотив повести.

Рихард – сын столяра-краснодеревщика из Нарвы Карла Юльге и его супруги Марты. События, последовавшие после революции, гражданская война разорили семейство Юльге: их дом в Нарве сгорел, Карл лишился работы, впал в депрессию. Семья Юльге пробует устроиться у богатой родни в Усть-Нарве. Энергичная Марта настаивает в 1923 г. на переезде в США. Начинается трудный путь за океан, в далекую Америку.

«Злая, тяжелая тоска по родной, понятной Нарве давила сердце. Во сне и наяву слышались Рихарду любимые с колыбели родные голоса покинутых полей, лесов и лугов... Их красота, приволье, простор... Обилие ягод, грибов, певчих птичек... Всё это уходило вдаль и терялось позади в сероглазом тумане «чужого» противного моря... Море!.. Милое, незабвенное море Усть-Наровы... Его мягкий, шелковый песочек на пляже...

Буйная, веселая ватага товарищей... Всё лето непрерывная бегодня по широким привольным окрестностям Нарвы...»⁵²

Тоска по Нарве долго преследовала 13-летнего Рихарда и в Америке. Своим американским друзьям он с восторгом рассказывал о ней, не жалея красок, описывал «нарвские подземелья, привидения, живущие в них... Крепость Иоанна Грозного (имеется в виду Ивангород. – *С. И.*)... Реку Нарову... Пляж и море Усть-Наровы... Лихие набеги и забавы «партизан», предводителем которых он, Рихард, был два года!»⁵³ В его ватаге были и эстонские, и русские ребяташки.

Заметим, в повести нет даже намека на какие-либо русско-эстонские конфликты на национальной почве. Эстонец Рихард позже, уже в США, встречаясь с русскими, всегда видит в них близких, «родных» людей, ищет с ними контакта.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 8.

⁵³ Там же. С. 33.

В первые месяцы Рихарду очень хотелось вернуться в Нарву. «То, что было просто, обычно и понятно в Нарве, – здесь, в этой чужой стране, являлось обидным, оскорбительным и преступным!».⁵⁴ Поначалу почти всё в американском образе жизни было чуждо и непонятно Рихарду. Чужд был культ Smart'a – ловкого, изворотливого мальчишки. С первых шагов жизни в Америке Рихарду навязывалось представление о том, что он должен быть Smart, иначе он здесь не пробьется. Мальчику же несравненно ближе был эстонский патриархальный уклад жизни семейства Юльге.

Однако умный, сообразительный Рихард очень скоро осознает, что ему необходимо приспособиться к этому образу жизни. Но вместе с тем в нем, в его представлениях сохраняется старая эстонская «закваска», даже своеобразный эстонский патриотизм. В этом плане важен эпизод со школьным праздником, на который Рихард (теперь уже, собственно, Дик Дайринг) приходит с эстонским флагом. Он на празднике единственный эстонец, и ему предлагают присоединиться к американцам и идти под американским флагом, но Дик категорически отказывается и настаивает на своем: он пойдет только под флагом своей родины. Юношу ставят в самый конец праздничной процессии. Возмущенный и оскорбленный Дик обгоняет всю колонну и становится впереди американцев. Начинается драка, на помощь американцам приходят полицейские. Дик с флагом забирается по пожарной лестнице на крышу полицейского участка, куда его приводят, и грозит покончить жизнь самоубийством, если его посмеют тронуть. Он до конца не расстается со знаменем.

Дик и далее остается критичным по отношению к Америке и американскому образу жизни и в своих мечтаниях вновь и вновь возвращается в Эстонию. Характерны размышления юноши при виде Лос-Анджелеса: «Глядя на красивый, новый для него город, Дик думал о Нарве... Мысленно ставил на место старой полуразвалившейся ратуши этот блистающий белизной мрамор дворца (лос-анджелесской ратуши. – *С. И.*)... Застраивал дряхлый Ивангород нарядными особняками, разбивал цветники и клумбы на поросших крапивой и бурьяном площадках... Мостил асфальтом и обводил цветочными бордюрами неуклюжие булыжные улицы... Пальмы и олеандры – без надобности!.. Мертвая грязно-зеленая листва... У нас есть более богатый выбор: липы, клены, березки, каштан, дуб!.. Из Америки нужно брать только примеры, а строить из своего, свое и на своем!».⁵⁵

Автор с большой симпатией относится к герою, эстонскому мальчишке. Рихард Юльге (Дик Дайринг) честен, отвергает любую подлость,

⁵⁴ Там же. С. 55.

⁵⁵ Там же. С. 174.

предательство, стремится к знаниям, к образованию. Он целеустремлен, у него есть свои высокие идеалы, юноша мечтает стать архитектором, заняться строительством на родине, в Нарве. Причем Дик прекрасно осознает все трудности, которые ожидают его на этом пути. «Я был и останусь эфиопом с берега Балтийского моря, как в шутку прозвали меня товарищи!.. Мне никогда не осилить науки высококультурных наций: будучи отъявленным, жестоким мошенником, притворяться честным, добрым и великодушным! <...> С тех пор, как я в этой стране, я не знаю, что правда, что выдумка?.. Очевидно, я неизлечимо глуп! Но это не моя вина!..».⁵⁶

Вообще же отношение автора и – через него – героя к американскому образу жизни не столь однозначно негативное. Оно противоречиво. И герою, и, видимо, автору импонируют некоторые черты американцев: их деловитость, упорство в достижении цели, стремление выдвинуться, в полной мере проявить себя, использовать свой талант. Они не ноют, не жалуется на свою судьбу, не пассивны, всегда стремятся действовать, «дело делать». Правда, за этим чаще всего стоят весьма меркантильные цели: обогатиться, утвердиться под солнцем, нередко за счет других. И это не вызывает восторга автора и его героя. Им внутренне ближе многие характерные черты традиционного уклада жизни, основанного на христианской морали, в частности уважение и любовь к родителям.

Вместе с тем и автор, и герой – реалисты. Они понимают: чтобы выжить в Америке, не опуститься в ряды люмпенов, нищих, изгоев общества, надо приспособиться к американскому образу жизни. Дик стремится найти компромисс между этим образом жизни, его принципами – и требованиями старой традиционной морали, «нормальной» с точки зрения человека, выросшего не в американской среде. Это трудный путь, на котором Рихарду Юльге (Дику Дайрингу) приходится получить много ударов, испытать много разочарований, перенести много трудных испытаний вплоть до тюрьмы. Но все-таки он добивается своего, сумев сохранить свою индивидуальность, свою неповторимую личность, не став пешкой в сложном процессе выживания. В этих условиях формируется характер Дика, в котором находят воплощение некоторые черты, считающиеся типичными для эстонцев вообще: упрямство, неподатливость, стойкость.

Правда, повесть заканчивается очередным крахом надежд героя, он опять без дома, без работы. Но, как утверждает автор в своеобразном послесловии к повести (оно напечатано на обороте задней обложки книги), Дик «одиноко уходит в жизнь, упрямо веря в свои силы... Куда? Об

⁵⁶ Там же. С. 196.

этом мы узнаем из тесно связанного с повестью «Рихард Юльге» романа «Строители жизни», который находится в печати и выйдет в самом скором времени». ⁵⁷ Однако у нас нет сведений о том, что он действительно был издан.

Повесть «Рихард Юльге», пожалуй, лучшее произведение Н. И. Франк. Она выходит за рамки «массовой литературы», вернее, показывает, сколь зыбка грань между «большой» и «массовой» литературой. Художественный уровень произведения несравнимо выше того, что мы видели в творчестве Н. И. Франк середины 1920-х гг. Писательница сделала значительный шаг вперед, так сказать, в овладении техникой литературного труда: углубилась характеристика героя, стал отделаннее стиль, в повести несравнимо меньше искусственности, «экзотических» экстраординарных ситуаций (хотя они и встречаются, особенно во второй части повести), убедительнее стала композиция произведения. Н. И. Франк создает в повести (особенно в первой ее части) внушающую доверие читателя картину американского образа жизни с его противоречиями, контрастами, богатством и бедностью, рекламой, конкуренцией. Чувствуется хорошее знание автором этой жизни. Есть основание предполагать: писательница сама, во многом, пережила в Америке то, что пережил герой ее повести, испытала тот же шок от американской реальности и сумела также приспособиться к ней, как Рихард Юльге. Не случайно авторские ремарки и размышления героя так близки друг к другу.

Но повесть Н. И. Франк интересна еще и другим. Русские писатели, проживавшие в 1920-1930-е гг. в Эстонии, крайне редко в своих произведениях обращались к жизни коренных жителей страны – эстонцев. Лишь в очень немногих произведениях местных русских авторов мы встречаем персонажей-эстонцев, чаще всего второстепенных. Повесть «Рихард Юльге», пожалуй, единственный случай, когда главным героем повести русского литератора становится эстонец, обрисованный с большой симпатией. В этом историко-литературное значение произведения Н. И. Франк.

На это обратила внимание и эстонская пресса. Надо учесть, что в эстонской печати почти не появлялось рецензий на произведения русских эмигрантов. Рецензент «Рихарда Юльге» в одной из наиболее распространенных эстонских газет «Vaba Maa» как раз и подчеркнул своего рода уникальность повести Франк: эстонский юноша становится главным да к тому же еще положительным героем произведения русской писательницы. Более того, герой повести – ярый эстонский «национал» (ссылка на историю с эстонским флагом, в которой рецензент видит своеобразную

⁵⁷ Там же. С. 198.

рекламу Эстонии и эстонцев). Автор рецензии А. Суйк обратил внимание и на то, что первая часть повести лучше удалась писательнице, чем вторая.⁵⁸

Третья книга Н. И. Франк, выпущенная в Таллинне в 1937 г., собственно, не относится к художественной литературе. Это «Настольная книга каждой хозяйки, жены и матери (Составлена на основании лучших руководств ученых кулинаров и хозяек Европы и С. Америки)». В длинном подзаголовке указывается содержание книги: «Общее руководство по хозяйству. Большой отдел по кулинарии (рецепты). Заготовка продуктов на зиму. Гигиена и косметика женщины. Борьба с ожирением. Уход за красотой. Воспитание детей и другие отделы».

Столь широкое содержание книги, явно скроенное по американским образцам, объясняется автором следующим образом: «Поставив себе главной целью издать руководство домашнего хозяйства в виде «Настольной книги» для каждой хозяйки, я приложила все старания, чтобы захватить возможно больше и шире всё то, что является необходимым для женщины-хозяйки, жены и матери».⁵⁹ Отсюда и появление таких глав, как «Уход за детьми и их воспитание» (глава 32), с вполне разумными и применимыми в наше время советами, или «Богатое приданое дочери» (глава 33), где, впрочем, речь идет не о «материальном», а о «духовном» приданом: лучшим приданым Н. И. Франк считает хорошее воспитание дочери, подготовку ее к семейной жизни.

Но за всем этим стоит нечто большее: определенная позиция автора и по-своему яркое выступление против торжествующего феминизма и против утвердившегося в современном мире «прогресса», приводящего к диким абсурдным результатам.

«Причины бедствий, конечно, не в технике человеческого строительства, а в абсурдном неестественном пользовании этой техникой. Причины всё усиливающегося физического и духовного упадка кроются в том, что, увлекаясь достижениями культуры, фантастическими и вредными (прежде всего самим женщинам) идеями о равноправии, о «раскрепощении и избавлении от “рабства”», женщины крупных мировых центров отказались от своего прямого назначения. Стремясь к равноправию и самостоятельности, они укрепостили себя: в киностудиях, конторах, кабинетах врачей и адвокатов и тем самым разорили семью и хозяйство.

Уничтожив домоводство, предоставили консервным фабрикам кормление своих мужей и детей. Послали мужчину искать (так необходимые

⁵⁸ A. S. [A. Suik]. Eesti poiss venekeelse jutu peakangelaseks // Vaba Maa. 1937. 11. sept. Nr. 208. Lk. 4.

⁵⁹ Франк Н. И. Настольная книга каждой хозяйки, жены и матери. Нью-Йорк: [Н. И. Франк], 1937 (Tallinn: Edu). С. 9.

ему) ласку, комфорт и уют в клубы, кабаки и... кабаре. Воспитание детей предоставили чужим «дядям и тетям» и улице.

«Что это – спросят мои читатели, – вместо «хозяйственность» – поход на прогресс?» «Нет». Только предисловие хозяйственной книги. Попытка доказать женщине, что ее задача хозяйки гораздо более высокая и почетная, чем это принято считать с точки зрения «равноправия». Только и всего!»⁶⁰

Любопытно, что автор книги готова была устно и письменно консультировать читателей, снабжать их «добавочными рецептами и разъяснениями». Н. И. Франк сообщала, что будет ежедневно принимать желающих утром и вечером по адресу: Tallinn, Lossi pl. 4-3.⁶¹ К сожалению, сведений об успехе этого начинания писательницы, как и о распространении книги среди местных читателей, не сохранилось.

Написала ли еще что-нибудь Н. И. Франк в Америке, мы не знаем. Она умерла 18 сентября 1949 г. в Бурлингейме в штате Калифорния⁶².

⁶⁰ Там же. С. 6-7.

⁶¹ Там же. С. 316.

⁶² Незабываемые могилы. Т. 6, кн. 2. С. 689.

Б. В. Энгельгардт

Опыт жизнеописания

Герой этой публикации – выходец из старинного разветвленного дворянского рода Энгельгардтов. В Российской империи было представлено две линии, две генеалогических ветви этого рода – прибалтийско-немецкая (известна с XV в.) и смоленская (известна с XVII в.).¹ В прибалтийской (ливонской, остзейской) линии сформировалось три ответвления фамилии Энгельгардтов – эстляндское, лифляндское и курляндское.² Хотя обе линии были немецкого происхождения, но представители смоленской ветви рода Энгельгардтов уже к концу XVIII в. обрусели, приняли православие, считали себя русскими дворянами, неизменно подчеркивали свою русскость, свою принадлежность к миру русской культуры. И, действительно, род Энгельгардтов стал неотъемлемой частью русской культуры. Среди представителей этого рода были выдающиеся русские ученые (А. Н. Энгельгардт, В. П. Энгельгардт, В. А. Энгельгардт), изобретатели (А. П. Энгельгардт), литераторы, педагоги (Е. А. Энгельгардт), государственные и общественные деятели.

Борис Вадимович Энгельгардт был выходцем из смоленской ветви этого дворянского рода. Его отец Вадим Платонович Энгельгардт (1852-1920), выпускник юридического факультета Петербургского университета, участник Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., был видным общественным и государственным деятелем. Он четырежды избирался членом Государственного Совета (1906-1915), был товарищем министра внутренних дел России по делам беженцев (1916-1917), занимал еще целый ряд ответственных постов.³

¹ Смоленская ветвь рода Энгельгардтов основательно рассмотрена в кн.: *Тихонова А. В.* Род Энгельгардтов в истории России XVII-XX веков. Смоленск, 2001.

² См. о них: *Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaft. Teil: Estland. Bd. I. Görlitz, S. a. S. 61-68; Teil: Livland. Bd. I. Görlitz, S. a. S. 31-51; Teil: Kurland. Bd. I. Görlitz, S. a. S. 222-235.* О наиболее выдающихся представителях прибалтийской ветви рода Энгельгардтов см.: *Deutschbaltisches biographisches Lexikon. 1710-1960. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1970. S. 188-195.*

³ Подробнее о нем: *Тихонова А. В.* Цит. соч. С. 126-127, 155-158, 431-433.

Борис Вадимович Энгельгардт родился 12 марта 1889 г. в Смоленске. Окончил привилегированное Императорское училище правоведения, закрытое элитарное учебное заведение в Петербурге, дававшее высшее юридическое образование. В 1912 г. поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Семеновский полк. По некоторым сведениям, служил в Министерстве юстиции. Добровольцем принял участие в I мировой войне, воевал в составе того же гвардейского полка, был неоднократно ранен, за личную храбрость награжден очень уважаемым в армии георгиевским крестом. В 1917 г. Б. В. Энгельгардт был в звании капитана командиром батальона Семеновского полка на Юго-западном фронте. В конце 1917 г., когда окончательно определился развал фронта, он уехал на юг России, где началось формирование белой Добровольческой армии. Ее руководством (генерал М. В. Алексеев) в начале 1918 г. Б. В. Энгельгардт был направлен в Петроград «для вербовки бывших офицеров в Добровольческую армию».⁴

Здесь он установил связь с антибольшевистской подпольной организацией Национальный центр. Летом 1918 г. Б. В. Энгельгардт встретился со своим бывшим однополчанином и хорошим знакомым М. Н. Тухачевским, который предложил ему вступить в Красную Армию. Энгельгардт согласился (хотя явно не собирался служить в РККА), выехал в Пензу, был назначен в штаб Тухачевского, где, впрочем, не имел определенной должности. Через три недели он сбежал от красных на юг, к А. И. Деникину, в это время командуя Добровольческой армией. Здесь Б. В. Энгельгардт сначала стал работать в оперативном отделе управления генералквартирмейстера армии, а в декабре 1918 г. был назначен начальником канцелярии по гражданской части при штабе командующего 3-ей пехотной дивизией генерале В. З. Май-Маевском. Осенью 1919 г. Б. В. Энгельгардт перешел на строевую службу – стал командиром стрелкового полка и в этой должности пробыл до ликвидации Царицынского фронта. В марте 1920 г. он оказался в Крыму, где уже в армии П. Н. Врангеля командовал бригадой. Последний чин его в Белой армии – полковник. Вместе с армией Врангеля Энгельгардт был эвакуирован в Галлиполи, откуда в феврале 1921 г. отправился в Эстонию. По пути туда он остановился в Берлине, как позже считал следователь НКВД, с целью установить связь с белой разведкой (некоторые основания для такого предположения были).⁵

⁴ Архив Управления ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области. П-92854. Дело по обвинению Энгельгардта Бориса Вадимович в 2 т. Т. 1. Л. 18. Далее сокращенно: Архив УФСБ. П-92854. Приводимые ниже сведения о биографии Б. В. Энгельгардта до эмиграции и в первые годы эмиграции в основном взяты из этого же дела (лл. 19-24).

⁵ Архив УФСБ. П-92854. Т. 1. Л. 22-23; Т. 2. Л. 51. В Берлине Б. В. Энгельгардт встречался с близким к А. П. Кутепову разведчиком В. Орловым.

По свидетельству Б. В. Энгельгардта, в Эстонию, в Таллинн, он прибыл в июне 1921 г.⁶ Жизнь его в эмиграции складывалась нелегко, как и жизнь подавляющего большинства эмигрантов. Сам Энгельгардт так характеризовал ее на следствии: «Стал сотрудничать в газете «Последние известия» и в «Возрождении». Кроме этого я примерно до 1923 г. занимался пением в кинотеатрах и ресторанах. Впоследствии я занимался комиссионными операциями, а с 1927 г. занимался торговлей папиросами в разнос. В 1939 г. я в Таллинне открыл лавку шерстяных и шелковых ниток, которая у меня была до последнего времени».⁷ Эти показания Энгельгардта подтверждаются свидетельствами современников. Так, советская резидентура, внимательно следившая за ним, в начале 1930-х гг. доносила в Центр: ему, чтобы как-то существовать, приходится «набивать папиросы для бывшего царского генерала, который содержит табачный ларек на ревельском рынке».⁸

Но это всё внешняя, лежащая на поверхности сторона жизни Б. В. Энгельгардта в эмиграции в Эстонии. Но была и иная, несравнимо более существенная, важная, однако скрытая от глаз большинства – его деятельность в эмигрантских объединениях, прежде всего в Русском Обще-воинском Союзе (РОВС'е). О ней и хотелось бы рассказать подробнее.

Эта работа, как явствует уже и из вышесказанного, не приносила Энгельгардту никаких дивидендов. Ей он посвящал большую часть времени не из соображений меркантильных, а из соображений, в первую очередь, идейных и, пожалуй, этических: ему, как и многим другим представителям рода Энгельгардтов, было свойственно представление о долге дворянина перед родиной, Россией. Б. В. Энгельгардт был глубоко предан белой идее, идее восстановления Российской империи и монархии. Он был ярким, бескомпромиссным, последовательным и очень принципиальным врагом большевиков, захвативших власть в России, врагом советского режима. При этом Б. В. Энгельгардт примыкал к наиболее радикальным представителям лагеря русских монархистов, к сторонникам крайних средств борьбы с большевиками – вплоть до террора. Эту позицию он

⁶ Архив УФСБ. П–92854. Т. 1. Л. 23. Сведения об этом, приводимые в краткой биографической справке о Б. В. Энгельгардте в кн.: Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб., 2003. С. 650, – неверны.

⁷ Архив УФСБ. П–92854. Т. 1. Л. 24.

⁸ *Гладков, Теодор*. Награда за верность – казнь. М., 2000. С. 310. Написанный в беллетристической форме документальный очерк Т. Гладкова основан на недоступных нам архивных материалах и на воспоминаниях известного советского разведчика Д. Г. Федичкина (о нем ниже), поэтому он может, до известной степени, служить источником сведений о Б. В. Энгельгардте.

занимал в середине 1920-х гг., когда началась активная деятельность Энгельгардта в правых монархических объединениях эмигрантов в Эстонии, и ей он остался верен и позже, уже в 1930-е гг. Об этом сохранилось много свидетельств современников. Приведем некоторые из них.

28 октября 1925 г. в Копли (части Таллинна) состоялось большое собрание монархистов. На нем был избран делегат от Эстонии на съезд русских монархистов (им стал А. К. Байов). Выступавшие на собрании А. К. Байов и Б. В. Энгельгардт считали единственным средством спасения России новую интервенцию. Последний, как писал корреспондент местной русской газеты, «призывал к борьбе не только с большевиками, но и с их ближайшими пособниками – эсерами. Свою речь г. Энгельгардт заканчивает заявлением, что монархическая власть должна быть восстановлена в России путем безжалостного устранения всех несочувствующих».⁹

На следствии по делу русских монархистов в Эстонии в 1940 г. очень полную характеристику Б. В. Энгельгардту дал хорошо его знавший пасынок Байова С. В. Заркевич: «В своей работе в белоэмигрантских организациях Энгельгардт являлся крайне реакционным левым (так! – С. И.). На этой почве он даже иногда ссорился с руководителем РОВС'а в Эстонии генералом Байовым.

Энгельгардт от Байова требовал более энергичных мер борьбы с Советским Союзом со стороны белоэмигрантских организаций». На вопрос следователя, каких именно «энергичных и действенных мер» требовал Энгельгардт, С. В. Заркевич ответил: «Террористических», – и далее разъяснил: «Энгельгардт всегда защищал террор как самый действенный способ борьбы с советской властью. Он указывал, что в тех условиях, в которых находится эмиграция, т. е. при невозможности вести открытую борьбу большими массами людей, единственная форма борьбы – это индивидуальный террор. Этот террор должен быть направлен по возможности против наиболее крупных работников советского правительства и Коммунистической партии, а при удаче и сразу можно уничтожить целые группы, используя торжества, на которых присутствует сразу много видных советских работников. Он заявлял, что удачное террористическое нападение на представителей советской власти имеет очень большое значение. Он говорил, что подобная удача вызывает растерянность и панику, роняющие авторитет власти среди масс. А ряд таких террористических удач может создать для советской власти чрезвычайно трудное положение, которым необходимо будет воспользоваться...».¹⁰

⁹ С-ев Н. Собрание группы эмигрантов // Последние известия. 1925. 30 окт. № 250. С. 3. См. также: Vene mustasajaliste tulevikulootused // Päevaleht. 1925. 30. okt. Nr. 294. Lk. 3.

¹⁰ Архив УФСБ. П–92854. Т. 2. Л. 118–119.

Энгельгардт был сторонником линии А. П. Кутепова, также в значительной мере ориентированной на террор.¹¹ История с «Трестом», которая непосредственно его коснулась, не поколебала воззрений Б. В. Энгельгардта. Он по-прежнему был убежден в необходимости борьбы с большевиками всеми возможными средствами, причем центральное руководство ею «должно быть возглавлено и составлено из молодых и достаточно авторитетных лиц». Энгельгардт считал вполне возможным руководить диверсионной работой в СССР из Эстонии и готов был возглавить руководящий центр.¹²

Борис Вадимович Энгельгардт (1889-1941).
Фото из «нансеновского» паспорта. 1928.
ГАЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1171

Всё это объясняет характер и направление деятельности Б. В. Энгельгардта в эстонский период его жизни. Вскоре после прибытия в Эстонию он, обосновавшись в Таллинне, включается в деятельность белоэмигрантских антибольшевистских организаций. По-видимому, сначала он входит в состав монархических объединений «никалаевцев». Центром монархистов был созданный в Таллинне в 1923 г. Русский клуб. Председателем правления клуба был генерал А. К. Баиов, уже в эти годы центральная фигура в правом монархическом лагере русской эмигрантской общественности в Эстонской Республике.¹³ Энгельгардт вступает в

¹¹ См. об этом: *Войцеховский С. Л.* Трест. Воспоминания и документы. [Канада, 1974]. С. 10-11.

¹² Архив УФСБ. П-92854. Т. 2. Л. 119-121.

¹³ О А. К. Баиове см.: *Исаков С. Г.* Русские в Эстонии, 1918-1940. С. 305-308; *Абисогомян, Роман.* Деятельность А. К. Баиова в Эстонии // Труды Русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. II. Таллинн, 2003. С. 49-69.

члены клуба, именно здесь (если верить его показаниям на следствии) знакомится с Баиовым,¹⁴ в начале 1926 г. избирается в состав правления и становится секретарем клуба¹⁵, оставаясь в этой должности и в 1927 г.¹⁶ Одновременно Б. В. Энгельгардт занимался и журналистской работой: изредка сотрудничал в ревельской газете «Последние известия» и – главное – участвовал в издании монархических органов печати в Эстонии – в газетах «Ревельское время» (апрель-август 1925 г.), «Ревельское слово» (август-ноябрь 1925 г.) и «Час» (декабрь 1925 – август 1926 г.).¹⁷ В конце 1926 г., по сведениям Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ, он входил в редакцию монархических газет «Ревельские последние известия» и «Наши последние известия».¹⁸ Более того, он некоторое время был даже фактическим редактором «Наших последних известий».¹⁹ Вся эта журналистская деятельность Энгельгардта, без сомнения, была частью более широкой пропагандистской работы по утверждению монархических идей среди эмигрантов, которая велась монархистами-николаевцами и РОВС'ом. Позже Б. В. Энгельгардт сотрудничал в газете «Рассвет» (Ревель, август 1927 – январь 1928),²⁰ которая, правда, в первую очередь была органом местных евразийцев, но надо учесть, что Энгельгардт проявлял интерес к учению евразийцев. К тому же эту газету издавали близкие ему люди – А. В. Иксуль и Н. П. Рудникова-Иксуль, да в это время в Эстонии не было ни одного органа монархистов, так что печататься им было больше негде...

В эти же годы начинается сотрудничество Б. В. Энгельгардта в зарубежных русских органах печати. В феврале-марте 1927 г. Эстонию посещает видный правый эмигрантский деятель Б. А. Суворин, который здесь встречается с руководителями и активистами местных монархических объединений (в их число входил и Б. В. Энгельгардт²¹). Эти встре-

¹⁴ Архив УФСБ. П–92854. Т. 2. Л. 9.

¹⁵ Русский клуб // Последние известия. 1926. 7 февр. № 30. С. 3.

¹⁶ По сведениям резидентуры ОГПУ в Эстонии, Б. В. Энгельгардт в 1927 г. был даже товарищем председателя клуба. См.: Русские в Эстонии (по материалам ОГПУ СССР) / Публ. и прим. В. Бойкова // Балтийский архив. V. Рига, 1999. С. 84.

¹⁷ Архив УФСБ. П–92854. Т. 2. Л. 117. Об органах печати монархистов в Эстонии см.: *Исаков С. Г.* Периодическая печать // Русское национальное меньшинство в Эстонской республике (1918-1940). Тарту; СПб., 2001. С. 246-247.

¹⁸ Балтийский архив. V. С. 92.

¹⁹ Не в первый раз // Вести дня. 1926. 29 нояб. № 60. С. 1.

²⁰ Архив УФСБ. П–92854. Т. 2. Л. 39. По-видимому, в газете Б. В. Энгельгардт печатался анонимно; по крайней мере, мы не нашли на ее страницах ни одной публикации, подписанной его фамилией или его инициалами. Из анонимных публикаций Б. В. Энгельгардту могла принадлежность: Об организации ГПУ // Рассвет. 1927. 3 сент. № 2. С. 34, – с описанием структуры ОГПУ, ее отделов и подотделов, их функций.

²¹ Балтийский архив. V. С. 77.

чи способствовали установлению более тесных связей заграничных монархических центров с эстонскими. По-видимому, после этого Энгельгардт становится сотрудником белградской газеты «Новое время», редактором-издателем которой был М. А. Суворин (брат Б. А. Суворина). Он стал также ревельским корреспондентом известной парижской газеты «Возрождение».²²

Несколько забегаая вперед, отметим, что Б. В. Энгельгардт был вообще не чужд литературных занятий. Он является автором, увы, неопубликованных и, видимо, утерянных воспоминаний, которые намеревался напечатать в редактировавшихся А. А. Лампе и выходивших в Берлине сборниках «Белое дело» (I-VII, 1926-1933). Однако, когда воспоминания были готовы, в связи с приходом к власти в Германии национал-социалистов сборники перестали выходить.²³ Энгельгардт поддерживал связи с представителями мира литературы и искусства: среди его хороших знакомых была знаменитая певица М. Б. Черкасская, он общался и с писателем И. С. Лукашем.²⁴ Нет ничего удивительного, что в 1930-е гг. Энгельгардт некоторое время руководил литературным кружком русского общества «Витязь» в Таллинне. Он привлек к участию в кружке местного русского литератора, поэта и прозаика, в прошлом боевого офицера, П. М. Иртеля.²⁵

Однако это всё, так сказать, побочные линии занятий Б. В. Энгельгардта во второй половине 1920-х – в первой половине 1930-х гг. Главным было иное. В самом конце 1924 – в начале 1925 года создается отделение РОВС'а в Эстонии, которое возглавляет знакомый нам генерал А. К. Баиов.²⁶ Энгельгардт, к этому времени уже проявивший себя в качестве активного деятеля в местных объединениях монархистов, вскоре становится правой рукой А. К. Баиова, через некоторое время ему доверят руководство разведкой и контрразведкой РОВС'а в Эстонии.²⁷

²² Извлечения из показаний П. А. Богданова 12-31 июля 1940 г. / Публ. и коммент. С. Исакова // Балтийский архив. IV. Рига, 1999. С. 68.

²³ Архив УФСБ. П-92854. Т. 1. Л. 165.

²⁴ Там же. Т. 2. Л. 15.

²⁵ Там же. Л. 12.

²⁶ О РОВС'е в Эстонии см.: *Бойков, Виктор*. Русский Общевоинский Союз (РОВС) и Эстония // Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Сб. статей. Таллинн, 2000. С. 68-77; Русское национальное меньшинство в Эстонской республике (1918-1940). С. 82-85.

²⁷ Агентура Иностранного отдела ОГПУ уже в 1927 г., отмечая высокую активность Б. В. Энгельгардта, высказала предположение, что он контрразведчик (Балтийский архив. V. С. 84). В документах начала 1930-х гг. он прямо именуется «руководителем разведки РОВС'а в Эстонии» (ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 68).

Где-то в середине 1920-х гг. он получает из Парижа письмо от своего старого знакомого по службе в Семеновском полку А. А. Зайцева (Зайцова), помощника генерала А. П. Кутепова, с предложением взять на себя переброску агентов РОВС'а в Советский Союз.²⁸ Тогда же (если верить показаниям Энгельгардта на следствии в 1927 г.) в Риге он встречается с Кутеповым²⁹ и, как можно предполагать, получает от него более конкретные указания на этот счет. С этого времени переброска агентов РОВС'а в СССР становится если не основным, то самым ответственным и исполненным особого риска занятием Энгельгардта по линии Союза.

Но мы, конечно, никак не можем обойти знаменитой операции чекистов «Трест».³⁰ Как хорошо известно, Эстонии суждено было сыграть очень важную роль в истории «Треста». Можно даже сказать, что началом операции «Трест» послужили события в Таллинне в ноябре 1921 г. Именно через Эстонию шли связи между созданной чекистами Монархической организацией Центральной России и Высшим монархическим советом, как и с другими монархическими и военными объединениями русской эмиграции, причем в этом принимали участие эстонское посольство в Москве (посредством атташе посольства Р. Бирка) и эстонская разведка. Через Эстонию частично осуществлялась переброска агентов – и белых, и чекистских – из заграницы в СССР и обратно, для чего были организованы специальные «окна» на границе. В Таллинне происходили ответственные встречи представителей «Треста» с эмигрантскими деятелями.³¹

Отделение РОВС'а в Эстонии, его еще только формирующаяся разведка и контрразведка, сотрудничавшие с эстонской политической полицией и военной разведкой, не могли не быть замешанными в операции «Трест», хотя почти никаких точных данных об этом пока не выявлено. Известно, что Энгельгардт встречался с М. В. Захарченко-Шульц и Г. Н. Радкевичем и даже должен был один раз перебросить их в СССР,

²⁸ Архив УФСБ. П–92854. Т. 1. Л. 25.

²⁹ Там же. Т. 2. Л. 10–11. К датировке в показаниях подследственных почти всегда надо относиться с осторожностью – тут возможны ошибки. Б. В. Энгельгардт не был исключением.

³⁰ Операции «Трест» посвящена уже обширнейшая литература, не будем ее перечислять, См. общий обзор истории операции с официальной «чекистской» точки зрения: Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. Т. 2. М., 1996. С. 111–129. Из новейших работ см.: *Флейшман, Лазарь*. В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М., 2003.

³¹ См. об этом: *Medijainen, Eero*. Birgiaadist. Eesti sidemetest ja Roman Birgi rollist Nõukogude vastuluure operatsioonis "Trust" aastail 1922–1927 // Luuramisi. Salateenistuste tegevusest Eestis XX sajandil. Artiklite ja dokumentide kogumik. Tallinn, 1999. Lk. 67–90.

хотя и утверждал, что не смог этого сделать.³² Энгельгардт также общался в Таллинне с племянником П. Н. Врангеля евразийцем П. С. Араповым,³³ который тоже был причастен к деятельности «Треста» и совершил 18 секретных поездок в СССР.³⁴

Единственное, что мы можем с уверенностью констатировать: печальный опыт «Треста» был учтен разведкой и контрразведкой РОВС'а в Эстонии, как и эстонской разведкой. Не случайно и. о. начальника 2-го отдела (разведка и контрразведка) Эстонского генерального штаба Артур Нормак, с которым, кстати, Б. В. Энгельгардт поддерживал контакт,³⁵ узнав о бегстве Э. Опперпута в Финляндию, незамедлительно, еще до появления газетных публикаций, отправился в Хельсинки для встречи с ним и услышал из первых уст всю правду о «Тресте»³⁶.

Энгельгардт, судя по его показаниям на следствии, также был хорошо информирован о закулисной стороне «Треста». Есть основание предполагать, что и его встреча с А. П. Кутеповым в Риге в 1927 г. имела целью наладить переброску РОВС'овских агентов и литературы в Советский Союз помимо «Треста», по новым каналам. Конспиративность в деятельности разведки и контрразведки эстонского РОВС'а была резко усилена. Б. В. Энгельгардт установил отдельную прямую связь с Центром, минуя своего непосредственного начальника А. К. Баиова (что, естественно, вызвало недовольство последнего³⁷). Сначала связь с Центром шла через Париж и полковника А. А. Зайцева с выходом прямо на штаб А. П. Кутепова. После похищения Кутепова в январе 1930 г. – через генерала А. М. Драгомирова, который, собственно, и руководил «особой работой» РОВС'а. Несколько позже Энгельгардт установил непосредственную связь с начальником 2-го отдела РОВС'а генералом А. А. Лампе (страны Балтии

³² Архив УФСБ. П–92854. Т. 1. Л. 38-39.

³³ Там же. Л. 77.

³⁴ О П. С. Арапове см.: *Флейшман Л.* Цит. соч. С. 68-69.

³⁵ Архив УФСБ. П–92854. Т. 1. Л. 114.

³⁶ *Medijainen E.* Op. cit. Lk. 69.

³⁷ Архив УФСБ. П–92854. Т. 2. Л. 10. Отношения А. К. Баиова и Б. В. Энгельгардта вообще были далеко не простыми, но, правда, никогда не выливались в открытый шумный конфликт. Баиов ориентировался на старые кадры, на генералитет, в то время как Энгельгардт считал необходимым опираться на молодежь, младшее поколение эмигрантов и критиковал «стариков» за неумение и нежелание приспособиваться к новой обстановке, к новым требованиям, да и просто за недостаточную активность. По-видимому, А. К. Баиов не одобрял и «шпионских» связей Энгельгардта. Впрочем, по признанию последнего, позже их отношения «опять наладились» (Архив УФСБ. П–92854. Т. 1. Л. 161). Надо также иметь в виду, что в свою очередь и Баиов поддерживал прямые связи с Парижем (Е. К. Миллер), минуя своего непосредственного начальника – главу 2-го отдела РОВС'а А. А. Лампе (Архив УФСБ. П–92854. Т. 1. Л. 165; Т. 2. Л. 11).

входили во 2-ой отдел).³⁸ Обосновавшийся в Берлине Лампе был старым и хорошим знакомым Энгельгардта, его однополчанином (по Семеновскому полку), к тому же женатым на его сестре.³⁹ В 1930-е гг. Энгельгардт именно от Лампе получал указания по работе РОВС'а⁴⁰ и, видимо, порою конкретные задания. В 1938 г. 2-й отдел РОВС'а в Берлине был закрыт гитлеровскими властями, но Энгельгардт продолжал переписываться с Лампе; впрочем, после начала II мировой войны они обменялись письмами лишь один раз.⁴¹

Б. В. Энгельгардт сумел свести к минимуму и круг лиц в эстонском отделении РОВС'а, осведомленных о руководимой им разведывательной и диверсионной работе в СССР. Даже многие высокопоставленные лица из руководства отделения не были информированы об этой деятельности (они в этом признавались на следствии⁴²).

Чекистам не удалось внедрить в окружение Энгельгардта своих агентов. Благодаря хорошо поставленной в его группе конспирации им также не удалось – за малым исключением – выяснить, кто именно и с каким заданием был заброшен в Советский Союз с помощью разведки РОВС'а в Эстонии. Это неизвестно и нам. Мы знаем лишь имена нескольких агентов РОВС'а, отправленных из Эстонии в СССР. Известно также, что помощником Б. В. Энгельгардта по разведывательной работе был мичман В. В. Руммель.⁴³

Переброска агентов РОВС'а в Советский Союз была невозможна без помощи эстонской разведки и эстонских властей, и с ними были установлены тесные контакты.⁴⁴ Эстонская Политическая полиция была хорошо осведомлена о деятельности Б. В. Энгельгардта. «Политическая полиция в некоторых случаях оказывала помощь в моей деятельности <...>. Я в свою очередь также выполнял отдельные задания эстонской политической полиции», – признавался Энгельгардт.⁴⁵ «Переброска людей проходила по договоренности со 2-м отделом штаба Эстонской армии, причем 2-ой отдел производил переброску только при условии выполнения ими заданий разведывательного характера в СССР», – отмечал Б. В. Энгельгардт,⁴⁶ указывая на контакты с эстонской военной разведкой. Его связи с эстон-

³⁸ Архив УФСБ. П–92854. Т. 1. Л. 70-73; Т. 2. Л. 11-12. Ср.: Филиал ГАЭ. Ф. 130. Ед. хр. 15093-э. Л. 149-150.

³⁹ Архив УФСБ. П–92854. Т. 2. Л. 10.

⁴⁰ Там же. Т. 1. Л. 84.

⁴¹ Там же. Т. 2. Л. 51-52.

⁴² См., напр., признание генерала Э. А. Верцинского (Архив УФСБ. П–92854. Т. 2. Л. 128-129).

⁴³ Архив УФСБ. П–92854. Т. 2. Л. 130.

⁴⁴ Там же. Т. 1. Л. 33, 83, 113.

⁴⁵ Там же. Т. 1. Л. 83.

⁴⁶ Там же. Л. 113.

скими властными структурами «простирались» достаточно высоко. Известно, что он был знаком и даже, до известной степени, вхож к военному министру Эстонской Республики 1933-1939 гг. генералу Паулю Лиллю.⁴⁷

Кроме переброски агентов РОВС'а в Советский Союз Б. В. Энгельгардт и его помощники занимались и переброской в СССР с пропагандистскими целями изданий русской эмиграции. Для этого использовались как нелегальные (через Нарву), так и легальные (почтой – по адресам, заимствованным из справочников «Весь Ленинград», «Вся Москва» и др.) пути. В конце 1920-х – начале 1930-х гг., например, в СССР направлялись «листовки евразийского характера», известный парижский еженедельник «Борьба за Россию», который Энгельгардт получал непосредственно от редактора еженедельника М. М. Федорова, своего старого знакомого по Национальному центру. Впрочем, вскоре стало очевидным, что почти вся эта литература перехватывалась чекистами и до адресатов не доходила. В 1930-е гг. ровсовцы отказываются от пересылки в СССР эмигрантских изданий.⁴⁸

Особое географическое и политическое положение «лимитрофных» республик Балтии, в том числе и Эстонии, привлекало сюда разведчиков ведущих стран Западной Европы. Они обычно хорошо знали друг друга, между ними устанавливались непосредственные контакты, они обменивались информацией. В 1920-е – начале 1930-х гг. широко были распространены двойные или даже тройные агенты, работавшие одновременно на несколько разведок. Так, хороший знакомый Б. В. Энгельгардта Андрей Иксуль работал на немецкую разведку, в Германии у него были широкие связи в высших кругах: по сведениям резидентуры ИНО ОГПУ, он имел контакты даже с Гитлером и Геббельсом. В то же время А. В. Иксуль был штатным сотрудником эстонской разведки с широким кругом знакомств в высшем эстонском обществе (Я. Тыниссон, К. А. Эйнбунд, Я. Теэмант, П. Лилль, А. Керем, Ю. Тырванд и др.). Чекисты подозревали, что Иксуль работает и на английскую разведку.⁴⁹

В этой обстановке для Б. В. Энгельгардта как руководителя разведки и контрразведки РОВС'а в Эстонии очень важно было наладить связи с разведчиками других европейских стран, их объединяло прежде всего неприятие большевиков и советской власти. Эту задачу Энгельгардт, прекрасно владевший основными западноевропейскими языками, успешно выполнял. Особенно тесные связи он сумел установить с немецкой разведкой, прежде всего с упомянутым выше Иксулем,⁵⁰ с которым у него

⁴⁷ Там же. Т. 2. Л. 55.

⁴⁸ Там же. Т. 1. Л. 120-122.

⁴⁹ ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 21-30.

⁵⁰ Архив УФСБ. П-92854. Т. 1. Л. 60-63; Т. 2. Л. 36, 39.

явно была договоренность об обмене информацией и даже о совместных акциях (об одной из них пойдет речь далее). Но у Энгельгардта были налажены контакты, обмен информацией также с английскими разведчиками (майор Роос, в других источниках – Росс).⁵¹ Хорошо была организована связь с французской разведкой, вообще с Францией с помощью д-ра Л. К. Геймана, бывшего видного русского общественного деятеля в Эстонии, члена так наз. Русского совета в 1918-1919 гг., а позже секретаря дипломатической миссии Франции в Эстонской Республике.⁵²

Помимо РОВС'а Б. В. Энгельгардт принимал участие и в деятельности других правых монархических эмигрантских объединений. Советская разведка считала его членом и даже руководителем отделения в Эстонии *Братства Русской Правды*,⁵³ одной из наиболее таинственных, загадочных и радикальных организаций эмигрантского «подполья». Если вопрос о членстве Энгельгардта в *Братстве Русской Правды* (хотя оно вполне возможно) приходится оставить открытым, то бесспорно его активное участие в местных организациях бывших российских военных. При участии РОВС'а в Эстонии прежде всего были организованы объединения офицеров старых полков царской армии. «Указанные полковые объединения должны были служить целям сохранения быв<ших> традиций старых полков и, в основном, сохранения кадров для борьбы с Советским Союзом».⁵⁴ Б. В. Энгельгардт был одним из организаторов и вслед за тем председателем созданного в середине 1920-х гг. Объединения Семеновского полка в Эстонии. Он также входил в Объединение бывших георгиевских кавалеров, возглавлявшееся генералом Баиовым.⁵⁵

Но это были объединения официально незарегистрированные и, следовательно, формально нелегальные. Между тем возникла потребность именно в легальных эмигрантских организациях, которые могли бы стать прикрытием нелегальной деятельности РОВС'а и монархических объединений в Эстонии. Дело в том, что деятельность русских монархистов и РОВС'а в Эстонской Республике была запрещена. Монархисты наряду с коммунистами были объектом внимания властей; время от времени, в случае каких-либо «эксцессов», они подвергались преследованиям. Так, в ноябре 1927 г. у ведущих русских монархистов (Баиов, Энгельгардт, Мансырев и др.) были произведены обыски и конфискована монархи-

⁵¹ Там же. Т. 1. Л. 34, 187; Т. 2. Л. 10.

⁵² Там же. Т. 1. Л. 187. К этой линии связей с Францией был подключен и А. К. Баиов (там же. Т. 2. Л. 7).

⁵³ ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 22, 45; Ед. хр. 56. Л. 21.

⁵⁴ Архив УФСБ. П–92854. Т. 2. Л. 136.

⁵⁵ Русское национальное меньшинство в Эстонской республике (1918-1940). С. 84.

ческая литература.⁵⁶ В связи с этим и возникла необходимость создания легального прикрытия для их деятельности. Такого рода организации по указанию Центра вскоре и стали возникать. «В белоэмигрантских организациях проводилась большая идеологическая пропаганда в направлении возрождения России и свержения коммунизма. Это достигалось путем индивидуальных бесед, читки докладов и распространения литературы РОВС'а, – отмечал на следствии Б. В. Энгельгардт. – Объединение белоэмиграции на этой идеологической платформе являлось одной из задач РОВС'а, ставившей целью бороться с советской властью всеми возможными способами».⁵⁷

Первые такие легальные организации также были созданы уже в середине 1920-х гг. (Союз русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии, Комитет «Дня русского инвалида»), но они по ряду причин не вполне удовлетворяли руководство эстонского РОВС'а. Более соответствующие вышеуказанным целям организации создаются в 1931 г. Это были прежде всего Союз русских военных инвалидов во главе с А. К. Баиовым и Общество помощи бывшим русским военнослужащим во главе с генералом Э. А. Верцинским. Для пропагандистско-воспитательной работы среди подрастающего поколения эмигрантов РОВС использовал также скаутские отряды, Общество друзей русских скаутов и большое таллиннское общество «Витязь». Энгельгардт принимал участие в работе всех этих объединений, входивших в непосредственную сферу деятельности руководителя эстонского отделения РОВС'а А. К. Баиова. Позже, в середине 1930-х гг., Б. В. Энгельгардт возглавит одно из этих обществ и будет работать в них очень активно, но об этом у нас пойдет речь далее.

К началу 1930-х гг. Энгельгардт вполне заслуженно считался одной из центральных фигур в руководстве отделения РОВС'а в Эстонии, сами члены Союза называли его «наиболее активным» деятелем объединения.⁵⁸

При этом надо учитывать, что Эстония благодаря опять же своему географическому положению занимала совершенно особое и очень важное место в программных установках и в действиях РОВС'а: Эстонская Республика рассматривалась руководством Союза как наилучший плацдарм в борьбе с большевиками, к тому же обладающий квалифицированными кадрами борцов из числа офицеров-эмигрантов. В этом плане Эстонии отдавалось предпочтение перед Латвией и Польшей.⁵⁹

⁵⁶ Там же. С. 81.

⁵⁷ Архив УФСБ. П–92854. Т. 1. Л. 73-74.

⁵⁸ См. признание К. Г. Бадендика (ФГАЭ. Ф. 130. Ед. хр. 15093-э. Л. 147). Бадендик был одним из учредителей отделения РОВС в Эстонии и членом его ревизионной комиссии (там же. Л. 576).

⁵⁹ ФГАЭ. Ф. 130. Ед. хр. 15093-э. Л. 554.

Всё это объясняет и пристальное внимание чекистов из ОГПУ к Б. В. Энгельгардту. В сферу их внимания он попал, как мы видели, уже во второй половине 1920-х гг., но к необходимости принять действенные меры против Энгельгардта руководство ОГПУ пришло в начале 1930-х гг., причем инициатива исходила от самого председателя ОГПУ В. Р. Менжинского. Он тоже считал, что Эстония теперь занимает особое место в планах РОВС'а, в Таллинне обосновался его прибалтийский филиал, а «весьма энергичный» Энгельгардт стал сейчас главным вербовщиком агентов для засылки в СССР через Прибалтику. Начальнику ИНО ОГПУ А. Х. Артузову было дано распоряжение разработать конкретный план, целью которого было обезоружить Энгельгардта и прекратить диверсионную и разведывательную деятельность отделения РОВС'а в Эстонии. А. Х. Артузов, не находя «реальных подходов к противнику», предложил весьма оригинальный, если не сказать – авантюрный план действий: агент ОГПУ должен был «обезоружить» врага в открытую – явиться к Энгельгардту, объявить ему, что он чекист, и убедить прекратить все действия против Советского Союза, сделав при этом акцент на бессмысленности борьбы против коммунистов и СССР и на долге полковника перед родиной: только таким образом он сможет ей по-настоящему послужить. Если Энгельгардт согласится, то в дальнейшем его можно будет привлечь к работе на советскую разведку. Если же откажется сотрудничать с чекистами, то за контакты с агентом ОГПУ его легко будет дискредитировать перед руководством РОВС'а, вызвать недоверие к нему со стороны этого руководства, так что в любом случае задача, поставленная перед чекистами, будет решена. В. Р. Менжинский одобрил этот план.⁶⁰

О том, как этот план претворялся в жизнь, есть, по крайней мере, три версии: официальная чекистская версия, изложенная в документальном очерке Теодора Гладкова, версия, которая выстраивается из документов советской резидентуры в Таллинне, сохранившихся в филиале Государственного архива Эстонии, и, наконец, версия, которой придерживался Б. В. Энгельгардт на следствии. Последняя наиболее кратка и наименее интересна.

Так как история вербовки Энгельгардта до сих пор преподносится как свидетельство большого успеха чекистов и она, действительно, многое раскрывает в его деятельности в качестве контрразведчика РОВС'а, то на этой истории следует остановиться подробнее.

Итак, официальная версия. Ее можно назвать чекистским мифом или чекистской легендой. Претворить план А. Х. Артузова в жизнь должен был назначенный резидентом советской разведки в Таллинне Дмитрий

⁶⁰ *Гладков Т.* Цит. соч. С. 303-304, 309.

Георгиевич Федичкин, опытный чекист, уже проявивший себя на разведывательной работе в Маньчжурии. Кстати, официальная версия в значительной мере основана на его воспоминаниях, включенных в документальный очерк Т. Гладкова.

Д. Г. Федичкин, прибыв в Эстонию в 1932 г., все же решил сначала действовать не прямо, а через третье лицо – некоего российского эмигранта из немцев, директора одного предприятия по имени Карл (как выясняется из архивных документов, сохранившихся от таллиннской резидентуры, под этим именем скрывается Шедлих). Карл завербовал Б. В. Энгельгардта «втемную», якобы, для работы на немецкую разведку, выдав себя за немецкого агента. Через Карла Федичкин смог позже выйти на Энгельгардта и теперь, действительно, стал действовать так, как это было предусмотрено планом, разработанным А. Х. Артузовым, но однозначного ответа от полковника он не получил. В конце концов автор чекистской легенды вынужден признать: «Энгельгардт не смог пересилить и убедить себя принять предложение Федичкина. У него не хватило мужества решиться на такой поступок. Впрочем, не случайно Артузов да и сам Федичкин предусматривали второй вариант в развитии операции...».⁶¹ Этот чекистский план, будто бы, полностью удался: Энгельгардт доложил Е. Миллеру о предложении Федичкина и высказал предположение, что можно было бы попробовать устроить чекистам «Антитрест». Но Е. Миллер расценил всю эту историю как попытку новой мистификации ОГПУ, назвал самого Энгельгардта «большевистским агентом», с которым никаких дел больше иметь нельзя. Враждебная по отношению к СССР деятельность белого полковника была фактически парализована. Федичкин успешно продолжил свою чекистскую карьеру и позже, в 1943 г., был назначен резидентом в Болгарию. Конечный вывод: «Федичкин блестяще справился с этим заданием, имевшим не только чисто разведывательное, но и огромной важности политическое значение».⁶² Вся эта операция преподносится как еще один, очередной огромный успех советской разведки.

В первой части чекистской версии есть кое-что достоверное, но вторая часть и «финал» – чистая легенда, славный чекистский миф, ибо на самом деле всё обстояло иначе, даже можно сказать, совсем наоборот. Причем это выясняется не на основе материалов РОВС'а, а из документов таллиннской резидентуры ОГПУ.

По всему видно, что после успешного проведения операций «Трест», «Синдикат» и других руководящий состав ОГПУ в начале 1930-х гг. пребывал в состоянии некоей эйфории, головокружения от успехов и стал

⁶¹ Там же. С. 319.

⁶² Там же. С. 321-322.

нередко терять чувство осторожности, прибегать к откровенно авантюристическим приемам. Иногда они приводили к успеху, но далеко не всегда. К тому же надо учесть еще два момента. История с «Трестом» все же многому научила деятелей РОБС'а. Теперь операция типа «Треста» вряд ли прошла бы. С другой же стороны, в деятельности ОГПУ всё больше стали проявляться черты, вообще свойственные советским порядкам, советскому госаппарату: приписки, боязнь правды, стремление преувеличить свои «достижения» и в то же время скрыть неудачи, ошибки (особенно ценился вариант: свои неудачи и ошибки постараться выдать за успех).

Всё это дало о себе знать в истории с вербовкой Б. В. Энгельгардта и в не менее авантюрной попытке завербовать еще одного видного деятеля русской военной эмиграции в Эстонии – генерала О. П. Васильковского, находившегося в оппозиции к тогдашнему руководителю РОБС'а А. К. Баиову. Эта попытка закончилась полным провалом,⁶³ как и попытка вербовки Б. В. Энгельгардта (последняя привела к особо неприятным для резидентуры последствиям). В данном случае, как мы увидим, не сработала и чекистская логика: если даже не удастся завербовать, то хоть подмочим репутацию вербуемого.

Собственно, первым, кто показал, что история вербовки Энгельгардта была не успехом, а неудачей, поражением ОГПУ и его эстонской резидентуры, был таллиннский журналист Александр Иконников, который провел свое журналистское расследование всей этой истории на основе материалов Государственного архива Эстонии.⁶⁴ Правда, в центре его внимания был не Энгельгардт, а Н. П. Иксуль (Рудникова). Далее мы воспользуемся некоторыми наблюдениями А. Иконникова.

Итак, версия № 2. Д. Г. Федичкин прибыл в Таллинн под фамилией Соколова как сотрудник полпредства СССР в Эстонии (в агентурных сводках – *Ник*). В октябре 1932 г.⁶⁵ по его указанию только недавно ставший агентом советской разведки Н. Шедлих (по другим сведениям – Э. Шедлих), действительно, «завербовал» Энгельгардта втемную, якобы, для работы на немецкую разведку. Отныне в документах резидентуры появился агент Л/42. Он стал регулярно давать советской разведке через того же Шедлиха информацию о политическом положении Эстонии и считался очень ценным агентом. В данных об агентуре ИНО ОГПУ по

⁶³ ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 9.

⁶⁴ *Иконников, Александр*. Своя среди чужих // Вести Неделя плюс. 2000. 6 окт. № 40. С. 10; 20 окт. № 42. С. 24; 27 окт. № 43. С. 16-17.

⁶⁵ В документах резидентуры встречаются и другие даты, в частности середина 1933 г., но наиболее вероятно все же именно эта – октябрь 1932.

Эстонии за 1934 год отмечалось: «Будучи связан с эстонской охранкой, Л/42 в курсе агентуры эстонцев у нас. Благодаря его информации нам удалось расшифровать трех эстонских агентов в составе нашей сети».⁶⁶ В отчете за IV квартал 1934 г. дополнительно указывается: «Л/42 дал ряд ценных материалов, в частности – разоблачил провокатора, нашего агента Л/18 (члена РОВС'а Дольского. – *С. И.*), сообщил о разработке эстонской охранкой нашего агента «Тво-Триби» (Ольга Сергеевна Тумма. – *С. И.*), а также дал ценные сведения о борьбе между Пятсом и Лайдонером и об отношении эстонского правительства к восточному пакту».⁶⁷ У Центра не могло не сложиться впечатления, что Б. В. Энгельгардт – ценнейшее приобретение резидентуры.

Удостоверившись в ценности агента Л/42, Федичкин (Соколов) решил завербовать Энгельгардта уже «напрямую» – для работы непосредственно на советскую разведку. Вероятно, это объяснялось тем, что в качестве немецкого агента Энгельгардт оставался только информатором, а став сексотом, он мог бы выполнять и более ответственные поручения, оказывать более действенную помощь советской разведке. Можно предполагать, что к этому времени резидентуре стали известны некоторые моменты в воззрениях Энгельгардта, которые делали более вероятным успех вербовки. Энгельгардту казалось, что в советской политике наметился отход от принципов коммунистического интернационализма в сторону русского национализма. Среди высшего военного руководства в СССР назревает недовольство политикой Сталина.⁶⁸ Так или иначе Федичкин-Соколов попытался в 1933 г. лично завербовать Энгельгардта, но тот – после ряда отсрочек с окончательным ответом – отказался.

Однако резидентура продолжала получать от Энгельгардта информацию через Шедлиха и, как мы видели, еще в 1934 г. использовала эту информацию. Правда, сомнения относительно Энгельгардта возникали, но руководству резидентурой не хотелось признаваться в своей ошибке или она побаивалась такого признания. Лишь в 1936 г. советская разведка решила окончательно расстаться с агентом Л/42. К этому времени чекистам было уже вполне ясно, что он собою представляет.

«Сведения (которые давал Б. В. Энгельгардт – *С. И.*) носят вымышленный информационный характер, ценности не представляют. Очень много источник дал материала своего собственного воззрения на политику как СССР, так и капиталистических стран.

Много материала его же изобретательства в виде проблем построения террористических актов против руководящих работников СССР, как вну-

⁶⁶ ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 21.

⁶⁷ Там же. Л. 29.

⁶⁸ Архив УФСБ. П–92854. Т. 2. Л. 39–40.

три, так и за границей, но конкретно о тергруппах или отдельных лицах как исполнителях этих проблем ничего не дал.

На основе имеющихся материалов можно считать, что источник Л/29 (т. е. Шедлих – С. И.) был расшифрован перед Л/42 и он снабжал его дезинформацией и разной галиматьей с ведома своих хозяев – немецкой и эстонской разведок.

Связь с источником прервана с 1936 г. ввиду смерти нашего источника Л/29, с которым был связан Л/42, как с немецким разведчиком.

Дальнейшая связь с источником Л/42 бесполезна. Необходимо на месте взять Л/42 в активную разработку с целью полного выявления его дальнейших действий против нас и пресечения этих действий»⁶⁹.

Но вскоре началась пора сталинских репрессий, зарубежная агентура была почти полностью уничтожена (в Эстонии на некоторое время резидентура вообще прекратила свое существование), и чекистам было не до «активной разработки» Б. В. Энгельгардта. Кстати, при составлении цитированного выше документа было решено выяснить, сколько же человек было осведомлено о деле Энгельгардта. Оказалось – 22 человека, т. е. практически все руководящие работники Иностранного отдела теперь уже не ОГПУ, а Главного управления государственной безопасности НКВД, да и не только они. К этому моменту из этих 22 лиц пятеро было арестовано, а четверо уволены...⁷⁰ Д. Г. Федичкина в это время уже не было в Эстонии. Его в 1935 г. перевели в Варшаву, где он, впрочем, очень скоро «засветился». Вполне возможно, что к этому был причастен и Энгельгардт.

В истории с вербовкой Б. В. Энгельгардта советская резидентура допускала одну ошибку за другой. Можно без преувеличения сказать, что он вкупе с А. В. Иксулем и его супругой Н. П. Иксуль явно переиграл Федичкина и его сотрудников.

Конечно, ошибкой была уже вербовка Энгельгардта в агенты, якобы, немецкой разведки через Шедлиха, управляющего макаронной фабрикой, только что ставшего агентом советской резидентуры и не имевшего никакого опыта разведывательной работы. Энгельгардт и Иксуль прекрасно знали всю немецкую агентуру в Таллинне, и, без сомнения, им сразу же стало ясно, на кого работает Шедлих и кому будет передаваться информация. Энгельгардт получил прекрасную возможность для «дезы», дезинформации, чем он и воспользовался. Через некоторое время Энгельгардт даже позволил себе слегка «пошалить». Точно зная, что его материалы попадают прямо на стол резидента Ника, он передал

⁶⁹ ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 69-70.

⁷⁰ Там же. Л. 69.

Шедлиху список сотрудников полпредства СССР с убийственными для них пометками и с указанием оперативных кличек разведчиков! Этот материал вызвал переполох в резидентуре и специальное чекистское расследование.⁷¹

Справедливости ради надо заметить, что у советской резидентуры все же возникали некоторые сомнения и опасения, связанные с Шедлихом и Энгельгардтом. В одном из документов отмечается: «Нет уверенности, что Энг<ельгардт> не догадывается, что он работает для нас, а не на немцев».⁷² Но, во-первых, это полупризнание пришло с запозданием, а во-вторых, не было подкреплено оргвыводами; о возможных причинах этого уже говорилось выше.

Тот факт, что Б. В. Энгельгардт был осведомлен о составе советской резидентуры при постпредстве, показателен. В начале 1930-х гг., еще до приезда Д. Г. Федичкина, Б. В. Энгельгардт и А. В. Иксуль предприняли одну очень важную акцию, целью которой было внедрение своего человека в советскую агентуру, выявление аппарата резидентуры и ее агентов, идентификация их. Главным действующим лицом этой акции стала супруга Иксуля Нина Павловна Иксуль (урожденная Рудникова), поэтесса, эзотерик и экстрасенс.⁷³

Н. П. Иксуль была вхожа в советское постпредство в Таллинне, где давала его сотрудникам уроки иностранных языков. К тому же она заявила, что хотела бы получить советское гражданство и съездить к своим родственникам в СССР. В постпредстве Н. П. Иксуль познакомилась с послом Ф. Раскольниковым, предоставляла ему кое-какую информацию. Правда, посол ей не доверял и почти сразу заподозрил в работе на эстонскую «охранку», о чем и сообщил резиденту. Однако, поскольку конкретных сведений о ее работе на эстонскую политическую полицию или немецкую разведку (через мужа) не было, то резидент, несмотря на предупреждение посла (а может быть, как раз наперекор ему!), все же решил завербовать Н. П. Иксуль в советскую агентуру. Главной ее задачей должна была стать информация о деятельности мужа, А. В. Иксуля (Нина Павловна сообщила, что фактически их брак уже распался, хотя они и продолжают жить на одной квартире). Второй задачей Н. П. Иксуль должно

⁷¹ Иконников А. Цит. соч. // Вести Неделя плюс. 2000. 20 окт. № 42. С. 24.

⁷² ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 19.

⁷³ О Н. П. Рудниковой-Иксуль см.: Исаков С. На волнах безнадёжного реализма. Два лика Нины Рудниковой // Вышгород. 2002. № 3-4. С. 40-62. О разведывательной акции Б. В. Энгельгардта и А. В. Иксуля см.: ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 1-79 (далее ссылки на это дело, как правило, не даются). История с Н. П. Рудниковой-Иксуль подробно изложена и в указанной публикации А. Иконникова (см. сноску 64).

было быть «освещение эмигрантских кругов». В феврале 1932 г. в Риге она и была завербована советской разведкой (таллиннской резидентурой) и стала агентом И/iii (или И/111). От нее начала поступать всевозможная информация об эмигрантах, в частности о евразийцах, о РОВС'е, Братстве Русской Правды и т. д. Довольно скоро, уже в том же 1932 году, резидентура все же заподозрила, не является ли Н. П. Иксуль двойным агентом, не исходит ли от нее дезинформация. Решено было начать проверку ее. В конце концов было установлено, что она вербовалась с ведома Б. В. Энгельгардта, который редактировал ее сводки, посылаемые в резидентуру. Наконец, в начале 1933 г., резидентура пришла к окончательному выводу, что Н. П. Иксуль – сексот И/111 «несомненный агент Энгельгардта (т. е. РОВС'а. – С. И.) и вербовалась к нам по поручению Энгельгардта».⁷⁴

Нельзя не отметить, что к этому выводу чекисты пришли не сразу. Шла длительная переписка местной резидентуры с Центром относительно того, является ли Н. П. Иксуль провокатором или нет.⁷⁵ Резидентуре, как и в случае с Энгельгардтом, никак не хотелось признаваться в своей ошибке с вербовкой Н. П. Иксуль. Связь с нею продолжалась до 1934 г.

Итак, становится очевидным, что вся операция с Н. П. Иксуль-Рудниковой была заранее спланирована разведкой и контрразведкой РОВС'а в Эстонии (Энгельгардт) при участии сотрудника эстонской и немецкой разведок А. В. Иксуля. Н. П. Иксуль должна была выполнить роль своего рода подсадной утки – и советская агентура «клюнула» на это. Уроки «Треста» явно не прошли бесследно для деятелей РОВС'а, опыт его был учтен...

По всей вероятности, Н. П. Иксуль была не единственным сотрудником Энгельгардта и РОВС'а, внедренным в советскую агентуру в Эстонии. А. Иконников считает агентом РОВС'а также О. С. Тумму.⁷⁶ Возможно, это утверждение верно, хотя прямых свидетельств того, что О. С. Тумма была подопечной Энгельгардта, нет. Но, по крайней мере, он был хорошо осведомлен о деятельности советской разведки в Эстонии и о ее сотрудниках.

Не менее важно, что с помощью Б. В. Энгельгардта была прекращена деятельность нескольких агентов советской разведки. Выше мы уже приводили сведения из отчетов таллиннской резидентуры 1934 г., где в качестве особой заслуги Энгельгардта отмечалось, что на основе его

⁷⁴ ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 31. См. также лл. 125, 130, 134-134 об. и текст более позднего «Постановления (по делу-формуляру) от 15 июня 1938 помощника начальника 5 сектора 5 отдела 1 Управления ГУГБ НКВД» (листы не нумерованы).

⁷⁵ Там же. Л. 59-79.

⁷⁶ См.: Иконников А. Цит. соч. // Вести Неделя плюс. 2000. 20 окт. № 42. С. 24; 27 окт. № 43. С. 16-17.

информации удалось «расшифровать трех эстонских агентов в составе нашей сети», в том числе Дольского. Последний после «разоблачений» Энгельгардта был «ликвидирован»,⁷⁷ это, впрочем, не означает, что он был физически уничтожен. За всем этим на самом деле стояла умелая дезинформация Энгельгардта. Выявив агентов советской резидентуры, из которых один, кстати, был членом РОВС'а, Энгельгардт стал в своих донесениях Шедлиху приводить сведения о том, что эти лица, будто бы, являются агентами эстонской, немецкой либо английской разведки. Его сведения были признаны достоверными, агенты объявлены «провокаторами» и от их услуг резидентура отказалась. Всем этим, как справедливо считает А. Иконников, советской разведке в Эстонии был нанесен весьма чувствительный урон, который она постаралась скрыть от Центра.⁷⁸ Это ли не свидетельство того, что в сложной борьбе между советской разведкой и контрразведкой РОВС'а победа была все же не на стороне первой?

Нам осталось выяснить, смогла ли советская разведка «дискредитировать» Б. В. Энгельгардта в глазах руководства РОВС'а, на что чекисты так рассчитывали. Но прежде несколько слов о третьей версии вербовки Энгельгардта – версии, озвученной им самим на следствии. В его изложении она предстает в следующем виде. «Ко мне явился секретарь советской миссии в Эстонии Соколов, который предложил мне перейти на службу советского правительства, указывая, что раз меня знает Тухачевский <...>, то мне легко будет сделать хорошую военную карьеру и вообще принести пользу России, которая готовится к войне и усиливается с каждым годом. Но что раньше, чем переехать в СССР, я должен на деле, будучи в Таллинне, доказать свою готовность к совместной работе.

На меня этот разговор очень подействовал и я еще раз встретился с Соколовым, который предупредил меня, чтобы я как следует подумал, а он, вероятно, вскоре на время уедет в Крым лечиться и после возвращения мы окончательно договоримся».⁷⁹ Однако Соколов больше не появлялся, и в результате переговоры так ничем и не кончились. Такова версия Энгельгардта.

Надо заметить, что находясь под следствием, он не был заинтересован в раскрытии всей этой истории, а следовательно, к нашему вящему удивлению, не проявил к ней никакого интереса и не стал задавать дополнительных вопросов. Это еще одна загадка.

Однако вернемся к вопросу о «дискредитации» Б. В. Энгельгардта, в чем, если верить официальной версии, чекисты преуспели.

⁷⁷ ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 3.

⁷⁸ Иконников А. Цит. соч. // Вести Неделя плюс. 2000. 20 окт. № 42. С. 24.

⁷⁹ Архив УФСБ. П-92854. Т. 1. Л. 176-177; Т. 2. Л. 41.

В мае 1935 г. умер руководитель РОВС'а в Эстонии генерал-лейтенант Баиов. В РОВС'е при назначении на руководящие должности обычно соблюдался принцип старшинства по чину, воинскому званию. В Эстонии среди действующих членов РОВС'а было несколько генералов. Начальник 2-го отдела РОВС'а Лампе предложил пост представителя Союза в Эстонской Республике генерал-майору Верцинскому, однако тот отказался.⁸⁰ Посоветовавшись с высшими по званию чинами эстонского отделения, в частности с престарелым генералом от кавалерии Н. Ф. Крузенштерном,⁸¹ Лампе назначил в конце 1935 г. представителем РОВС'а в Эстонии (фактически руководителем) полковника Б. В. Энгельгардта.

Это назначение, собственно, никого не удивило. В последние годы жизни А. К. Баиов, старый, больной генерал, обремененный массой всяких обязанностей, уже не мог один проводить всю работу по руководству эстонским отделением РОВС'а, и, как можно предполагать, значительная часть этой работы осуществлялась Б. В. Энгельгардтом,⁸² чья энергия, как мы видели, отмечалась многими. Всё это, конечно, доказывает несостоятельность чекистской версии о том, что им удалось «дискредитировать» Энгельгардта в глазах высшего руководства РОВС'а и парализовать всю его деятельность.

Наоборот, его деятельность после назначения руководителем РОВС'а в Эстонии только активизировалась, у нас есть много свидетельств этого. При этом, как мы уже отмечали вначале, Энгельгардт остался верен своим радикальным установкам, ориентированным на «энергичные и резкие действия»⁸³ молодых ровсовцев. «Энгельгардт ставил вопрос о необходимости вести враждебную деятельность против СССР всеми возможными методами, т. е. путем шпионажа и использования участников белоэмигрантских организаций в случае интервенции против СССР для работы внутри СССР», – признавался на следствии генерал Э. А. Верцинский.⁸⁴ Он же и К. Г. Бадендик в своих показаниях подчеркивали, что реальным организатором всех акций такого рода был именно Б. В. Энгельгардт.⁸⁵

⁸⁰ Там же. Т. 2. Л. 41-42, 126-127.

⁸¹ Там же. Л. 134.

⁸² Известно, что еще до кончины А. К. Баиова Б. В. Энгельгардт проводил широкие по составу участников совещания членов РОВС'а, где обсуждались актуальные проблемы тех дней. Об одном таком совещании в сентябре 1934 г., на котором Энгельгардт анализировал международную обстановку, предсказывая близкое начало новой мировой войны и военное столкновение между СССР и Германией, вспоминал А. В. Ефремов (Архив ФСБ. П-92854. Т. 2. Л. 145).

⁸³ Там же. Л. 117.

⁸⁴ Там же. Л. 129.

⁸⁵ Там же. Л. 102, 129-130.

Он продолжал переброску агентов РОВС'а через Эстонию в СССР, сам занимался их отбором и подготовкой. К. Г. Бадендик вспоминал, что в 1938 или 1939 г. он приходил к нему с вопросом, нет ли подходящих кандидатов для засылки в Советский Союз «для особо важной конспиративной работы». По признанию того же Бадендика, в конце 1939 или в начале 1940 г. в СССР был отправлен А. Радвинович, бывший поручик Северо-западной армии, активный деятель РОВС'а, проживавший в Таллинне.⁸⁶ Характерен другой факт, приведенный Н. А. Судковским. Узнав о его намерении уехать в СССР, Энгельгардт пригласил его к себе и сказал, что может посодействовать его поездке в Советскую Россию при условии, что тот согласится выполнять кое-какие его поручения.⁸⁷

Конечно, здесь не может не встать вопрос об эффективности этой работы, даже более – о ее целесообразности вообще. Не подлежит сомнению, что во второй половине 1930-х гг., в период жесточайших сталинских репрессий, охвативших всю страну и все слои населения, деятельность агентов РОВС'а, засылаемых в Советский Союз, была не просто максимально затруднена, но и почти стопроцентно обречена на неудачу, на поражение, чаще всего имела следствием быструю гибель агента. Но это уже другой вопрос...

Теперь, став руководителем эстонского отделения РОВС'а, Б. В. Энгельгардт несравнимо больше времени и усилий уделяет работе в легальных организациях с целью пропаганды идей монархизма и русского национализма (это раньше входило в круг обязанностей А. К. Баиова), а также работе по объединению всех антибольшевистских сил русской эмиграции.

Б. В. Энгельгардт был горячим сторонником создания единого фронта борьбы с коммунистами, всячески стремился если не ликвидировать, то, по крайней мере, ослабить внутренние конфликты в стане правой эмиграции, разобщенность монархистов в Эстонии. Здесь его больше всего беспокоила многолетняя распря А. К. Баиова с О. П. Васильковским, приведшая к расколу в лагере монархистов, к созданию двух параллельных общественных структур. Энгельгардт предлагал Центру РОВС'а в Париже порекомендовать и Баиову, и Васильковскому уйти со своих постов во имя утверждения мира и согласия в правом лагере, вызвав этим естественное недовольство своего прямого начальника.⁸⁸

В интересах объединения всех антибольшевистских сил в эмиграции Б. В. Энгельгардт поддерживал в 1920-е гг. связи с евразийцами (участие в издании газеты «Рассвет» и пр.). Через С. А. Ходоровского он в середи-

⁸⁶ Там же. Л. 101-102.

⁸⁷ Там же. Л. 147-151.

⁸⁸ Там же. Т. 1. Л. 159.

не 1930-х гг. наладил контакты с Национально-трудовым союзом Нового поколения (НТС НП), получал его издания,⁸⁹ пытался также установить связи с младороссами.⁹⁰ В конце 1930-х гг. имели место его встречи с представителями группы И. А. Солоневича (Н. Н. Лишин), причем на них «разговор зашел о желательности объединения всех ссорящихся между собой русских зарубежных организаций».⁹¹ Впрочем, отношения с группой Солоневича были сложными. Сначала Энгельгардт проявлял живой интерес к изданиям и личности Солоневича, но довольно быстро разочаровался в нем и даже по поручению А. А. Лампе написал и издал в Таллинне в 1938 г. под псевдонимом *Борис Бельский* брошюру «Русский Обще-воинский союз (Р.О.В.С.) и И. А. Солоневич».⁹² В этой брошюре он подверг резкой критике позицию Солоневича, прежде всего его отношение к деятельности РОВС'а. Отметим еще, что Энгельгардт часто бывал в Риге и поддерживал связи с Союзом бывших военнослужащих Русской армии в Латвии.⁹³

Выше мы уже отмечали, что легальным прикрытием деятельности РОВС'а в Эстонии были созданные в 1931 г. Общество помощи бывшим русским военнослужащим и Союз русских военных инвалидов. А. К. Баиов на одном из первых собраний Общества помощи военнослужащим прямо заявил, что оно создается по указанию А. П. Кутепова для объединения русских офицеров в целях борьбы с большевиками. Присутствующим, как вспоминал один из участников (Н. П. Лежневский), сразу же стало ясно, что создается боевая офицерская организация, а само общество будет лишь его прикрытием.⁹⁴ «Под видом заседаний правления Общества собирались на заседания руководители и активные деятели отделения Русского Обще-Воинского Союза, существовавшего на территории Эстонии», – признавался К. Г. Бадендик.⁹⁵

В 1930-е гг., особенно начиная с 1935 г., Б. В. Энгельгардт принимал активное участие в деятельности этих организаций. Из показаний председателя Общества помощи бывшим русским военнослужащим генерала Э. А. Верцинского известно, что Энгельгардт регулярно выступал на собраниях общества с политическими докладами, информировал членов о деятельности РОВС'а, знакомил их с документами РОВС'а, которые получал от А. А. Лампе из Берлина.⁹⁶ После смерти А. К. Баиова Энгельгардт вошел и в состав правления общества.⁹⁷

⁸⁹ Там же. Л. 86.

⁹⁰ Там же. Т. 2. Л. 50, 128.

⁹¹ Там же. Л. 50.

⁹² Там же. Т. 1. Л. 122-124; т. 2. Л. 51, 117-118.

⁹³ Там же. Т. 2. Л. 14.

⁹⁴ ФГАЭ. Ф. 130. Ед. хр. 15093-э. Л. 400-401.

⁹⁵ Там же. Л. 146.

⁹⁶ Архив УФСБ. П-92854. Т. 2. Л. 127-128.

⁹⁷ Там же. Л. 43.

После того, как в 1936 г. эстонскими властями был закрыт Союз взаимного вспомоществования бывших чинов Северо-западной армии и русских эмигрантов (в повседневной жизни именовался просто Союзом северо-западников), созданный О. П. Васильковским в 1930 г., Б. В. Энгельгардт возбудил вопрос о вступлении его членов в возглавляемое Э. А. Верцинским Общество помощи бывшим русским военнослужащим, но натолкнулся на противодействие последнего (причина: в составе Союза северо-западников были и солдаты, и унтер-офицеры, а в Обществе помощи – только офицеры). Многие члены РОВС'а были за объединение и даже предлагали заменить Верцинского на посту руководителя общества Энгельгардтом, но тот категорически отказался, не желая увеличивать склоку в русских эмигрантских организациях.⁹⁸

У Энгельгардта установились тесные связи с Союзом русских военных инвалидов, председателем которого вначале был А. К. Баиов. Еще при жизни последнего Энгельгардт «из-за инвалидных споров между Баиовым и Васильковским временно в 1933-34 г. председательствовал в Союзе русских военных инвалидов».⁹⁹ После же смерти Баиова в 1936 г. он официально возглавил Союз и был его председателем вплоть до закрытия Союза органами советской власти летом 1940 г.

Очень большую и интересную работу проводил Б. В. Энгельгардт в 1930-е гг. в молодежном спортивном и культурно-просветительном обществе «Витязь», которое было самой многочисленной русской общественной организацией в Таллинне. В начале 1930-х гг. представители РОВС'а начинают активно участвовать в деятельности общества, во главе его встает член РОВС'а К. Г. Бадендик, который приглашает на руководящие посты в «Витязе» других своих соратников по Союзу, в частности, товарищем председателя становится Ф. А. Гизетти. Целью всего этого было превратить «Витязь» в один из центров пропаганды монархических идей среди молодежи, хотя это и вызывало противодействие части его членов. Чтобы еще более укрепить позиции ровсовцев в обществе, Бадендик приглашает для работы в «Витязе» Энгельгардта, который возглавляет сначала литературный, а потом исторический кружок¹⁰⁰ (по признанию самого Энгельгардта, наоборот, он сначала возглавлял отдел истории и

⁹⁸ Там же. Л. 44-45, 139. О Союзе взаимного вспомоществования бывших чинов Северо-западной армии и русских эмигрантов см.: *Бойков В. А.* Союз северо-западников // Белое движение на Северо-западе и судьба его участников. Материалы международной научно-исторической конференции в Пскове 10-11 октября 2003 г. Псков, 2004. С. 96-103.

⁹⁹ Архив УФСБ. П-92854. Т. 2. Л. 12. Правда, этот факт не находит подтверждения в других источниках.

¹⁰⁰ Там же. Т. 2. Л. 107-110.

культуры, а позже литературы,¹⁰¹ но, по-видимому, это ошибка памяти). Энгельгардт со свойственной ему энергией взялся за дело, сам выступал с докладами на исторические и литературные темы, организовал в кружках выступления других видных монархистов и т. д., и т. п. «Эти два отдела – литературный и исторический – являлись основными органами идеологического воздействия, – признавался Бадендик на следствии. – Под этими безобидными вывесками проводилась, вернее, я бы сказал, оттачивалась ненависть к большевизму, развивался среди молодежи дух военной и политической борьбы. Под соусами “литературных разборов” велась ярая антисоветская деятельность».¹⁰²

Активная работа Б. В. Энгельгардта в «Витязе» продолжалась несколько лет – в 1933-1936 гг. После этого из-за внутренних конфликтов в обществе он отошел от активной деятельности в нем, хотя и продолжал время от времени выступать с докладами, преимущественно на военно-исторические темы.¹⁰³

Б. В. Энгельгардт участвовал в деятельности и с 1935 г. был членом правления Общества друзей русских скаутов,¹⁰⁴ еще одной организации, тесно связанной с РОВС’ом. Он и непосредственно принимал участие в работе с русскими скаутами.

Всё это в совокупности хорошо характеризует роль Б. В. Энгельгардта в общественной жизни русской эмиграции в Эстонии.

Нет ничего удивительного, что Б. В. Энгельгардт вновь привлекает внимание советской разведки. В 1939 г. возобновилась ее активная деятельность в Эстонии, почти прекратившаяся в результате сталинской чистки «компетентных органов» в 1937-1938 гг. Кстати, агентуру чекистам пришлось создавать в сущности заново. Заметим, что разведка и контрразведка РОВС’а в Эстонской Республике, наоборот, сохранилась полностью, осталась нераскрытой чекистами, продолжала действовать – пусть в силу объективных причин и не очень эффективно.

В 1939-1940 гг. имя Б. В. Энгельгардта опять начинает мелькать в сообщениях информаторов.¹⁰⁵ 31 марта 1940 г. последовало указание Центра резиденту советской разведки в Таллинне «собрать сведения на белоэмигрантов в Эстонии, кто из них выехал из Эстонии, кто и где остался». В числе пяти лиц, которые особо интересовали Центр, мы находим и

¹⁰¹ Там же. Т. 1. Л. 167; Т. 2. Л. 12. Отдел русской истории и культуры был открыт в «Витязе», если верить газетному сообщению, 1 мая 1935 г. (Вести дня. 1935. 30 апр. № 101. С. 1 [Таллинский день]). Литературный кружок существовал с начала 1930-х гг.

¹⁰² Архив УФСБ. П–92854. Т. 2. Л. 110.

¹⁰³ Там же. Л. 12, 44.

¹⁰⁴ Там же. Т. 1. Л. 171; Т. 2. Л. 44.

¹⁰⁵ ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 258-259.

Б. В. Энгельгардта.¹⁰⁶ Москва готовилась к событиям лета 1940 г. – захвату стран Балтии в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа.

Тут мы подошли к еще одной загадке в биографии Б. В. Энгельгардта. Без сомнения, грядущая аннексия стран Балтии, в том числе и Эстонии, Советским Союзом для него не была тайной. Энгельгардт был слишком хорошо осведомленным человеком, чтобы не понимать этого. У него не должно было быть и иллюзий относительно собственной судьбы после того, как в Эстонии к власти придут коммунисты. У Энгельгардта были все возможности вместе с тысячами прибалтийских немцев уехать из Эстонии в Германию, как это сделали А. В. Иксуль и Н. П. Иксуль. Для этого не было ни формальных, ни, так сказать, идейных, «мировоззренческих» препон. Нам известна позиция Энгельгардта в вопросе о месте эмигрантов в будущей войне Германии с СССР, в вопросе, который живо дискутировался в кругах эмиграции в те годы. А. В. Ефремов показал на следствии: «“Мое личное мнение, – сказал Энгельгардт (на одном из собраний – *С. И.*), – хоть с чортом, но против большевиков <...>, а поэтому я лично определенно считаю, что наш долг в этом конфликте быть, конечно, на стороне Германии, так как ведь в конце концов это не будет война против русского народа в целом, ни даже против России, как таковой, а будет лишь борьбой против коммунизма. Только с уничтожением коммунистической власти может наступить для России момент ее возрождения», приблизительно так, насколько сохранила память, говорил Энгельгардт».¹⁰⁷ Ефремов добавляет, что такова же была позиция и большинства членов РОВС’а в Эстонии. Правда, заметим, что все же далеко не все русские эмигранты-монархисты ее разделяли.¹⁰⁸

Тем не менее, Энгельгардт никуда не уехал. Почему? Ответа на этот вопрос мы дать не можем.

Он был арестован даже еще до аннексии Эстонии Советским Союзом, до формального установления в Эстонии советской власти. По-видимому, руководство НКВД опасалось, как бы активные белоэмигранты не сбежали в последний момент, и – парадоксально, но факт! – по его указанию эстонская политическая полиция произвела обыски и аресты наиболее видных деятелей русской эмиграции в Эстонии еще за несколько дней до

¹⁰⁶ Там же. Л. 200.

¹⁰⁷ Архив УФСБ. П–92854. Т. 2. Л. 145.

¹⁰⁸ Известны, например, слова эмигранта В. А. Карамзина (правнука брата знаменитого историка и писателя, однополчанина Н. С. Гумилева) на одном из собраний эмигрантов: «Чтобы я, русский дворянин, поехал к этому сумасшедшему Гитлеру, который вот-вот нападет на Россию, – нет, благодарю покорно!» (Шмидт В. Мария Владимировна Карамзина // Радуга. 1989. № 8. С. 48). Правда, за это В. А. Карамзин жестоко пострадал: в 1941 г. был арестован органами НКВД и расстрелян.

этих событий. Постановление УНКВД г. Ленинграда об аресте Б. В. Энгельгардта датировано задним числом – 23 июня 1940 г., анкета же арестованного помечена 22 июня, а обыск и, видимо, арест произведены эстонской политической полицией 21 июня 1940 г.¹⁰⁹ При обыске у него была найдена рукопись на 8 листах, без заглавия, начинающаяся словами «Либерально-интеллигентское...».¹¹⁰

Дело Б. В. Энгельгардта вел следователь Ленинградского управления НКВД младший лейтенант госбезопасности Решетников. Энгельгардт очень скоро понял, что следователь совершенно не разбирается в сложной эмигрантской обстановке, в запутанных эмигрантских делах, поэтому значительная часть его «собственноручных показаний» – это некий ликбез для следователя, рассказ о том, что такое РОВС, николаевцы, кирилловцы, военные объединения эмигрантов, младороссы и т. д. Младший лейтенант Решетников и не стремился особенно углубляться в дело, тем более, что показаний Энгельгардта вполне хватало для обвинительного заключения и для назначения ему высшей меры наказания. Всё это давало возможность опытному разведчику Энгельгардту очень многое скрывать, об очень многом умалчивать, в ответах на вопросы следователя приводить факты – даже много фактов, – но явно не главных, а второстепенных, малозначительных. Так, Б. В. Энгельгардт почти ничего не сказал о заброске через Эстонию агентов РОВС'а в СССР, агитационных материалов, не назвал имена агентов, ничего не сказал о явочных квартирах в Советской России и т. д. Более того, он пытался убедить следователя, что вообще занимался переброской агентов только в начале своей деятельности. Правда, тут Энгельгардт не учел, что его сотоварищи по делу скажут совсем другое...

И все же кое-что в «собственноручных показаниях» (от 22 ноября 1940 г.) Энгельгардта свидетельствует об изрядной доле его наивности: даже опытному разведчику, прожившему почти двадцать лет в более или менее свободной атмосфере сравнительно демократической Эстонии, не всегда легко было понять и усвоить советские принципы жизни, неписанные законы советского общества. Так, Энгельгардт в мягкой форме намекает, что его арест в еще независимой Эстонской Республике по указанию органов НКВД юридически не законен, и просит «выдать» его эстонским властям, дабы они поступили с ним по эстонским законам, которые он не нарушал.¹¹¹ *Sancta simplicitas!* Можно себе представить ироническую улыбку следователя... Апеллируя к милосердию советских органов власти, Энгельгардт, во-первых, подчеркивает, что, поскольку все равно

¹⁰⁹ См.: ФГАЭ. Ф. 1868. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 1.

¹¹⁰ Архив УФСБ. П–92854. Т. 1. Л. 1-9 об.

¹¹¹ Там же. Т. 2. Л. 54-55.

вскоре начнется война между Германией и Советским Союзом, он мог бы быть полезен советской стороне в будущей войне как специалист в этой области. Во-вторых, акт милосердия в отношении его, Б. В. Энгельгардта, был бы положительно встречен эмигрантами и способствовал бы переходу их к сотрудничеству с советской властью, причем он отмечал, что «хотя бы понаслышке известен и за границей».¹¹² Само собой разумеется, никакого влияния на окончательный приговор эти апелляции подследственного не имели.

На закрытом судебном заседании 18 июня 1941 г. Военный трибунал Ленинградского военного округа приговорил обвиняемого в преступлениях по ст. 58-4, 58-6, ч. I и 58-8 УК РСФСР Б. В. Энгельгардта к расстрелу.¹¹³ 30 июня 1941 г. Военная коллегия Верховного суда СССР на своем заседании отклонила кассационную жалобу Б. В. Энгельгардта и оставила приговор в силе.¹¹⁴

Приговор был приведен в исполнение 15 июля 1941 г.¹¹⁵

Реабилитирован Б. В. Энгельгардт был лишь 22 октября 2002 г. в соответствии со ст. 3-а Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий».¹¹⁶

¹¹² Там же. Л. 54.

¹¹³ Там же. Л. 168-172.

¹¹⁴ Там же. Листы не нумерованы.

¹¹⁵ См. ответ заместителя начальника службы РАФ УФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области С. В. Чернова от 14 декабря 2002 г. на запрос Генерального директора Национального архива Эстонии П. Пирско.

¹¹⁶ Там же. Свидетельство о реабилитации есть и в деле П-92854 (листы не нумерованы).

Архивные публикации

Questionnaire.

Опросный лист.

21254 / 3857

Соболев
 Михаил
 Александрович
 г. Тверь.
 Иван Соболев
 Александра Пола
 aucune autre nationalité
 подданства не принимал
 русский

III / 14

Certificat anda
14.11.33

10. Ancien domicile en Russie
Прежнее местожительство в России

г. Тверь.

11. Résidence actuelle
Местоожительство в настоящее время

Нарва, Корде 4. 13.

12. Prière:
Просьба:

Можно ли получить на один год
мимолетное паспорт, перешедший
его на меня.

8. февраля 1933 г.

SIGNATURE:
ПОДПИСЬ:

М. Соболев

Михаил Иванович Соболев (1879, Тверь – 1938, Нарва).
Фото из нансеновского паспорта. 1933. ГАЭ. Ф. 1. Оп.1, Д. 5780

Записка М. И. Соболева «Русские беженцы в Эстонии»

В середине 1920-х гг. баронесса Мария Дмитриевна Врангель (1857-1944), мать последнего главнокомандующего Белой армией П. Н. Врангеля, проживавшая в ту пору в Брюсселе, решила заняться составлением *Архива русской эмиграции*. «Цель работы, – как писала сама М. Д. Врангель, – закрепить по свежим следам для будущего дела, деятелей, родные таланты, пережитое ими».¹

Первоначальный план М. Д. Врангель был весьма широк: «...я мыслила представить материалы по странам в алфавитном порядке, как они получены от очевидцев, предварительно сделав краткий обзор по различным отраслям культурных достижений на чужбине, характеристику беженцев, самопомощь, отзывы иностранцев и их помощь».² С этой целью баронесса разработала специальную анкету и разослала ее в разные страны русского рассеяния по адресам, полученным ею из редакции выходившей в Белграде газеты «Новое время». «Перечень вопросов, как он восстанавливается из ряда ответов, был примерно следующим: количество русских в стране (в столице страны), откуда прибыла большая их часть; правовое положение русских, отношение к ним властей и местного населения; положение с трудоустройством; русские благотворительные учреждения; наличие православной церкви; положение с образованием на родном языке; книжное дело (русские издательства, газеты, магазины, библиотеки); русская культурная жизнь (живопись, музыка, театры); русские союзы; имена известных лиц, живущих в стране».³ Ответы на эти вопросы и должны были лечь в основу задуманной М. Д. Врангель книги о русской эмиграции.

¹ См.: *Шевеленко, Ирина*. Материалы о русской эмиграции 1920-1930-х гг. в собрании баронессы М. Д. Врангель (Архив Гуверовского Института в Стэнфорде). Stanford, 1995 (Stanford Slavic Studies. Vol. 9). С. 12.

² *Шевеленко И.* Цит. соч. С. 15.

³ Там же.

Во исполнение этого плана (так и не осуществленного, не претворенного в жизнь) М. Д. Врангель, как можно предположить, обратилась в 1929 г. с просьбой ответить на вопросы анкеты о положении русских эмигрантов в Эстонской Республике к М. И. Соболеву, видному русскому общественному деятелю в Эстонии.⁴

Михаил Иванович Соболев (1879-1938), юрист по образованию, до революции служил в Правительствующем Сенате и товарищем прокурора Тверского окружного суда. В 1919 г. он эмигрировал в Эстонию и сразу же принял активное участие в общественной и культурной жизни русских эмигрантов в Эстонской Республике. На Первом беженском (эмигрантском) съезде в Таллинне в марте 1920 г. (на котором он председательствовал) М. И. Соболев был избран членом Комитета русских эмигрантов, вошел в состав Бюро комитета, реально руководившего всей деятельностью созданного на съезде Объединения русских эмигрантов в Эстонии, стал заведующим культурно-просветительным отделом комитета. Широко образованный, даровитый и энергичный общественный деятель, Соболев вскоре фактически стал первым помощником и заместителем профессора В. А. Рогожникова, председателя Комитета русских эмигрантов. Не случайно после смерти Рогожникова в 1932 г. именно он возглавил Комитет и унаследовал другие должности покойного его председателя – в числе прочего стал уполномоченным в Эстонии парижского Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей, представителем в Эстонской Республике Нансеновского комитета по делам беженцев при Лиге наций. М. И. Соболев также был директором Нарвской эмигрантской гимназии, а после ее закрытия – заведующим Нарвской русской технической школы (кстати, именно ей он завещал всё свое имущество). Он принимал участие в деятельности многих русских обществ и организаций: «Дома русского ребенка», Союза русских увечных воинов-эмигрантов, Нарвского русского общественного собрания, товарищества *Нарвский*

⁴ Возможно, М. Д. Врангель первоначально обратилась с этой просьбой к председателю Комитета русских эмигрантов в Эстонии проф. В. А. Рогожникову или просто адресовала ее в Комитет русских эмигрантов. По крайней мере, в письме епископа Печерского Иоанна к М. Д. Врангель от 10 октября 1930 г. говорится о том, что, по имеющимся у него сведениям, В. А. Рогожников уже послал в прошлом году баронессе записку о русской эмиграции в Эстонии (Архив Гуверовского института войны, революции и мира [Hoover Institution on War, Revolution and Peace] при Стэнфордском университете. Фонд баронессы Марии Врангель [Maria Vrangell' Collection], № 52-4). Однако в фонде М. Д. Врангель никакой записки В. А. Рогожникова нет. Можно предполагать, что председатель Комитета русских эмигрантов В. А. Рогожников поручил ответить баронессе своему заместителю – М. И. Соболеву.

русский театр и др.,⁵ некоторое время был председателем Союза русских учителей-эмигрантов.

Соболев с некоторым запозданием откликнулся на просьбу М. Д. Врангель и прислал ей свой обзор «Русские беженцы в Эстонии». Приводим ниже его письмо баронессе М. Д. Врангель от 18 декабря 1929 г., предваряющее обзор.

*Милостивая Государыня, Глубокоуважаемая Баронесса
Мария Дмитриевна.*

Простите меня великодушно, что я невольно был лишен возможности выполнить данное Вам обещание прислать в июне краткий очерк о жизни русских беженцев в Эстонии.

Прошу вас, баронесса, верить, что не нежелание быть аккуратным в исполнении Вашего запроса явилось причиной моего позднего Вам ответа, а исключительные обстоятельства в моей личной жизни.

В своем кратком очерке я старался осветить все вопросы, поставленные в Вашей анкете, и если на некоторые из них нет ответа, то лишь потому, что для них вообще не имеется материала среди жизни русских беженцев в Эстонии.

Из записки моей Вы изволите усмотреть, что в Эстонии кроме русских эмигрантов есть значительная часть местного русскою населения, жизнь которого, конечно, далеко отличается от жизни эмигранта, но я ее в своей записке почти не касался, кроме вопроса церковного, т[ак]. к[ак]. для этого надо располагать всеми данными и быть в курсе ее, чем я, как эмигрант, к сожалению, в достаточной степени не располагаю, а потому и не беру на себя смелость пред кем-либо ее описывать.

Если по поводу моей записки Вы найдете нужным задать мне какие-либо вопросы, то я, глубокоуважаемая Баронесса, всегда готов Вам их осветить и на них ответить.

Прошу Вас, глубокоуважаемая Баронесса, принять уверения в истинном к Вам уважении и таковой же преданности

*Ваш покорный слуга
М. Соболев⁶*

⁵ О нем см. некрологи: В. Г. Михаил Иванович Соболев [Некролог] // Старый нарвский листок. 1938. 3 окт. № 212. С. 2; Умер М. И. Соболев // Вести дня. 1938. 1 окт. № 224. С. 2.

⁶ Гуверовский архив. Фонд баронессы М. Врангель. № 52-6. Листы не нумерованы.

Это письмо, как и записка М. И. Соболева «Русские беженцы в Эстонии», ныне хранится в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете в штате Калифорния в США, № 52-6. Именно сюда во второй половине 1933 г. перешли собранные баронессой М. Д. Врангель материалы о русской эмиграции (отдельные документы передавались ею в Гуверовский архив и позже).⁷

Публикуемая ниже по машинописному тексту, сохранившемуся в Гуверовском архиве (№ 52-6), записка М. И. Соболева «Русские беженцы в Эстонии» интересна даже не столько приводимыми в ней конкретными фактами жизни и деятельности русских эмигрантов в Эстонской Республике (они в общем-то нам известны и по другим источникам, более подробным и основательным⁸), сколько своими общими установками, оценками положения русских в Эстонии в целом. Этому, без сомнения, способствовал, если так можно выразиться, неофициальный, характер записки, позволявший ее автору более или менее свободно высказать свой взгляд на положение русских беженцев в Эстонии вообще.

Дело в том, что в русской печати Эстонской Республики о многом, связанном с положением русских в стране, приходилось говорить с оглядкой, с одной стороны, на эстонские власти, а с другой стороны, – на широкие слои русской общественности. Для эстонских властей была неприемлема острая критика положения русских в республике, для широких эмигрантских кругов – наоборот, рассказ об этом положении в положительных тонах: в этом случае легко можно было получить малоприятный «титул» подхалима, подлизывающегося к власти имущим. Это заставляло русских общественных, да и политических деятелей в Эстонии быть максимально осторожными в своих более общих суждениях о положении русских в республике, особенно на страницах местной печати. В своей записке М. И. Соболев мог себе позволить до известной степени, конечно, высказаться без оглядки на эти вынужденные «ограничения».

Он констатирует, что жизнь русских эмигрантов в Эстонии нелегка: интеллигентные беженцы вынуждены зарабатывать на хлеб тяжким физическим трудом на шахтах, торфяных разработках, на лесоповале, их материальное положение тяжелое. К тому же и гражданские права эмигрантов во многом ограничены, для них закрыт путь на государственную службу да в значительной мере и в публично-правовую сферу. И тем не менее, как это, на первый взгляд, ни странно, конечный вывод М. И. Со-

⁷ О судьбе архива М. Д. Врангель см.: *Шевеленко И.* Цит. соч. С. 34-42.

⁸ См. подробный обзор жизни русских в Эстонии в коллективной монографии: *Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918-1940)* / Под ред. проф. С. Г. Исакова. Тарту; СПб., 2001.

болева выдержан не в негативных, а в позитивных тонах: «В заключение надо сказать, что при тяжелом материальном положении русских эмигрантов в Эстонии правовое положение эмигрантов вполне удовлетворительное при добром отношении к ним как эстонского народа, так и правительства».

Вряд ли это комплимент эстонцам и эстонским властям. Дело, по видимому, в том, что М. И. Соболев имел возможность сравнивать жизнь эмигрантов в Эстонии с их положением в других странах русского рассеяния. Как неоднократно отмечали приезжавшие в Эстонию из других государств эмигранты, положение русских в Эстонской Республике в 1920-е гг. все же было лучше, чем в ряде стран Европы, Америки и Азии. В целом же записка Соболева дает вполне объективную оценку жизни русских эмигрантов в Эстонии, верно отражает реальное положение дел.

В фонде М. Д. Врангель в Гуверовском архиве хранится и еще одна, более поздняя, относящаяся к 1931 г., записка «Русская эмиграция в Эстонии», которая принадлежит другому видному русскому общественному деятелю в Эстонской Республике генералу А. К. Баиову, примыкавшему к правому монархическому крылу русской общественности.⁹ В этом же фонде хранятся и некоторые другие материалы, посвященные русским в Эстонии: *curriculum vitae* русских ученых профессора Д. Д. Гримма, профессора И. М. Тютрюмова, доцента Ф. И. Корсакова. Укажем также на письмо епископа Печерского Иоанна от 10 октября 1930 г., касающееся положения русских и православной церкви в Эстонии, с приложением статьи Владимира Каринского (подписавшегося псевдонимом *Православный*) «Печерский монастырь накануне гибели»; рукописи статей Н. А. Макшеева «Высылка русских эмигрантов. Гонения на монархистов» и «Университет в Тарту», работы В. Каринского «Правовое положение русских в Эстонии», «Православная церковь в Эстонии» и его же очерк «Печеры». Некоторые из этих материалов несомненно заслуживают публикации.

М. И. Соболев. Русские беженцы в Эстонии

В связи с неудачами Северо-Западной армии в ноябре месяце 1919 года, одновременно с отходящими на территорию Эстонии войсками, хлынула волна беженцев.

⁹ Текст записки А.К. Баиова «Русская эмиграция в Эстонии» приводится далее в нашей книге, см. с. 328-347.

Движение это было настолько стихийно, что исключало возможность правильного размещения переходящих границу беженцев и оказания им планомерной помощи. Вспыхнувшая затем эпидемия тифа еще более усугубила тяжесть положения беженцев, вызвав, кроме всего, прикрепление их к районам и ограничение права свободного передвижения [1].

Дальнейшее течение обстоятельств не дало надежды на скорое разрешение беженского вопроса в единственном желательном направлении [2] и сделало очевидной неизбежность продолжительного пребывания беженцев в приютившей их стране.

Эта очевидность, в связи с тяжелым положением беженцев, привела к мысли о необходимости создания особого представительного органа, могущего обслуживать их материальные, духовные и иные нужды, а также, в случае необходимости, оказывать правовую защиту.

Мысль эта, подробно разработанная инициативной группой из общественных деятелей [3], была осуществлена созывом 23-го марта 1920 года в г. Ревеле первого Беженского съезда [4].

Формы объединения беженцев в Эстонии, установленные первым съездом и закрепленные затем Уставом, утвержденным правительством Эстонии, следующие.

Все находящиеся на территории Эстонии русские беженцы (эмигранты) составляют эмигрантское объединение, имеющее целью оказание своим членам правовой, духовной и материальной помощи. Делами объединения ведает периодически созываемый Съезд делегатов (из расчета по 1 делегату на 50 чел.). Съезд избирает представительный, он же исполнительный орган – Комитет русских эмигрантов, в свою очередь, выделяющий особый деловой аппарат – Бюро, на которое и возлагается непосредственное заведование всеми отраслями деятельности объединения.

В пунктах наибольшего скопления беженцев открываются Отделения Комитета в составе не менее 3-х лиц, избираемых членами объединения данного района. Отделы имеют свои подотделы, сконструированные по тому же принципу.

Весной 1920 года, ко времени образования Комитета, в пределах Эстонии находилось свыше 20 000 беженцев, делившихся на две группы: беженцев в буквальном значении этого слова, т. е. бежавших из родных мест вследствие отхода белого фронта, и лиц, непосредственно причастных к армии, т. е. б[ывших] воинских чинов, после крушения Белой армии перешедших в пределы Эстонии и здесь разоруженных [5].

В настоящее время число эмигрантов-беженцев в Эстонии простирается до 12000 человек.

Вся эта масса расположена, главным образом, в пределах Везенбергского уезда [6] и около Ревеля. Жизнь в столице (Ревель), равно как в Принаровье, в Печерском крае – ввиду близости границ, беженцам воспрещена [7] и допускается каждый раз с особого разрешения Главной полиции.

Отношение властей к русским эмигрантам вполне лояльное. Если иногда и бывали некоторые случаи затруднения в смысле устройства беженцев на местожительство или на работу, то это были лишь отдельные случаи, и [они] имели временный характер.

То же самое надо сказать и про местное население – эстонцев, среди которых, главным образом в деревнях, расселились, особенно в начале, беженцы. Будучи сами стеснены и в жилье, и в достатках, жители Эстонии встретили беженцев безропотно, и между теми и другими в большинстве случаев сохранились самые добрые отношения. Конечно, единичные случаи проявления национального шовинизма были, но эти случаи отнюдь не подлежат обобщению.

Надо заметить, что в Эстонии, кроме беженцев, имеется местное русское население в составе 90 000 человек на 1 200 000 всего населения Эстонии [8].

Русское местное население в Эстонии пользуется всеми правами гражданства, как личными, так и политическими, и по отношению к ним никаких изъятий закон не делает. Даже более того, в Эстонии проведен закон о культурной автономии русского национального меньшинства [9], который открывает русскому населению широкие возможности в деле просвещения и признания, но местное русское население до сих пор, к сожалению, этой автономии не провело, хотя другие национальные меньшинства Эстонии – немцы, евреи – имеют уже свою культурную автономию.

Правовое положение русских беженцев, конечно, не то, что русского местного населения. Они лишены прав, как и везде, политических и ограничены к поступлению на службу, как государственную, так и публично-правовую. Отступления делаются в исключительно редких случаях. Не говоря уже о службе государственной и публично-правовой, для русских беженцев – адвокатов, врачей – даже закрыто право частной практики, исключение составляют лишь инженеры и другие лица, имеющие специально-технические знания.

В силу этих условий русские беженцы, живущие в Эстонии, применяют свой труд преимущественно на физической работе. Фабрики, заводы, торфяные разработки, сланцевые рудники, постройки, разработки леса, сельскохозяйственные работы – вот поле деятельности русского эмигранта, конечно, в качестве простой рабочей силы, и не больше.

Удовлетворение своих религиозных запросов русские беженцы имеют полную возможность находить в существующих в местах расселения беженцев храмах, имеющих свои церковные хоры. Конечно, для живущих на хуторах или лесных разработках эта возможность отсутствует, но в местах наибольшего скопления эмигрантов – сланцевых рудниках – имеются если не постоянные, то временные домовые церкви.

В Эстонии существует Автокефальная церковь, возглавляемая митрополитом всея Эстонии, и даже имеется особая русская епархия,

находящаяся под управлением особого архиепископа, которым до 12 августа месяца с.г. был архиепископ Евсевий, бывший архиепископ Псковский [10]. 12-го августа архиепископ скончался, и кафедра пока сиротствует, временно же управление перешло, согласно избранию народа, к епископу Печерскому Иоанну [11], входящему в митрополию Эстонской церкви и живущему в Печерском монастыре.

Местом пребывания кафедры русского архиепископа был г. Нарва.

Из благотворительных организаций, работающих среди русских беженцев и на помощь им, существуют: Комитет русских эмигрантов, во главе которого состоит профессор В. А. Рогожников [12], Общество помощи больным эмигрантам [13], Белый крест [14], Красный Крест старой организации в Эстонии как организация не существует, но имеет лишь своего представителя [15]. Помощь организации „Белый крест“ направлена исключительно б[ывшим] чинам Северо-Западной армии. Союз увечных русских воинов [16] также имеет в виду оказание помощи лишь инвалидам великой войны [17] и войны с большевиками.

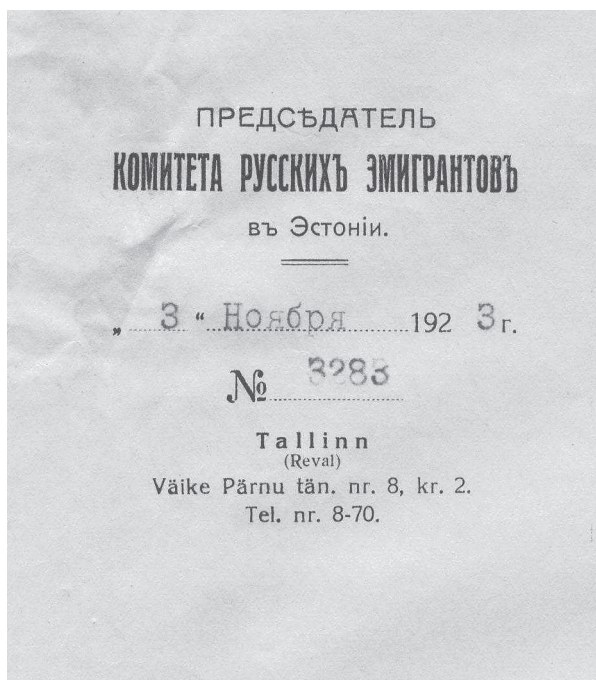
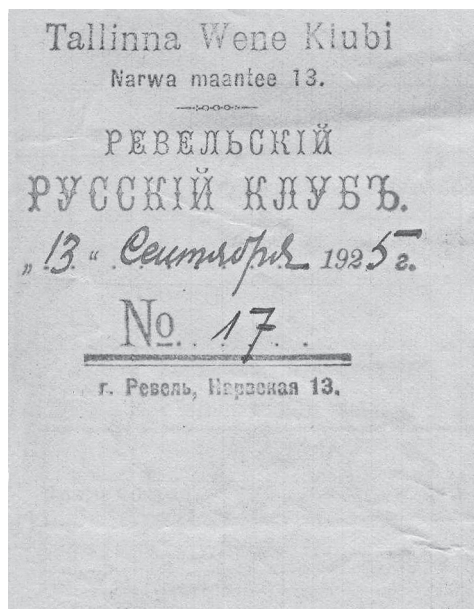
Кроме этих организаций, в Эстонии существуют также организации не чисто беженского характера, а скорее, местного, хотя ими оказывается помощь и русским беженцам. Например «Капля молока» [18], «Дом русского ребенка» [19], «Общество защиты детей» [20] и Эстонский Красный Крест [21]. Все эти организации в отдельных случаях приходят на помощь русским беженцам.

Школьное дело среди русских беженцев ведет Комитет русских эмигрантов, который за время своего 9-тилетнего существования организовал в разных местах расселения эмиграции 6 детских садов, 26 начальных школ, 4 средние школы, 4 интерната для мальчиков и девочек, 1 приют, одну больницу, 7 медицинских пунктов. В настоящее время из указанных учреждений Комитета работает одна гимназия в Нарве, три начальных школы, 2 детских сада, 2 интерната, лазарет, приют и два медицинских пункта. Все указанные учреждения Комитета содержатся, начиная с 1921 года, исключительно на средства Земско-городского комитета в Париже и на средства, добываемые на местах путем сборов на учение, интернаты, концертов, лотерей, лекций и т. п.

Незначительная часть детей русских беженцев получает образование и в местных русских школах (правительственных, земских, городских) [22]. Местная средняя школа – городская и частная – доступна лишь незначительному числу беженцев из-за дорогой платы за ученье.

Распределение детей по школам, интернатам и приюту помогает тому, что от денационализации оберегается значительная часть детей русских беженцев, из которых дети родителей, живущих в местностях с одним эстонским населением, значительно начинают забывать свой родной язык.

Каких-либо специальных русских издательств на территории Эстонии не существует. Из русских газет, существовавших на территории Эстонии за время пребывания здесь эмиграции, можно назвать следующие: «Последние известия» [23], «Наша газета» [24], «Час» [25],

«Старый нарвский листок» [26], «Русский голос» [27]. Первые четыре газеты в настоящее время не существуют [28]. «Старый нарвский листок» обслуживает нужды местного населения г. Нарвы. Газета «Русский голос» партии социалистов имеет хождение лишь в Печерском крае, где она и издается [29]. Собственно, русской большой газеты в данное время не имеется, а есть лишь небольшой информационный листок «Вести дня» [30], который продается вместе с газетой «Сегодня», издающейся, как известно, в Латвии (Рига) и имеющей большой круг читателей и в Эстонии [31]. Издание русских книг также почти отсутствует, главным образом из-за дороговизны стоимости. Русских журналов не издается [32].

Среди русских эмигрантов существуют союзы: Союз русских увечных воинов-эмигрантов, Союз учителей-эмигрантов [33]. Кроме того, существуют союзы местных русских деятелей, куда также могут входить эмигранты: Союз русских учителей [34], Союз русских врачей [35], Союз юристов [36], Союз инженеров [37].

В Эстонии существует «Русская академическая группа», возглавляемая профессором Юрьевского университета И. М. Тютрюмовым [38]. В эту группу также, наравне с профессорами-эмигрантами, входят и русские профессора Юрьевского университета. Группа имеет «Русские политехнические курсы» для детей русских эмигрантов, окончивших среднюю школу [39].

Постоянного русского театра, обслуживающего нужды русского национального меньшинства, в Эстонии не имеется, хотя в городах Эстонии с русским населением и устраиваются периодически спектакли и балет русскими профессионалами и дилетантами [40]. То же самое надо сказать и относительно хоров. Последние существуют в разных городах Эстонии (Ревель, Нарва, Печеры, Юрьев), но все это носит случайный характер. Выступления как драматических русских артистов, так и балета и хоров сопровождаются средним успехом и каких-либо выдающихся или исключительных успехов не имеют. Можно лишь указать на великорусский оркестр при Нарвской Комитета русских эмигрантов гимназии [41], выступления которого пользуются исключительным успехом среди всех слоев населения, и дни концертов этого оркестра можно по справедливости назвать торжеством или праздником русской культуры. Оркестр учащихся гимназии имел уже несколько приглашений из-за границы, но отсутствие средств не позволяет воспользоваться таковыми приглашениями.

Принятие эмигрантами эстонского подданства бывает, но не как общее явление, а как исключение, вызванное по большей части материальными соображениями и необходимостью устройства на работу.

Жизнь русского беженца в Эстонии протекает, как мы уже заметили выше, в большой трудной физической работе. Найти бывшему интеллигенту применение своего прежнего труда в Эстонии невозможно. Обстановка жизни эмигранта на фабриках, заводах, торфяных и сланцевых разработках и т. п. приравнивается к жизни обычно[го] заводско-

го или фабричного рабочего. Жизнь эмигранта, сопровождаемая большими материальными, из-за скудости заработка, недостатками, полна всяких лишений, сера и преисполнена обычных картин бытовой жизни рабочего. В связи с этим, конечно, и моральное настроение эмигрантов заставляет иногда желать много лучшего.

За последний год, ввиду общей в стране безработицы, началось переселение русских эмигрантов во Францию на сельскохозяйственные и заводские работы. Эта мера имеет большое значение для жизни эмигранта, т[ак] к[ак], с одной стороны, дает возможность безработному эмигранту устроить свою жизнь и избавиться от полуголодного существования, с другой, – отлив рабочей дешевой (каковой является исключительно эмигрант) силы улучшает положение остающихся эмигрантов в виду сокращения на местном рынке предложения рабочей силы. За 1928-29 годы во Францию переселилось, включая жен и детей, около 1 200 человек.

В заключение надо сказать, что при тяжелом материальном положении русских эмигрантов в Эстонии правовое положение эмигрантов вполне удовлетворительное при добром отношении к ним как эстонского народа, так и правительства.

1929

Примечания и комментарии

1. Из опасения распространения тифа для северо-западников и беженцев из-под Петрограда эстонскими властями были установлены карантинные, которые им запрещено было покидать.
2. Под «единственно желательным направлением» для беженцев имелось в виду их возвращение на родину после свержения власти большевиков, красных.
3. Инициативная группа по созыву съезда была создана в начале 1920 г. В организационное бюро ее входили: П. А. Богданов (председатель), Э. П. Ганжумов (секретарь), А. С. Пешков, С. В. Штейн, М. М. Филиппе и В. Л. Горн (см.: К съезду русских общественных деятелей в Эстонии // Верный путь. 1920. 17 февр. № 31. С. 3; К русскому съезду // Свобода России. 1920. 18 февр. № 240. С. 3).
4. На самом деле I Беженский съезд происходил в Таллинне 21-30 марта 1920 г.
5. Все эти данные позаимствованы М. И. Соболевым из официального издания: Отчет Комитета русских эмигрантов в Эстонии за три года его деятельности (с 1 апреля 1920 г. по 1 апреля 1923 года). Нарва, 1923. С. 5 и 13.
6. Вирумаа. Действительно, основная масса эмигрантов – бывших северо-западников и беженцев проживала в уезде Вирумаа: в Нарве, Йыхви, Силламяэ и сланцевом бассейне.
7. Согласно Положению об усиленной охране в 1920-е гг. для лиц, не имевших эстонского гражданства, были введены ограничения на право жительства в пограничных районах – в Печорском крае и в Принаровье.
8. Эти цифры не вполне точны. По переписи 1922 г. русских было 91109 человек из 1107059 общего населения страны; по переписи же 1934 г. – 92 656 человек из 1117369.
9. Имеется в виду Закон о культурной автономии, принятый эстонским парламентом

- 12 февраля 1925 г. Он, собственно, касался не только русских, но и других национальных меньшинств Эстонской Республики.
10. Особая Нарвская епархия в составе Эстонской Апостольской Православной Церкви, объединявшая лишь русские приходы, была создана в 1924 г. Ее возглавил бывший архиепископ Псковский Евсевий (в миру Евстафий Сергеевич Гроздов; 1866-1929).
 11. Епископ Печерский (с 1926 г.) Иоанн (в миру Николай Александрович Булин; 1893-1941), действительно, был назначен в 1929 г., после смерти архиепископа Евсевия, исполняющим обязанности епископа Нарвского. Но фраза о том, что он стал епископом Нарвским «согласно избранию народа», конечно, ошибочна. Этой фразой М. И. Соболев, видимо, хотел подчеркнуть, что Иоанн пользовался большой популярностью в народе.
 12. Владимир Алексеевич Рогожников (1874-1932) – ученый в области технических наук и видный русский обществственный деятель в Эстонии. Был профессором Томского технологического института. В 1916 г. под руководством В. А. Рогожникова началась разработка горючего сланца в Эстонии. В 1919 г. поселился в Эстонии и в том же году стал руководителем русского отдела АРА (Американской миссии помощи). В марте 1920 г. избран председателем Комитета русских эмигрантов в Эстонии и на этом посту оставался до самой смерти. Одновременно был уполномоченным Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (Париж), позже также уполномоченным Верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев в Эстонии. Был также членом Русской академической группы. О нем см.: Проф. В. А. Рогожников [Некролог] // Старый нарвский листок. 1932. 20 февр. № 20. С. 3; В. А. Рогожников [Некролог] // Вести дня. 1932. 20 февр. № 43. С. 1.
 13. Общество помощи больным эмигрантам было создано в Таллинне в марте 1922 г. Оно носило благотворительный характер, оказывало бесплатную медицинскую помощь больным эмигрантам, снабжало их продуктами питания и лекарствами. Бесменным председателем общества была М. П. Киршбаум. О деятельности общества см.: Плюханова М. С. Мне кажется, что мы не расставались... Воспоминания. Таллинн, 1999. С. 17-22.
 14. Белый Крест – общество, основанное в Таллинне в октябре 1920 г. с целью оказания всесторонней помощи северо-западникам, оказавшимся в Эстонии. Общество устраивало благотворительные вечера, выдавало пособия нуждающимся северо-западникам, создало в Тарту и в Нарве патронаты-убежища для русских инвалидов. Общество возглавляла в 1920-е гг. С. В. Келпш. Оно просуществовало до 1940 г.
 15. Имеется в виду отделение Русского Красного Креста в Эстонии, реально функционировавшее в начале 1920-х гг., но затем в связи с развертыванием деятельности Эстонского Красного Креста прекратившее свое существование. Однако представитель Русского Красного Креста в Эстонии остался (в середине 1920-х гг. им был граф А. Н. Игнатев).
 16. Союз русских увечных воинов-эмигрантов был создан в начале 1925 г., официально зарегистрирован в апреле этого же года. Он вошел в состав зарубежного Союза русских увечных воинов. Во главе союза стоял генерал О. П. Васильковский. Центр организации находился в Нарве, но у союза были отделы в Таллинне и в Тарту. Целью союза было – «доставление его действительным членам возможности приходить друг другу на помощь в момент тяжелых материальных обстоятельств из средств, собранных путем обязательных взносов или добровольных пожертвований» (Устав Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии. Нарва, 1925. С. 1).
 17. Т. е. Первой мировой войны.
 18. Прямым предшественником общества «Капля молока» была благотворительная организация «Русские дети» действовавшая в Таллинне в 1925-1927 гг. В 1927 г. на ее основе и было создано общество «Капля молока», в течение многих лет возглав-

- лявшееся Т. К. Малковой-Паниной. Общество ежедневно снабжало свыше 200 детей молоком, помогало им обувью, одеждой, праздничными подарками. Средства для оказания помощи детям бедняков добывались с помощью благотворительных вечеров и благодаря поддержке американцев. Подр.: Общество “Капля молока” // Витязь. Зима 1940. С. 23.
19. Общество «Дом русского ребенка» было создано в 1926 г. Главной его задачей являлось содержание частной русской начальной школы в Таллине, в которой дети из бедных семей освобождались от платы за обучение. Общество стало одной из наиболее крупных организаций по оказанию помощи русским детям, прежде всего в деле получения ими образования на родном языке. В его состав входили многие ведущие русские общественные и культурные деятели, в их числе М. И. Соболев (Таллинское благотворительное общество «Дом русского ребенка» Х. 1926-1936. Таллинн, 1936).
 20. Вероятнее всего, имеется в виду «Эстонское общество защиты детей» с центром в Таллине. Основанное в 1919 г., оно имело ряд отделений по всей Эстонии, которые после 1922 г. чаще всего действовали в качестве самостоятельных местных обществ защиты детей (таковые имелись в Тарту, Вирумаа, Выру, Вильянди и некоторых других местах). Эстонское общество защиты детей оказывало помощь детям бедняков, предоставляло им продукты питания и одежду, содержало летние детские лагеря и дома отдыха. Этим же занимались и новые местные общества, выросшие из прежних отделений центральной организации. Собственно, все эти общества сравнительно редко оказывали помощь детям русских эмигрантов.
 21. Общество «Эстонский Красный Крест» было основано в 1919 г. В 1922 г. оно стало членом международной Лиги обществ Красного Креста. Эстонским Красным Крестом руководило главное управление из 14 человек во главе с Х. Леэсментом. Основу структуры организации составляли местные комитеты; в нее входил также Эстонский Молодежный Красный Крест, объединявший в основном учащуюся молодежь. В ведении Эстонского Красного Креста находились спасательные станции, отдельные поликлиники, амбулатории, несколько санаториев и домов инвалидов.
 22. Это утверждение не вполне верно. Все же немалое число детей русских эмигрантов училось не в специальных эмигрантских учебных заведениях, а в обычных государственных и городских школах с русским языком обучения. Их насчитывалось около ста, и обучение в начальных школах (до шестиклассных включительно) было бесплатным.
 23. «Последние известия» – ежедневная русская газета, выходившая в 1920-1927 гг. в Таллине. Основной орган русской периодической печати в Эстонии в эти годы, стоявший на правохристианских позициях. В 1920-1926 гг. редактором-издателем газеты являлся Р. С. Ляхницкий.
 24. «Наша газета» – ежедневная общественно-политическая и литературная газета, выходившая под редакцией П. О. Шутякова, М. А. Курчинского и О. В. Кошкиной в Таллине с 20 марта 1927 г. по 6 января 1928 г. Это был печатный орган не эмигрантов, а русского национального меньшинства в Эстонии, в котором эмигранты составляли не более 20 %. Газета старалась держаться в стороне от политических дрязг, разрывавших русскую эмиграцию.
 25. «Час» – таллинская газета, издававшаяся в 1925-1926 гг. Орган местных монархистов, закрытый властями в августе 1926 г. Формальным редактором газеты был С. Кольтран, фактически – А. В. Чернявский.
 26. «Старый нарвский листок» – самая значительная из провинциальных русских газет в Эстонии, выходила в Нарве с сентября 1925 г. по июль 1940 г. Ее издавали и редактировали Б. И. Грюнталь и О. Г. Нилендер. Газета, ориентируясь на широкий круг читателей, не имела четкой политической платформы.
 27. «Русский голос» – под этим названием известны, в сущности, две разные газеты, выходившие короткое время в Нарве. Первый «Русский голос» (ноябрь 1923 – июнь 1924 г., издатель – А. Семан, редактор – Г. Д. Соловьев) был органом левых

- сил русского национального меньшинства в Эстонии. Одноименная же газета, издававшаяся в мае-июне 1925 г. (издатель – С. Поляков, ответственный редактор – полковник Н. Яковлев), наоборот, являлась органом местных монархистов. Реально ее готовил опытный таллиннский журналист А. И. Иванов. Эстонские власти закрыли газету в августе 1925 г.
28. На самом деле к 1929 г. прекратили свое существование «Последние известия», «Наша газета», «Час» и «Русский голос», продолжал же издаваться «Старый нарвский листок».
 29. Ошибка М. И. Соболева. Речь идет об издававшейся в Печорах в 1927-1932 гг. газете «Голос народа». Это, действительно, был орган русских социалистов, входивших в состав Социалистической рабочей партии Эстонии.
 30. «Вести дня» – ежедневное двухстраничного формата приложение к рижской газете «Сегодня», выходившее в Таллине с октября 1926 г. по июнь 1940 г. и освещавшее преимущественно события, имевшие место в Эстонии. Ответственным редактором газеты вначале числился Э. В. Мюллер, с конца же 1928 г. – Е. Ф. Григорьева, но ее реальным руководителем был А. Э. Шульд. Газета ориентировалась на местных русских вообще, старалась придерживаться нейтрального тона при освещении событий местной жизни, не выказывая откровенной симпатии ни к правым, ни к левым, выступая за своего рода среднюю линию в политике.
 31. «Сегодня» – независимая демократическая газета, выходившая в Риге с августа 1919 по июнь 1940 г. Самая крупная и наиболее влиятельная газета в странах Балтии 1920-1930-х гг., ориентировавшаяся на широкий круг читателей. Владельцы издания – Я. Брамс и Б. Поляк; фактические редакторы: Н. Бережанский, М. Ганфман, Б. Харитон и М. Мильруд. Газета, действительно, имела широкое распространение и в Эстонии; конкуренцию с ней не могла выдержать ни одна местная ежедневная газета, поэтому все неоднократно предпринимавшиеся попытки создать альтернативный «Сегодня» центральный орган русской прессы в Эстонии оканчивались неудачей.
 32. Это утверждение не вполне соответствует действительности. Все-таки в Эстонии в это время выходило несколько русских журналов – «Вестник Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии», «Вестник сельского хозяйства», органы евангельских христиан. Правда, все они, за исключением первого, были узкими по своему профилю периодическими изданиями, так что в 1929 г. действительно не появилось ни одного литературного или общественно-политического русского журнала.
 33. Профессиональная организация Союз русских учителей-эмигрантов, призванный защищать права и интересы учителей-эмигрантов в Эстонии, с центром в Нарве был создан в 1925 г. Формально союз просуществовал до 1939 г., хотя реальная его деятельность прекратилась задолго до этого. В 1926 г. функции председателя правления исполнял М. И. Соболев.
 34. Центральный Союз русских учителей (другое название – Центральный союз русских учащихся в Эстонии) был основан 3 апреля 1920 г. на Русском учительском съезде в Таллине. Он объединял местные союзы русских учителей (в 1929 г. всего шесть). Целью союза была защита профессиональных интересов русского учительства, повышение его профессионального уровня, разработка единых программ обучения в русских школах, создание учебников и т. д. Союз русских учителей считался, наряду с Союзом русских просветительных и благотворительных обществ и Русским национальным союзом, одной из наиболее влиятельных и авторитетных русских общественных организаций в Эстонской Республике. Его председателем в 1920-е гг. был Е. И. Гильдебранд.
 35. Точнее Общество русских врачей было создано в 1920 г. и первоначально объединяло преимущественно врачей-эмигрантов, оказавшихся в Эстонии. С середины 1920-х гг. общество стало объединением всех врачей, принадлежащих к русскому национальному меньшинству в Эстонской Республике. Вопросы материальной помощи отходят на второй план.

36. Союз юристов Эстонии был создан в ноябре 1922 г. Его предшественником являлось Юридическое общество, основанное в 1920 г. Собственно, Союз юристов Эстонии объединял как русских, так и эстонских правоведов. Целью его было «сохранение и развитие профессиональных знаний членов союза и взаимная материальная и моральная поддержка» (Союз юристов в Эстонии // Последние известия. 1923. 24 янв. № 22. С. 3).
37. Союз инженеров (Союз русских инженеров) начал свою деятельность в 1917 г. с целью «объединения техников с высшим образованием, без различия национальностей, для взаимного ознакомления с развитием техники и прискания мест своим членам» (Русский календарь для Эстонии на 1924 год. Ревель. [1923]. С. 106). В независимой Эстонской Республике союз стал организацией именно русских инженеров и вошел в Объединение русских инженеров за границей с центром в Париже. В течение ряда лет председателем правления союза избирался П. О. Розман.
38. Русская академическая группа в Эстонии была создана в декабре 1920 г., устав зарегистрирован в феврале 1921 г. Основной целью объединения было всемерное содействие научной работе ученых, улучшение их материального положения, помощь в установлении связей с учеными других стран, забота о молодых кадрах деятелей науки. Число членов группы колебалось от 20 до 40, это были главным образом русскоязычные преподаватели Тартуского университета, Таллиннского политехникума и высших военных учебных заведений. Среди членов было много этнических эстонцев и немцев, считавшими себя представителями русской науки. Председателем правления Русской академической группы был профессор-юрист Тартуского университета Иван Матвеевич Тютрюмов (1865-1943).
39. Русские высшие политехнические курсы, основанные в 1922 г. по инициативе Русской академической группы, были единственным в Эстонской Республике высшим учебным заведением с русским языком преподавания. Оно содержалось за счет платы за обучение студентов, пожертвований частных лиц и некоторых учреждений. Среди студентов были не только эмигранты, но и местные «коренные» русские. На курсах преподавание велось на двух отделениях – механическом и инженерно-строительном. Председателем правления курсов являлся П. М. Шелоумов (подлинный создатель курсов и их душа), директором – Г. Г. Гейнрихс. В 1935 г. курсы были переименованы в Частный политехнический институт и просуществовали до 1940 г.
40. Это утверждение не вполне верно. Хотя, действительно, после 1926 г. наступил период «смут» в истории русского театра в Таллине, перестала существовать единая театральная труппа, но все-таки русская театральная жизнь в столице республики не прекратилась. В Таллине работали два русских драматических коллектива: Содружество сценических деятелей «Наш театр» во главе с Л. А. Эбергом и Общедоступные русские спектакли, выступавшие на сцене Таллиннского рабочего театра, во главе с М. Н. Мерянской (см. об этом: Губергриц А. Русский театр в Эстонской Республике: 1918-1940 // Русская сцена в Эстонии: Очерки истории русского театра. Ч. I. Таллинн, 1998. С. 41-46). В Нарве как раз в 1929 г. создается Товарищество «Нарвский русский театр» и возобновляются регулярные театральные представления.
41. Оркестр русских народных инструментов Нарвской эмигрантской гимназии, руководимый К. Г. Вережниковым, был создан в начале 1920-х гг. Это был большой по составу коллектив (в 1927 г. в нем состояло 75 музыкантов). Оркестр ежегодно по крайней мере один раз приезжал в Таллинн и давал там концерты в лучших залах столицы. Концерты оркестра неизменно пользовались успехом у слушателей.

Записка А. К. Баиова «Русская эмиграция в Эстонии»

Выше уже шла речь о том, что в середине 1920-х гг. баронесса Мария Дмитриевна Врангель, мать последнего главнокомандующего Белой армией, решила заняться собиранием материалов для *Архива русской эмиграции*. Это был очень широкий по замыслу проект, предусматривавший обзор всех сторон жизни и деятельности русских эмигрантов за рубежом.¹ С этой целью была разработана специальная анкета,² разосланная в разные страны Русского зарубежья по адресам, полученным баронессою из редакции выходившей в Белграде газеты «Новое время».

Письмо М. Д. Врангель с просьбой доставить ей сведения о жизни русских эмигрантов в Эстонии было в 1929 г. отправлено в Таллинн, по-видимому, в Комитет русских эмигрантов Эстонской Республики. Баронессе ответил в декабре 1929 г. заместитель председателя Комитета М. И. Соболев.³

То ли М. Д. Врангель не вполне удовлетворила записка М. И. Соболева, то ли она просто стремилась дублировать все подобные обзоры положения русских эмигрантов в той или иной стране российского рассеяния, но в 1931 г. баронесса обратилась с аналогичной просьбой к известному русскому деятелю в Эстонии, однако принадлежавшему к другому лагерю в местной эмиграции – к очень авторитетному руководителю монархистов и РОВС'а в Эстонской Республике генералу А. К. Баиову.

Генерал-лейтенант Алексей Константинович Баиов (1871-1935) был выдающимся историком русской армии, автором монументального семитомного *Курса истории русского военного искусства* (1909-1913), профессором Николаевской академии Генерального штаба (1906-1914), основателем и активным участником ряда научных обществ, редактором многочисленных военно-исторических изданий и, наконец, талантливый

¹ Шевеленко, Ирина. Материалы о русской эмиграции 1920-1930-х гг. в собрании баронессы М. Д. Врангель /Архив Гугеровского Института в Стэнфорде. Stanford, 1995 (Stanford Slavic Studies. Vol. 9). С. 11-53.

² Там же. С. 15-16.

³ См. настоящее издание. С. 309-315.

вым военачальником: в годы I мировой войны он воевал в составе армии А. А. Брусилова, позже был начальником штаба 3-ей армии, командиром 50-го армейского корпуса, за личную храбрость был награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-ой степени.⁴ В 1919 г. А. К. Баиов ушел к белым и вместе с отступающей из-под Петрограда Северо-западной армией попал в Эстонию. Среди руководителей Эстонской армии оказались бывшие ученики Баиова по академии, и он был приглашен преподавать в Таллиннском военном училище, а затем стал читать лекции и на Высших курсах Эстонского генерального штаба. А. К. Баиов составляет ряд учебных пособий для этих учебных заведений, продолжает заниматься историей военного искусства, выпускает в свет книгу «*Вклад России в победу союзников*» (1924) и позже «*Истоки великой мировой драмы и ее режиссеры*» (1927). Преподавательская деятельность обеспечивала А. К. Баиову безбедное существование, ему уже предлагали принять эстонское гражданство. Однако когда в 1926 г. Баиов стал перед дилеммой: поехать делегатом от здешних монархистов на Зарубежный съезд русских эмигрантов, но расстаться с преподавательской работой – или не поехать на съезд, но зато остаться на службе (поездка на съезд русских монархистов, с точки зрения властей, была несовместима со службой в эстонской армии), то он без колебаний выбрал первое. Точно также А. К. Баиов принципиально не стал ходатайствовать об эстонском гражданстве, чтобы разделить судьбу большинства других эмигрантов.

Это очень характерно для А. К. Баиова – человека, которому в высшей степени было свойственно чувство долга и глубокая принципиальность: он никогда не изменял своим убеждениям, не приспособлялся к обстоятельствам. Убежденный монархист и искренне верующий «ортодоксальный» православный, А. К. Баиов остался таким до конца жизни.

Собственно уже к середине 1920-х гг. А. К. Баиов стал центральной фигурой в лагере русских эмигрантов – монархистов и правых в Эстонии, стал их и формальным, и неформальным, идейным, духовным руководителем, чей авторитет в их среде был очень высок. Еще в 1923 г. А. К. Баиов принимает участие в создании *Русского клуба* в Таллинне, который стал одним из центров монархистов в столице Эстонской Республики. В 1924 г. он был председателем Совета старшин клуба. После же ухода со службы в Эстонской армии общественная деятельность становится главным де-

⁴ См. о нем: *Штубендорф А. О.* Памяти генерал-лейтенанта Алексея Константиновича Баиова, Таллинн, 1935; *Штейфон Б. А.* Национальная военная доктрина: Профессор генерал А. К. Баиов и его творчество, Таллинн, 1937; *Исаков С. Г.* Алексей Константинович Баиов // *Русские в Эстонии, 1918-1940. Историко-культурные очерки*, Тарту, 1996. С. 305-308; *Абисогомян Р.* Деятельность А. К. Баиова в Эстонии // *Труды Русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. II. Таллинн, 2003. С. 49-69.*

лом жизни Баиова. Видимо, в 1924 г. он становится во главе отделения Высшего монархического совета в Эстонии,⁵ объединявшего здешних монархистов-николаевцев. Почти одновременно он в конце 1924 – начале 1925 г. возглавляет эстонскую организацию Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) и остается на этом посту вплоть до смерти в 1935 г. Именно через Баиова шли связи местного РОВС'а с центром.⁶ РОВС, как и отделение Высшего монархического совета, мог действовать в Эстонии лишь нелегально. Но при непосредственном участии А. К. Баиова создаются и легальные объединения бывших военных, проживавших в Эстонии. Эти объединения, как правило, служили легальным прикрытием деятельности РОВС'а и монархистов. Под руководством Баиова в июне 1926 г. был основан *Комитет «Дня русского инвалида»*,⁷ он избирается председателем комитета и руководит его работой в течение многих лет. В 1931 г. именно Баиов инициировал создание еще двух легальных объединений эмигрантов: *Союза русских военных инвалидов в Эстонии*⁸ и *Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии*.⁹

В 1931-1935 гг. А. К. Баиов был председателем обоих объединений, развернувших довольно широкую деятельность. Создавая и возглавляя эти организации, он заботился не только о материальной помощи инвалидам и бывшим русским солдатам и офицерам, но и об их моральной поддержке, он стремился сохранить в их среде традиции и идеалы российской армии, выступал перед ними с докладами по русской военной истории. А. К. Баиов стоял еще и во главе официально не зарегистрированных *Объединения бывших георгиевских кавалеров в Эстонии* и местного *Объединения лейб-гвардии Егерского полка*, в котором он когда-то начинал военную службу.

А. К. Баиова очень беспокоило положение русской молодежи в эмиграции, ее денационализация, разрыв с традициями русской культуры и с идеями монархизма. Он пытается бороться с этим посредством развития скаутского движения в молодом поколении эмигрантов.¹⁰ Во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. А. К. Баиов становится начальником

⁵ ФГАЭ. Ф. 130. Ед. хр. 15093-э. Л. 201.

⁶ См.: *Бойков, Виктор*. Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) и Эстония // *Русские Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее*. Сб. статей. Таллинн, 2000. С. 68-77. См. также: *Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918-1940)*. С. 83.

⁷ *Баиов А.* День русского инвалида // *Последние известия*. 1926. № 199. 5 сент. С. 3.

⁸ *В. Н.* Новое объединение Русских военных инвалидов // *Русский вестник*. 1931. № 40. 8 июля. С. 3.

⁹ *Общество взаимопомощи бывших чинов русской армии // Вестник дня*. 1931. № 280. 20 окт. С. 1.

¹⁰ См.: *Штубендорф А. О.* Цит. соч. С. 13.

Отдела русских скаутов в Эстонии, его же стараниями было создано Общество друзей русских скаутов, председателем которого он являлся.

И всем этим далеко не ограничивается общественная деятельность генерала Баиова. Он был действительным членом Русской академической группы в Эстонии и неизменным членом ее ревизионной комиссии.¹¹ А. К. Баиов состоял в числе членов-учредителей общества «Дом русского ребенка» и председательствовал на его учредительном собрании 3 июня 1926 г.¹² В Обществе помощи больным эмигрантам он избирается членом ревизионной комиссии.¹³ Наконец, А. К. Баиов был председателем Кружка ревнителей церковного благоустройства при церкви Пюхтицкого подворья в Таллинне,¹⁴ о чем он упоминает в своей записке. Приходится лишь изумляться общественной активности А. К. Баиова, в ту пору уже немолодого...

С полным основанием можно сказать, что баронесса М. Д. Врангель обратилась к человеку, прекрасно знакомому с положением эмигрантов и прежде всего бывших военнослужащих Белой армии в Эстонии, хорошо знавшему вообще положение в крае. А. К. Баиов ответил М. Д. Врангель летом 1931 г. Свою записку «Русская эмиграция в Эстонии» он сопроводил письмом. Приводим его текст.

28.VI 1931 г.
г. Ревель

Глубокоуважаемая

баронесса Марья Дмитриевна,

отвечая Вашему желанию, посылаю Вам составленную мною записку о русской эмиграции в Эстонии.

Записка составлена по программе, которую Вы мне дали. Во всяком случае, если в записке есть какие-либо неясности или пропуски, то напишите мне – первые я разъясню, вторые дополню.

Прошу очень извинить меня за неаккуратный внешний вид записки и некоторую внутреннюю ее неряшливость. Я очень торопился писать ее,

¹¹ См.: Русская академическая группа в Эстонии. Очерк деятельности Академической группы за десять лет (9-го декабря 1920-1930 г.). Юрьев, 1931. С. 10, 12.

¹² Таллинское благотворительное общество «Дом Русского Ребенка» X; 1926-1936. Таллинн, 1936. С. 12.

¹³ По крайней мере, он был членом ревизионной комиссии в 1927 г., см.: А. Б. Общество помощи больным эмигрантам // *Наша газета*. 1927. № 14. 5 апр. С. 3.

¹⁴ О кружке см.: Краткий обзор десятилетней деятельности Кружка ревнителей церковного благоустройства при церкви Таллинского Пюхтицкого подворья [Таллинн, Б. г.].

а переписать – значит оттягивать время. Между тем завтра в Париж выезжает верный человек и я прошу его настоящее письмо и предлагаемую записку переслать Вам из Парижа. Так будет вернее и безопаснее.

По-прежнему готов выполнить все Ваши поручения.

Искренно преданный Вам и глубоко почитающий Вас

А. Баиов

Это письмо, как и записка А. К. Баиова, ныне хранится в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете в США Именно сюда перешли в 1933 г. собранные баронессой М. Д. Врангель материалы о русской эмиграции.

Ниже мы публикуем записку А. К. Баиова по рукописному оригиналу ее, хранящемуся в Фонде баронессы М. Д. Врангель в Гуверовском архиве (М 52-6). Язык и стиль записки оставлены без изменений, лишь старая орфография, которой А. К. Баиов придерживался и в 1931 г., заменена новой.

При оценке записки А. К. Баиова надо учитывать, что она выражает точку зрения, если так можно выразиться, принципиального монархиста и правого по своим убеждениям эмигранта. По-видимому, автор записки все еще был сторонником идеи «единой и неделимой Российской империи» и считал, что будущая Россия должна быть монархией, объемлющей всю территорию прежней империи. Самостоятельность Эстонии, этой бывшей окраинной провинции Российской империи, казалась ему нонсенсом, незаконным с юридической точки зрения актом. А. К. Баиова возмущали действия эстонских властей, вся обстановка независимой Эстонской Республики, где русские оказались на обочине общественной, экономической и политической жизни, где от них требовали знания эстонского языка и где эмигранты были ограничены в правах. По мнению Баиова, русские вдруг стали людьми второго сорта, на которых «аборигены» смотрят свысока, а еще недавно все было наоборот.

Отсюда очень ярко выраженная антиэстонская направленность записки А. К. Баиова, весьма значительно отличающейся по тону, по своему содержанию от аналогичной записки М. И. Соболева “Русские беженцы в Эстонии” (1929). Соболев тоже отмечал в своей записке нелегкое материальное положение эмигрантов в Эстонии, тот факт, что им закрыт путь в целый ряд сфер публичной и государственной жизни, но при всем том он считал, что «правовое положение эмигрантов вполне удовлетворительное при добром отношении к ним как эстонского народа, так и правительства».¹⁵ М. И. Соболев тут явно учитывал, что в других стра-

¹⁵ Труды Русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. 1. С. 100. Наст, изд. С. 315.

нах русского рассеяния положение эмигрантов было значительно хуже. А. К. Баиов же создает в своей записке весьма мрачную и исполненную пессимизма картину положения русских в Эстонской Республике. Он всячески подчеркивает национализм или, вернее, шовинизм эстонских властей, антирусские настроения эстонской интеллигенции, разного рода проявления русофобии эстонцев, их стремление обэстонить русских. Всем этим создается не то, чтобы неверная (все то, о чем пишет А. К. Баиов, имело место), но несколько односторонняя картина положения в Эстонии. На самом деле русофобии в Эстонии было значительно меньше, чем, например, в Польше или Финляндии; правовое и экономическое положение русских эмигрантов было ничем не хуже их положения, скажем, во Франции. Более того, Эстония была единственной страной в мире, где законом было признано право русских на культурную автономию и где, действительно, общественная и культурная жизнь русских была многообразной и интенсивной.¹⁶

Как можно предполагать, точка зрения А. К. Баиова вообще была характерна для русских монархистов, правого лагеря местной русской эмиграции, тем более, что в нем преобладали люди старшего поколения, оставшиеся верными старой дореволюционной идеологии с ее формулой «Православие, самодержавие, народность» как основы Российской империи. Не случайно эстонские власти крайне недоверчиво относились к монархистам и к их объединениям в республике, считая их врагами независимой Эстонии, опасными для ее существования. Отсюда нередкие в 1920-е гг. преследования монархистов, их высылка на эстонские острова или за границу, закрытие монархических органов печати и т. д. Эстонские власти вели борьбу как с монархистами, так и с коммунистами. Это довольно странное «сближение», действительно, наблюдалось в Эстонии.

Кстати, деятели русской общественности левого и, условно говоря, «центристского» направлений не были столь антиэстонски настроены. Это хорошо видно по более ранней записке Г. И. Тарасова «Русские в Эстонии» (1927), предназначавшейся, правда, для советского представительства в Таллинне,¹⁷ и по записке М. И. Соболева. Они в большей степени считались с реальной обстановкой в мире вообще и в Эстонии в частности, с фактом создания независимых государств на окраинах бывшей Российской империи, с правом «окраинных» народов на самостоятельность.

¹⁶ См. об этом в цит. выше книге: Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918-1940). С. 170-172.

¹⁷ Обзор Г. И. Тарасова «Русские в Эстонии (1927)» / Вступит. статья, публ. и коммент. С. Г. Исакова // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. [Т.] VI. Рига, 2000. С. 94-164.

Но для нас, без сомнения, представляет немалый интерес и точка зрения русских монархистов, правого лагеря, который был влиятельной силой в русской эмиграции. Надо еще учесть, что монархисты не имели возможности выражать свою точку зрения в местной печати. Власти не допускали никаких выступлений против утвердившихся в Эстонской Республике порядков, против государственного строя страны и ее законов. Даже сами призывы к восстановлению Российской империи казались эстонским властям и многим представителям эстонской общественности опасными и были причиной закрытия нескольких монархических газет. Правым деятелям, монархистам приходилось быть максимально осторожными в своих публичных выступлениях и в печати. Они могли выражать свой взгляд на положение в Эстонии только в такого рода записках, не предназначенных для широкой огласки. А. К. Баиов как раз имел возможность в записке «Русская эмиграция в Эстонии» высказать свой взгляд на эстонские дела откровенно, без опасения, что за это может последовать наказание. Записка А. К. Баиова – пока что единственный известный нам документ, рисующий точку зрения русских правых монархистов на положение в Эстонии. В этом ценность публикуемого документа.

Монархические убеждения А. К. Баиова сказались в его записке в характеристике эмигрантского общества, эмигрантских организаций и отдельных лиц в Эстонии. Записка А. К. Баиова демонстрирует, увы, давно уже хорошо известный факт раскола в эмигрантском обществе, принципиального неприятия правыми всех, кто не разделяет их взглядов, глубокое убеждение, что только они правы, только их взгляды «истинны» и на пользу России. В этом, как ни странно, монархисты, правые (да, впрочем, и «левые») парадоксальным образом близки к коммунистам с их девизом – «Тот, кто сегодня поет не с нами, тот против нас».

А. К. Баиов умалчивает о русских объединениях в Эстонии левой и центристской ориентации, о левых деятелях. Между тем среди русских эмигрантов были и социал-демократы (социалисты), эсеры, кадеты, крестороссы – сторонники «Крестьянской России», к этому времени уже и младороссы. А. К. Баиов даже не упоминает центральную организацию русских эмигрантов в республике – Комитет русских эмигрантов в Эстонии, поскольку во главе его стояли не монархисты и вообще комитет стремился быть вне политики. Более того, автор записки негативно относится и к Русскому Студенческому Христианскому Движению, стоявшему за утверждение православия и русского национального самосознания в среде эмигрантской молодежи, поскольку программа движения, по убеждению Баиова, не соответствует «ортодоксальному» традиционному православию и не пропагандирует идеи монархии. Очень характерно его

настороженно враждебное высказывание о Нарвской русской эмигрантской гимназии, поскольку ею руководят лица, близкие к кадетам.

Заметно и не слишком доброжелательное отношение А. К. Баиова к «меньшинственному», коренному русскому населению в Эстонии, к не-эмигрантам, по его словам, они «подлизываются» к эстонским властям, склонны к денационализации, превыше всего ставят свои личные интересы и т. д.

В «Записке» А. К. Баиова немало и сугубо личного, субъективного, отражающего, в частности, конфликты и дразги в самом лагере монархистов в Эстонии. Отсюда отрицательная характеристика генерала О. П. Васильковского и возглавляемого им Союза русских увечных воинов (известно, что между генералами Баиовым и Васильковским многие годы шла борьба за руководство бывшими русскими военнослужащими, которая привела к расколу в их среде и к созданию параллельных организаций бывших военных).

Порою А. К. Баиов и просто ошибается или выдает желаемое за действительное. Так, явным преувеличением является его утверждение, что «местное крестьянское население очень часто вспоминает с удовольствием старую, царскую Россию и сравнивает ее с нынешней самостоятельной Эстонской Республикой, часто не в пользу последней». Такой взгляд на положение в Эстонии мог быть характерен лишь для очень небольшой части эстонского крестьянства. Нельзя забывать, что в первые годы независимой Эстонской Республики властями была проведена радикальная земельная реформа – земли, принадлежащие немецким помещикам, были переданы крестьянам. Именно эстонское крестьянство было одним из главных оплотов первой Эстонской Республики и ее властей.

Все это надо учитывать при чтении записки А. К. Баиова. Его записка – это не объективный аналитический труд, воссоздающий жизнь русской эмиграции в Эстонской Республике. Еще раз повторяем, это документ, отражающий взгляд на жизнь русских в Эстонии именно правых, т.е. лишь одной части русских эмигрантов. Но этим он и интересен.

Алексей Константинович Байов
(1871, Умань —1935, Таллинн),
русский военный историк,
генерал-лейтенант (1915).
Фото из нансеновского паспорта. 1930.
ГАЭ. Ф. 1.Он.1, Д. 365

А. К. Байов. Русская эмиграция в Эстонии

Чтобы вполне ясно стало положение русской эмиграции в Эстонии, необходимо отметить, что русское население здесь является не только в виде эмигрантов, но также и в виде значительного числа местного, коренного населения, составляющего русское меньшинство, это последнее исчисляется в 92 000 человек, что составляет 8 % всего населения Эстонии [1].

По закону русское меньшинство пользуется всеми гражданскими и политическими правами, включительно до посылки своих депутатов в Государственное Собрание (местный парламент).

На практике это население, несомненно, является гражданами второго разряда: русские не допускаются к занятию высших государственных должностей, они едва терпят на государственной службе и от них там стараются избавиться, в учреждениях самоуправления на них смотрят подозрительно и различными мерами стремятся парализовать их деятельность...

Причинами этого являются: прежде всего шовинизм эстонской интеллигенции с ее печатью и, во 2-х, общая в этом отношении тенденция всякого правительства, которое, с одной стороны, само состоит из интеллигенции, а с другой стороны, всегда старается угодить той среде, из которой оно само вышло, и особенно печать, ради удержания власти в своих руках.

Кроме того необходимо отметить общее стремление эстонцев обэстонить русских.

На восточных окраинах государства, особенно в Печерском краю, где проживает большая часть русских (в Печерском краю 60 % всего населения) и где эта часть состоит, главным образом, из крестьян, эстонской общественностью и преимущественно государственными

властями в целях эстонизации принимаются всевозможные меры, даже такие, какие вряд ли возможно признать возможными для культурного государства.

В других местностях республики эстонизация происходит главным образом через школу, а также настойчивым втягиванием в государственные и экономические интересы своего государства. Все слои русского меньшинства с легкостью идут на это втягивание, так как иначе они теряют много в своих материальных интересах и к ним устанавливается, я бы сказал, открытое пренебрежительное отношение. Этого боятся русские меньшинства и, употреблю вульгарное выражение, «подлизываются» к эстонцам. Исключения редки.

Школы для русского меньшинства имеются (все) с преподаванием на русском языке, и с этой точки зрения дети, обучающиеся в этих школах, денационализироваться не могут – русский язык они не забывают. Но эстонизация идет иным путем: Закон Божий преподается ненадлежаще, неконфессионально, хотя обычно и русскими священниками (такова программа); русскую историю преподают в минимальном размере и строго следят через уполномоченных Министерства народного просвещения, чтобы этот размер, не дай Бог, не увеличивался; русскую географию прошлой России не изучают, а современную преподают в до смешного малом объеме; о старой России не говорят вообще и не рисуют картин величия, славы и мощи ее как государства. Родиной своей заставляют считать Эстонию, пичкают географией и историей Эстонии, требуют отличного знания эстонского языка и т. п., и т. д.

В таких условиях приходится жить в Эстонии русским эмигрантам, которые, естественно, примкнули к коренному русскому населению (меньшинству) и слились с ним; к тому же из года в год русские эмигранты все больше и больше принимают эстонское подданство и этим закрепляют свою связь с русским меньшинством, заражаясь его психологией, а через это проникаясь эстонскими интересами, конечно, в ущерб русским.

Только уяснив себе все выше изложенное, можно представить себе жизнь и деятельность русских эмигрантов в Эстонии. Постоянный отлив эмигрантов из Эстонии, особенно до последнего времени во Францию и в Польшу (часть возвращается в Россию), и значительный переход эмигрантов в эстонское подданство к настоящему времени уменьшили число эмигрантов в Эстонии с нескольких десятков тысяч (в 1920 г.) до 11 000 человек лиц обоего пола, считая и детей [2].

1. По закону эмигранты пользуются в стране всеми гражданскими правами с вытекающими отсюда последствиями. В действительности все те ограничения, которые существуют для русского меньшинства, применяются сугубо к эмигрантам и при том более сурово и более откровенно. Малейшие действия эмигранта, которые могут не понравиться эстонцам, а еще более местному полпредству (большевикам), влекут

за собою высылку из республики. Такой эмигрант обычно в короткий срок должен сам избрать страну, в которую он выезжает. В случае, если он такой страны не избрет или вообще в назначенный срок не выедет из страны, то его ссылают на один из островов, окружающих Эстонию, и выдерживают там по несколько лет. Проявление здесь каких-либо политических симпатий (кроме эстонских) не допускается: нельзя на улице показать наш национальный флаг; нельзя на том или ином собрании, докладе, лекции говорить о национальной России, о монархизме, нельзя восхвалять царей, непозволительно говорить о национальных движениях в эмиграции, о русском Воинском Союзе [3], о генерале Кутепове [4], о генерале Врангеле [5] и т. п. Это все преступления, которые по меньшей мере считаются нетактичными и которые вызывают со стороны прежде всего печати требования высылки и принятия репрессивных мер, а со стороны власти – соответствующих действий. Лишь тот эмигрант, который молчит и показывает вид, что он забыл, что он русский, он всеми силами стремится быть эстонцем, лишь тот может рассчитывать на то, что его оставят в покое.

Эстонское население, за исключением интеллигенции и вообще городского, относится к эмигрантам в общем хорошо. Оно не делает разницы, да и не всегда понимает ее, между коренным русским населением и эмигрантами. Лишь в случае сильной конкуренции на почве материальных интересов является некоторое неудовольствие, никогда, впрочем, не переходящее в злобу и недоброжелательство. Местное крестьянское население очень часто вспоминает с удовольствием старую, царскую Россию и сравнивает ее с нынешней самостоятельной Эстонской Республикой, часто не в пользу последней. Оно часто, особенно в старшей своей половине, критически относится к своей власти, которая, кто бы ни составлял ее, не отличается политической честностью да и честностью вообще. Издание законов во вред народу, но в пользу себе, и взяточничество, доходящее до гомерических размеров, среди буквально всех, имеющих власть, от городского до министра, – таков облик нынешних властей при всяком министерстве. Естественно поэтому, что старые крестьяне и даже горожане вспоминают с удовольствием «русское» время, а отсюда и симпатии к русским. Молодежь несколько иная, особенно в городах: воспитанная в шовинизме, обученная на понятиях «величия» эстонской культуры и «азиатчине» культуры русской, она с презрением относится к России, а эту свою нелюбовь переносит и на всех русских (меньшинство и эмигрантов), проживающих в Эстонии.

Конечно, исключения бывают. И даже среди эстонской интеллигенции можно встретить лиц, которые не верят в долговечность эстонской самостоятельности, которые, будучи выкормками русской культуры, являются большими ее почитателями, которые ждут с нетерпением восстановления национальной России, чтобы уехать туда. Они, конеч-

но, доброжелательно относятся к русским, однако всеми мерами скрывают это перед другими эстонцами. Такова общая картина *отношения местного населения и здешних властей* к русским эмигрантам.

2. Из указанного видно, каково *правовое* положение эмигрантов в Эстонии. Что касается *экономического* их положения, то оно отвратительно. Редко кому удалось устроиться по своей специальности. Разве только несколько инженеров занимаются своим делом, да и то, несмотря на их высокий ценз и стаж, на второстепенных ролях в качестве помощников малосведущих эстонских инженеров, из которых многие заделались таковыми из российских техников. Часть эмигрантов занимается комиссионной продажей, отдельные лица имеют свое торговое дело, которое теперь, ввиду всеобщего экономического кризиса, обычно идет очень плохо. Кое-кому удалось получить интеллигентную работу, а остальная масса занимается тяжелым физическим трудом на заводах, фабриках, в копиях по добыче сланца. Старые генералы служат ночными сторожами, полковники ездят шоферами на такси, таскают бревна и т. п. Одним словом, знакомая картина, но здесь она выступает еще более резко, так как страна очень маленькая (всего 1100000 жителей) и потому всякий кризис и, как следствие его, безработица здесь сказывается сильнее. В настоящее время здесь ощущается сильное безденежье не только в стране, но и у государства; в государственных учреждениях, в учреждениях самоуправления, в частных предприятиях идут сокращения штатов, уменьшение числа служащих; многие эстонцы остаются за бортом – и все это, конечно, грозно отражается на эмигрантах. Материальное положение их с каждым днем становится все труднее и труднее и многие эмигранты с ужасом думают, что же будет дальше. Лишь единицы в этом отношении чувствуют себя лучше, но, к сожалению, это те, которые явно, а больше тайно, торгуют и вообще имеют дела с большевиками.

3. Среди эстонцев имеется около 250 000 православных [6]. Все русское население (коренное) также православное. Все они составляют Эстонскую православную апостольскую церковь [7]. В Эстонии по закону церковь отделена от государства, это, однако, не мешает последнему сильно вмешиваться в церковные дела, пользуясь церковью в своих политических видах и целях. Так, под давлением государства Эстонская православная церковь, возглавляемая ныне митрополитом Александром, по национальности эстонцем [8] (и при том большим шовинистом), вопреки желанию патриарха Тихона вышла из-под власти Московской патриархии и отдалась в юрисдикцию патриарха Константинопольского [9]. Эстонцы – народ вообще малорелигиозный; православие, которое здесь начало насаждаться с 40-х годов прошлого столетия, не отвечает народному строю души, и у эстонцев оно является каким-то однобоким, имеющим сильный уклон в протестантство, более близкое эстонскому характеру. Митрополит, а вместе с ним и

все православное эстонское духовенство вполне сочувствует такому уклону православия своего народа и несдерживаемое сильной рукой царского правительства, но поощряемое эстонским правительством, в виду того, что большинство народа исповедует протестантство, способствует неуклонному сближению православия с этим последним, что, конечно, сильно подрывает чистоту православия и искореняет и предаёт забвению красивые и многозначущие православные обряды и обычаи. Между прочим в Эстонской православной церкви введен новый стиль.

Русское коренное население (меньшинство) с трудом мирится с таким положением православия в Эстонии. Оно стремится сохранить его во всей чистоте догматов, обрядов и обычаев, включительно до старого стиля. Несколько лет тому назад русское население добилось объединения русских приходов в отдельную русскую епархию [10], подчиненную, конечно, митрополиту и возглавляемому им синоду, в состав которого входят представители и русского духовенства и русских мирян. Наличие отдельной русской епархии позволяет русским отстаивать православие, как они его понимают, но все же православная церковь здесь живет под знаком борьбы русской ее части с эстонской в лице митрополита. Судейные дела отдельных русских приходов с митрополитом не прекращаются. В настоящее время, например, идет ожесточенная борьба из-за русского Печерского монастыря, оплота русского православия в Эстонии, на который митрополит хочет наложить свою руку, в целях уничтожения монастыря как такового [11].

В таких условиях жизни местной православной церкви русские эмигранты всецело примкнули к русской епархии. Самостоятельных приходов они не имеют, и им не позволяют их образовать. В наличных приходах по закону эмигранты не имеют права входить в состав приходских советов и вообще не могут так или иначе официально влиять на ход церковной жизни. Они принимают участие в церковных делах лишь скрытно, неофициально, стремясь по мере сил и возможностей так или иначе помогать коренным жителям отстаивать в православии то, что они вывезли из России. В большинстве же случаев приходится быть сокрушенным наблюдателем тех безобразий, которые приходится видеть.

Из общего положения, описанного выше, есть только одно исключение: в Ревеле имеется подворье женского Пюхтицкого монастыря [12]. Подворье это, как и сам монастырь, не входит в состав русской епархии, а подчиняется непосредственно митрополиту. С другой стороны, церковь подворья не имеет по закону приходского совета. Для забот о церкви прихожане, исключительно русские и в значительной части эмигранты, организовали “Кружок любителей церковного благоустройства” [13]. Во главе этого кружка вот уже 6-ой год по выборам стоят эмигранты (генерал-лейтенант А. К. Баиов). Как это ни непри-

ятно митрополиту, но он мирится с этим, хотя к указанному эмигранту относится крайне недружелюбно.

Таково церковное дело в Эстонии с точки зрения эмигрантов в вопросе церковного управления.

Что же касается церковного настроения эмигрантов, то нужно сказать, что религиозность среди них очень большая, особенно у старшего поколения. Они строго блюдают догматы православия, как они их понимают, они придерживаются всех православных церковных обрядов и обычаев, они ведут в значительной степени оцерковленную жизнь. Молодежь менее религиозна и более удалена от церкви, чему она в значительной степени обязана школе и общему настроению в стране, которому она незаметно подчиняется. Часть молодежи, наравне со своими сверстниками из коренного населения, увлекается Русским Студенческим Христианским Движением, но это увлечение неглубокое [14].

4. Школ эмигрантских в Эстонии только одна. Она представляет собою гимназию старого типа [15]. В ней обучается немного больше 200 мальчиков и девочек. Содержится она главным образом на средства Земгора [16]. Это обстоятельство в связи с тем, руководитель гимназии (ее директор [17]), а также большинство преподавателей «кадетского» толка, приводит к тому, что дети воспитываются в ней хотя и национально, но с сильным левым уклоном. Там учатся по-русски, там русский уклад, поют русские песни, играют на балалайках, но там мало слышат о старой России, потому что она царская, там говорят о русской культуре, но под чьим скипетром она развивалась, там молчат. Там господствует «национализм» Милюкова [18] и Керенского [19], но там нет настоящего русского национализма.

Остальные дети эмигрантов обучаются в русских школах меньшинства. Каковы эти школы, указано выше, там же указано и то влияние, которое они имеют на обучающихся в них, а значит, и на эмигрантов. Дети эмигрантов в полной мере сливаются с детьми меньшинства, педагогический персонал и высшее школьное начальство не делает между ними разницы, а потому и результаты получаются те же.

Эмигранты, окончившие гимназию, частью идут в университет в Юрьеве, единственный в стране и в полной мере, конечно, эстонский. Частью же они поступают на Политехнические курсы, организованные здесь Русской академической группой (Эстонской), под покровительством которой находятся и теперь [20].

Трудность материального положения студентов заставляет их одновременно и учиться, и работать или служить. Это приводит к тому, что дело учения у них идет очень плохо, они мало посещают соответствующие учебные заведения и совсем не подвергаются их влиянию. Жизнь накладывает на них свою жесткую руку, не считаясь с их положением учащегося.

Кстати здесь отметить, что эмигранты за право учения в университете платят вдвое больше, чем эстонские подданные (без различия национальностей), в общем же плата эта достаточно высока и далеко не все ее выдерживают, оставляя учебу.

Русский язык дети, конечно, не забывают, участь на нем и слыша его постоянно кругом себя.

5. Исключительно эмигрантских *благотворительных* организаций в Эстонии очень мало – один инвалидный союз и одно Общество помощи больным эмигрантам. Эти организации помогают только эмигрантам, согласно своим уставам, но состоят как из эмигрантов, так и эстонских подданных разных национальностей. Кроме того существует несколько организаций “русских”, но не эмигрантских, которые оказывают помощь всем русским. Их тоже немного и в общем все они бедны средствами. Почти единственным источником пополнения этих средств являются благотворительные балы. Посещение этих балов почти исключительно русскими (нередко бывают немцы и почти никогда эстонцы) и большое относительно число их, не считая даже немецких и эстонских, делают их малодоходными. Ввиду этого русская благотворительность здесь очень хромает, оказывая помощь эмигрантам лишь в исключительных случаях и в весьма недостаточных размерах. Тем более, что все русские благотворительные общества не объединены, действуют вразброд и нередко конкурируют между собою.

Эстонская благотворительность на помощь русским не приходит. В очень редких, исключительных случаях министерство социального обеспечения или эстонский Красный Крест (кстати сказать, русского нет) приходит на помощь отдельным эмигрантам. Но это буквально капля в море.

Из русских благотворительных обществ наиболее выделяются своей работой: Общество помощи больным эмигрантам (во главе эмигрантка Марианна Петровна Киришбаум) [21], Комитет Дня Русского Инвалида (во главе эмигрант генерал Алексей Константинович Баиов) [22], Союз русских увечных воинов эмигрантов (во главе, к сожалению, генерал Олег Петрович Васильковский, крайне отрицательный тип эмигранта) [23], общество «Белый крест» (во главе г-жа Келпш, литовская подданная) [24], общество «Капля молока» (во главе эмигрантка Татьяна Константиновна Малкова-Панина) [25], Общество помощи студентам русских Политехнических курсов (во главе эмигрантка Юлия Иннокентьевна Баиова) [26], Юрьевское русское благотворительное общество (В. Б. Булгарин, не эмигрант) [27], Общество помощи русским беженцам и русским бедным в гор. Юрьеве (М. П. Эдельгауз) [28], Везенбергское благотворительное общество (А. Г. Куриленко) [29], кроме того при некоторых церковных приходах имеются благотворительные общества, обслуживающие бедных своего прихода.

В общем с благотворительностью плохо и безнадежно.

6. Эмигрантской *прессы* в Эстонии совершенно нет. Вообще же в Эстонии имеется две газеты, из которых одна издается в Ревеле, а другая в Нарве [30]. Первая представляет собою информационный листок исключительно местной жизни и называется *Вести дня* [31], газета же, издающаяся в Нарве, – *Русский Вестник* [32] – помещает на своих страницах местную хронику, некоторые известия о России и кое-какие литературные статьи. Эмигрантской жизни, положения эмиграции, как здесь, так и в других странах рассеяния, обе газеты совершенно не касаются.

Эмигрантских да и вообще русских *издательств* в Эстонии нет. Однако русские книги, правда, в весьма малом числе, здесь издаются. Их выпускают или эстонские издательства (главным образом, учебники) или сами авторы.

7. Никаких эмигрантских *союзов* в Эстонии нет. Из русских союзов вообще необходимо отметить: а) *Союз русских просветительных и благотворительных обществ*, объединяющий главным образом низшие школы и культурно-просветительные общества в деревнях. Союз чисто социалистический и, к сожалению, сильно развивающий свою деятельность [33], и б) *Русский национальный союз* – беспартийная политическая организация, обслуживающая политические нужды и интересы русского меньшинства [34]. В этом последнем Союзе эмигранты могут участвовать, но без права голоса.

8. Эмигрантских театра, оркестров, хора, художественных организаций в Эстонии нет.

Постоянного русского театра вообще нет [35], точно также как нет никакой музыкальной организации и художественного образования. Существуют недавно образовавшиеся русские хоры, в каждой русской церкви имеются церковные хоры; имеются отдельные музыканты (выдающихся нет), певцы (тоже нет первоклассных), художники (знаменитостей нет). Имеется отличный балалаечный оркестр в Нарвской эмигрантской гимназии [36] и несколько хороших русских кустарей, из которых некоторые эмигранты. В общем местное русское искусство не блещет выдающимися именами, пробавляется больше любителями, которые в массе показывают даровитость и талантливость русских вообще, но все это не первоклассного качества, разбросано, раздроблено и не представляет собою чего-либо цельного, организованного.

9. Среди русских, занимавших в прежнее время в России более или менее видное положение, необходимо назвать: а) несколько генералов (Баиов, Васильковский, Крамарев, Штубендорф, адмирал Левицкий, Львовский, Верцинский, Лебедев, Крузенштерн [37], б) несколько профессоров (Баиов, Тютрюмов, Гримм, Курчинский, Шелоумов, Поппен [38]), несколько судебных и административных деятелей (Иванов, Постовский, Грин, Яновский и некоторые другие [39]); несколько духовных лиц (Богоявленский, Черномозерский) [40].

10. Из всех указанных в пункте 9 бывших русских деятелей только профессора занимаются своей специальностью, будучи на службе в Юрьевском университете (кроме Байова [41]), другие же из указанных лиц работают за весьма и весьма малым исключением не по своей специальности, а вынуждены довольствоваться случайными занятиями, приносящими им случайный, неравномерный, непостоянный, а потому и весьма недостаточный заработок, который в общем трудно учесть. Лишь профессора, занимающие кафедры в университете, достаточно и прочно обеспечены получением постоянного жалования, около 3000 фр<анцузских> фр<анков> в месяц.

11. Заработок остальных русских, а в особенности эмигрантов весьма и весьма незначителен. Каждый русский считает себя счастливым, если может заработать 400-600 фр<анцузских> фр<анков> в месяц, но многие зарабатывают гораздо меньше этого, да и то нерегулярно. Физический труд обыкновенно дает около 300-500 фр<анцузских> фр<анков> в месяц. Из-за нерегулярности работы значительная часть эмигрантов получает меньше и лишь весьма незначительная часть доводит свой заработок до 800-1000 фр<анцузских> фр<анков> в месяц. Исключения в большую сторону совершенно ничтожны.

12. Русские эмигранты в Эстонии оставили громадный след. В 1920 г., когда здесь осела русская эмиграция и когда, с другой стороны, молодая Эстонская республика еще не успела наладить все отрасли своей государственной, общественной и торгово-промышленной жизни, то эстонские руководящие сферы охотно привлекали к себе на службу русских эмигрантов и весьма широко пользовались их трудами: все военно-учебные заведения широко обслуживались русскими, а некоторые из них, высшего типа, были организованы русскими; налоговое законодательство было налажено русскими; некоторые отрасли промышленности также всецело были восстановлены русскими; эстонцы в то время широко пользовались услугами инженеров и других техников; русские оживили торговлю; во многих государственных и частных учреждениях имелись негласные советники из русских. Эстонская национальная опера могла стать на ноги только благодаря русским музыкальным деятелям, из которых один (С. И. Мамонтов [42]) и теперь еще занимает там первенствующее положение. И все это несмотря на то, что Эстония еще недавно представляла собою часть России, а все деятели Эстонии государственные, общественные, в области промышленности, торговли, разного рода искусств были воспитанниками русской государственности, русской культуры.

С течением времени, используя в полной мере знания, опыт, навыки русских, эстонцы всюду и везде постарались избавиться от них. Они все взяли от них и затем выбросили их как выжатый лимон. И те русские эмигранты, которые принимали деятельное участие в той или иной мере в строительстве нового государства, теперь живут тут же, ис-

пытывая большую нужду. Впрочем, большая часть из них, разочарованная в благодарности эстонцев, покинула их недружелюбную страну.

13. *Моральное настроение* русских эмигрантов в Эстонии в настоящее время удручающее. Его можно охарактеризовать двумя словами: разочарование и усталость.

Причинами разочарования является та ужасная обстановка, которая сложилась к настоящему времени и которая указывает на то, что эмигрантам ждать улучшения своего крайне тяжелого материального и морального положения нельзя. И такое свое заключение они делают на основании следующих данных: в России, по-видимому, власть Сталина все больше и больше закрепляется, результаты пресловутой пятилетки, а также успехи колхозизации, как будто, не только закрепляют эту власть внутри, но заставляют признать силу и значение России и вовне; вследствие этого иностранные государства, даже из наиболее преданных союзников прежней России, стараются поскорее войти в более тесные отношения с нынешней Россией, поддержать ее и тем укрепить настоящее ее положение, и внутреннее и внешнее, и тем создать условия, не позволяющие возродиться национальной России, а значит, и осуществиться всем чаяниям эмигрантов. Эмигрантов больше всего угнетает отношение к большевикам Англии, Италии и особенно Франции с ее нынешними переговорами со Сталиным. Затем эмигранты разочарованы потому, что, по их мнению, руководящие верхи эмиграции в Париже в полной мере бездействуют в вопросе борьбы с большевиками. Они видят наверху только раздоры и споры: Р.О.В.С. – с монархистами, монархистов между собою; церковная смута, которая их непосредственно не касается, как русских, очень волнует, тем более, что им трудно разобратся во всех тонкостях спора [43].

Усталость эмигрантов объясняется прежде всего тем, что очень устали ждать. Уже 12 лет эмигранты все ждут и надеются на лучшие времена, надеются на то, что, наконец, приблизится то время, когда большевики исчезнут с лица земли Русской, а между тем, чем дальше, тем их мечта, как будто, все удаляется и удаляется и надежда исчезает. Еще недавний возглас-вопрос: “Когда же?!” – теперь сменяется унылым утверждением: “Никогда”.

Второй причиной усталости является неимоверная тяжесть жизни. Люди стареют, изнашиваются, физическое здоровье убывает, душа устает, нервы охлаждаются, а условия жизни, условия материальные прежде всего, изменяются все к худшему и худшему. С другой стороны, оглядываясь кругом, эмигранты видят, что обстановка приводит к тому, что с ними считаются все меньше и меньше. Безднадежность положения с большевиками и ухудшение материального благосостояния эмигрантов невольно заставляют аборигенов страны – эстонцев неглижировать эмиграцию и смотреть, с точки зрения граждан процветающего, хотя бы и внешне, государства, на эмигрантов свысока. Делается горько и

обидно, особенно, когда вспоминают, что было еще не так давно время, когда по праву было обратное.

Политически большая часть эмигрантов настроена монархически, но эта настроенность пассивная. Нет ничего реального, во что бы вылились их идеальные чувствования, и от того эмиграция беспомощно бьется в том, чтобы найти себя как политическое нечто, чтобы определить свое отношение к будущей национальной России. Запутываясь в этих поисках, не находя выхода для удовлетворения своих, отчасти подсознательных исканий, эмигрант весьма часто впадает сначала в безразличие, а потом в полное равнодушие. Он начинает мало-помалу забывать Россию, перестает чувствовать свою великую Родину, погрязает в мелких дрызгах окружающей его общественности и окунается в личные интересы своего кармана и своего желудка. В конечном результате он, забывая роль, значение и назначение эмигранта, опускается духовно как таковой, а затем телесно и как человек вообще.

Появлению у здешних эмигрантов такого безразличия и равнодушия много способствует настроение местного русского меньшинства, о котором говорилось в начале записки.

Только начало какой-либо энергичной противобольшевицкой работы верхушкой эмиграции, только появление какого-либо сильного духом вождя, способного объединить разбросанную и неспешую эмиграцию, в особенности на ярких и определенных лозунгах монархии, только резкое изменение политики иностранных правительств по отношению к большевикам, только все это, пробудив у эмиграции обоснованные надежды, может разбудить ее, поднять ее дух и вернуть к активной деятельности не только для устройства своей личной деятельности, не только для устройства своего личного благополучия. Если же ничего этого не будет, то с течением времени дух здешней эмиграции будет все больше и больше падать, настроение делаться все более и более удрученным, память о России будет изглаживаться, тоска по ней проходить.

14. В дополнение к изложенному необходимо добавить, что здесь, в Эстонии, существуют еще три организации, которые так или иначе оказывают свое влияние на подрастающее поколение вообще, а на детей эмигрантов, в частности. Организации эти суть: а) Американский Союз христианской молодежи, б) Русское Студенческое Христианское Движение и в) скауты национальной организации. Американский Союз Христианской Молодежи, в просторечии УМСА или ИМКА (44), как и везде, носит масонский характер и стремится оторвать детей от дому, нивелировать их с точки зрения религии и национальности, сделав из своих питомцев людей с какой-то общей, средней религией, чуждой какого-либо конфессионализма, каких-то космополитов, одинаково, а потому и равнодушно относящихся к своему отечеству, лишенных горячего патриотизма, любви и преданности к своей родине, людей, преданных спорту и увлекающихся им в ущерб духовным интересам,

духовным запросам. Правда, в Имке здесь имеется особый русский отдел, который, якобы, проповедует православную веру и любовь к России, но все это внешне, напоказ, как-то неясно и неопределенно. Однако многие русские родители, в том числе и эмигранты, увлекаются этим и отдают своих детей на попечение Имки. В результате Имка своеобразными, ей только присущими, не всегда достойными способами обрабатывает достаточное количество русских детей в своих клубах, маяках, отрядах скаутов и т. п. и, несомненно, с русской точки зрения, портят их. Впрочем, молодой состав Имки – материал текучий, а местные руководители ее более гонятся за могущей их рекомендовать отчетностью, чем за действительной наличностью молодых людей и детей, подвергающихся их воздействию. Во всяком случае организация чрезвычайно вредная.

Русское Студенческое Христианское Движение [45] представляет организацию, которая в своей деятельности несет очень много полезного, но с налетом масонства, лежащем на ней, ее связью духовной с Имкой, с упорным отказом назваться «православной», ее следованием за митрополитом Евлогием [46] и иже с ним, она производит странное впечатление и заставляет относиться к ней весьма осторожно. Отсутствие же в ее деятельности мотивов патриотизма и любви к России вынуждают признать эту организацию для русской молодежи скорее вредной, чем полезной. Проповедь мира во что бы то ни стало, терпимость даже к большевикам и неуважение памяти тех, кто в белой борьбе погиб на полях сражений против большевиков только утверждают сделанный вывод относительно этой организации.

Она улавливает в свои сети достаточное количество русской молодежи более старшего возраста, из которой, однако, большинство увлекается Движением поверхностно и лишь небольшая часть захвачена им более глубоко. Многочисленность здешних съездов Движения [47] объясняется в значительной степени тем, что большинство участников совершает их в порядке «экскурсий», которые здесь среди учащихся пользуются большой популярностью, а также экзальтированностью девочек-подростков. Во всяком случае не мало вредных идей впитывают в себя молодые движенки и движенцы.

Скауты национальной организации – это дети от 7 до 17 лет. Организация имеет главу – полковника гвардии О.И. Пантюхова, проживающего в Нью-Йорке [48], а здесь, в Эстонии, все части ее находятся под начальством генерала А. К. Баиова. В организацию входят мальчики и девочки, образуя отряды и дружины. Принимаются в организацию как дети русского меньшинства, так и эмигранты.

При работе с ними разницы не делается, а работа ведется под девизами: «Будь готов!» и «Помни Россию». Это достаточно обрисовывает характер ее. Цель организации – выработать из русских детей хороших и полезных граждан – работников для будущей национальной России.

Работа со скаутами национальной организации здесь, в Эстонии, встречает много препятствий как внутреннего, так и внешнего характера. Из препятствий внутреннего характера необходимо отметить: отсутствие достаточного числа хороших, подготовленных руководителей; отсутствие надлежащих средств, неимение необходимых руководств и, наконец, почти полное равнодушие русского общества. К препятствиям внешнего характера нужно отнести подозрительное отношение к организации местных властей, что заставляет главных руководителей быть очень осторожными в своей работе, отчего она, конечно, теряет в интенсивности и не дает желательных результатов. Старшие руководители стремятся, по крайней мере, сохранить идею, чтобы донести ее до возрождения России и кроме того оторвать детей от вхождения их в Имку. Впрочем, нужно сознаться, что в столице республики Ревеле это удается плохо, в провинции лучше. В настоящее время в организации состоит около 200 детей. Однако состав этот очень текучий и постоянно меняется. Организация, несомненно, приносит русскому делу большую пользу и принесла бы еще больше, если бы явилась возможность развернуть работу ее шире. К этому ныне и принимаются все меры.

Во всех вопросах, затронутых выше в этой записке, картина зарисована, как она представляется в общем, в массе, выявляет характер подавляющего большинства. Несомненно, в этом отношении, как исключение, могут быть отклонения в ту или другую сторону.

Генерал-лейтенант А. Байов

Июнь 1931 г., г. Ревель

Примечания и комментарии

1. На самом деле эти цифры включают все русское население Эстонской Республики – и старожилов, и эмигрантов, вместе взятых. Они составляли 8,2 % от общего числа жителей.
2. Считается, что в январе 1920 г. в Эстонии было 50 000 – 60 000 северо-западников и беженцев из России. В 1922 г. эмигрантов, не имевших эстонского гражданства, насчитывалось ориентировочно 16 000 – 18 000. К 1934 г. их число сократилось до неполных 8 000.
3. Имеется в виду Русский Обще-Воинский Союз (РОВС), основанный по инициативе генерала П. Н. Врангеля в сентябре 1924 г. с целью объединения бывших военнослужащих белых армий, укрепления духовной связи между ними и сохранения лучших традиций Российской императорской армии. РОВС стоял на монархических позициях. Эстонская организация РОВС'а, созданная в конце 1924 – начале 1925 г. и возглавляемая автором записки, генералом А. К. Байовым, действовала нелегально.
4. Генерал от инфантерии Александр Павлович Кутепов (1882-1930), активный участник Белого движения, в эмиграции, после смерти П. Н. Врангеля, в 1928 г. стал председателем РОВС'а. В 1930 г. был выкраден агентами ОГПУ в Париже и вывезен на пароходе; умер по пути в Новороссийск.

5. Генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель (1878-1928), в 1920 г. командующий Белой армией на юге России, в эмиграции организатор и первый руководитель РОВС'а.
6. Это утверждение ошибочно. На самом деле в Эстонии в начале 1930-х гг. проживало всего 210000 православных, причем в это число входят и православные эстонцы (примерно 120 000), и православные русские. К тому же эстонская статистика не выделяла особо старообрядцев.
7. Опять же А. К. Баиов здесь не принимает во внимание старообрядцев, насчитывавших около 10 % местного русского населения (8 000 – 10 000) и не входивших в состав Эстонской Апостольской Православной Церкви.
8. Александр Паулус (1872-1953), священник Преображенского храма в Пярну, был избран в 1920 г. епископом Таллиннским и Эстонским, в том же году патриархом московским Тихоном утвержден в должности и возведен в сан архиепископа. С 1923 г. – митрополит Таллиннский и вся Эстонии, глава Эстонской Апостольской Православной Церкви (ЭАПЦ). В 1944 г. эмигрировал и в 1947 г. обосновался в Стокгольме, где возглавил ЭАПЦ в изгнании.
9. В сентябре 1922 г. Собор Эстонской православной церкви, в то время канонически подчинявшейся Московской патриархии, принял решение обратиться к патриарху константинопольскому Мелетию IV с просьбой принять церковь в юрисдикцию константинопольского патриархата. В июле 1923 г. томосом Мелетия IV Эстонская православная церковь была принята без согласия патриарха Московского и всея Руси Тихона (1865-1925) под юрисдикцию Константинополя, что, по мнению многих исследователей, было нарушением принципов церковного права. (Патриарх Алексей II, Православие в Эстонии. [М.], 1999. С. 383-391).
10. В 1924 г. в составе ЭАПЦ была создана отдельная Нарвская епархия, объединявшая лишь русские приходы (их было в ту пору тридцать). Во главе епархии стал бывший архиепископ Псковский и Порховский Евсевий (в миру Евстафий Сергеевич Гроздов, 1866-1929).
11. Действительно, во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. разгорелась борьба вокруг недвижимого имущества Печерского монастыря. Настоятель монастыря епископ Печерский Иоанн и братия считали, что владельцем имущества должен оставаться монастырь, руководство же ЭАПЦ во главе с митрополитом Александром придерживалось той точки зрения, что хозяином имущества монастыря является Синод ЭАПЦ. Епископ Иоанн вместе с братией подали в суд иск о восстановлении монастыря в его правах, но дело проиграло. Длительный и вызывавший массу откликов в печати и в обществе конфликт между епископом Иоанном, с одной стороны, и Синодом ЭАПЦ и митрополитом Александром, с другой, привел в конце концов в 1932 г. к отрешению епископа Иоанна от должности и к выселению его из монастыря. Утверждение Баиова о том, что митрополит Александр хочет «уничтожения монастыря как такового», вряд ли верно, но глава ЭАПЦ, без сомнения, хотел изменить характер монастыря, в котором до того времени господствовала русская ментальность.
12. Пюхтицкий Успенский женский монастырь был основан при активном участии эстляндского губернатора князя С. В. Шаховского в 1891 г. на востоке Эстонии, в Куремяэ (уезд Вирумаа). Подворье Пюхтицкого монастыря в Ревеле (Таллинне) возникло в 1894 г. и упразднено в 1959 г.
13. Кружок ревнителей церковного благоустройства при церкви Таллиннского Пюхтицкого подворья (таково точное наименование кружка) был основан в 1925 г. Духшой кружка был настоятель храма протоиерей Александр Троицкий.
14. Русское Студенческое Христианское Движение (РСХД), пожалуй, самое мощное и активное религиозное движение среди молодежи Русского Зарубежья 1920-1930-х гг., возникло в 1923 г. и ставило целью утверждение православия и сохранение русского национального самосознания у молодого поколения эмигрантов. Первый небольшой кружок РСХД в Эстонии был создан в 1924 г., но активная деятельность движения в республике началась с 1927 г., приобретая широкий характер в

- последующие годы. Во многих городах, а позже и в деревнях были созданы кружки РСХД, воскресные школы, проводились съезды движения и т. д. Утверждение А. К. Байова о том, что увлечение молодежи РСХД «неглубокое», не соответствует действительности. Оно отражает точку зрения консервативных правых деятелей, с подозрительностью и неодобрением относившихся к движению, по их убеждению, отходящему от традиционного православия.
15. Имеется в виду Нарвская русская эмигрантская гимназия, носившая официально название «Русские средние общеобразовательные курсы Комитета русских эмигрантов». Гимназия была создана в 1920 г. и просуществовала до 1938 г.
 16. Действительно, со второй половины 1922 г. финансирование Нарвской русской эмигрантской гимназии взял на себя парижский Земгор через центральный Комитет русских эмигрантов в Эстонии. Земгор – Объединенный комитет Земского союза и Союза городов, основанный в 1915 г. в России и после Октябрьской революции перенесший свою деятельность за рубеж (парижский Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей).
 17. Директором Нарвской русской эмигрантской гимназии в 1920-1933 гг. был Андрей Васильевич Васильев (1858-1933), известный педагог и общественный деятель.
 18. Павел Николаевич Милуков (1859-1943) – русский общественный и политический деятель, историк, публицист; один из руководителей кадетской партии. В эмиграции возглавлял Республиканско-демократическое объединение и был редактором популярной газеты «Последние новости» (1921-1940).
 19. Александр Федорович Керенский (1881-1970) – политический и государственный деятель, эсер. В 1917 г. был во главе Временного правительства России. В эмиграции жил во Франции (с 1918 г.) и в США (с 1940 г.).
 20. Русские высшие политехнические курсы были основаны в 1922 г. в Таллинне Русской академической группой в Эстонии, объединявшей оказавшихся на территории Эстонской Республики русских ученых. Это было единственное в республике высшее учебное заведение с русским языком преподавания. Оно содержалось за счет платы за обучение студентов, пожертвований частных лиц и некоторых учреждений. На курсах (по существу вечерних) было два отделения: механическое и инженерно-строительное. В 1935 г. курсы были переименованы в Частный политехнический институт, который просуществовал до 1940 г.
 21. Общество помощи больным эмигрантам было создано в марте 1922 г. Бессменным председателем общества с момента его основания до 1937 была М. П. Киршбаум (1880-1943). За первые пять лет общество оказало помощь 626 больным эмигрантам, открыло бесплатную амбулаторию; в обществе насчитывалось около 60 членов. Существовало за счет членских взносов, добровольных пожертвований и доходов от благотворительных вечеров и спектаклей.
 22. Комитеты по проведению «Дня русского инвалида» действовали во многих странах русского рассеяния. Центральный комитет «Дня русского инвалида» в Эстонии под председательством А. К. Байова был создан в 1926 г., хотя официально зарегистрирован лишь в феврале 1929 г. Главной целью комитета являлся сбор средств для оказания помощи русским инвалидам, проживающим в Эстонии. Комитет действовал до 1940 г. и ежегодно проводил «Дни русского инвалида». Он имел отделения в городах Эстонии.
 23. Союз русских увечных воинов-эмигрантов был создан в начале 1925 г., официально учрежден в апреле того же года. Он вошел в состав зарубежного Союза русских увечных воинов. Центр организации находился в Нарве, но у союза были отделы в Таллинне и Тарту. Целью союза было «доставление его действительным членам возможности приходить друг другу на помощь в моменты тяжелых материальных обстоятельств из средств, собранных путем обязательных взносов или добровольных пожертвований» (Устав Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии, Нарва, 1925, с.1). Во главе союза стоял генерал О. П. Васильковский, с которым А. К. Байов был во враждебных отношениях; как мы уже отмечали

во вступительной статье, между ними шла борьба за руководство объединениями бывших участников белого движения.

24. Общество «Белый крест» было основано в Таллинне в октябре 1920 г. с целью оказания помощи северо-западникам, оказавшимся в Эстонии. Общество устраивало благотворительные вечера, выдавало пособия нуждающимся северо-западникам, создало в Тарту и в Нарве патронаты-убежища для русских инвалидов. Общество просуществовало до 1940 г. Председателем общества с момента его основания была Станислава Викториновна Келпш (1883-1942), погибшая позже в сталинском лагере.
25. Общество «Капля молока» было создано в 1927 г. на основе ранее существовавшей благотворительной организации «Русские дети». Во главе общества в течение ряда лет стояла Т. Н. Малкова-Панина. Общество ежедневно снабжало более двухсот детей молоком, помогало им обувью, одеждой, праздничными подарками. Средства для оказания помощи детям бедняков добывались с помощью благотворительных вечеров и благодаря поддержке американцев.
26. Общество помощи студентам русских Политехнических курсов (другое название – Общество вспомоществования недостаточным студентам ревельских Политехнических курсов) было основано весной 1925 г. Общество вносило плату за обучение бедных студентов русских Политехнических курсов, в отдельных случаях предоставляло им стипендии или одноразовые вспомоществования для приобретения учебных пособий, одежды, пищи. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. председателем Общества была Ю. И. Баиова, супруга автора записки.
27. Юрьевское (Тартуское) русское благотворительное общество было создано еще во второй половине XIX в. Это было одна из немногих старых русских организаций, продолживших свою деятельность и в независимой Эстонской Республике (общество прошло перерегистрацию в 1919 г.). Цель была сформулирована в его «Уставе» как «возможное пресечение нищенства, вспомоществование бедным русским и православным других национальностей и распространение образования между русским населением» (Устав Русского благотворительного общества в г. Юрьеве. Юрьев, 1920. С. 3). Ликвидировано летом 1940 г. Во главе общества многие годы стоял Вячеслав Болеславович Булгарин (1881-1941), местный общественный деятель и, по воспоминаниям современников, бескорыстный благотворитель.
28. Общество помощи русским беженцам и русским бедным в гор. Юрьеве (Тарту) действовало с декабря 1915 г., после короткого перерыва возобновило свою деятельность в конце 1919 – начале 1920 г. и просуществовало до лета 1940 г. Общество занималось благотворительностью, содержало в Тарту детский сад и детские площадки, предоставляло в принадлежащем ему доме квартиры беднякам и т. д. Многолетним председателем правления являлся Максим Павлович Эдельгауз (1869-1937).
29. Везенбергское (Раквереское) русское благотворительное общество было основано в 1921 г. и действовало до 1940 г. Одним из его основателей и первым председателем был видный русский общественный деятель юрист С. Д. Кленский. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. во главе его стоял А. Г. Куриленко.
30. А. К. Баиов ошибается, когда пишет, что в 1931 г. в Эстонии выходило только две газеты на русском языке – «Вести дня» и «Русский вестник». На самом деле их было больше. Вероятно, А. К. Баиов не считал нужным называть газеты-однодневки, но, конечно, следовало бы упомянуть газету «Старый нарвский листок», выходившую регулярно, три раза в неделю, с 1925 по 1940 год и имевшую довольно много читателей.
31. «Вести дня» – своеобразное местное приложение к рижской газете «Сегодня», выходившее ежедневно на двух страницах в Таллинне с октября 1926 по июнь 1940 г. Ответственным редактором газеты вначале числился Э. В. Мюллер, с конца же 1928 г. – Е. Ф. Григорьева, но ее реальным руководителем являлся А. Э. Шульц. Газета ориентировалась на широкий круг русских читателей, старалась придерживаться нейтрального тона при освещении событий местной жизни и не испыты-

- вала симпатий ни к правым, ни к левым, выступая за своего рода среднюю линию в политике.
32. Газета «Русский вестник» выходила в Нарве три раза в неделю с марта 1931 по январь 1932 г. на четырех страницах большого формата. Имела подзаголовок «Беспартийный орган русского меньшинства в Эстонии», хотя издателем газеты числился Нарвский отдел Русского национального союза. Ответственный редактор – П. П. Аксенов. Этот общереспубликанский русскоязычный орган печати стремился объединить русских, проживавших в Эстонии. Из-за финансовых трудностей газета просуществовала сравнительно короткий срок.
 33. *Союз русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии* был основан по инициативе русского национального секретаря А. К. Янсона в феврале 1923 и действовал до лета 1940 г. Если при основании он объединял 25 русских организаций, то в конце 1939 г. – свыше девяноста. Союз сыграл исключительно важную роль в сохранении и развитии русской культуры в Эстонии 1920-1930-х гг. (Исаков С. Г. *Союз русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии (1923-1940)* // *Просветители. Сборник к 75-летию Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии*. Таллинн, 1998. С. 8-42; Исаков С. Г. *Очерки истории русской культуры в Эстонии*. Таллинн, 2005. С. 263-295). Утверждение Байова, что «Союз чисто социалистический», является преувеличением. Союз, действительно, стоял не на правых, монархических, а на более левых, точнее лево-центристских позициях, однако среди его руководителей и активистов были отнюдь не только сторонники социализма. Точно так же неверно утверждение А.К. Байова о том, что Союз объединяет «низшие школы». Правда, в начальный период существования Союза его юридическими членами могли быть и начальные школы, но все же, в основном, он объединял как деревенские, так и городские культурно-просветительные и благотворительные общества.
 34. Русский национальный союз (РНС), первое широкое политическое объединение «коренных» русских в Эстонской Республике, был создан в 1920 г. Он ставил своей целью защиту интересов русского национального меньшинства в республике и проведение в жизнь культурной автономии. Формально РНС был объединением беспартийным и исключительно национальным, но на деле он являлся правоцентристской политической партией, которая проводила в парламент (Рийгикогу) своих представителей и участвовала в политической жизни страны. РНС имел отделения на местах.
 35. Это не совсем верно. Хотя, действительно, после 1926 г. Русский театр в Таллине распался, но все же русская театральная жизнь в столице республики не прекратилась. В Таллине работало два русских драматических коллектива: Содружество сценических деятелей «Наш театр» во главе с Л. А. Эбергом и *Общедоступные русские спектакли*, выступавшие на сцене Таллиннского рабочего театра под руководством М. Н. Мерянской. В Нарве в 1929 г. было создано Товарищество *Нарвский русский театр* и возобновились регулярные театральные представления.
 36. Оркестр русских народных инструментов Нарвской эмигрантской гимназии, руководимый К. Г. Вережниковым, был создан в начале 1920-х гг. Этот большой по составу коллектив (в 1927 г. в нем было 75 музыкантов) постоянно выступал в Нарве, а также ежегодно давал концерты в Таллине и даже Риге. Выступления оркестра пользовались неизменным успехом у слушателей.
 37. Об А. К. Байове см. во вступительной статье. Генерал-лейтенант Олег Петрович Васильковский (1879-1944) в годы Первой мировой войны был самым молодым генералом в русской армии, в 1917 г. командующий Петроградским военным округом, с 1920 г. жил в Эстонии, возглавлял Союз русских увечных воинов-эмигрантов. В 1940 г. арестован органами НКВД, погиб в заключении. Генерал-майор Николай Иванович Крамарев (1867-1940) проживал в эмиграции в Пярну, участвовал в деятельности монархического объединения, в частности был делегатом от Эстонии на Российском зарубежном съезде в Париже в 1926 г. Генерал-майор Алексей Оттонович Штубендорф (1877-1959) активно участвовал в общественной жизни бывших военнотружущих Белой армии в Эстонии, был членом РОВС'а, заместителем

председателя Общества помощи бывшим русским военнослужащим, одним из организаторов и позже председателем Объединения лейб-гвардии Егерского полка в Эстонии. В 1940 г. был арестован, но по требованию немецких властей освобожден и эмигрировал в Германию. Вице-адмирал Павел Павлович Левицкий (1859-1938) начал свою военно-морскую службу в Таллинне, до революции командовал соединением подводных лодок; с 1923 г. вновь проживал в Таллинне, являлся активным деятелем движения монархистов-кирилловцев, руководил Объединением бывших русских морских офицеров в Эстонии. Генерал-майор, бывший кавалергард Александр Сильвестрович Львовский (1858-1938) проживал в эмиграции в Эстонии, умер в Таллинне. Генерал-майор Эдуард Александрович Верцинский (1873-1941) возглавлял Союз гвардейских стрелков в Эстонии, был заместителем председателя Комитета «Дня русского инвалида», автор воспоминаний и трудов по истории русской армии. Арестован в 1940 г., расстрелян. Генерального штаба генерал-майор Дмитрий Капитонович Лебедев (1872-1935), уроженец Пярнумаа, преподавал в Академии Генерального штаба в Петербурге, редактировал журналы «Военный сборник» и «Военное дело». В 1921 г. опитировался в Эстонию, служил в Эстонской армии в том же чине генерал-майора, преподавал в Высшем военном училище и на Курсах Генерального штаба. Вышел в отставку в 1927 г. Генерал от кавалерии Николай Федорович Крузенштерн (1854-1940) с 1918 г. проживал в Таллинне, в 1921 г. был почетным председателем общества «Белый крест», но затем отошел от общественной деятельности.

38. А. К. Баиов – профессор Академии Генерального штаба в Петербурге. Игорь Матвеевич Пютрюмов (1865-1943) – ученый-юрист, до революции сенатор, профессор Петроградского университета. В 1920-1935 гг. профессор гражданского права Тартуского университета, автор ряда ценных трудов по гражданскому праву; принимал участие в разработке гражданского уложения Эстонской Республики. Давид Давидович Гримм (1864-1941) – профессор римского права Петроградского университета, после революции – Русского юридического факультета в Праге (был его деканом) и в 1927-1934 гг. – Тартуского университета. Являлся председателем тартуского отделения Русского национального союза. Михаил Анатольевич Курчинский (1876-1939) – ученый-экономист, видный специалист по юридическим проблемам национальных меньшинств; в 1915-1918 и в 1921-1939 гг. – профессор Тартуского университета (в 1918-1921 гг. – Петроградского университета), читал курсы статистики, политической экономии, народного хозяйства; автор многочисленных научных трудов по этим же дисциплинам; был членом эстонского парламента. Петр Михайлович Шелоумов (1882-1952) – ученый в области техники, с 1913 г. профессор Петербургского технологического института; с 1919 г. жил в Эстонии, был одним из основателей и профессором Русских высших политехнических курсов в Таллинне (1922-1940). Анатолий Яковлевич Поппен (1880?) – ученый-офтальмолог, доктор медицины, в 1919 г. был избран профессором Екатеринославского университета, с 1920 г. жил в Таллинне, практикующий врач; один из руководителей Русской академической группы в Эстонии.
39. Большинство из названных здесь А. К. Баиовым лиц не оставило сколько-нибудь заметных следов в жизни Эстонии и поэтому биографических сведений о них найти не удалось. Исключение – Александр Леонтьевич Грин (1872-?) – юрист, до революции прокурор Псковского окружного суда. В начале 1920-х гг. он занимался организацией прокурорского надзора в Эстонской Республике, участвовал в выработке эстонского законодательства, позже присяжный поверенный в Таллинне.
40. Иоанн Яковлевич Боговяленский (1879-1949) – церковный деятель, магистр богословия. С 1920 г. был настоятелем Александро-Невского собора в Таллинне, редактор журнала «Православный собеседник» (1931-1940). С 1946 г. – профессор и ректор Ленинградской духовной академии. В 1947-1949 г. – епископ Таллиннский и Эстонский Исидор. Василий Иванович Чернозерский (1868-1940) – церковный и общественный деятель. До 1919 г. – священник в Пскове, с 1919 г. – в Эстонии, служил в Таллинне в церкви Св. Николая; долголетний председатель Нарвского епархиального совета.

41. Преподавателями Тартуского университета не были также П. Шелоумов и А. Попен.
42. Сергей Иванович Мамонтов (1877-1938) – музыкант. До революции концертмейстер Большого театра в Москве. В 1920 г. эмигрировал в Эстонию, в 1923-1932 гг. концертмейстер театра «Эстония», одновременно преподавал в Таллиннской консерватории. Деятельность С. И. Мамонтова способствовала становлению эстонского национального оперного искусства.
43. Под «церковной смутой» имеется в виду раскол в зарубежной русской православной церкви, фактически разделившейся в 1926 г. на две: Русскую зарубежную церковь (так называемую Карловацкую) во главе с митрополитом Антонием и с центром в Сремски Карловацах (Югославия) и Западноевропейскую православную церковь во главе с митрополитом Евлогием с центром в Париже. Каждая из этих церквей в обосновании своей позиции приводила сложные доводы догматического богословского характера, в которых мирянам трудно было разобраться. Собственно, эти споры, как и вообще указанная «церковная смута», православных русских в Эстонии непосредственно не касались; они входили в состав Эстонской Апостольской Православной Церкви, подчинявшейся Константинопольскому патриарху и не связанной ни с Карловацкой церковью митрополита Антония, ни с Западноевропейской православной церковью митрополита Евлогия.
44. Американский Союз Христианской Молодежи, в просторечии YMCA или ИМКА. Имеется в виду всемирная организация христианской молодежи, созданная американцем Джозом Моттом в 1895 г. (YMCA – англоязычная аббревиатура названия организации от Young Men Christian Association). Она имела свои отделения во многих странах мира. Отделение организации в Эстонии было создано в 1920 г., оно объединяло и эстонскую, и русскую молодежь. Официальное название объединения – Христианский Союз Молодых Людей (ХСМЛ). Утверждение А. К. Баиова о том, что ИМКА носит масонский характер, не соответствует действительности. Крайне правым деятелям везде виделись козни масонов.
45. О Русском Студенческом Христианском Движении (РСХД) см. прим. 14. Налета масонства у РСХД не было, некоторая связь с ИМКА, действительно, имела место: кружки ИМКА до известной степени были предшественниками РСХД. Неверно следующее далее утверждение Баиова о том, что в деятельности РСХД отсутствовали мотивы «патриотизма и любви к России», как и его сомнения в православном характере движения. На самом деле РСХД, как выше уже отмечалось, ставило своей целью утверждение православия и сохранение национального самосознания молодежи Русского Зарубежья. Точно также РСХД не демонстрировало «неуважения к памяти» борцов за белое дело, как пишет А. К. Баиов.
46. Митрополит Евлогий (в миру Василий Семенович Георгиевский; 1868-1946) – церковный и общественный деятель. Депутат 2-ой и 3-ей Государственной Думы, с 1914 г. архиепископ Волынский и Житомирский. С 1920 г. в эмиграции, управляющий приходами Русской православной церкви в Западной Европе, с 1922 г. – митрополит. См. также примечание 43. А. К. Баиов неодобрительно отзывался о митрополите Евлогии прежде всего потому, что тот выступил против позиции Карловацкой русской православной церкви во главе с митрополитом Антонием, прямо связывавшей деятельность церкви с идеей восстановления в России монархии. Евлогий поддерживал РСХД и покровительствовал многим неортодоксальным русским богословам.
47. В Эстонии были проведены Второй (Печоры, 4-11 августа 1929) и Третий (Пюхтицкий монастырь, 20-23 июля 1930) прибалтийские съезды РСХД, которые привлекли большое количество участников и запечатлелись в их памяти.
48. Полковник Олег Иванович Пантюхов (1885-1973) – участник Первой мировой войны и Белого движения, основатель русского скаутизма (1909). В эмиграции с 1920 г., проживал в США с 1922 г., являлся главой Национальной организации русских скаутов.

Библиографические примечания

Русские в Эстонии (1918-1940) как этнокультурный феномен. Первопубликация: Русские в Эстонии (1918-1940) как социально-исторический и культурный феномен // Труды Русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. II. Таллинн, 2003. С. 121-128. В данном издании статья представлена в новой редакции.

Источники и история изучения русской эмиграции в Эстонии (1918-1940). *Обзор.* Первопубликация: Берега. Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. Вып. 11-12. СПб., 2009. С. 43-64. Текст обзора в данном издании заново отредактирован, в него внесены исправления и дополнения.

Русские в Эстонии 1920-1930-х гг. в мемуарной литературе. Первопубликация: Культура русской диаспоры. Эмиграция и мемуары. Сб. статей. Таллинн, 2009. С. 79-194. Для данного издания в текст статьи внесены отдельные дополнения.

Вклад русских в становление государственности, в экономику и культуру Эстонии (1918-1940). Первопубликации: 1. Достойные дела. Вклад русских в становление государственности, в экономику и культуру Эстонии (1918-1940) // Таллинн. 2007. № 4-5. С. 142-159; 2. Нансеновские чтения. 2007. СПб., 2008. С. 353-373 (К-т по внешним связям СПб.; Санкт-Петербургский ин-т истории РАН; Информац.- культ. центр «Русская эмиграция»). Печатается по тексту первопубликаций с небольшими дополнениями.

Советская литература в восприятии русских читателей в Эстонии 1920-1930-х гг. Первопубликация: Нансеновские чтения. 2008. СПб., 2009. С. 386-406 (К-т по внешним связям СПб.; Санкт-Петербургский ин-т истории РАН; Информац.-культ. центр «Русская эмиграция»). Печатается по тексту первопубликации с небольшими поправками.

Русский фашизм в Эстонии в 1920-1930-е годы. Статья написана в соавторстве с В. А. Бойковым. Первопубликация: Русская эмиграция и фашизм. Статьи и воспоминания / Ответ. ред. и составитель В.Ю.Жуков. СПб., 2011. Печатается по тексту первопубликации.

Базилевские, отец и сын. Первопубликация: Прикосновение к тайне // Вышгород. 2008. № 6. С. 131-146. Печатается по тексту первопубликации.

Новое о Борисе Вильде. Первопубликация: «Ничего подозрительного не замечено». Новое о Борисе Вильде // Вышгород. 2004. № 5-6. С. 15-30. Для настоящего издания текст очерка основательно переработан и дополнен. Фактически это новая публикация.

Борис Вильде. Русские в Эстонии / Публ. и коммент. С. Г. Исакова // Вышгород. 2004. № 5-6. С. 30-34. Это приложение к предыдущей статье. Печатается по указанному выше тексту.

Многоликий К. К. Гершельман. Первопубликация: Многоликий К. К. Гершельман. Очерк жизни и творчества // Гершельман К. К. «Я почему-то должен рассказать о том...»: Избранное. Таллинн: INGR1, 2006. С. 5-44. Для данной публикации текст очерка заново отредактирован.

Леонид и Лидия Пумпянские. *Опыт биографии.* Публикуется впервые.

О жизни и творчестве Н. И. Франк. Первопубликация: Три забытых романа... и повесть о судьбе нарвского мальчика // Вышгород. 2007. № 6. С. 108-129. Очерк печатается по указанной выше первопубликации.

Б. В. Энгельгардт. Опыт жизнеописания. Первопубликация: Биографика. I. Русские деятели в Эстонии XX века. Тарту, 2005. С. 204-237. Очерк печатается по тексту первопубликации.

Записка М. И. Соболева «Русские беженцы в Эстонии» (1929). Публикация, вступительная заметка и комментарии С. Г. Исакова. Первопубликация: Труды Русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. I. Таллинн, 2001. С. 91-104. Печатается по вновь отредактированному тексту первопубликации.

Записка А. К. Банова «Русская эмиграция в Эстонии». Публикация, вступительная статья и комментарии С. Г. Исакова. Первопубликация: Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. [Т.] VII. Вильнюс, [2002]. С. 212-243. Для данного издания текст первопубликации заново отредактирован, внесены дополнения в комментарии.

Именной указатель*

- Абисогомян Р.А. 34, 36, 45, 58
Абызов Ю.И. 30
Адамович Г.В. 204
Айвазовский И.К. 190
Айхенвальд Ю.И. 178
Аксенов П.П. 345
Александр II. 151, 152, 154
Александр (в миру А. Паулус),
митрополит Таллиннский и всея
Эстонии 19, 331, 342
Александр I. 152-155
Александр III. 151, 152, 154, 155
Алексеев В.Г. 86
Алексеев М.В. 275
Алексеев Н.П. 115
Алексей Николаевич, цесаревич, сын
Николая II 258, 262
Алмазов А.В. 142, 145
Амфитеатров А.В. 109, 243
Андеркопп, Адо 233
Андреев Н.Е. 65, 72, 73, 105, 106,
112, 118, 241
Антоний (в миру А.П. Храповицкий),
митрополит 19, 347
Арапов П. С. 282
Арбенин Д.Ф. 95
Арбенина, Стелла 43
Аргунов А.А. 181
Аренсбургер К.Е. 65
Аренский К. – см. Аренсбургер К.Е.
- Аркадский Л. – см. Бухов, Аркадий
Артузов А.Х. 287, 288
Арцыбашев М.П. 101, 102
Ахматова А.А. 99, 105, 108, 159, 228,
230, 243, 247
- Бабель И.Э. 102, 103, 106, 108, 117,
118
Багрицкий Э.Г. 112
Бадендик К.Г. 135, 286, 295-299
Базилевская, Евгения Робертовна
163
Базилевская, Елизавета Альфредовна
– см. Роос-Базилевская Е.А.
Базилевская, Татьяна Викторовна
158
Базилевский, Виктор Иванович 150-
152, 154, 156
Базилевский, Иван Викторович 25,
148, 149, 150, 156-163
Базилевский, Иван Федорович 150
Базилевский, Федор Иванович 149,
150
Баиов А.А. 99
Баиов А.К. 8, 9, 24, 29, 45, 88, 89,
253, 277-280, 282, 285, 286, 289,
295-298, 309, 320-328, 332, 334,
336, 337, 340-347
Баиова Ю.И. 334, 344
Бакановская З.П. 94

* Составитель Миральда Коор. В именной указатель не включены фамилии авторов работ, приведенных в сносках к отдельным статьям.

- Баранова А.Д. 242
Барсова В.В. 96
Батый 250
Башкиров К.А. 61
Бедный, Демьян 112
Бейлинсон Б. (В.) 116, 243
Бек, Тамара 93
Белобровцева И.З. 30, 58, 120
Белов В.М. 57
Бельгард А.А. 70
Бельский, Борис (*псевдоним*) – см. Энгельгардт Б.В.
Белый, Андрей 99, 105, 109
Беляев И.Д. 171, 175
Беляева З.А. 175
Бем А.Л. 29, 181
Берберова Н.Н. 243
Бергсон, Анри 213
Бердяев Н.А. 68, 197, 213
Бережанский Н. 318
Берендтс Э.Н. 83, 84, 86
Берент Э.Э. 167
Бермондт-Авалов П.Р. 135
Бехтерев В.М. 313
Бильбасов Н.П. 84
Бирк, Роман 281
Бисмарк О. 140
Блинов, Борис 94
Блок А.А. 99, 109, 197, 242
Бломериус, Рихард 171
Богданов П.А. 106, 181, 315
Богоявленский И.Я. 336, 346
Бойков В.А. 8, 34, 42-45, 58, 120
Большаков К.Н. 120, 141-145
Большаков С.Н. 141
Большакова, Екатерина 141, 144
Борина Н.Р. 95
Борман И.К. 25, 56, 195
Брамс Я.И. 318
Бровкин Д.П. 94
Брусиллов А.А. 190, 321
Булатов А.А. 78
Булгаков М.А. 104, 108, 110, 111, 117
Булгарин В.Б. 334, 344
Булдаков В.Ф. 129, 145
Булин Н.А. – см. Иоанн, епископ Печерский
Булич В.С. 192, 196-201, 203, 204, 212, 214
Бунин И.А. 53
Бухгольц В.Ф. 107, 108
Бухов, Аркадий 171
Валери, Поль 182
Валк-Богдановская З.Н. 94
Ванновский Г.М. 87, 88
Варваца И. (*псевдоним*) – см. Базилевский И. В.
Варшавский В.С. 25, 188, 203
Васильев А.В. 343
Васильев В. – см. Гадалин В.
Васильев Л.М. 149
Васильковский О.П. 289, 296, 298, 316, 327, 334, 336, 343, 345
Вахтангов Е.Б. 96
Вережников К.Г. 43, 319, 345
Вержибилович А.В. 151
Верзунов В.В. 29, 34
Вертинский А.Н. 96
Верцинский Э.А. 286, 295, 297, 298, 336, 346
Веселый, Артем 118
Вечеслова Г.М. 94
Вильде Б.В. 54, 64, 68, 165-183
Вильде (урожд. Голубева) М.В. 165, 166, 168
Вильде Р.В. 165, 166, 168
Виноградов В.Е. 133, 137
Виноградов, Георгий 98
Виноградова-Бик В.П. 94
Витте С.Ю. 151
Владимир Александрович, великий князь 155
Владовский А.И. 97
Воинов Я.В. 101, 114, 121, 123
Волков В.П. 151, 156
Волошин М. 101
Вонсяцкий А.А. 124

- Врангель М.Д., баронесса 305-309, 320, 323, 324
 Врангель П.Н. 191, 275, 282, 305, 341
- Гадалин В. 110, 116
 Гайкович, Евгений 98
 Галь Ю.В. 25
 Гамалея В.Г. 94
 Ганжумов Э.П. 315
 Ганфман М.И. 318
 Геббельс Й. 284
 Гейман Л.К. 285
 Гейнрихс Г.Г. 319
 Гейнрихс С.Н. 94
 Генс, Лео 42
 Генс, Юлиус 78
 Генс-Катанян, Инна 78
 Георгиевский В.С. – см. Евлогий, митрополит Западноевропейский
 Гершельман, Александр Карлович 191
 Гершельман, Александр Сергеевич 62
 Гершельман (в замужестве Рёдер), Анна Карлова 196, 197, 208, 209
 Гершельман, Елизавета Бернгардовна – см. Розендорф-Гершельман Е.Б.
 Гершельман, Карл Карлович 25, 50, 52, 188-219
 Гершельман, Карл Теодор Леопольд 189, 190
 Гершельман, Константин Карлович (*Дядя Котя*), брат *К.К. Гершельмана* 191, 209
 Гершельман Константин Карлович, сын К.К. Гершельмана 197, 199, 200, 209
 Гессен И.В. 178, 181
 Гессен С.И. 235
 Гизетти Ф.А. 298
 Гильдебранд Е.И. 196, 318
 Гинзбург Г.Г. 96
 Гиппиус З.Н. 100
- Гитлер, Адольф 122, 125, 127, 132, 134, 138-140, 198, 199, 284, 300
 Гладков, Теодор 276, 288
 Глазунов А.К. 96
 Глазунова Р.Н. 243
 Глебова-Судейкина О.А. 228, 243
 Гоголь Н.В. 115
 Гомолицкий Л.Н. 204
 Гордеев Л.М. 76
 Горн В.Л. 61, 63, 315
 Городецкий С.М. 228
 Горский, Константин (*псевдоним*) – см. Большаков К.Н.
 Горцев А.А. 83
 Горький, Максим 101, 104, 112
 Горшков И.М. 240
 Гофман Э.Т.А. 167
 Гречанов, Алексей 187
 Григорьева Е.Ф. 318, 344
 Гримм Д.Д. 86, 309, 336, 346
 Грин А.Л. 83, 336, 346
 Грин А.С. 110
 Гринев А.Н. 96
 Гроздов Е.С. – см. Евсевий, архиепископ Нарвский и Изборский
 Гроссен Г.И. (Нео-Сильвестр) 63
 Грюнталь Б.И. 317
 Губин, Всеволод Владимирович 73, 74
 Губин, Марк 73
 Губин, Святослав 73
 Гумилев Н.С. 105, 108, 109, 160, 228, 300
 Гурко В.И. 261
 Гущик В.Е. 29, 53, 56, 99, 115
- Даль В.И. 67
 Даргомьжский А. С. 95
 Делиб, Лео 192, 219
 Демкин И. 137
 Ден А.А. 88
 Деникин А.И. 191, 275
 Джеймс, Уильям 213

- Дзержинский Ф.Э. 230
Дикой, Борис (*псевдоним*) – см.
Вильде Б.В.
Дмитрий Донской 250
Долгошев, Алексей – см. Раннит А.
Дольский 290, 294
Донская Н.М. 224
Дормидонтов, Александр 28
Достоевский Ф.М. 197, 210, 211, 213
Доценко С.Н. 30
Драгомиров А.М. 282
Драке В.Л. 88
Древинг А.К. 214
Дроботов Х.Д. 227
Дроботова Л.Х. – см.
Пумпянская Л.Х.
- Евлогий (в миру В.С. Георгиевский),
митрополит Западноевропейский
19, 340, 347
Евреинов Н.Н. 109
Евсевий (в миру Е.С. Гроздов),
архиепископ Нарвский и
Изборский 312, 316, 342
Егоров А.А. 96, 97
Екатерина II 243
Елизавета Алексеевна (до
замужества принцесса Луиза
Мария Августа), императрица,
супруга Александра I 154
Есенин С.А. 104, 105, 108, 110, 112
Ефремов А.В. 295, 300
- Жаков**, Каллистрат 25
Жид, Андрэ 182
- Зайцев (Зайцов) А.А. 281, 282
Зайцев Б.К. 265
Зак А.Н. 83
Замыко В.Я. 94
Замятин Е.И. 102, 104, 111, 117-119
Заркевич С.В. 277
Зароченцев М.Т. 91, 92
Заутин В. 134
- Захарченко-Шульц М.В. 281
Зеленой, Алексей 98
Зель (Селья) Н.П. 95
Зеньковский В.В. 68
Зощенко М.М. 57, 102, 103, 106, 110,
111, 113-115, 117-119, 242
- Иванов** А.И. 318
Иванов, Всеволод 106, 110, 117
Иванов, Георгий 194
Иванов Н.Н. 61, 63
Иванов, судебный деятель 336
Иванова Е.А. 243
Иваск, Удо 25
Иваск Ю.П. 17, 25, 53, 56, 65, 76, 77,
105, 188, 189, 193-195, 197
Игнатъев А.Н., граф 316
Изгоев (Ланде) А.С. 231, 236, 237
Иконников, Александр 289, 293, 294
Иксуль А.В. 279, 284, 291-293, 300
Иксуль Н.П. – см. Рудникова Н.П.
Илляшевич, Владимир 36
Ильин В.Н. 68
Ильф, Илья 110, 111
Инбер В.М. 111
Иоанн (в миру Н. А. Булин), епископ
Печерский 187, 306, 309, 312, 316,
342
Иртель П.М. 161, 193-195, 197, 280
Исаков С.Г. 35, 36, 41, 42, 43, 45, 48,
58, 208
Исидор, епископ Таллиннский – см.
Богоявленский И.Я.
Исидор (в миру И. Никольский),
митрополит Петербургский 151
- Каверин** В.А. 111, 117
Кайгородов А.Д. 96
Кальманович С. 82
Каменский В.В. 108
Каминка А.И. 181
Каппер (урожд. Лебедева), Кристина
(Тийна) 93, 94
Каралли В.А. 94

- Карамзин В.А. 300
 Карамзина М.В. 53, 71, 119
 Кард, Пауль 98
 Каринский В.Ф. 309
 Кариочи Н. (*псевдоним*) 248, 249
 Карл – см. Шедлих
 Карсавин Л.П. 231
 Карсавина, Тамара 93, 94
 Катаев В.П. 110, 111, 117
 Каутский, Карл 224
 Кашнева Т.Б. 66-68, 73, 75, 108
 Келпш С.В. 316, 334, 344
 Керем А. 284
 Керенский А.Ф. 122, 229, 333, 343
 Кёстнер, Николай 244
 Кивине, Пааво 74
 Кизеветтер А.А. 181
 Кирдецов Г.Л. 61, 63
 Киреева М.Н. 222
 Киришбаум М.П. 316, 334, 343
 Кленский С.Д. 344
 Климов Е.Е. 77
 Клышейко, Валентин 98
 Клышейко, Павел 98
 Ключев Н.А. 105
 Князев В.В. 108
 Ковалевский П.Е. 38
 Колчак А.В. 252, 263
 Кольтрян С. 317
 Комиссаржевская В.Ф. 151
 Комрич А.А. 180
 Кондаков Н.П. 73
 Кони А.Ф. 151
 Коор, Миральда 9
 Корвич Н.И. (*псевдоним*) 248, 254, 262
 Корнилий (в миру Вячеслав Якобс), митрополит Таллиннский и всея Эстонии 74
 Корнилов Л.Г. 260
 Корсаков Ф.И. 82, 85, 88, 309
 Корчак-Котович Н. (см. также Франк Н.И.) 248, 250, 251, 254, 255, 262, 266
 Корьюс, Милица 43, 95
 Кочнева, Эльфрида 93
 Кошкина О.В. 317
 Крамарев Н.И. 336, 345
 Краснов П.Н. 361, 362
 Кривцов П. 122
 Кригер, Викторина 93
 Криммер Б.Р. 97
 Кромель Г.Г. 126, 127, 129-131, 135, 136, 145
 Круглов А.И. 70
 Круглова В.М. 70
 Крузенштерн Н.Ф. 295, 336, 346
 Крутиков П.Ф. 89
 Круус, Рейн 39
 Крыжановская-Рочестер В.И. 57, 253
 Кудрявцев, Павел – см. Кард П.
 Кузнецов, Юрий – см. Ярвет Ю.
 Кузьмин Н.Н. 97
 Кузьмина-Караваева Е.Ю. (Мать Мария) 68
 Кулжинский М.С. 90, 91
 Куллер, Раймонд 95
 Куприн А.И. 53, 99
 Куренко М.М. 96
 Куриленко А.Г. 334, 344
 Курчинский М.А. 85, 178, 317, 336, 346
 Кутепов А.П. 275, 278, 281, 282, 297, 341
 Кушелевский А.В. 88
 Кьеркегор, Сёрен 213
 Лавринец П.М. 30
 Лаговский И.А. 15, 69
 Ладинский А.П. 265
 Лайдонер, Йохан 63, 88, 290
 Лампе А.А. 280, 282, 283, 295, 297
 Ланг, Фриц 219
 Ланге А.И. 142
 Ландау Г.А. 181
 Ланде А. – см. Изгоев А.С.
 Ларка А. 136

- Лауристин, Йоханнес 70
Лебедев Д.К. 88, 336, 346
Лебедева Н.И. 249
Левин, Май 50, 218
Левицкий П.П. 336, 346
Легат Н. 94
Лежневский Н.П. 297
Ленин В.И. 90, 230
Леонардо да Винчи 199
Леонов Л.М. 102, 103, 106, 110, 117
Леппер Ю. 129
Лермонтов М.Ю. 193
Лерхе Д. 82
Леэсмент Х. 317
Лилль, Пауль 284
Литвинова Е.В. 93
Лишин Н.Н. 297
Лооринг А. 93
Лосский Н.О. 231
Лотман Ю.М. 249
Лукаш И.С. 280
Лунц Л.Н. 117
Лысов, Иоанн 74
Львовский А.С. 336, 346
Люком Е.М. 94
Люндеквист 251
Ляхницкий Р.С. 29, 317
- Майде В.И. 129, 145
Май-Маевский В.З. 275
Майский И.М. 224
Макаровский А.И. 43, 77
Макшеев В.Н. 75
Макшеев Н.А. 309
Макшеевы 75
Малама В.А. 94
Малер, Эльза 21
Малкова-Панина Т.К. 317, 334, 344
Мальцев А.Г. 94
Мальцев Ю.П. 58
Мамонтов С.И. 94, 95, 337, 347
Мандельштам, Осип 197, 228
Мансырев С.П., князь 63, 285
Маргулиес М.С. 63
- Мардна, Леонхард 98
Маресьев П.П. 88
Марков Н.Е. 261
Марлинский А. 264
Мартынов Л. – см. Мардна Л.
Маслов Д.В. 170
Маслов С.С. 181
Матвеева М.А. 129
Матсов, Роман 245
Мать Мария – см. Кузьмина-
Караева Е.Ю.
Мах, Эрнст 213
Махотина А. П. 94
Мацулевич А. 37
Маяковский В.В. 101, 105, 108, 110,
112, 119
Медведев Г.К. 27
Мей, Наталия 97
Меймре, Аурика 27, 45, 48, 57, 58
Мелетий IV, патриарх
Константинопольский 342
Мельников А.П. 86
Мельников П.И. 95
Мельц-Абашина Н.Д. 66
Менжинский В.Р. 287
Мережковские 182
Мерянская М.Н. 319, 345
Мессерер А.М. 94
Метнер Н.К. 96
Метус (Метгус) Б.В. 129, 130, 135,
137, 145
Миллер Е.К. 282, 288
Мильруд М.С. 318
Милюков П.Н. 122, 231, 333, 343
Милютин Т.П. 26, 66-69, 73, 171
Михайлов А. 94
Молотов В.М. 300
Мотт, Джон 347
Мурумets, Кирилл 70, 71
Мурашев-Петров В.Е. 84
Мусоргский М.П. 95
Муссолини, Бенито 121-123, 132, 140
Мюлен, Виктор фон цур 125, 127
Мюллер Э.В. 318, 344

- Набоков В.В.** 104, 178, 207
 Надпорожские 43
 Назимова Г.В. 94
 Нарциссов Б.А. 56, 65, 193-195, 198
 Нежданова А.В. 96
 Нелус, Вера 95
 Немирович-Данченко Вас. Иван. 109
 Нео-Сильвестр (*псевдоним*) – см.
 Гроссен Г.И.
 Ник – см. Федичкин Д.Г.
 Никандров Н.Н. 110, 117
 Никитин Н.Н. 103, 111, 117
 Никифоров-Волгин В.А. 52, 53, 254
 Николай II 152, 154, 257, 259, 261,
 262
 Николай I 243
 Никольский Б.А. 16
 Никулин Л.В. 111
 Нилендер О.Г. 317
 Ницше, Фридрих 212
 Новосадов, Борис (*см. также Тагго-
 Новосадов Б. Х.*) 25, 195
 Нормак, Артур 282
- Оболенский В.** 15
 Оболянинова-Криммер О.В. 97
 Огнев, Николай 110
 Озеров Н.С. 129, 130, 135, 145
 Ойстрах Д.Ф. 96
 Олеша Ю.К. 118
 Ольбрей Р. 93
 Ольга Александровна, великая
 княгиня 152
 Ольденбургский К.П., принц 152
 Опацкий Н.Р. 97
 Опперпут Э. 282
 Орг А. 109
 Орлов В. 275
 Орлов Н.В. 252
 Осипов А.Е. 237
 Осоргин М.А. 265
 Оствальд, Вильгельм 213
 Островский А.Н. 244
 Острогорский С.А. 88
- Остроумов А.Ф.** 167
- Павлова, Анна** 93
 Павловский В. 82, 83
 Падва В.М. 27
 Пальман И. и А., владельцы
 типографии 266
 Пантюхов О.И. 340, 347
 Папп, Давид 24
 Пастернак Б.Л. 101, 105, 112
 Паулус – см. Александр, митрополит
 Таллиннский и всея Эстонии
 Пахмус, Темира 38, 160, 189
 Пельтцер, Херманн 200
 Пельхау (Пильхау) – см.
 Светозаров А.
 Перфильев Н.А. 122, 123
 Петр I 260
 Петров, Евгений 110, 111
 Петров, Михаил 56
 Петрова Н.Н. 174
 Петровская-Халили, Тамара 11, 16,
 21, 77
 Пецольт (урожд. Вирен) Е. Р. – см.
 Базилевская, Евгения Робертовна
 Пешков А.С. 316
 Пильняк Б.А. 57, 101, 102, 104, 106,
 109-111, 116, 117, 119
 Пильский П.М. 49, 57, 101, 102, 110,
 117
 Пиляцкий (Пилецкий) Г. 142
 Пирско П. 302
 Платон (в миру П. Ф.
 Рождественский), митрополит
 всея Америки и Канады 19
 Платонов А.П. 108, 118
 Плевицкая Н.В. 96
 Плюханов Б.В. 44
 Плюханова М.С. 66, 69, 70, 73
 Побединский М.В. 226
 Погребов Н.Ф. 89
 Подчекаев А.А. 97
 Покровский Н.Н. 83
 Полещук А.А. 87, 97

- Поляк Б.Ю. 318
 Полякин М.Б. 96
 Поляков С. 318
 Пономарев Н. – см. Суурсёэт Н.
 Пономарева Г.М. 36, 42, 48, 58, 114
 Поплавский Б.Ю. 243
 Поппен А.Я. 336, 346
 Португейс С.И. – см. Талин В.И.
 Постовский 336
 Потапенко И.Н. 228
 Потоцкий И.В. 129, 145
 Правдин Б.В. 86, 87, 182
Православный (псевдоним) – см.
 Каринский В.Ф.
 Прево, Марскль 182
 Преображенская, Ольга 94
 Пришвин М.М. 111, 118
 Прокопович С.Н. 231
 Прокофьев Д.С. 56
 Прокофьев М.С. 94
 Прокофьев С.С. 96
 Пумпянская В.М. 223
 Пумпянская (урожд. Дроботова) Л.Х.
 220-222, 227-230, 232, 240-245,
 247
 Пумпянский А.Л. 228
 Пумпянский Л.М. 90, 91, 220, 222-
 226, 228-241, 244-247
 Пумпянский М.С. 232
 Пуусепп, Людвиг 17
 Пушкин А. С. 14, 115, 167, 171, 172,
 193, 199, 201, 210, 211
 Пшеницын И.Г. 84
 Пшеничников Б.П. 64
 Пятс, Константин 63, 118, 137, 195,
 290

 Радвинович А. 296
 Радкевич Г.Н. 281
 Радлов В.Г. 97
 Радлов С.Э. 228
 Райт-Ковалева Р. 172
 Раннит, Алексис 98
 Раскольников Ф. 292

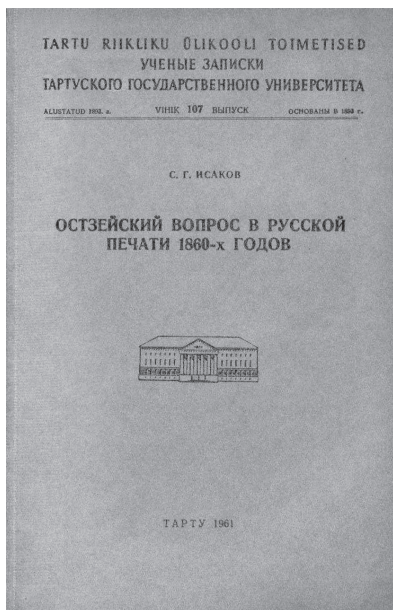
 Рацевич С.В. 27, 66, 67, 71, 72, 254
 Раясалу И. 42
 Рёдер А. – см. Гершельман, Анна
 Редер, лодочник 173
 Ремизов А.М. 99, 109
 Ренненкамф, патентный
 поверенный 92
 Репин И.Е. 151, 152
 Рерих Н.К. 53
 Решетников, мл. лейтенант
 госбезопасности 301
 Риббентроп И. 300
 Римский-Корсаков А.А. 261
 Рихтер Е.В. 38
 Рогожников В.А. 306, 312, 316
 Родзаевский К.В. 120, 124, 126, 141
 Родзянко А.П. 61
 Рождественский П. Ф. – см. Платон,
 митрополит всея Америки и
 Канады
 Розенберг, Альфред 125, 127
 Розендорф-Гершельман Е.Б. 25, 189,
 191, 197, 209, 219
 Розман П.О. 319
 Романов П.С. 102-104, 110, 111, 115,
 117, 119
 Роод Р. 93
 Роос (Росс), майор 285
 Роос (Иргель), Мета 161, 194
 Роос-Базилевская Е.А. 17, 25, 148,
 159, 161, 162, 193
 Рославлев В.Н. 88
 Рославлевы 200
 Рубинштейн А.Г. 95, 151, 219
 Рудникова (Рудникова-Икскуль) Н.П.
 43, 56, 279, 289, 291-293, 300
 Рузский Д.П. 87
 Руммель В.В. 283
 Руутсоо, Рейн 39, 40
 Рыук Т. 135, 136

 Савина М.Г. 151, 228
 Сальнь, чекист 176
 Светозаров А. 127, 132

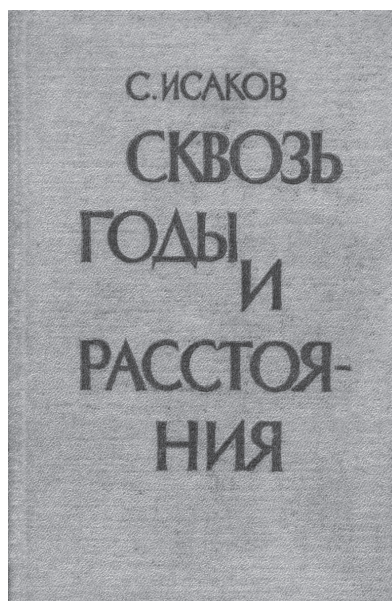
- Севастьянов Б.М. 254
 Северянин, Игорь 25, 29, 37, 51, 52,
 55, 56, 64, 67, 70, 74, 86, 165, 187,
 242
 Сегаль А.Ф. 94
 Сейфуллина Л.Н. 102, 117, 118
 Селья – см. Зель Н.П.
 Селюгин, Арсений 76
 Семан А. 317
 Семенов Б.К. 20, 29, 43, 53, 54
 Серафимович А.С. 112
 Сибирцев-Кассис Л.Р. 94
 Сидяков С.Н. 63
 Синдецкая Н.Б. 42
 Сирин В. – см. Набоков В.В.
 Сирк А. 127
 Сиротин, Виктор 142
 Сиротин, Эраст 142, 145
 Слоним, Марк 102
 Слонимский М.Л. 117
 Смирнов, Валентин 187
 Смирнов Д.А. 49, 95
 Смирнова Н. 93
 Смиронина-Севун С. 93
 Собинов Л.В. 96
 Соболев М.И. 8, 9, 29, 304-309, 315-
 318, 320, 324, 325
 Соколов – см. Федичкин Д.Г.
 Соколов А.Н. 182
 Соколов Г.М. 142, 143, 145
 Соколов-Микитов И.С. 111
 Солдатов С.И. 65
 Соловьев Г.Д. 317
 Сологуб, Федор 105, 109, 228
 Солоневич Н.А. 297
 Сорин С.А. 221, 228
 Сорокин А.П. 236, 237, 240
 Сорокин П.А. 231
 Сосунов Г.Н. 57
 Софиев Ю. 265
 Срезневский В. 82
 Сталин И.В. 37, 64, 74, 119, 290, 338
 Степулов Н.М. 97
 Столейков И.С. 36
 Стравинский И.Ф. 96
 Струве М.А. 243
 Суворин Б.А. 279, 280
 Суворин М.А. 280
 Судейкин С.Ю. 228
 Судковский Н.А. 296
 Суйк А. 272
 Суурсёэт (Пономарев), Николай 95
 Сыщиковы 175
 Сювало, Константин 98
 Таарна (урожд. Цыганкова),
 Надежда 93
 Тагго-Новосадов Б.Х. 17, 56
 Талеш, Георгий 95
 Талин В.И. 114
 Тальберг Е. 75
 Тарасов Г.И. 102, 109, 325
 Твердянский С.Д. 133, 134
Тво-Триби – см. Тумма О.С.
 Тенсон А.А. 129, 130, 135, 137, 145
 Терапиано Ю. 216
 Теэмент Я. 284
 Тименчик Р.Д. 230
 Тимченко, Евгений 163
 Тимченко, Тарас 98
 Тихон (в миру В. И. Белавин),
 патриарх Московский и всея Руси
 331, 342
 Тихонов Н.С. 112
 Толстой, Алексей Николаевич 110,
 111
 Толстой, Лев Николаевич 213
 Тормис Л. 38
 Тофф И.М. 166, 169
 Тренев К.А. 111
 Третьякевич В.М. 97
 Троицкий А.А. 342
 Тумма О.С. 290, 293
 Тухачевский М.Н. 275, 294
 Тыниссон, Ян 72, 284
 Тынянов Ю.Н. 118
 Тырванд Ю. 284
 Тэффи Н. 208

- Тютрюмов И.М. 82, 85, 309, 314, 319, 336, 346
Узай, Август 187
Утесов Л.О. 115
- Ф**адеев А.А. 112, 118
Федин К.А. 102, 110, 117
Федичкин Д.Г. 276, 287-292, 294
Федор Кузьмич, старец 152-156
Федоров М.М. 284
Федоров Н.Ф. 197, 206
Фигурнова, Ольга 31, 248
Филиппео М.М.. 315
Филиппов И.Ф. 95
Филиппов Ю.Д. 25, 82, 86
Фокин, Михаил 93, 94
Фоминых Е. 75
Франк Н.И. 57, 248-258, 260-267, 271-273
Франк Р.В. 251-253, 255, 257, 258, 261
Франк С.Л. 213, 216
Фрейд, Зигмунд 213
Фурманов Д.А. 112
- Х**айн Ю. 42
Харитон Б.О. 318
Харитон (имя в монашестве) – см. Дроботов Х.Д.
Хинтце, Мария 190
Хичкок А. 264
Хлебникова-Смирнова К.С. 66, 67, 69, 75
Ходасевич В.Ф. 53, 105, 204, 243
Ходоровский С.А. 296
Холостов Р.П. 87
Хольц Э. 93
Храповицкий А.П. – см. Антоний, митрополит
Хреновский А.Я. 84
Хромов С.Ф. 154-155
Хрущев П. (*псевдоним*) – см. Пильский П.М.
- Цветаева, Марина 104, 105, 210
Цитович Б.П. 93
- Ч**абукиани, Вахтанг 94
Чайковский П.И. 212
Черкасская М.Б. 280
Черниловский-Сокол А. 83
Чернов Б.А. 97
Чернов С.В. 302
Чернозерский В.Н. 336, 346
Чернявская, Галина 93
Чернявский А.В. (Чернявский-старший) 57, 123, 127, 128, 130-133, 136, 140, 145, 262, 317
Чернявский Р.А. (Чернявский-младший) 128-131, 133, 135, 137, 140, 145
Чертков А.Г. 175
Чехов, Михаил 96
Чехонин С. 191
Чуковский, Корней 99, 111
Чумиков В.А. 175
Чучелов, Андрей 97
Чучелов, Дмитрий 97
Чучелов, Николай 97
- Ш**агинян М.С. 111
Шаляпин Ф.И. 50, 96
Шаховская З.А. 16, 20, 265
Шаховской С.В., князь 342
Шедлих Н. (Э. ?), предприниматель, агент ГПУ 288-292, 294
Шекспир У. 244
Шелоумов П.М. 90, 91, 234, 319, 336, 346
Шель, Георг 233, 235, 241, 245
Шершеневич В.Г. 108
Шеф(ф)ер И.А. 57
Шидловский С.И. 83
Шикеданс 127
Шиллинг С.М. 82
Шильдер Н.К. 154
Ширинский-Шихматов А.А. 261
Шишак 150

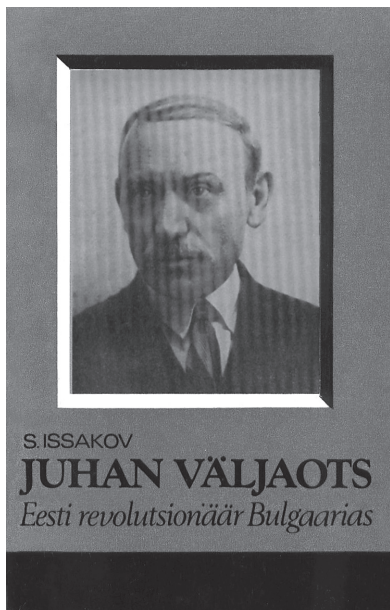
- Шишков В.Я. 110, 111, 115, 116
Шмелев И.С. 53
Шмидт В.В. 75, 119
Шолохов М.А. 114, 118
Шопенгауэр, Артур 213
Шор Т. К. 9, 14, 25, 36, 42, 58
Штакельберг А.Ф. 134, 137
Штейгер А.С. 265
Штейн С.В. фон 167, 315
Штиглиц А.Л., барон 191
Штубендорф А.О. 336, 345
Шубин Д.С. 142, 143, 145
Шувалова Е. 36
Шульц А.Э. 318, 344
Шульц Э.К. 127, 128, 131, 133, 136, 145
Шулятиков П.О. 317
Шумаков Ю.Д. 67, 74
Шутинский А. 94
- Шербаков** – см. Сювало К.
- Эберг Л.А. 319, 345
Эдельгауз М.П. 334, 344
Эйнбунд К.А. 284
Эйшинский Ф.Г. 168
Энгельгардт А.Н. 274
Энгельгардт А.П. 274
- Энгельгардт Б.В. 274-302
Энгельгардт В.А. 274
Энгельгардт В.П. 274
Энгельгардт Е.А. 274
Энгельгардты 274
Эренбург И.Г. 104, 106, 110
Эшшольц (Эсхольтс) В.В. 142, 145
- Юденич** Н.Н. 16, 29, 60
Юргенс (Юренди) А.О. 167
Юрьевская З.П. 34, 50, 95
- Якобс**, Вячеслав – см. Корнилий, митрополит Таллиннский и всяя Эстонии
Яковлев Н.А. 318
Яницкая Т.Л. 220, 222, 225, 227-230, 232, 241, 242, 244
Яновский 336
Янсон А.К. 17, 345
Ярвет, Юри 98
Яровой (*псевдоним*) – см. Воинов Я.В.
Ясинский И.И. 108
Ясперс, Карл 213
Яхонтов П.Н. 83
- Hörschelmann (Hoerschelmann) 1902

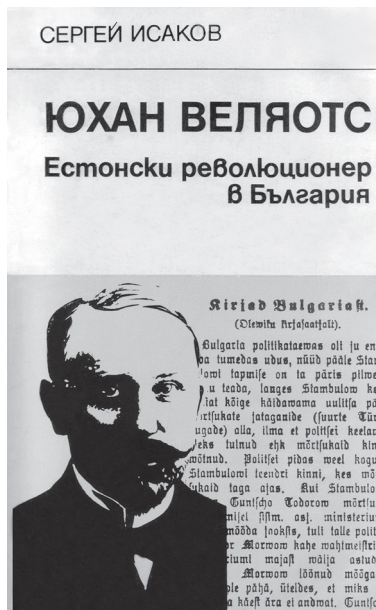
1961 год

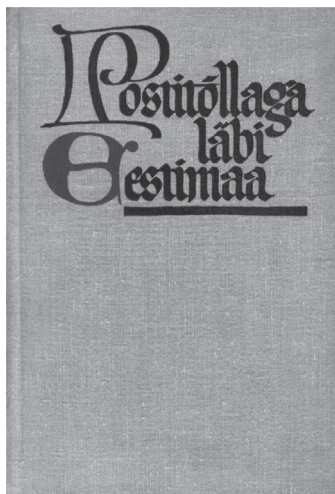
1969 год

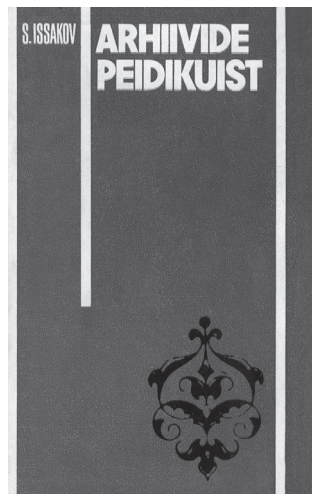
1981 год

1983 год

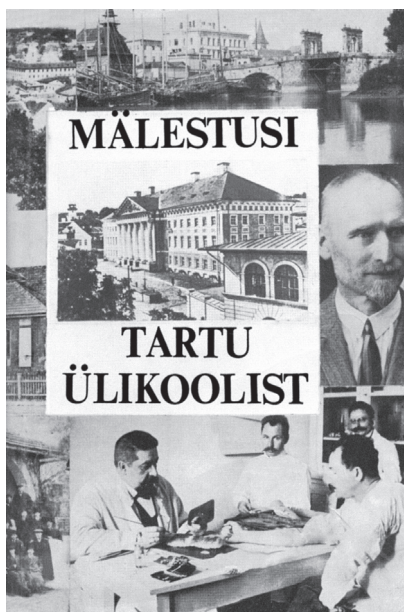

1971 год

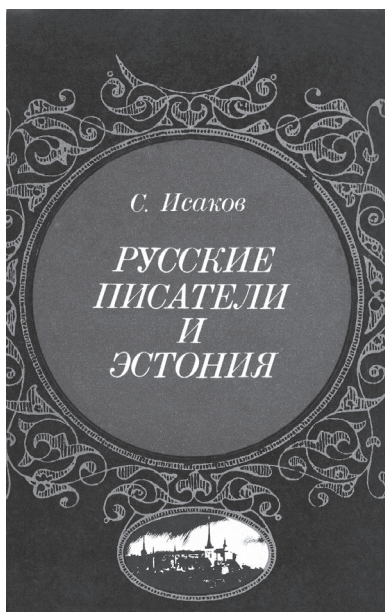
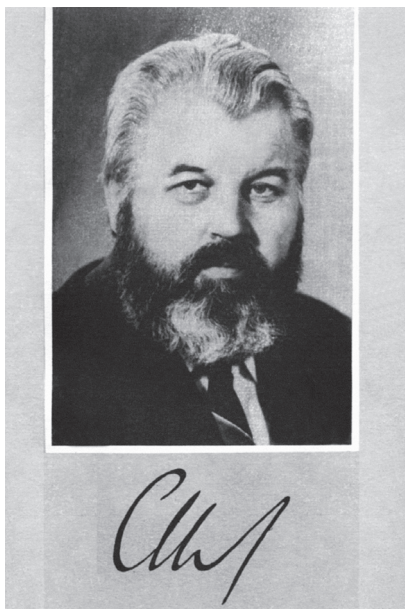
1983 год

1989 год

1992 год

Библиография 1953-1990

1984 год

2001 год

РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ
МЕНЬШИНСТВО
В ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
(1918–1940)

С. Г. ИСАКОВ

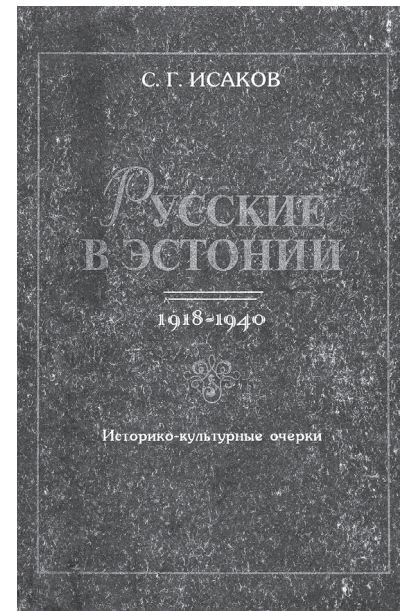
РУССКИЕ
В ЭСТОНИИ

1918–1940

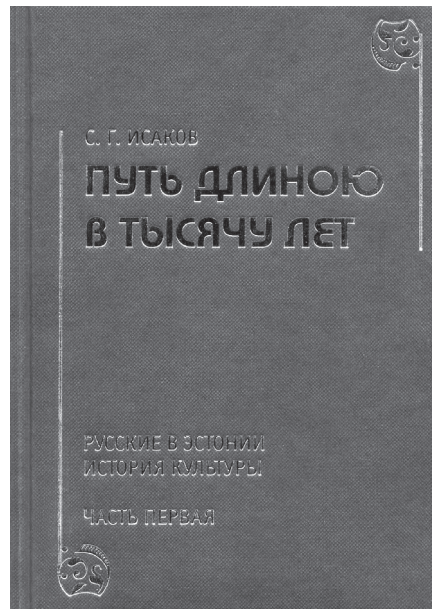
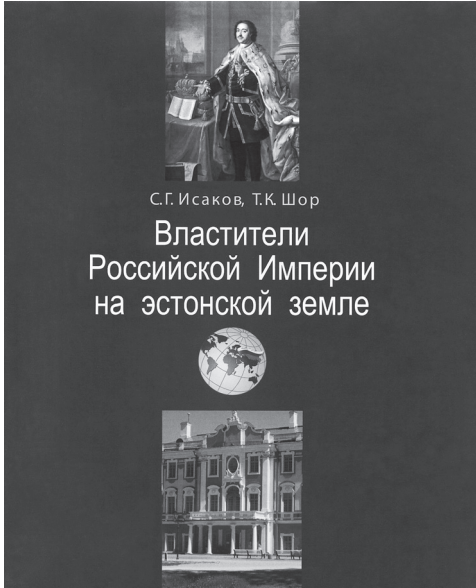

Историко-культурные очерки

1996 год

2009 год

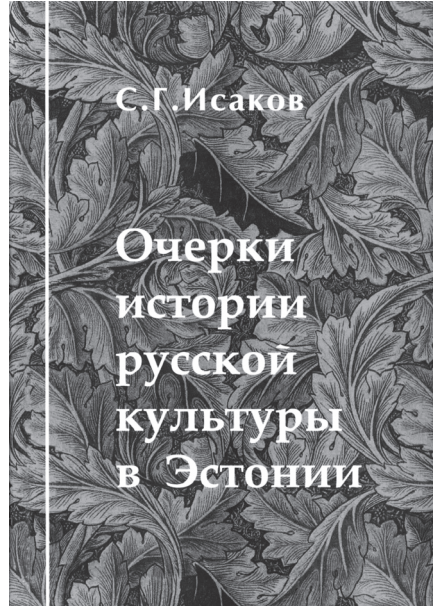

2010 год

2005 год

2004 год

2006 год

С. Г. Исаков. Культура русской эмиграции в Эстонии. 1918-1940. *Статьи. Очерки. Архивные публикации* / Отв. ред. Т. К. Шор. – Таллинн: Aleksandra, 2011. – 368 с.

PUBLISHER NELLY MELTS

Box 445, Tallinn 10101, Estonia
E-mail: nmelts@hotmail.ee